Историческая библиотека

Всемирная история пиратства

«...они захватывают корабли, жгут их,
а деньги берут себе и зарывают в каком-нибудь
заколдованном месте на своем острове,
чтоб их стерегли всякие там призраки...»

Марк Твен

Глеб Благовещенский

Всемирная история пиратства

Кто такие пираты (вместо предисловия)

– А вообще, что делают пираты?

Том ответил:

– О, им очень весело живется: они захватывают корабли, жгут их, а деньги берут себе и зарывают в каком-нибудь заколдованном месте на своем острове, чтоб их стерегли всякие там призраки; а всех людей на корабле убивают – сбрасывают с доски в море.

– А женщин увозят к себе на остров, – сказал Джо.

– Женщин они не убивают.

– Да, – подтвердил Том, – женщин они не убивают – они очень великодушны. А женщины всегда красавицы.

– А как они одеты! Вот это да! Сплошь в золото, серебро и бриллианты! – с восторгом прибавил Джо.

– Кто? – спросил Гек.

– Да пираты, кто же еще… Марк Твен. Приключения Тома Сойера (Перевод Н. Дарузерс)

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол тебя доведет до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому! Р. Л. Стивенсон. Остров Сокровищ (Перевод Н. Чуковского)

Так все-таки: кто же такие пираты? Пират (

лат. Pirata; греч. ????????, производное от слова ?????? – «пробовать, испытывать») – пытающий счастья. Это понятие, возникшее еще в IV–III вв. до н. э., относилось к тем, кто пробавляется разбоем на море.

Впоследствии появилось несколько других определений:

капер, приватир, корсар, флибустьер, буканир, буканьер.

Капер (приватир) – понятие вошло в обиход в 80–67 гг. до н. э. Так называли пиратов,

имеющих особые государственные полномочия. Естественно, первоначально ни о каких свидетельствах и речи не шло. Свидетельства появились много позднее. Пираты со статусом каперов могли заходить в дружественные порты, а также частенько привлекались в качестве дополнительного стратегического ресурса при военных противостояниях.

Пираты осуществляют захват судна

Американский фрегат «Святой Лоуренс» атакует приватиров на судне «Петрел» («Харперз Викли», август 1861 г.)

К употреблению этого понятия активно вернулись в 1200–1856 гг. Любопытно, что ему был придан смысл «возмездия». То есть, если капитан чувствовал себя обойденным или обобранным, если он полагал, что имеет право на возмещение ущерба, он мог получить свидетельство и на полном государственном основании выходить в море и творить возмездие, решая свои имущественные проблемы. Однако по закону реализовано это право могло быть лишь во время войны и применительно к кораблям страны, являющейся противником государства, выдавшего лицензию. Другое дело, что капитаны могли при виде богатой добычи вмиг забыть обо всех налагаемых ограничениях.

Корсар — это понятие распространилось примерно в XIV столетии (1300–1330 гг.), и обозначало оно лицо или корабль, обладающий статусом

капера , то есть имеющего позволение правительства на совершение грабежей. По идее, корсара отнюдь нельзя считать пиратом, поскольку пират присваивает добычу себе, а капер и корсар доставляют ее на родину для отдачи властям. Но это по идее. На самом же деле грань между понятиями весьма тонкая. Подавляющее большинство каперов и корсаров пытались получить свидетельство лишь для того, чтобы были прощены их прегрешения как пиратов! По получении же свидетельства они, как правило, возвращались к своему прежнему ремеслу. Впрочем, здесь, как и везде, были свои исключения. Наиболее примерными считались, например, берберские корсары, неукоснительно соблюдавшие условия соглашения с правительством. Самыми же злостными нарушителями принято считать мальтийских корсаров, привыкших грабить всех подряд.

Буканиры, буканьеры (от

фр. boucanier – «жарящий тушу целиком») – исходно понятие относилось к охотникам, незаконно охотившимся на Гаити. Вообще же «буканом» называлось место, где солилось и коптилось мясо убитых ими животных. Нередко охотникам становилась в тягость их жизнь, исполненная тягот и лишений, и они, соблазняясь дурным примером, начинали заниматься пиратством. Со временем, а именно с XVII столетия буканьерами стали называть всех без исключения пиратов Карибского моря. После 1684 года, когда была опубликована знаменитая книга пирата Александра Эксквемелина «Пираты Америки», слово «буканьер» прочно вошло в обиход.

Флибустьер (от

фр . filibuster) – морской грабитель и разбойник. Это понятие тесно прилежит к понятию «буканир». Таким образом, вчерашний охотник, презревший свое ремесло и занявшийся пиратством, – это и есть флибустьер. Понятие распространилось в XVII–XVIII столетиях.

Пиратская баталия

Что и говорить, благодаря книгам Сабатини и Стивенсона, киноблокбастерам и т. д., пираты нередко предстают в некоем романтическом ореоле. Вместе с тем их появление имеет глубинные причины социально-экономического характера. Например, если говорить о пиратах Древнего мира, то для них такое ремесло нередко было единственной возможностью добыть пропитание и выжить.

В более поздние времена к пиратству могло принудить отсутствие должного ареала для жизни. Например, те же скандинавские пираты выходили в море на поиск новых земель, хотя это нередко завершалось встречей с богатым купеческим судном, откуда до его разграбления было просто рукой подать.

Вместе с тем грабеж одного судна или даже нескольких – это еще не подрыв всей торговли, а подчас даже побудительный мотив для ее развития! Опять же жалобы купцов, пострадавших от пиратов, ведут к нагнетанию военного присутствия в конкретном регионе. А это новые военные заказы и опять же – прибыль государственной казне! Будем ли мы говорить о Средних веках или о Новом времени, но так или иначе неизбежно придем к выводу – если бы пиратство не было выгодно властям, оно было бы немедленно пресечено в корне.

До тех пор пока пираты помогали королям в войнах, а купцам в торговле, и причиняемый ими ущерб не был столь уж вызывающим, им не приходилось особенно опасаться за свою жизнь. Беды пиратов начинались тогда, когда они утрачивали чувство меры. Секст Помпей, чей флот стал превосходить военно-морские силы самого римского императора, или «Братья Витальеры», подвиги которых на море могли подвигнуть народные массы на восстание, или же пресловутые сомалийские пираты современности, чей террор привлек мировое внимание и завершится для них весьма прискорбно, – это все примеры того, какая участь ждет пирата, не желающего играть по правилам. В то же время можно вспомнить того же сэра Френсиса Дрейка, прошедшего путь от пирата до адмирала. Он играл по правилам, а потому как пират всегда был востребован короной. Во все времена жизнь пиратов была наполнена невероятными приключениями. Отсюда и их популярность. Но для большинства из нас, наверное, все-таки самая интересная пора в истории пиратов – это так называемая

золотая эра корсаров (XVII–XVIII вв.).

Античный рельеф с изображением пиратского судна

Именно это время отмечено появлением на исторической арене наиболее колоритных пиратских персонажей. Однако успех их деяний был большей частью обусловлен лишь благодаря следованию особым принципам, которые можно назвать Кодексом пиратов. Проще говоря, это те принципы, соблюдая которые пират мог действительно считать себя пиратом. Подробнее и проникновеннее всего о них написал Ф. Архенгольц, автор «Истории морских разбойников Средиземного моря и океана»: «В отношении к человеческому достоинству флибустьеры имели высокое понятие о своей независимости, и каждый делал что хотел, не спрашивая, приятно ли это его товарищу. В пример тому можно привести поступки их на мелких, открытых судах, где одни пели, кричали и шумели, когда другие хотели спать и не смели даже сердиться за это. Такие неудобства, испытывавшие терпение, поощрявшие мужество и приучавшие их к лишениям, должно было сносить без ропота: этого требовал закон, так же, как и большую честность друг против друга. Если кто-нибудь нарушал ее, обокрав, например, своего товарища, то его ожидало ужасное наказание: его формально лишали звания и достоинства флибустьера, без съестных припасов, нагого высаживали на пустынный остров, где он почти всегда умирал ужасною голодною смертию. Терпение их

было непостижимо. Они сносили голод и жажду, недостатки и величайшие труды с равнодушием, возбуждавшим удивление; никакое лишение не было в состоянии возбудить в них ропот.

Решения этих людей были скоры и почти всегда неизменны. Дав слово однажды, никто не мог взять его назад, и согласие, данное на предложение участвовать в предполагаемом предприятии, считалось ненарушимым. Уже впоследствии раздумывали, впрочем, не об успехе, но о лучших средствах к удачному исполнению.

Первоначально у флибустьеров были только бедно вооруженные беспалубные суда, барки и каноты, даже простые рыбачьи лодки, в которых, наваленные друг на друга, они едва имели место, где лечь ночью, и, кроме опасности на открытом море, подвергались всем непогодам и почти всегда терпели недостаток в съестных припасах. Но это-то бедственное состояние именно и побуждало их приложить все силы к улучшению своего положения взятием больших кораблей. Разъезжая на своих утлых челноках и мучимые голодом, они, завидев корабль, не обращали внимания ни на число пушек, ни на экипаж и вообще не рассчитывали великости опасности. Они хотели и должны были победить – и всегда побеждали, и притом не иначе как посредством абордажа. С быстротою молнии бросались они со всех сторон на не приготовленные к битве корабли, которые, видя приближение небольшой лодки, даже не подозревали опасности. Вступив раз на палубу, они уже не отступали, и корабль непременно становился их добычею. Удачными движениями умели избегать опасности быть утопленными выстрелами из неприятельских пушек; они никогда не выставляли боков своих лодок, а подъезжали носом, искуснейшие стрелки метили в это время в канониров и смертию их всегда причиняли беспорядок на палубе. Уверенность, что имеют дело с флибустьерами, следовательно, с людьми непобедимыми, которые решились победить непременно, ослабляла все приготовления к защите. Обыкновенно помышляли только о том, как бы безусловной покорностью заслужить милосердие пиратов, которые, озлобленные упорным сопротивлением, делали короткую расправу – бросали всех в море.

Знаменитая эмблема пиратов

Несмотря на все эти жестокости и на то, что вся жизнь флибустьеров была не что иное, как беспрерывная цепь преступлений и пороков, эти злодеи, подобно итальянским бандитам, соблюдали наружные религиозные формы. Перед битвой они молились усердно, ударяли себя в грудь сжатыми кулаками, примирялись друг с другом и обнимались в знак братского согласия.

Грабежи и хищничества были так выгодны и сообразны с дикими нравами этих людей, что они не могли не предаваться им страстно. Впрочем, они знали, что, не скрепив своих взаимных отношений условиями, не могут надеяться на верную добычу и на разгульную жизнь. Следствием этого было уложение, которое при вступлении в общество каждый член клятвенно обязывался исполнять, подписываясь за незнанием грамоте крестом. Уложение это составляло небольшое собрание законов, которое с незначительными отступлениями было принято всеми отдельными отрядами флибустьеров и даже в начале XVIII столетия, после совершенного прекращения общества их, сохранялось отдельными морскими разбойниками, после войны за испанское наследство грабившими на морях в отдаленных частях света.

Некоторые статьи этого уложения весьма замечательны и заслуживают быть приведенными здесь. Во главе их стоял закон о равенстве и сопряженных с ним правах, которые заключались в следующем: каждый береговой брат в важных случаях мог подавать свой

голос, имел равное со всеми право на захваченные свежие съестные припасы и крепкие напитки и мог распоряжаться ими по своему усмотрению, разве недостаток в них принуждал к известному ограничению, поставленному большинством голосов.

Для избежания ревности и ссор на кораблях не позволялось держать ни женщин, ни мальчиков. Тот, кто осмеливался привезти на корабль переодетую девушку, предавался смерти. То же наказание было определено за бегство с корабля и за оставление своего места в сражении.

Воровство наказывалось не менее строго, как уже замечено выше; иные отряды увеличивали, другие уменьшали степень наказания за него. Французы оказывались особенно строгими. Обворовавшему товарища вырывали ноздри и уши и потом высаживали на твердую землю в таком месте, где ему нельзя было ожидать хорошей участи. Если же кто-нибудь коснулся имущества общественного, и цена украденного составляла пиастр, то его „маронировали“, т. е. высаживали на берег необитаемого мыса или острова, дав ему ружье, немного свинца, бутылку пороха и бутылку воды.

В случае сомнения обвиняемые присягали на Библии или распятии, смотря по своему вероисповеданию. Меньшие преступления наказывались телесно. Часто, смотря по обстоятельствам, составляли отдельные, частные законы. Так, в иное время насилование, пьянство, неповиновение предводителю, самовольная отлучка с поста наказывались вдали от неприятеля лишением участия в добыче, вблизи его – смертью.

Дуэли на кораблях также были запрещены. В случае ссор разделка откладывалась до прибытия в гавань: тогда противники, съехав на берег, разделывались в присутствии одного из офицеров на пистолетах и саблях. Сперва стреляли из пистолетов и в случае промаха рубились саблями; первая рана показывала виновного и оканчивала дуэль.

Каждый был обязан содержать в лучшем состоянии ружье, пистолеты и саблю. Эта обязанность скоро превратилась в роскошь. Флибустьеры старались перещеголять друг друга красотою и богатством оружия и часто за пару пистолетов платили двести и триста пиастров серебром.

Огонь, по закону, должно было тушить на кораблях в 8 часов. Другой закон запрещал играть в кости или карты на деньги; но эти постановления соблюдались очень редко, и часто начальники первые нарушали их.

В отношении раздела добычи каждый отряд устанавливал свои особенные законы. Каждый флибустьер письменно условливался со своим начальником повиноваться ему, лишаясь в случае непослушания своей части добычи, и должен был формально присягнуть в том. Вообще, они не скупились на клятвы: каждый начальник по окончании экспедиции присягал, что не скрыл ни малейшей части из добычи. То же самое делали и все прочие. Начальнику, который обыкновенно давал свои деньги на сооружение экспедиции и получал их обратно из добычи, также всем чиновникам, хирургу, корабельным мастерам и проч. назначалось определенное жалованье; изувеченному, кроме законной части в добыче, давали еще: за потерю правой руки 600 испанских талеров или 6 невольников; за потерю левой руки или правой ноги 500 испанских талеров или 5 невольников, за потерю левой ноги 400, а за потерю глаза или пальца 100 талеров или одного невольника. Все эти вознаграждения так же, как и другие расходы, например на сооружение экспедиции, выплачивались прежде раздела добычи. Капитан получал 6 долей, другие корабельные офицеры 3, иные только две, а нижние чины одну долю.

При таком правильном разделе добычи назначались и особые награды за разные отличия. Тот, кому удавалось сорвать неприятельский флаг и на месте его водрузить английский или французский, единственные, под которыми плавали флибустьеры, смотря по

обстоятельствам, кроме следовавшей ему доли, получал пятьдесят пиастров.

За привод пленника в критическом положении, когда не имели сведении о силах и намерениях неприятеля, давали сто пиастров.

За каждую гранату, брошенную во время приступа за вал и стену, платили пять пиастров и т. д.

Все флибустьеры обязывались самыми страшными клятвами не скрывать ничего из добычи, что превзошло бы ценность пяти пиастров. Тот, кто нарушал эту клятву, немедленно исключался из общества.

При выступлении в поход каждый участвующий в нем должен был являться по первому зову и принести с собой известное количество пороха и свинца.

Провиант составляли свинина и соленые черепахи; но и за них даже на острове, который защищал их, флибустьеры часто не хотели платить, а рассыпались ночью, окружали свиные хлевы и требовали от хозяина определенного числа голов, рассчитанного по известному им заранее числу свиней. За отказ или малейший шум мстили убийством. Преступления эти, от страха перед убийцами, редко обнаруживались, а если и обнаруживались, то оставались ненаказанными.

Перед выступлением в поход флибустьеры обыкновенно составляли духовные завещания. У них был обычай избирать себе товарища и делить с ним имущество и добычу, а после смерти оставлять ему все. Те же, у которых были жена и дети, уделяли товарищу только известную часть имущества; остальное доставалось семейству.

Все молодые и красивые женщины, невзирая на положение их в обществе и на супружеские связи, почитались доброй добычей, причем одно самоубийство могло спасти несчастных от скотских прихотей пиратов. Исключения, когда пощадили бы невинность и приличие, весьма редки. Если красивая девушка попадала в руки целой шайке, то бросали жребий. Выигравший имел право взять ее с собою и обходиться как с женою, что, однако, не лишало и других права пользоваться своею очередью, и это обыкновенно обходилось без ссоры и драки.

На пиршествах своих они разбивали вдребезги все попадавшееся под руки: бутылки, стаканы, сосуды и мебель всех родов. Если их упрекали в этом, что так безумно тратят добытое кровью и трудами богатство, они отвечали: „Судьба наша, при беспрерывных опасностях, не походит на судьбу других людей. Сегодня мы живы – завтра убиты; так к чему же скряжничать? Мы считаем жизнь свою часами, проведенными весело, и никогда не помышляем о будущих неверных днях. Вся наша забота о том, чтобы поскорее прожить жизнь, доставшуюся нам без нашей воли, а не думать о продолжении ее“.

Разумеется, что при таких правилах пиршества эти люди не имели ни меры, ни границ, и они во всем доходили до крайности. Особенно же отличались в пьянстве. Часто небольшое общество покупало бочку вина и располагалось вокруг нее. Втулку сбивали и бросали. Это был знак к пиру. Всякий подходил со своим сосудом, а если не имел его, то просто ложился под кран и цедил вино в рот; таким образом один сменял другого, пока бочка не была осушена».

Всего несколько абзацев, однако какой необычный мир возникает перед глазами… И вот главной целью нашего повествования и было желание познакомить читателей с этим миром! А разумнее всего делать это именно на примере наиболее значительных персоналий.

В первой части данной книги вы познакомитесь с «золотой двадцаткой» – теми пиратами, которым удалось заполучить более всего добычи.

Вторая часть представляет самых известных пиратов от времен Древнего мира и вплоть до Новейшего времени. Причем применительно к современности читателям наверняка будет крайне интересно познакомиться с детальной хроникой нападений, совершенных сомалийскими пиратами, – это уникальные сведения, позволяющие ясно оценить происходящее в этом регионе.

Надеемся, что фактические (равно как и изобразительные) материалы, представленные в данной книге, помогут вам не только насладиться занимательным чтением, но и на основе жизнеописаний наиболее видных пиратов постичь сам феномен пиратства!

Аллея пиратской славы: «золотая двадцатка»

В пятнадцатой главе «Двенадцати стульев» Илья Ильф и Евгений Петров вполне справедливо утверждают: «Статистика знает всё». Прошедшие годы никоим образом не повлияли на справедливость их утверждения. Сегодня в мире благодаря своей безукоризненно работающей системе статистических исследований безоговорочно первенствует один из наиболее влиятельных независимых деловых журналов – «Форбс» («Forbes»). Одно из исследований Форбса было посвящено… пиратам.

Произошло это в сентябре 2008 года.

В итоге родился характерный список «золотой двадцатки» TOP-20 (в него вошли 20 пиратов, которые смогли заработать максимальное количество финансовых средств благодаря своей профессиональной деятельности).

Вот их имена:

1.

Сэмюэль «Черный Сэм» Беллами – $ 120 миллионов.

2.

Сэр Френсис Дрейк – $ 115 миллионов.

3.

Томас Тью – $ 105 миллионов.

4.

Джон Боуэн – $ 40 миллионов.

5.

Бартоломью «Черный Барт» Робертс – $ 32 миллиона.

6.

Жан Флёри – $ 31,5 миллиона.

7.

Томас Уайт – $ 16 миллионов.

8.

Джон Хэлси – $ 13 миллионов.

9.

Генри Морган – $ 13 миллионов.

10.

Эдвард «Черная Борода» Тич – $ 12,5 миллиона.

11.

Сэмюэль Бёрджесс – $ 9,5 миллиона.

12.

Эдвард Инглэнд – $ 8 миллионов.

13.

Франсуа ле Клерк – $ 7,5 миллиона.

14.

Хоуэлл Дэвис – $ 4,5 миллиона.

15.

Стид Бонне – $ 4,5 миллиона.

16.

Ричард Ворли – $ 3,5 миллиона.

17.

Чарльз Вейн – $ 2,3 миллиона.

18.

Эдвард Лоу – $ 1,8 миллиона.

19.

Джон Рэкхем – $ 1,5 миллиона.

20.

Джеймс Мартель – $ 1,5 миллиона.

Что и говорить, подобные цифры невольно будоражат воображение! А уж как чувствовали себя современники этих невероятно обогатившихся буканьеров! Именно эти завоеванные богатства и явились источником невероятного количества историй и легенд о пиратских

сокровищах, придав образу пиратов изысканный романтический ореол, который смутил покой не одного поколения мальчишек.

Естественно, что те пираты, кому удалось достичь столь многого, были, вне всяких сомнений, харизматическими персонажами. В этой части нашей книги каждому из них будет уделено особое внимание.

1. Сэмюэль «Черный Сэм» Беллами (Samuel «Black Sam» Bellamy)

Сэмюэль Беллами (23 февраля 1689 г. – 27 апреля 1717 г.) – известнейший британский пират, сущий самородок: его карьера в качестве капитана пиратского брига продолжалась всего… один год (!), в течение которого он со своей командой умудрился взять на абордаж более 50-ти судов (!), захватив колоссальную добычу, составившую, по данным «Форбса», $ 120 миллионов долларов!!! Поистине уникальное достижение, и оно теперь едва ли когда-нибудь будет превзойдено. Поэтому первого места в рейтинге этот легендарный буканьер, именовавшийся также «Принцем пиратов», удостоился по праву.

Он родился в семье Стивена и Элизабет Беллами и был самым юным из их шести детей. Беллами в ту пору проживали в местечке под названием Хиттизли, в графстве Девоншир (Великобритания). Его матушка Элизабет скончалась, производя Сэмюэля на свет. Она была похоронена 23 февраля 1689 года. Ровно за три недели до того, как ее шестой ребенок был крещен в местной церквушке. Все бремя воспитания потомства легло, естественно, на отца. Поскольку Стивен Беллами отнюдь не преуспевал, его главной заботой было хоть как-то продержаться до того времени, когда его дети смогут начать самостоятельно зарабатывать на жизнь. Следует ли удивляться, что все ребятишки в семье Беллами приступали к труду в самом нежном возрасте. Будущего пирата сей жребий, увы, тоже не минул. Впрочем, Судьба уже вовсю вела своего очередного избранника… Будучи еще юношей, Сэм Беллами всеми правдами и неправдами сумел попасть в состав команды одного парусника в качестве палубного матроса. Несмотря на свои юные годы, Сэм ощущал себя и действовал подобно взрослому мужчине: сказался опыт раннего взросления. Когда первый в его жизни корабль достиг мыса Код, Сэм на стоянке оставил команду, воспылав страстной любовью к одной из местных красоток, которую звали Мария Хале из Истхема (США, Массачусетс). Статный и бесстрашный красавец, предпочитавший высоко взбивать свою роскошную и щедро – по моде! – припудренную гриву иссиня-черных волос, вместо того чтобы прятать их под повязкой, быстро завоевал сердце девушки. Родители Марии, можно сказать, вполне благоволили к избраннику своей дочери, но полагали, что она заслуживает гораздо более состоятельного спутника жизни. Поэтому парочка влюбленных обитала на мысе не так уж и долго. Сэм мечтал о том, чтобы иметь возможность полностью обеспечить свою подругу. Проще всего заработать на жизнь, казалось ему, можно будет извлечением сокровищ с кораблей, затонувших на мелководье у побережья Флориды. Именно туда они и отправились. Сопровождал же влюбленную парочку некий Пэлгрейв (Полли) Уильямс – верный друг и финансовый организатор этого «проекта». Однако надежды новоявленных искателей сокровищ, увы, не оправдались. Каких-либо иных возможностей заработать на жизнь у них не было. Оставался один путь – идти в пираты. Именно так они и поступили. Причем, что характерно, Сэму Беллами наконец-то крупно повезло – в 1716 году они попали на пиратский корабль «Марианна», находившийся под управлением известного английского пирата Бенджамена Хорнигольда и его друга и партнера Эдварда «Черной Бороды» Тича, грозы Карибских морей. Бенджамен Хорнигольд к тому времени уже прочно обосновался на Ямайке; на апогее своей карьеры он руководил небольшой флотилией из пяти кораблей с

общей численностью команды в триста пятьдесят человек.

Предполагаемый образ Сэма Беллами

Уже стояло лето 1716 года. Показательно, что Сэм Беллами, мгновенно освоившись в ситуации, очень скоро приступил с требованием к Хорнигольду: он хотел, чтобы «Марианна» брала на абордаж все встречавшиеся корабли. Хорнигольд, отличавшийся осторожностью и политкорректностью (как это ни странно!), предпочитал действовать избирательно. Он настаивал на том, чтобы британские корабли были неприкосновенны (как известно, британская корона специально санкционировала образование пиратских команд с целью нападения на испанские галеоны с золотом; поначалу британские пираты строго следовали этому правилу). Сэм Беллами (которого, кстати, поддерживал Эдвард Тич), убедившись в полной бесполезности своих переговоров с Хорнигольдом, решил склонить команду «Марианны» на свою сторону. Команда, недолго думая, приняла его сторону. Хорнигольду был выражен «вотум недоверия». По негласным правилам, царившим в то время среди пиратов, отставка подразумевала под собой насильственную кончину. Сэмюэль, видимо питавший благодарность к Хорнигольду за то, что тот некогда его принял в команду, позволил тому уйти с миром на корабле «Рейнджер» с командой из 26 оставшихся ему верными пиратов. (Любопытная деталь: в следующем, 1717 году низложенный Хорнигольд неожиданно для всех вступил в сговор с новым губернатором Багамских островов Вудзом Роджерсом и, покаявшись во всех своих грехах, получил прощение и стал… одним из самых яростных и непримиримых охотников на пиратов. Тем самым он пошел по пути самого Вудза Роджерса, который в прошлом также участвовал в пиратских рейдах.) Эдвард Тич, не присутствовавший на процедуре низложения Бенджамена Хорнигольда, вернувшись, полностью одобрил действия Беллами и команды; однако, приняв под свое командование один из кораблей своего бывшего партнера, он переименовал его, довел вооружение до 40 орудий и предпочел в дальнейшем действовать самостоятельно. Кстати, еще один изрядный пират, способный претендовать тогда на роль лидера, Оливье Ла Буше (Ля Бу, Ля Бюз), принял решение работать под началом Беллами – имея, впрочем, в своем ведении отдельный корабль (они удачно сотрудничали около года, а потом их пути разошлись). Для Сэма Беллами, таким образом, началась карьера пиратского капитана и главаря целой флотилии.

Вновь избранный капитан тотчас же вывел свою первую команду в море. Трофеи, естественно, не заставили себя долго ждать. Одним из них оказался шлюп «Султана», сдавшийся практически без боя. Беллами, оценив вооружение и технические характеристики «Султаны», решил сделать его своим флагманским кораблем, а «Марианну» передал под начало верного друга Полли Уильямса. До этого Уильямс был

квартирмейстером . Мало кто знает, что эта должность на пиратском корабле означала статус почти равный капитанскому. Более того, в целом ряде случаев капитан корабля безоговорочно подчинялся решениям своего квартирмейстера. Должность была изобретена пиратами специально – чтоб в руках одного человека не сосредотачивалась чересчур большая власть. Квартирмейстер, помимо своей доли, получал при разделе добычи еще и дополнительную часть. Полномочия квартирмейстера были изрядны: он распределял обязанности, разрешал все споры, наказывал за прегрешения против корабельного устава. Именно квартирмейстер имел право вести команду на абордаж судна; он же, кстати, и определял, что именно из добычи следует брать в первую очередь. Особенно же серьезный статус должность квартирмейстера обрела именно ко второму десятилетию восемнадцатого века. Едва ли Сэм Беллами мог назначить на эту должность кого-либо еще, кроме закадычного друга. Что ж, пришло время, и Полли сменил Беллами за штурвалом, тоже став капитаном. И теперь они – уже оба капитаны – еще с большим энтузиазмом стали бороздить

моря в поисках богатой добычи.

И они действительно разбогатели, и очень быстро.

Впрочем, было с чего!

Не минуло еще и года, а команда Беллами взяла на абордаж чуть ли не с полсотни кораблей. На корабле Беллами царила на редкость демократичная атмосфера, не слишком характерная для пиратских кораблей. Его товарищи по оружию как-то сразу стали именовать себя «командой Робин Гуда», полагая, что они, беднейшие из бедных, просто-напросто пытаются хоть как-то заработать на жизнь, грабят богатеев, путешествующих в роскоши. Это нашло подтверждение даже… в литературе. Знаменитый автор «Робинзона Крузо» Даниэль Дефо, буквально бредивший «грабителями морей», явился автором целого исследования под заманчивым названием «Общая история пиратов». На страницах этого сочинения, конечно же, не раз возникает Сэм Беллами. В его уста автор вкладывает следующий монолог: «Они (т. е. власти. –

Авт.) величают нас злодеями, хотя между нами есть лишь одно существенное различие: они обирают неимущих, прикрываясь Законом, а мы обираем богатеев, прикрываясь лишь собственной отвагой. Не благовиднее ли стать одним из нас, чем довольствоваться жалкими крохами со стола аристократов, истинных владык закабаления?» Пусть это и вымышленный монолог, но эти слова вполне мог сказать и реальный Сэм Беллами. Вы помните, как Беллами сохранил жизнь Хорнигольду; столь же великодушно он относился и к морякам с захваченных судов: корабли не топили, а морякам предлагали примкнуть к «джентльменам удачи». Если те отказывались, их отпускали с миром; лишь иногда люди Беллами удерживали тех, кто обладал особо ценными умениями, например, корабельного плотника Тома Дэвиса с бристольского шлюпа «Сент-Майкл», мастерство которого было в особой чести у пиратов. Кроме того, в команде Беллами наряду с белыми успешно сражались и… негры – факт для того времени поистине беспрецедентный!

Самым же дорогим трофеем «Черного Сэма» явился восемнадцатипушечный трехмачтовый английский фрегат «Уайда» («Whydah») водоизмещением в триста тонн, которым управлял капитан Лоренс Принс. Этот невольничий корабль направлялся с Ямайки в Лондон с колоссальным грузом слоновой кости, сахара, хины и индиго. Еще же на нем было около четырех с половиной тонн серебра и золота, полученных за продажу африканских рабов и находившихся в 180 огромных мешках. Беллами напал на «Уайду» в Наветренном проливе и захватил со всей добычей, бывшей на борту. «Уайда» стала его флагманом, правда, он счел необходимым увеличить ее вооружение, дополнительно поставив еще с десяток орудий; капитану же Принсу Беллами передал свою «Султану», а также вручил некоторые весьма ценные товары и отпустил большую часть прежней команды капитана, позволив им беспрепятственно продолжить свой путь к Британским островам.

После этого Сэмюэль Беллами собрал всю команду и объявил, что пора остановиться. Того, что они уже захватили, им и так хватит на несколько жизней. Пора возвращаться домой. Тем более что его возлюбленная Мария уже просто заждалась дома.

Пираты согласились с решением своего любимого капитана. Флотилия двинулась в направлении берегов Новой Англии. Решение отойти от дел, тем не менее, отнюдь не отразилось на их активности. По пути пираты во главе с Беллами захватили два шотландских парусника, один бристольский шлюп, а затем еще один корабль, направлявшийся с Барбадоса в Шотландию. Последний корабль был до самых бортов гружен ромом, однако имел серьезную течь. Его команда тотчас решила бросить родной корабль и поголовно примкнуть к пиратам, поскольку сами моряки, если говорить откровенно, уже и не чаяли добраться до родных мест. Чуть позже жертвой пиратов пал и шлюп капитана Бира, направлявшийся из Бостона в Ньюпорт.

26 апреля 1717 года «Уайда» уже была неподалеку от мыса Код; пиратам вновь повезло, поскольку они захватили ирландское судно «Мэри Энн» и бостонский шлюп «Фишер». 27 апреля погода внезапно переменилась. Небо заволокло тучами, поднялся сильный шторм; корабли пиратской флотилии стало сносить прямо на отмель. «Уайде» приходилось туго, поскольку маневренность ее была сильно ограничена из-за большого груза добычи на борту. В отчаянии, Беллами попытался, невзирая на чудовищные буруны, стать на якорь, но все его попытки оказались тщетными. Одним из огромным океанских валов «Уайду» опрокинуло, и она пошла на дно. Из всей команды, составлявшей 145 человек, включая самого Сэмюэля Беллами, спастись удалось лишь двоим: корабельному плотнику Тому Дэвису, 23 лет (тому самому!) и индейцу из племени

мискито Джону Джулиану. Дэвис, учитывая, что его насильно заставили остаться среди пиратов (это было подтверждено свидетелями), был впоследствии даже помилован, а индейца продали в рабство. Прочие корабли пиратской эскадры тоже затонули; добраться до берега удалось семерым. Все они приняли лютую смерть путем повешения; казнь состоялась на центральной площади Бостона.

Так погиб «Принц пиратов», двадцативосьмилетний капитан Сэмюэль Беллами, самый удачливый буканьер всех времен и народов, и его непобедимая флотилия.

Однако история Беллами и его сокровищ на том не кончилась.

Вновь имя легендарного пирата, о котором за несколько столетий уже успели основательно подзабыть, появилось на слуху в середине 80-х годов XX столетия. Конечно же, о сокровищах знали и помнили, но установить местонахождение обломков затонувших судов не удавалось. Однако в 1984 году Барри Клиффорду, профессиональному охотнику за сокровищами, наконец-то удалось напасть на след. Нанятые им группы ныряльщиков детально обследовали дно у побережья на протяжении четырех миль. После продолжительных поисков им удалось отыскать и поднять на поверхность некоторую часть добычи пиратов. Впрочем, даже эта малость была оценена экспертами в миллионы долларов. Однако дальнейшие усилия ныряльщиков не возымели результатов. Барри Клиффорд основал в Провинстауне (штат Массачусетс) музей, посвященный Сэму Беллами. В нем много подлинных артефактов с борта «Уайды», включая палубный колокол.

Поиск же основной части сокровищ Беллами продолжается и поныне.

2. Сэр Френсис Дрейк (sir Francis Drake)

Френсис Дрейк (февраль-март 1540 г. – 27 января 1596 г.) – английский морской капитан, корсар, навигатор, работорговец, пират, вице-адмирал, видный политический деятель эпохи Елизаветы I. Таковы главные этапы его жизненной карьеры; сложно поверить, что все это может относиться к одному человеку! Его основные операции были совершены в Карибском море. Имя Дрейка наводило такой ужас на испанцев, что они, слегка переиначив его имя, величали пирата El Draque (от лат. Draco – дракон). За свою необыкновенно долгую и невероятную карьеру Френсис Дрейк заработал разбоем на море примерно на пять миллионов долларов меньше непревзойденного Сэмюэля Беллами, что позволило ему войти в тройку наиболее отличившихся пиратов и занять почетное второе место.

Сэр Френсис Дрейк родился в Тэвистоке (Девон, Великобритания) в феврале или марте 1540 года и впоследствии явился самым старшим из двенадцати детей в семье. Его родителями

были Эдмунд Дрейк, фермер-протестант, ставший затем священником, и Мэри Милвэй.

Несмотря на свой фермерский статус, семья Френсиса принадлежала к аристократической ветви герцогов Бедфордских; среди его предков нельзя не упомянуть Джеффри Чосера (1340–1400), одного из создателей классической английской литературы, автора «Кентерберийских рассказов» (1380–1400). Впрочем, юный Френсис отнюдь не тяготился тем, что он сын фермера, и не выказывал и тени стремления реализовать великосветские связи семьи. В 1549 году по причине религиозных волнений Эдмунд Дрейк принял решение перебраться с семьей в графство Кент. Именно там, образно говоря, и началась морская карьера Френсиса Дрейка. Ему еще не исполнилось и тринадцати лет, когда он сумел войти в команду небольшого барка, курсировавшего между портами на Темзе. Не слишком-то впечатляющее начало, можете сказать вы, однако если вы узнаете о том, что менее чем через семь лет капитан барка скончался, завещав свое судно… Френсису Дрейку, то наверняка измените свое мнение. Подумать только: Дрейку не было еще и двадцати, когда он стал капитаном и владельцем собственного корабля!

Сэр Френсис Дрейк

Однако вечно довольствоваться скромным суденышком Френсис, естественно, не собирался. В 1563 году Дрейк все-таки использовал свои родственные связи: он сошелся со своим кузеном Джоном Хоукинсом (в стратегическом плане это был очень грамотный шаг, поскольку Хоукинсам из Плимута принадлежала целая флотилия кораблей). В том же году он впервые в своей жизни отправился к берегам Нового Света на борту одного из кораблей Джона Хоукинса (Хоукинс сам участвовал в вояже, поскольку был капитаном; в его намерения входило ввести Дрейка в курс дела и обучить его особым морским премудростям). Корабль использовался для перевозки рабов, так что Дрейк быстро вошел в детали едва ли не самого прибыльного занятия на море в те времена. Помимо работорговли, Френсису приходилось принимать участие в грабеже португальских судов, встречавшихся по пути. Он оказался успешным учеником и очень скоро заслужил право управлять собственной каравеллой! В 1568 году они с Хоукинсом, как обычно, совместно промышляли в Карибском регионе; причем речь идет не о паре кораблей, а о целой эскадре. Очень прибыльно продав в Венесуэле большой груз рабов, они направлялись домой. И тут госпожа Удача им изменила. У Сан-Хуан-де-Улуа (портовый городок на побережье Мексики) эскадра Хоукинса попала в ловушку, устроенную коварными испанцами. В завязавшейся баталии практически все корабли Хоукинса получили серьезные повреждения, но ему с Дрейком не только удалось спастись, но и довести до родных берегов все суда. Это событие очень сильно повлияло на Френсиса Дрейка и наложило неизгладимый отпечаток на всю его дальнейшую судьбу. Френсис Дрейк, пережив всю горечь позорного поражения, стал отныне и навсегда беспощадным врагом испанцев. Можно даже сказать, что, не случись того злополучного инцидента у Сан-Хуан-де-Улуа, ему, наверное, не удалось бы реализовать в полной мере свой талант корсара и нанести такой урон испанцам на море. Масла в огонь подливало и то обстоятельство, что Дрейк был воспитан отцом в протестантском духе, тогда как испанцы были, как известно, католиками. Впрочем, для Джона Хоукинса все происшедшее тоже не обошлось без последствий. Он решил покончить с невольничьим бизнесом и, в некотором роде, отошел от дел. А вот Френсис Дрейк – тот не унялся, какое там! Он осуществил несколько пробных вояжей на Карибы (в 1570 и 1571 гг.) – о торговле рабами речи больше не было, ведь Дрейк горел жаждой мести! Документальных свидетельств о первом вояже 1570 года, видимо, не осталось. А вот что касается следующего, состоявшегося годом позднее, – тут ситуация иная.

Причина одна – безусловный триумф новоявленного корсара! Дрейк рискнул отправиться без поддержки, самостоятельно. Он самостоятельно вел бриг «Сван» («Лебедь») водоизмещением в 25 тонн – сравнительно небольшой корабль. Однако несмотря на это, Дрейку в итоге удалось захватить два крупных фрегата. Однако на этом он и не думал останавливаться, присоединив к своим трофеям еще около двух десятков небольших судов. Триумф настолько вдохновил его, что Дрейк, забыв о всякой осторожности, подверг налету с моря город Вента-де-Крузес, находившийся всего в двадцати километрах от Панамы. И ему буквально все сошло с рук. В этих двух своих первых вылазках на Карибы Дрейк не только стремился заполучить как можно больше добычи, он еще анализировал тактические и технические нюансы, характеризующие особенности оборонной стратегии испанцев в Карибском регионе. Но больше всего его, естественно, интересовало то, каким образом работает механизм доставки финансов из колоний к берегам Старого Света. И тут Френсиса Дрейка ждала самая большая неожиданность. Он на деле убедился в том, что Испания, получавшая весьма значительные средства из Америки, была настолько уверена как в своем военном превосходстве, так и в господстве на море, что не допускала мысли о возможности серьезного, хорошо продуманного нападения, будучи совершенно уверенной в безопасности своих ресурсов. А Дрейк моментально заметил реально слабое звено в цепи доставки финансовых средств: это был Панамский перешеек.

Почему, спросите вы.

Ответ очень простой.

Испанцы явно желали сэкономить, а потому работали по крайне примитивной схеме: весь объем денежных средств (золото, серебро) собирался и подготавливался к отправке в Панаме, потом все эти неисчислимые богатства переправляли в порт Номбре-де-Диос, откуда уже кораблями все доставлялось в Испанию. Из Панамы же до Номбре-де-Диос, как это ни дико, все ценности ехали на спинах мулов, причем без какой-либо реальной охраны! Путь мулов пролегал, как вы уже поняли, через Панамский перешеек. При этом конечный пункт назначения – Номбре-де-Диос – отнюдь нельзя было причислить к хорошо защищенным портам. Дрейк мгновенно понял, как ему использовать оплошность без меры самоуверенных испанцев. Однако, будучи мудрым человеком, Дрейк решил на этот раз благополучно вернуться со всей своей внушительной добычей обратно домой, где намеревался организовать очередной вояж на Карибы – теперь уже с вполне осознанной и четкой целью.

Поскольку Дрейк относился к тем людям, которые всегда доводят начатое до конца, в 1572 году он, капитально подготовившись, вновь взял курс на Карибы, явно намереваясь задать испанцам жару. Кстати, надо заметить, что это вообще был довольно-таки любопытный прецедент: ведь грабить корабли в Карибском море было (скажем так: негласно!) позволено французам, а не англичанам, да и то – лишь эпизодически. А Френсис Дрейк, по сути, стал первым английским капитаном, который рыскал по Карибскому морю с единственной целью грабежа испанских галеонов, груженных золотом. Он, на всякий случай, даже попытался испросить у британской короны письменного одобрения своим действиям, но, увы, в этом не преуспел. На тот момент его профессиональная деятельность была расценена королевой, увы, как чисто пиратская. Впрочем, он и не думал унывать – и был, конечно же, прав. Время работало на него!

В мае 1572 года Дрейк вышел в море уже не один, а с небольшой эскадрой из двух кораблей. Скромный «Сван» он на сей раз передал своему братцу Джону, а сам управлял внушительным 70-тонным фрегатом «Паша». Согласно источникам, общая численность команды Дрейка в этом рейде составляла 73 человека. Все они, как и их бравый капитан, алчно вожделели заполучить все мыслимые испанские сокровища. 29 июня 1572 года произошла историческая высадка десанта Дрейка на Панамском побережье, а 19 июля (то есть практически всего лишь три недели спустя) порт Номбре-де-Диос уже был захвачен пиратами! Правда, победа оказалась не полной; внушительную часть драгоценных запасов испанцам все-таки удалось с эскадрой перекинуть в безопасное место. Вдобавок ко всему, пираты натолкнулись на яростное сопротивление защитников города. Схватка была жестокой и кровопролитной. Дрейк, сражавшийся в первых рядах, был ранен в бедро. Победителям, тем не менее, достался изрядный груз слитков серебра.

Что было делать дальше?

Возвращаться обратно было никак нельзя: тяжелый груз добычи скверно сказывался на маневренности судов; кроме того, был большой риск столкнуться в море с целой испанской военной эскадрой. Дрейк понял, что нужно позаботиться об устройстве временной базы. Оставив за спиной разграбленный город и выбрав подходящий островок, пираты расположились на нем лагерем. Поначалу все шло хорошо. Серебряные слитки были надежно спрятаны в укромном месте на острове, а оба пиратских корабля денно и нощно сновали вдоль побережья, беря на абордаж испанские корабли. Однако очень скоро команду стал косить странный мор. Потеряв около 75 % команды, Дрейк принял решение сжечь один из кораблей – такова была печальная участь «Свана». Но оставшихся в живых моряков было слишком мало, чтобы успешно продолжать свои захватнические рейды. И тогда Френсис Дрейк пошел на невероятный шаг, проявив, между прочим, завидный талант искусного дипломата: он заключил союз с

симарронами . Это были беглые африканские рабы, активно противостоявшие испанцам. Особенно хороши были симарронские разведчики: ни одно сколь-либо крупное перемещение людских или финансовых резервов испанского правительства на Панамском побережье не избегало их внимания. В результате заключенного союза Дрейк получал двойную выгоду: он мог пополнить команду за счет африканских волонтеров, кроме того, ему становилась доступной вся информация о движении грузов золота, серебра и драгоценностей. Разведчики очень скоро дали знать о себе. Они сообщили Дрейку, что на исходе января 1573 года ожидается прибытие в Панаму флотилии с богатым грузом. Понятное дело, потом этот груз должен был быть переправлен в Номбре-де-Диос все с теми же караванами мулов. Пираты вновь высадились на побережье и устроили засаду. Наверное, у испанцев тоже неплохо работала разведка, а может быть, и кто-то из симарронов работал сразу на обе стороны. Как бы то ни было, но испанцам вновь удалось перехитрить пиратов и спасти немалую часть ценностей.

Дрейк недолго горевал. Во-первых, мор прекратился. Выстоять перед загадочным недугом удалось лишь 17 пиратам, включая самого Дрейка. Во-вторых, симарронские волонтеры (общим числом в 30 человек) оказались вполне способными учениками. И вот с этой разношерстой командой Френсис Дрейк решил вновь попытать счастья на море. Следует упомянуть, что симарроны предпочитали месть испанцам золоту и серебру, а потому совершенно не претендовали на свою долю добычи, что, понятное дело, тоже было по душе капитану Дрейку.

Итак, шла уже весна 1573 года. Обстоятельства сложились таким образом, что экипаж Дрейка повстречал большой корабль известного французского пирата и исследователя Гийома Ле Тестю (Guillaume Le Testu), которого знали под кличкой Тэту. Оба капитана чрезвычайно

понравились друг другу и решили объединить свои силы. Также были четко оговорены и соответствующие доли при разделе любой добычи. Вскоре симарронские разведчики принесли поистине вдохновляющее известие: караван мулов, груженный золотом и серебром, расположился на отдых всего в миле от Номбре-де-Диос. На тот момент оба пиратских корабля находились практически рядом от их стоянки. Объединенная рать английских и французских пиратов при поддержке симарронов стремительно сошла на берег и ринулась в атаку. Испанцы мужественно сопротивлялись, но были все поголовно перебиты. Пиратам досталась груда серебряных и золотых слитков. Унести все им было просто не под силу, поэтому серебро решили зарыть, чтобы впоследствии за ним вернуться. Не обошлось и без потерь. Победу пиратов серьезно омрачила гибель Ле Тестю. Впрочем, Дрейк, соблюдая договоренность, поровну разделил добычу между пиратами. Объем всего завоеванного был настолько изряден, что в августе 1573 года Френсис Дрейк решил не искушать судьбу понапрасну и вернуться домой (только вот припрятанное серебро пиратам так и не удалось заполучить, поскольку оно было обнаружено испанцами).

Серьезный урон, доставленный Френсисом Дрейком испанскому присутствию на Карибах, не остался незамеченным британской короной. Более того: Дрейк, благодаря своей репутации непобедимого корсара, удостоился в 1575 году немалой чести управлять кораблями графа Эссекса, бывшего главным фаворитом английской королевы Елизаветы I. Эссекс легко согласился представить Дрейка ко двору. Венценосная хозяйка и корсар чрезвычайно быстро нашли общий язык, причем Дрейк настолько расположил к себе королеву, что та не только привлекла частных инвесторов, но и сама решила частично профинансировать его новую экспедицию. Цель экспедиции подразумевалась сама собой – Восточное побережье Южной Америки. Дрейку позволялось нападать на испанские портовые города в районе Перу (именно там производилась добыча испанцами серебра и золота); лицензии на это он вновь не получил, так как Елизавета блюла верность принципам политкорректности. Попадись Дрейк в лапы к испанцам, королева бы просто-напросто от него отказалась, бросив на произвол судьбы. Дрейк, скорее всего, это понимал и попадать к испанцам в плен уж точно не собирался. Помимо всего прочего, королева дала Дрейку одно тайное поручение. Ему надлежало присмотреть местности, годившиеся для колоний.

13 декабря 1577 года Френсис Дрейк, во главе эскадры из пяти судов и команды в 160 душ, покинул родной порт

Сэр Френсис Дрейк на аудиенции у королевы

Плимут. Флагманским кораблем Дрейка был хорошо вооруженный фрегат «Пеликан». По пути Дрейк – чтобы освежить навыки и умения – навестил Африканское побережье. Его команда взяла на абордаж свыше десяти кораблей, бывших под флагами Испании и Португалии. 20 июня 1578 года эскадра Дрейка достигла Магелланова пролива. Это было гиблое место для мореходов. Некоторые пираты начали роптать. Явно назревал бунт. Пока шли успешные грабежи у Африканского побережья, все было в порядке. Но после очень непростого и продолжительного путешествия через Атлантику далеко не все были готовы подвергнуться смертельной опасности, следуя Магеллановым проливом. Тем более что несколько кораблей были серьезно повреждены и затонули. Но иным путем до Перу добраться было нельзя.

Дрейк очень быстро узнал, что главным зачинщиком бунта является капитан Томас Доути. На основании свидетельств лорда Уильяма Бургли и корабельного плотника Эдварда Брайта Доути был обвинен в подстрекательстве к мятежу и занятиях магией (поистине убийственное сочетание!). Дрейк приказал казнить его, и 2 июля 1578 года Томас Доути был обезглавлен. Тем самым бунт был подавлен в зародыше. Но на этом испытания пиратов не кончились.

Магелланов пролив поредевшая эскадра Дрейка благополучно прошла, но потом она угодила в жесточайший шторм, который продолжался чуть ли не около двух месяцев и основательно потрепал все корабли; при этом затонуло еще одно судно. Вновь возникла взрывоопасная ситуация. В итоге один фрегат развернулся и направился обратно, к родным берегам, а Дрейк на своем флагмане, который он к тому времени уже переименовал из «Пеликана» в «Золотую лань», продолжал путь в гордом одиночестве. 5 декабря «Золотая лань» бросила якорь в гавани Вальпараисо (Чили). Пираты действовали четко и эффектно. Город был вчистую разграблен, а грузы, дожидавшиеся отправки в Испанию, перешли к английским буканьерам. Прежде чем как следует развернуться на Тихом океане, Дрейк настоял на детальном осмотре судна и восстановлении всех обнаруженных повреждений. Эта процедура заняла где-то с полмесяца, однако в результате «Золотая лань» была готова к встрече с любым испанским кораблем. На руку Дрейку играло дополнительно еще и то обстоятельство, что испанцы чувствовали себя в водах Тихого океана практически как у себя дома, не ожидая нападения; английских же кораблей да еще с секретным предписанием королевы в этом регионе прежде не наблюдалось.

И началось!!!

Точное количество кораблей, ставших жертвами пиратов, установить было решительно невозможно. Размер добычи превзошел все ожидания. Насладившись местью испанцам на море, Дрейк решил проявить себя и на суше. Он развернул фрегат и 5 февраля 1579 года уже достиг побережья Перу; в большинстве перуанских портов (например, в Лиме, столице Перу, в Кальяо и проч.) всегда находились корабли с важными грузами для отправки в Испанию. Здесь их тоже не ждали; впрочем, англичане чуть припоздали, а потому им перепало не так уж и много ценностей, хотя пиратам удалось взять на абордаж практически все корабли, находившиеся на тот момент в гавани Кальяо. Допрос с пристрастием, тут же учиненный подручными Дрейка, выявил интересную информацию. Выяснилось, что незадолго до появления англичан гавань оставил шлюп «Какафуэго», до самого борта начиненный ценностями. «Золотая лань» тут же устремилась в погоню. Следует заметить, что, даже пытаясь настичь «Какафуэго», пираты не пренебрегали своими обязанностями; они останавливали и грабили практически все встреченные корабли. Догнать же «Какафуэго» Дрейку удалось примерно через месяц (1 марта) у мыса Сан-Франциско (к северу от экватора). «Какафуэго» был практически лишен вооружения и сдался без боя. Его трюмы были до отказа забиты тяжелыми слитками золота и серебра. Восхищенные пираты также обнаружили множество мешков с серебряными монетами. С таким богатством можно было уже возвращаться домой! Тем более что испанским портам и торговому флоту был нанесен более чем весомый ущерб, да и подходящие районы для колоний Дрейк сумел приглядеть.

Да только идти с такой огромной добычей опять через Магелланов пролив Дрейк уж точно не хотел. Вдобавок предстояло бы плыть вдоль берегов Испании, что теперь тоже не сулило ничего хорошего. Он предпочел двинуться на север, к Мексике; ряд авторитетных картографов того времени утверждал, будто существует легендарный северо-западный путь в Европу, вот Дрейк и решил на деле проверить эти заявления. Следуя по курсу, пираты сделали несколько остановок; во время стоянки в гавани Гуатулко (Мексика) пираты осквернили местный храм, дочиста его разграбив. «Золотая лань» упорно шла на север; лишь свирепые холода остановили ее стремительный ход. Дрейк, оценив ситуацию, почел за благо вернуться домой прежним путем и повернул на юг. На побережье Северной Калифорнии пиратами была сделана продолжительная остановка; «Золотая лань» нуждалась в починке. Потом Дрейк блестяще провел фрегат через Магелланов пролив и, делая остановки лишь на островах и обойдя Испанию, благополучно достиг Плимута 26 сентября 1579 года.

Индейцы племени миуок встречают сэра Френсиса Дрейка на Калифорнийском побережье

Итог этого почти двухлетнего вояжа имел для Дрейка очень важное значение. Теперь он обрел подлинную славу и стал своим при дворе королевы Елизаветы. Она была весьма довольна тем, что Дрейк ей сообщил по поводу устроения возможных колоний. Но еще более ее порадовали щедрые пожертвования короне, сделанные корсаром. Теперь он уже мог себе это позволить, поскольку стал просто баснословно богат. В окрестностях Плимута Дрейк даже приобрел себе огромное поместье; королева дополнительно презентовала его еще несколькими. А в 1581 году за особые заслуги перед британской короной Френсис Дрейк был удостоен рыцарского звания, и теперь к нему надлежало обращаться «сэр Френсис»; в том же году он был избран членом парламента Великобритании. Четырьмя годами позднее, когда он уже несколько лет управлял Плимутом в качестве мэра, Дрейк женился на юной наследнице огромного состояния, еще более упрочив свое положение. Казалось, что его морской жизни пришел конец. Но это было обманчивое впечатление!

Как знать, не пожелай королева поставить Дрейка во главе огромной эскадры, которой предстояло сокрушить испанское господство в Карибском регионе и не поручи она ему заявить о британском присутствии в Вест-Индии (это традиционное название островов Карибского моря) во умаление государственного престижа Испании, сэр Френсис мудро управлял бы Плимутом и наслаждался обществом обворожительной супруги. Но это двойное искушение было слишком велико! Дрейк сложил с себя полномочия мэра, простился с женой и отбыл.

Его эскадра насчитывала более 25 кораблей. Команда составляла 2300 человек. Этот впечатляющий демарш знаменовал собой начало военного противостояния, которое затянулось на десятки лет. Теперь у сэра Френсиса Дрейка наконец-то была заветная лицензия! Согласно этому документу он имел право вызволять из плена захваченных в результате военного конфликта с Испанией английских моряков. На деле же это подразумевало под собой захват и разграбление испанских кораблей. Королева Елизавета даже одобрила создание специального акционерного общества, которое было образовано в расчете на прибыльную добычу с вражеских галеонов.

Нельзя сказать, чтобы все складывалось удачно для Дрейка в этой экспедиции. Скорее, наоборот. Он упустил целую флотилию груженных золотом кораблей, а занимаемые им города (например, Сантьяго) не могли порадовать богатым выкупом, отчего Дрейк в ярости предавал их огню. В довершение всего на кораблях эскадры сэра Френсиса вспыхнула лихорадка, унесшая сотни жизней. Вместо ожидаемого выкупа в миллион золотых дукатов с жителей Санто-Доминго Дрейк смог выручить от силы двадцать пять тысяч. Даже с легендарной Картахены пиратам удалось собрать не более ста тысяч дукатов, хотя Дрейк всерьез угрожал сровнять город с землей. Итог экспедиции был плачевен: из всей команды выжило немногим более полутора тысяч человек, финансовые затраты не окупились. Сам сэр Френсис Дрейк потерял на этом вояже серьезные средства.

Королева не могла быть удовлетворена подобным результатом. Тем не менее она по-прежнему благоволила к Дрейку. В 1587 году она приказала ему противостоять кораблям знаменитой Испанской Армады; попутно Дрейку позволялось тряхнуть стариной. Он тряхнул, и тряхнул, признаться, знатно: его главным трофеем явился португальский барк «Сан-Фелипе», ставший добычей пиратов в районе Азорских островов; груз доставшихся им ценностей и товаров был просто огромен. Помимо этого, сэр Френсис Дрейк разработал гениальный план взятия крупного испанского порта Кадис; наряду с золотом и серебром Дрейку удалось захватить свыше тридцати судов противника. Все это вполне компенсировало неудачный итог экспедиции 1856 года. По возвращении в Англию сэр Френсис Дрейк был удостоен звания вице-адмирала и назначен королевой Елизаветой на пост главнокомандующего объединенными военно-морскими силами Великобритании. В 1589 году он командовал объединенными силами флота; под началом у него находилось свыше

150 боевых кораблей. И хотя ему удалось успешно противостоять вторжению испанцев, ситуация существенно изменилась, когда военные действия переместились на территорию Испании. Болезни, существенные потери, просчеты в стратегии – все это свело на нет первоначальные успехи англичан.

Королева вновь была уязвлена. Дабы как-то компенсировать негативное впечатление, она задумала вторую экспедицию в Вест-Индию. Военная ситуация была не особенно благоприятна, вследствие чего ее желание было реализовано лишь несколькими годами позднее. Однако в 1595 году она приказала Дрейку возглавить новую эскадру. Вице-адмирал привел королеве свои резоны, что спешить с выходом в море не годится и необходимо все как следует подготовить, но та была неумолима. И вот 7 сентября 1595 года эскадра взяла курс на Карибы. Королева на сей раз требовала чего-то невероятного и фантастического: например, взятия… Панамы! Эскадра была составлена спешно; в нее вошли 27 военных и торговых кораблей (по числу кораблей она на 2 корабля превосходила флотилию, что отправилась в первую вест-индскую экспедицию). Команда тоже соответственно увеличилась: всего было собрано 1500 моряков и 1000 пехотинцев. Руководить всеми этими силами (по решению королевы) был призван триумвират в лице самого сэра Френсиса Дрейка, его бывшего партнера и родственника сэра Джона Хоукинса, а также Томаса Баскервиля, которому надлежало руководить действиями на суше. Если с Баскервилем Дрейк в принципе не должен был иметь проблем в плане совместных действий, то с Хоукинсом дело обстояло гораздо хуже. Он имел совсем другой темперамент, был, в отличие от стремительного и изобретательного Дрейка, чересчур методичным, медлительным и осторожным; вдобавок он явно завидовал стремительному вознесению своего некогда младшего офицера. Конфликты следовали один за другим, и это отнюдь не предвещало благоприятного ведения военной кампании. Причем все буквально пошло наперекосяк еще с самого начала. Вместо того чтобы двигаться прямо к побережью Панамы, эскадре было приказано следовать к порту Сан-Хуан на Больших Антильских островах, в гавани которого оказался поврежденный галеон с невероятно ценным грузом. О демарше английской эскадры каким-то образом стало известно испанцам, мгновенно направившим к Сан-Хуану пять отменно вооруженных фрегатов. Это произошло 25 сентября. А тут еще на кораблях Дрейка непредвиденно подошли к концу запасы провизии; вице-адмирал принял решение атаковать портовый городок Лас-Пальмас на Канарских островах. Сражение сложилось не в пользу англичан – несколько моряков даже попали в плен. Тогда Дрейк двинулся к Гваделупе и оказался там со всеми кораблями 9 ноября. Сразу же после пополнения запасов продовольствия он намеревался вести эскадру к Сан-Хуану, но тут отчаянно вмешался Хоукинс, считавший, что все корабли должны быть тщательно осмотрены. Дрейк, скрепя сердце, согласился, что было большой ошибкой. Поскольку осмотром руководил сам Хоукинс, процедура затянулась на целых две недели. За это время пять испанских военных фрегатов не только достигли Сан-Хуана, но заняли надежную оборону, будучи готовыми отражать любые атаки англичан. Наконец английская эскадра достигла Сан-Хуана. Случилось это уже 22 ноября. Хоукинс, всю дорогу споривший с Дрейком, обнаружив пять готовых их встретить военных фрегатов, сгорал с досады. Видимо, он переживал так сильно, что его хватил удар, и он отдал Богу душу.

Дрейк для вида предпринял несколько атак, хотя и так уже было ясно, что галеона им не видать. Пока англичане возились с кораблями, испанцы в несколько раз увеличили огневую мощь порта, установив на стенах орудия с поврежденных кораблей; последние образовывали великолепный щит, за которым – в полной безопасности – находилась пятерка военных фрегатов. Бессмысленно атаковав порт 22 и 23 ноября, 24-го Дрейк снял осаду и повел эскадру вдоль побережья Венесуэлы и Колумбии. Какие-то небольшие городки английским пиратам удалось взять приступом и разорить, но добыча была скудна. Другие города, например та же Картахена, оказались невероятно хорошо укреплены (испанцы хорошо усвоили уроки, преподанные им Дрейком в 1585 году; да и вообще – десять лет срок изрядный, многое просто не могло не измениться!).

8 января 1596 года Дрейк оказался в районе достопамятного городка Номбре-де-Диос и вновь его захватил; для взятия Панамы он отрядил Томаса Баскервиля с 600 солдатами, велев тому двигаться по пути, которым следовали караваны мулов с ценной поклажей в Панаму. Но стояла зима, был сезон дождей. Все пути стали непроходимыми. Баскервиль, потеряв многих солдат, был вынужден через четыре дня бесславно возвратиться в Номбре-де-Диос.

Эскадра Дрейка в это время находилась в море западнее Никарагуа. Из-за на редкость скверной погоды на кораблях вспыхнула жестокая лихорадка. Дрейк заразился дизентерией и 27 января 1596 года умер в жесточайших мучениях. После его трагической кончины Баскервиль принял на себя командование и повел корабли обратно в Англию. По пути им даже удалось отразить нападение мощной испанской эскадры, и это явилось единственным положительным результатом второй экспедиции англичан в Вест-Индию.

Сэр Френсис Дрейк

Сэр Френсис Дрейк завещал похоронить себя в полном военном облачении. Его тело было заключено в железный гроб и предано волнам у Портобелло, вблизи берегов Панамы. Этот гроб мечтали и по-прежнему мечтают обнаружить целые поколения дайверов.

Именем Дрейка был назван пролив между Огненной Землей и Антарктидой. Это самый широкий в мире пролив, и составляет он 820 километров.

3. Томас Тью (Thomas Tew)

Томас Тью (? – 1695 г.) – известный английский капер, ставший профессиональным пиратом. Его любимый регион – Атлантика, а также Красное море. За ним числится участие лишь в двух крупных пиратских экспедициях. Однако всего завоеванного ему вполне хватило, чтобы, наряду с Сэмюэлем Беллами и сэром Френсисом Дрейком, войти в тройку самых удачливых пиратов в истории.

Томас Тью родился в Англии, в Нортгемптоншире. Когда он еще пребывал в младенческом возрасте, его семья перебралась на постоянное место жительства в колонии. Сведения об обстоятельствах его жизни крайне скудны, но известно, что непосредственно перед тем, как обосноваться на Бермудах (1690), Томас Тью уже, скорее всего, зарекомендовал себя в качестве незаурядного капера, специализировавшегося на французских и испанских судах. Он в глубине души предпочитал семейный образ жизни, а потому обзавелся супругой, которая впоследствии родила ему двух детей. Его закадычным другом становится некий капитан Уильям Вонт, пират. Именно благодаря последнему Томас Тью решает стать профессиональным «джентльменом удачи». Правда, своего желания он пока что не высказывает вслух. Но это лишь до поры до времени.

В 1692 году (тогда уже вовсю шла война между Англией и Францией!) ему достаточно легко удается получить у губернатора Бермуд специальный патент, позволявший ему задерживать

французские корабли и разорять владения Франции на побережье в Гамбии (Западная Африка). Надо сказать, что у Томаса вообще был талант располагать к себе людей. Ему ничего не стоило уговорить многих толстосумов, симпатизировавших ему, скинуться на покупку приличного фрегата. Имея достойное судно, убедил их Томас, богатую добычу можно будет взять куда как просто. Таким образом, все вложения не только вернутся, но еще и окупятся сторицей. Толстосумы поверили Томасу Тью, да и как было ему не поверить?! Убеждать он умел!

Томас Тью.

Рисунок Говарда Пайла

В итоге под началом у Томаса оказался вполне достойный шлюп водоизмещением в 70 тонн. На «Эмити» (таково было название этого шлюпа) установили 8 орудий; если добавить сюда и прилично обученную команду общей численностью в 46 человек, можно сделать вывод, что Томас Тью был достаточно хорошо экипирован для самостоятельного каперского рейда по Атлантике. Только вот на деле ему предстояло постоянно сновать вдоль побережья с дозором, выполняя правительственное назначение. Был в этой экспедиции у Тью и партнер – капитан Джордж Дью.

Едва только в декабре 1692 года «Эмити» покинула Бермуды, Томасом овладели мучительные раздумья. А правильно ли он поступил, обзаведясь патентом, который обрекал его прозябать у берегов Африки, тогда как сам Тью всей душой рвался на морские просторы, на волю. Он всегда мечтал стать настоящим пиратом; ему и во сне и наяву грезились лихие рейды. Не желая противостоять велению души, Тью собрал на палубе «Эмити» всю команду и во всеуслышание предложил морякам переквалифицироваться в пираты. Команда единогласно приняла предложение своего капитана! Моряки, проревев: «Златая цепь иль культя деревянная, мы с тобой!!!» – тут же, согласно пиратскому обычаю, принялись выбирать квартирмейстера, который должен был представлять интересы команды перед капитаном. «Эмити» развернулась и направилась… в Красное море (!). Направилась в одиночестве. Незадолго до описанных событий разразился шторм, изрядно потрепавший корабль партнера Томаса – Джорджа Дью. В результате тот предпочел вернуться на Бермуды, а принадлежавшее ему судно благополучно избегло «пиратизации».

От своего закадычного друга, капитана Вонта, также находившегося на борту, Томасу Тью не раз приходилось слыхать о баснословных богатствах и экзотических сокровищах, прибывавших в Европу из Индии. И именно по Красному морю пролегали торговые пути, по которым следовали индийские и турецкие корабли. Добравшись без особых приключений до Баб-эль-Мандебского пролива и Красного моря, Томас Тью со всем рвением приступил к пиратской деятельности.

На излете 1693 года добычей его команды стал крупный арабский корабль с огромной командой, насчитывавшей свыше трехсот человек. Судно направлялось из Индии в Турцию и перевозило богатый груз: серебро, золото, слоновая кость, драгоценности, шелка, редкие пряности. Несмотря на габариты и внушительный численный перевес, корабль практически без боя сдался пиратам. Каждый из команды Тью мгновенно стал зажиточным человеком, а он сам, имея право, как капитан, на особую долю в тройном размере, обогатился еще более. Казалось бы, после такого блестящего начала следовало хорошенько поработать в акватории Красного моря. Именно эту цель и преследовал Томас Тью. Однако ему пришлось натолкнуться на яростное сопротивление квартирмейстера. Тот полагал, что нельзя чересчур искушать судьбу, куда безопаснее будет выйти из сравнительно ограниченного пространства

Красного моря и продолжить пиратские рейды уже в океане, предпочтительно в Индийском. В сущности, заявил квартирмейстер, там плавают все те же суда индийского флота с не менее впечатляющей добычей на борту, зато атаковать их на океанских просторах будет куда проще и безопаснее. Но перед этим будет лучше доставить добычу домой, в Ньюпорт. Поскольку квартирмейстер выступал от лица команды, Томасу Тью пришлось подчиниться. Все было понятно: его морякам теперь уже было что терять, поскольку они прилично разбогатели, а потому им хотелось, прежде всего, обеспечить свои семьи.

«Эмити» оставила Красное море и через некоторое время встала на стоянку у одного из небольших островов возле Мадагаскара; судну был необходим ремонт. Этот островок носил тогда название Нози Бараха; впоследствии он был переименован в остров Святой Марии. Покуда судно приводили в порядок, Тью сошелся накоротке с туземной королевой, которую величали Антаваратра Рахена. От этой мимолетной и довольно-таки экстравагантной связи родился мальчик – еще один ребенок, ниспосланный Томасу Тью. Малышу дали имя Ратсимилахо. (Правда, обо всем этом Томас Тью узнал чуть ли не полтора года спустя. Ратсимилахо же стал в 1710 году королем и, благополучно процарствовав 46 лет (!), скончался.)

Томас Тью и туземная королева

По завершении ремонтных работ «Эмити» вновь обогнула Африку, пройдя мимо мыса Доброй Надежды, и к апрелю 1694 года вернулась в Ньюпорт. Когда Тью вручил своим спонсорам оговоренные договором дивиденды, оказалось, что те получили прибыль в… четырнадцатикратном размере. Любопытный штрих: значительную часть своей доли Томас Тью вручил своим доверенным лицам на Бермудах, чтобы те приобрели ему самые лучшие плантации.

Еще длились пламенные восторги встречи, а Тью уже задумывал новую экспедицию. Прежде всего он позаботился насчет приобретения очередного каперского патента, поскольку срок действия прежнего к этому времени уже вышел. Это обошлось ему в 300 фунтов стерлингов. Еще он решил немного разбавить экипаж своими горячими сторонниками; в итоге, когда вышедшая в ноябре 1694 года из Ньюпорта «Эмити» вновь достигла Мадагаскара, численность экипажа составляла уже шестьдесят человек. Кроме того, увеличилось количество кораблей: помимо самого Тью с «Эмити» в состав пиратской эскадры вошли: его друг-пират Уильям Вонт (плывший на собственной бригантине), бравый капитан Гловер (на судне, снаряженном на средства крупных нью-йоркских коммерсантов), а также еще один пиратский «авторитет» – Томас Уэйк собственной персоной, вышедший на небольшом барке из Бостона и примкнувший к Тью в Ньюпорте. Отменная команда поддержки!

Томас Тью, конечно же, намеревался вернуться обратно и вновь попытать счастья на Красном море. На этот раз ему было куда проще настоять на своем. К вожделенной цели своей новой экспедиции Томас Тью привел «Эмити» уже в июне 1695 года. Забавно, что Красное море явилось для него местом встречи с эскадрой известного пирата Генри Эвери, шедшего на флагмане под названием «Фэнси». Эвери, прослышав о том, как повезло Томасу Тью на Красном море, тоже решил двинуться туда, чтобы попытать счастья.

Флаг Томаса Тью

И вот теперь они встретились. Томас Тью, мгновенно оценив все преимущества возможного союза, решил примкнуть к эскадре Эвери. Для всех было очевидно, что Красное море стало принадлежать пиратам. Вскоре они решили атаковать флотилию из 25 судов индийского казначейства. Их дерзкий и отважный демарш наверняка бы увенчался полным успехом, но в завязавшейся баталии Томас Тью был убит на месте, попав под пушечное ядро, выпущенное с вражеского борта. Тело Тью было разорвано на части, палубу «Эмити» обагрила кровь капитана… Жуткая и внезапная гибель Томаса Тью совершенно деморализовала подавляющее большинство экипажа «Эмити» – тут сказалась досадная поспешность (естественно, вынужденная), которую проявил Тью при обновлении команды. Экипаж судна сдался; Генри Эвори, выказав свою верность уставам пиратского братства, яростно атаковал противника и сумел отбить всех членов команды Тью, угодивших в плен. Мимоходом Эвери еще отбил два корабля с золотом. Пираты вновь изрядно обогатились.

Что стало с останками безвременно погибшего Томаса Тью, так и осталось невыясненным.

Маршрут, которым следовал Тью от Бермуд и потом вдоль побережья Африки (с прохождением мыса Доброй Надежды) к Баб-эль-Мандебскому проливу и Красному морю, получил название: «Пиратский круг». Генри Эвори и еще один знаменитый пират – Уильям Кидд впоследствии неоднократно им пользовались.

У всех в памяти также сохранился любимый флаг капитана Тью: рука с кривым обнаженным мечом на черном фоне. Примечательно, что примерно два с половиной столетия спустя у 13-й горной дивизии «Ханджар» имела место схожая эмблема.

4. Джон Боуэн (John Bowen)

Как и Томас Тью, Джон Боуэн (? – 1704 г.) занимался пиратством в акватории Красного моря; впрочем, он также обожал Персидский залив и Индийский океан. Это были излюбленные места его рейдов. Несмотря на то что ему выпало действовать в золотую эру пиратства (1690–1730 гг.), ему не удалось столь серьезно преуспеть, как тому же Томасу Тью. Однако его добыча, составившая в пересчете на современный курс $ 40 миллионов, не может не впечатлить! Так что четвертое место в списке «Форбса» – за ним.

Джон Боуэн родился на Бермудах. Начало его карьеры, на первый взгляд, совсем не предвещало того, что он станет пробавляться разбоем на море. Когда Боуэн повзрослел и достиг должного возраста, он перебрался в Южную Каролину. Там он, можно сказать, сделал карьеру, очень скоро став капитаном торгового корабля. Его судно совершало рейсы между Каролиной и Вест-Индией. Прошло несколько благополучных лет, и тут Судьба преподнесла Боуэну неприятный сюрприз. Его корабль подвергся нападению французского корсара. Судно, естественно, было взято на абордаж и разграблено, а весь экипаж, включая Боуэна, был взят в плен. Пленных французы использовали для совершения грубой работы на судне. Французы вдоволь покружились по Атлантике, потом двинулись к африканским берегам; оттуда двинулись в направлении Мадагаскара, где пиратский бриг угодил в шторм и сел на мель у юго-западного побережья острова. Нескольким счастливцам удалось спастись из пиратского плена. В их числе был и экс-капитан Джон Боуэн. Моряки понимали, что оставаться на Мадагаскаре им нельзя – пираты рано или поздно до них доберутся. Воспользовавшись паникой, Боуэн с товарищами по несчастью стащили лодку, оперативно спустили ее на воду и потом неистово гребли 45 миль до ближайшего острова. Им оказался

Сант-Августин. Там спасшимся из неволи мореходам пришлось стать заправскими островитянами – надо ведь было как-то жить. А полтора года спустя у берега бросил якорь фрегат капитана Рида. Джон Рид, английский буканьер. Он застал новоявленных островитян врасплох и захватил. Будучи неглупым человеком, он, конечно же, вполне отдавал себе отчет в том, что профессионально обученные моряки – ценное приобретение. Поэтому он напрямик предложил им примкнуть к пиратам. Это называется «предложение, от которого нельзя отказаться». Альтернативой была смерть. Так Боуэн поневоле стал пиратом, причем по решению всей команды его назначили штурманом.

Поначалу он еще сдерживался. Сосредотачиваясь исключительно на своих профессиональных обязанностях штурмана. Вскоре после этого к капитану Риду попал в руки большой арабский парусник; улов, однако, оказался крайне невелик. Рид принял решение вернуться на Мадагаскар. И вот там-то и произошла встреча Джона Боуэна с прославленным и кровожадным пиратом Джорджем Бутом. Он оставил Рида и примкнул к Буту, приняв решение стать пиратом, раз уж к этому его подводит сама жизнь. Бут прохлаждаться напрасно не любил и почти сразу вышел в море. В апреле 1699 года фрегат Бута дерзко напал на огромный, водоизмещением в 450 тонн, невольничий корабль «Спикер», вооруженный пятьюдесятью орудиями, и захватил его. Плавая под началом Бута, Джон Боуэн активно перенимал у пирата его навыки, готовясь в обозримом будущем начать самостоятельную карьеру пирата. Его учение продлилось недолго: в 1700 году Джордж Бут был убит в схватке с арабами. Это произошло, когда Бут у поселения на острове Занзибар пытался реализовать захваченные на «Спикере» ценности. Но еще до его кончины Джон приобрел такой вес и полномочия на корабле, что, когда Бута не стало, все единодушно выбрали капитаном Боуэна. Примечательно, что, оценив технические качества захваченного ранее «Спикера», Боуэн именно его избрал в качестве своего флагманского корабля. Вот так некогда мирный торговый капитан Джон Боуэн стал главарем кровожадной банды пиратов, которая наводила ужас на всех, кому предстояло пересечь Красное море или миновать Персидский залив.

У Красного моря очам новоявленного корсара предстала хорошо вооруженная флотилия из 13-ти индийских судов. Боуэн бесстрашно ее атаковал и даже сумел захватить один корабль, на борту которого было обнаружено свыше ‡ 100 тысяч золотом! Даже не думая брать передышку, Боуэн продолжил свой победный рейд. В 1701 году его жертвами стали еще несколько английских кораблей, перевозивших ценности из расположенных в Индии колоний. Корабли эти принадлежали к находившейся у побережья Малабара флотилии, которой командовал капитан Конвей. Замечательная подробность: прирожденный бизнесмен, Джон Боуэн виртуозно совмещал рейды на море (приносившие ему корабли и различные ценности) с прибыльной торговлей в портовых городах (все теми же кораблями и ценностями)! Его ничуть не смущало то обстоятельство, что выставленные им на продажу захваченные суда могли легко узнать. Например, тот самый индийский корабль, столь обогативший пиратов содержимым своих трюмов, Боуэн продал с тройной для себя выгодой!

В конце 1701 года Джон Боуэн лишился своего флагмана. Направляясь на Мадагаскар, он предпринял довольно-таки рискованный маневр, который не удался, вследствие чего «Спикер» налетел на риф Святого Фомы у острова Маврикий. Несмотря на крушение, Боуэну с большей частью экипажа удалось спастись. Губернатор Маврикия (на тот момент – голландец) радушно встретил пиратов, а прознав, что они располагают приличными средствами, мигом предложил им купить по сходной цене добротный шлюп. Этот шлюп Боуэн со своими головорезами чуть позже поменяли на бригантину, ставя на быстроходность и маневренность судна. И вот на борту этой бригантины, названной «Контент», пираты в итоге достигли Мадагаскара и основали там свое поселение у форта Маратан. Часть пиратов во главе с Томасом Говардом добралась до портового поселения Майотта, где, захватив вооруженный 36 орудиями фрегат «Удачливый», они начали самостоятельно охотиться на торговые суда.

В начале 1702 года пиратам удалось захватить «Скорое возвращение», невольничий корабль под управлением капитана Драммонда, который, имея в своем ведении еще одно судно – потрепанную временем «Бригантину», намеревался забить трюмы обоих кораблей рабами на острове Святой Марии (у Мадагаскара), с тем чтобы продать их для работы на португальских плантациях какао в Африке. Его планам не удалось осуществиться. Пираты тут же предали ветхую «Бригантину» огню, а «Скорое возвращение» решено было переоборудовать для успешного противостояния военным фрегатам. Когда переоборудование завершилось, «Скорое возвращение» и «Контент» вышли в море. Но вот незадача! В первую же ночь «Контент» напоролся на мель; на «Скором возвращении» этого даже не заметили! Боуэн, обнаружив поутру отсутствие «Контента» сильно подивился, но, поскольку бригантины не было видно (ночью «Скорое возвращение» отмахало приличную дистанцию!), он продолжил свой путь к Макаренским островам, располагавшимся в 650 километрах от Мадагаскара. Его влекла туда вполне определенная цель. От моряков из прежнего экипажа «Скорого возвращения», примкнувших к пиратам, он узнал о том, что у Макаренских островов должно находиться еще одно богато груженное судно капитана Драммонда, которое дожидается его появления. Достигнув Макарен, Боуэн там не обнаружил никаких следов «Рук Гэлли»; обеспокоившись, он предпочел вернуться на Маврикий. «Рук Гэлли», однако, не оказалось и там. Правда, в гавани присутствовали другие корабли, но, не располагая информацией об их грузе, а главное – о вооружении, Боуэн отказался атаковать. «Скорое возвращение» двинулось обратно к Мадагаскару; там у форта Дофин пираты неожиданно обнаружили «Контент»! Экипаж бригантины каким-то чудом сумел снять судно с мели и достичь на нем Мадагаскара. Тем не менее было ясно, что дни «Контента», увы, сочтены… Как некогда «Бригантину», его тоже обрекли на сожжение. Команда с «Контента» перебралась на борт «Скорого возвращения».

А практически уже в конце 1702 года состоялась долгожданная и вполне прогнозируемая встреча. Боуэн встретился с Томом Ховардом (предводителем той группы пиратов, что некогда предпочла уйти с ним, а не оставаться с Боуэном). Встреча прошла на должном уровне; пираты даже решили встретить вместе Рождество. Во время празднования было заключено историческое соглашение: Ховард и Боуэн решили объединить свои силы! Сразу же выйти на охоту не удалось: «Скорому возвращению» был необходим капитальный ремонт. Однако уже в августе 1703 года оба пирата на своих судах вышли в море на совместный промысел. Их жертвой стало торговое судно «Пемброк», принадлежавшее Ост-Индской компании. Они настигли его в районе Коморских островов в Индийском океане. Потом дуэт блестяще проявил себя, переместившись на Красное море, где пираты взяли на абордаж два индийских корабля; тот, что был покрупнее, им явно глянулся. Боуэн и Ховард переименовали его в «Дерзкий» и присоединили к мини-эскадре. Но потом пираты временно расстались – по какой именно причине, неизвестно. Ховард не стал даже ожидать раздела добычи, договорившись встретиться с Боуэном в индийском порту под названием Раджапура. Боуэн, сравнив «Скорое возвращение» с «Дерзким» и ощутив, насколько его флагман проигрывает, начал готовиться к расставанию с ним. Через какое-то время оба пиратских корсара встретились в Раджапуре. Внушительная добыча была справедливо поделена. Боуэн сжег «Скорое возвращение»; Ховард последовал его примеру, запалив своего «Удачливого». Он также заявил Боуэну, что предпочитает задержаться на суше – пора хоть ненадолго насладиться покоем, не мальчики ведь уже. Видимо, слова Ховарда запали Джону Боуэну в душу. Выйдя в море, он взял курс на Макаренские острова. Достигнув архипелага, он сделал неожиданное заявление, что намерен завязать с пиратской жизнью и осесть на Мадагаскаре. После этого Боуэн и его команда – все сорок пиратов – сошли с корабля на берег. Однако намерению Боуэна начать мирную жизнь, по сути, так и не дано было осуществиться – во всяком случае, в полной мере. Шесть месяцев спустя он заболел непонятным недугом, который поразил его кишечник, и скончался. Похоронен он был там же, на Макаренских островах.

Его последний флагман – «Дерзкий» с оставшимися членами пиратского экипажа,

избравшими своим капитаном Натаниэля Норта, отправился навстречу новым приключениям.

5. Бартоломью «Черный Барт» Робертс (Bartholomew «Black Bart» Roberts)

Бартоломью Робертс (17 мая 1682 г. – 10 февраля 1722 г.) замыкает пятерку самых удачливых пиратов (по версии журнала «Форбс»). Родина этого пирата – Пемброкшир (Уэльс, Англия); регионы, где он преуспел более всего, – Атлантика, Карибы. Он прославился в истории не только как один из самых удачливых пиратов, но еще и как самый неуловимый из всей буканьерской братии. За свою карьеру он захватил свыше 470 кораблей!

В сущности, не было никаких признаков того, что юному Джону (таково, кстати, было его настоящее имя) Робертсу вообще суждено сделать карьеру на море, пусть даже скандальную.

Бартоломью Робертс

Вместе с тем для выходца из бедняцкой семьи (а отец Джона – Джордж Робертс едва ли мог претендовать на статус хотя бы отчасти преуспевающего человека) в те времена более реального способа разбогатеть, в сущности, и не было. Не желая всю жизнь прозябать в нищете подобно своему отцу, Джон в возрасте 13 лет поступает юнгой на торговый корабль. Ведь всегда нужно с чего-нибудь начинать. О его местонахождении с 1695 до 1718 года, увы, нет никаких сведений. Известно, правда, что в 1718 году он служил помощником капитана на одном барбадосском шлюпе. В следующем, 1719 году мы встречаем его уже в статусе третьего помощника на невольничьем корабле «Принцесса»; судно было приписано к лондонскому порту, а командовал им капитан Абрахам Пламб. В начале июня 1719 года «Принцесса» бросила якорь у западного побережья Африки, в районе Ганы. И именно там она внезапно подверглась нападению пиратов. Пираты пришли на двух кораблях, «Ройял Ровер» и «Сент-Джеймс». Оба судна находились под командованием Хоуэлла Дэвиса. Дэвис, как это ни странно, оказался земляком Робертса; более того, он тоже был из Пемброкшира! В этом, несомненно, был особый знак Судьбы. Часть моряков с «Принцессы» заставили силой примкнуть к пиратам, Робертс был в их числе. Впрочем, сильно заставлять его не пришлось. Быстро освоившись со своим новым положением, он с большой готовностью присоединился к экипажу, причем сразу же продемонстрировал Дэвису свой талант навигатора – профессия эта, надо сказать, была в большой чести на пиратских кораблях. Дэвис был очень рад подобному приобретению и постоянно консультировался с Робертсом относительно прокладывания верного курса. Кроме того, он порой доверял земляку секреты, неведомые даже его команде. Дэвиса и Робертса, помимо всего прочего, роднило одно страстное желание: прожить по-настоящему интересную, насыщенную жизнь. Пусть недолгую, зато веселую!

Впрочем, Хоуэлл Дэвис, хотя и весьма доверял своему земляку, но держал его, тем не менее, в строгой узде. Если говорить о доле добычи, выделенной новому навигатору пиратов, то она была, пожалуй, неоправданно мала – всего лишь ‡ 3 ежемесячно. Конечно же, отцу Джона Робертса да и самому Джону подобная сумма могла показаться изрядной, но Бартоломью Робертсу она представлялась крайне скудной. Будучи весьма честолюбивым, он сам мечтал

стать капитаном. Но статус капитана подразумевает, как правило, наличие собственного корабля. Собрать же достаточную сумму, имея месячное жалованье в ‡ 3,– это утопия!

Однако жизнь продолжалась.

Эскадра пиратов взяла курс на Принсипи, попутно ограбив богатый голландский бриг, с которого только одного золота удалось взять на ‡ 15 000! Правда, вскоре эскадра сократилась на одно судно, поскольку «Сент-Джеймс» из-за прохудившегося днища пришлось бросить. Все пираты плыли теперь на «Ройял Ровере». Оказавшись в гавани Принсипи, Хоуэлл Дэвис попытался похитить губернатора под видом приглашения на званый обед. Дерзкий замысел Дэвиса был, однако, раскрыт, и в завязавшейся перестрелке его убили.

Губернатор был уверен, что гибель лидера лишит пиратов присутствия духа, и они просто-напросто сдадутся на милость победителям. Если бы он знал, что в это время происходит на корабле, он бы пришел в ужас. А на борту «Ройял Ровер» шли… выборы нового капитана! Хоуэлл Дэвис еще при жизни разделил экипаж, следуя структурному делению английского парламента; правда, палат не было, но каждый пират принадлежал или к Лордам или к Общинам. Лордами были наиболее авторитетные пираты; именно от их решения зависело, кому быть новым капитаном. Их вердикт был достаточно необычен: выбор пал на Робертса! К слову сказать, он находился на борту «Ройял Ровера» от силы шесть недель, притом еще колебался – быть ему с пиратами или нет. Однако пиратам он приглянулся – он был высок, силен и отважен. Тем более что все прекрасно знали, что он искусный мореход. Это стоило дорогого. Так что, можно сказать, результат голосования был предрешен заранее. Робертс, узнав о решении пиратов, был потрясен. Шесть недель назад он был всего лишь третьим помощником на среднем торговом корабле – и вдруг теперь его избирают капитаном настоящего пиратского брига! Он тут же решает изменить имя на Бартоломью – в честь известного буканьера Бартоломью Шарпа. Однако такие длинные имена у пиратов были не в чести – новоявленного капитана величали в дальнейшем Черный Барт (видимо, по причине длинных непокорных волос цвета воронова крыла).

Тут же последовал первый приказ Черного Барта. Он призвал пиратов жестоко отомстить губернатору Принсипи за смерть Хоуэлла Дэвиса. «Ройял Ровер» на всех парусах помчался на приступ форта. Губернатор же ни сном ни духом не помышлял о том, что подобное вообще может произойти. Поистине самоуверенность чревата серьезными последствиями! Город подвергся яростному обстрелу из всех орудий, что имелись на борту «Ройял Ровера». Форт был объят огнем, многие погибли, а души оставшихся в живых надолго преисполнились ужаса.

Отдав таким образом щедрую дань мести, Черный Барт вышел в море; «для разминки» он захватил один голландский бриг и полностью его разграбил. Немного погодя пиратам встретился английский невольничий корабль, который был ими спален. После этого Черный Барт повел свой корабль к берегам Бразилии в надежде на особенную добычу.

Испытания не заставили себя ждать. Уже в сентябре 1719 года «Ройял Ровер» буквально натолкнулся на огромную флотилию из 44 судов. Из них 42 корабля были торговыми судами Португалии, а охраняли их 2 хорошо вооруженных фрегата; каждый имел на борту по 70 орудий. Черный Барт не утратил присутствия духа. Он повел «Ройял Ровер» в атаку, и его дерзость и отвага принесли желанные плоды. Добычей пиратов стал внушительных размеров шлюп с десятью орудиями; в его трюмах было обнаружено свыше ‡ 30 000 золотом и другие ценности. Однако в то время, когда Черный Барт сражался с отрядом удальцов на палубе португальского шлюпа, на «Ройял Ровере» произошла… смена власти. Бывший карманник, а ныне джентльмен удачи по имени Уолтер Кеннеди, помощник Черного Барта, которому он слепо доверял, тоже решил… стать капитаном! Он выждал, пока большая часть награбленного была переправлена на борт «Ройял Ровера», а потом преспокойно приказал поднять паруса и отбыл восвояси. Что касается команды, то Кеннеди воспользовался

заманчивым козырем: он предложил пиратам вернуться домой, разделив между собой все ценности! Кеннеди действовал наверняка: Черный Барт, еще лишь начавший наслаждаться своей новой ролью, твердо намеревался двигаться к побережью Бразилии. А тут была возможность скоро ощутить под ногами твердую почву и весело потратить свою долю. Кроме того, собираясь взять на абордаж португальский шлюп, Черный Барт назначил капитаном именно Кеннеди – как своего помощника. Так что Уолтеру Кеннеди даже не требовалось выставлять свою кандидатуру на голосование: по сути, он и был капитаном!

Черный Барт стойко воспринял случившееся. В сущности, все обстояло не так уж и скверно. Прежде всего, у него по-прежнему был корабль. Пусть не такой уж и большой, но вполне достойный. Плюс десять орудий. Это тоже было немаловажно. Черный Барт переименовал шлюп в «Удачу» и приступил к пиратскому террору морских пространств. Им были захвачены несколько кораблей среднего водоизмещения; впрочем, трюмы их были не особенно богаты. Поскольку известие о нападении на португальцев скоро сделалось достоянием гласности, для поимки пиратов были отряжены несколько военных судов. Шлюпу Черного Барта выпало стать объектом преследования английского военного фрегата. Однако Барту явно сопутствовало везение, и он счастливо избег погони. Между тем объем добычи, находившейся на борту «Удачи», все рос и рос. Бартоломью Робертс почел за благо вернуться в Новую Англию.

Неплохо погуляв на суше, Черный Барт снова вышел в море летом 1720 года. Его «Удача» двинулась к берегам Ньюфаундленда. Именно там ему и было суждено проявить себя в полной красе. «Удача» мгновенно стала ужасом всего побережья. Все попытки настичь пиратов и уничтожить оказались неудачными. Между тем он захватил двадцать шесть кораблей, сто пятьдесят рыболовецких лодок и под конец уже настолько увлекся, что принялся уничтожать береговые постройки. Одним из его трофеев стал 18-пушечный вельбот, который он сменял на 28-пушечный французский фрегат. Черный Барт назвал его «Королевской удачей» и, почувствовав, что начинает скучать, двинул свои корабли на юг. На пути он ограбил еще с дюжину кораблей английского торгового флота. Численность экипажа его небольшой флотилии росла буквально не по дням, а по часам. Это происходило потому, что многие моряки, устав тянуть казенную лямку, добровольно переходили на сторону пиратов. Поскольку число волонтеров не снижалось, Черному Барту пришлось ограничить прием. Впрочем, к англичанам он всегда благоволил, так что тех принимали в команду охотно. Зато французы были ему явно не по душе. Согласно некоторым источникам, Черный Барт даже не брезговал жестоко пытать своих пленников, если те оказывались французской национальности. Многих же он вообще убивал.

Любопытно, что все это время Бартоломью Робертс мечтал попытать пиратского счастья у берегов Африки. Его первая попытка оказалась не слишком удачной по причине скверных погодных условий; кроме того, из-за отсутствия опыта путешествий по этому направлению приготовленных запасов питьевой воды катастрофически не хватило (под конец оставалось лишь не более одного глотка воды в день в расчете на члена команды!). По возвращении домой Черный Барт решил предпринять новый вояж по весне следующего (1721) года, ну а в ближайшие полгода – как можно ярче проявить себя на Карибском море.

И это ему удалось!

Осень 1720 года для Черного Барта выдалась хлопотная, но крайне урожайная. Начал он с острова Св. Киттса, в гавани которого разграбил один корабль, а еще несколько предал огню. После непродолжительного ремонта на острове Черный Барт захватил пятнадцать кораблей – как французских, так и английских. В начале января 1721 года пришел черед голландцев. Пиратам удалось взять на абордаж 32-пушечный невольничий фрегат, шедший под голландским флагом. И тут в голове Черного Барта родилась весьма остроумная комбинация. Он велел части пиратов перебраться на голландский фрегат и следовать к берегам Мартиники (Малые Антильские острова) и, проплывая вдоль них, передать при помощи

флажков приглашение следовать на остров Св. Лючии на якобы имеющую там место рекордно дешевую распродажу рабов. Поскольку рабы всегда были в большой цене, это предложение было воспринято французами (Мартиника была и остается владением Франции) с горячим энтузиазмом. Целая флотилия кораблей двинулась к острову Св. Лючии. Однако по пути они подверглись внезапному нападению пиратов, которыми, понятное дело, руководил Черный Барт. Итог был поистине ужасен: разграблению и последующему сожжению подверглось порядка 15 кораблей! Экипаж судов был захвачен и подвергнут жесточайшим пыткам. Например, некоторым пленным пираты отрезали уши, а тела других жертв, вздернутых на рее, распоясавшимися головорезами использовались… в качестве мишеней для стрельбы!

Черный Барт был вполне удовлетворен, он уже готовился к африканскому вояжу. Но перед этим было необходимо привести его эскадру в должный порядок. При детальном осмотре выяснилось, что «Королевскую удачу» целесообразнее заменить на более свежее судно. Им явилась «Бригантина», вооруженная восемнадцатью орудиями. Черный Барт тут же окрестил ее «Большой удачей». Все было готово для африканского вояжа. Но непосредственно перед началом плавания Черный Барт взял последний аккорд. Ему удалось заполучить 50-пушечный фрегат, принадлежавший губернатору Мартиники, причем последний сам находился на борту. Черный Барт был просто в восторге; губернатора он тут же повесил, а его величественный фрегат присоединил к своей эскадре. Кстати, и тут не обошлось без переименования: бывший фрегат губернатора стал называться с легкой руки Черного Барта…«Королевской удачей»!

Команда Бартоломью Робертса пирует

Пират был настолько помешан на своем невероятном везении, что стремился подчеркнуть это при малейшей возможности.

Настал апрель 1721 года. Завершив все необходимые приготовления, Бартоломью Робертс двинулся к вожделенным берегам Африки. Помимо получения новой добычи, он намеревался с выгодой для себя и команды поменять имевшиеся у них награбленные ценности на золото. Золоту, надо заметить, Черный Барт как-то особенно доверял. Флагманом эскадры стал, как можно было догадаться, губернаторский фрегат. Причем в трюмах «Королевской удачи» находилась большая часть сокровищ, добытых пиратами. Команда фрегата достигала 228 человек, в числе которых было 48 негров. На «Большой удаче» численность команды была не так велика: 140 душ, и из них 40 – негры. Разношерстность команды вела к проблемам в плане повиновения. Чтобы держать эту оголтелую свору под контролем, Черный Барт нередко прибегал к чересчур свирепым мерам, нещадно наказывая за малейшую провинность. То, что он, случалось, перегибал палку, не могло снискать ему больших симпатий команды. Назревал бунт. Во главе его оказался Томас Энстис, ближайший сподвижник Хоуэлла Дэвиса, перешедший после его гибели на службу к Робертсу. Несмотря на то что Робертс ценил Энстиса, и причем настолько, что даже доверил ему «Большую удачу», тот считал себя незаслуженно обделенным. Он подговорил команду «Большой удачи», и они решили сбежать с имевшейся у них на борту добычей. Черный Барт был вне себя, но преследовать изменников не стал, не желая поступаться своим маршрутом. И в июне 1721 года «Королевская удача» встала на якорь у побережья Африки, попутно захватив четыре корабля; Черный Барт приказал три из них сжечь, а четвертый, тот что был получше остальных, переименовал в «Маленького бродягу» и перевел на него часть команды. После этого корабли пиратов двинулись к Либерии; там их жертвой стал фрегат «Онслоу» с большим грузом ценностей и денег. Этот фрегат Черный Барт также не стал сжигать или топить, поскольку предпочел присоединить к эскадре. Правда, над названием хорошенько

подумать времени не было, а потому «Онслоу» превратился в еще одну «Королевскую удачу».

Затем пиратская эскадра двинулась к Нигерии, а оттуда – к Берегу Слоновой Кости. Его добычей стали еще шесть судов. Далее пираты достигли побережья Бенина. Там им повезло еще больше: целых одиннадцать невольничьих кораблей! Черный Барт предложил капитанам заплатить огромный выкуп; отказался лишь один из них, португалец. В итоге оба его корабля со всем грузом рабов были сожжены. Остальные же безропотно заплатили. Оглядев все корабли, Черный Барт отметил один фрегат, решив, что настало время сменить флагман. Так и случилось. Новым флагманским кораблем Робертса стал «Большой бродяга». Произведя учет всей добычи, Черный Барт счел целесообразным вернуться в Бразилию. Пираты были рады его решению, уж очень им не терпелось красиво потратить свои денежки! Они еще не знали, что в душе Робертса зрело решение покончить с карьерой пирата, а команду – по прибытии домой – просто распустить.

И тут везение изменило Черному Барту. Его эскадра привлекла внимание двух английских военных фрегатов. Один из фрегатов, «Ласточка», захватил «Большого бродягу». Это произошло 5 февраля 1722 года. По счастливой случайности, Робертс остался на борту «Королевской удачи», а то непременно оказался бы в плену. Причем пираты даже не знали о том, что произошло. На «Большом бродяге» приняли «Ласточку» за торговое судно и пустились за ним в погоню. «Ласточка» выжидала, пока «Большой бродяга» удалится от кораблей пиратской эскадры, а когда это случилось, развернулась и атаковала. А еще пять дней спустя «Ласточке» удалось настичь и «Королевскую удачу». Та с еще двумя кораблями находилась у мыса Лопес, напрасно дожидаясь возвращения «Большого бродяги». Впрочем, на борту царило веселье: только что пиратам достался еще один торговый шлюп со всем содержимым. Команда была пьяна в стельку. Тем не менее всегда бывший начеку Черный Барт заметил «Ласточку», мигом все понял и задумал напасть первым. Он повел «Королевскую удачу» навстречу английскому фрегату, но из-за смены ветра нарушилась маневренность, и судно развернуло всем бортом. Англичане немедленно воспользовались капризом стихии и произвели по пиратам залп картечи из всех орудий. Бартоломью Робертс, находившийся прямо на мостике, погиб на месте. Выполняя его последнюю волю, пираты бросили тело своего капитана за борт, лишь бы оно не досталось англичанам.

Памятная табличка в честь Бартоломью Робертса

(текст возносит его заслуги как пирата, указывая, что Робертс погиб от ранения картечью в шею)

А сражение между тем продолжалось. Несмотря на численное превосходство, пираты, оставшиеся без предводителя, действовали хаотично и неграмотно. Спустя три часа сдалась «Королевская удача», а потом и остальные два корабля пиратской эскадры. Вся добыча досталась англичанам. За исключением, правда, некоторой доли сокровищ, которую в пылу битвы прихватил с собой капитан «Маленького бродяги», умудрившись сбежать на шлюпке. Прочих пиратов капитан «Ласточки» Челлонер Огл доставил в Гану, где на Капском берегу они были преданы суду. Пираты-негры были возвращены в рабство; что касается белых, то сорок четыре человека угодили на виселицу, еще тридцать семь были отправлены на каторгу. Самое же удивительное заключалось в том, что остальные семьдесят четыре человека были эти судом… оправданы и отпущены на волю!

Так завершилась жизненная эпопея Бартоломью Робертса, прозванного Черным Бартом, и его команды.

6. Жан Флёри (Jean Fleury)

Жан Флёри (? – 1527), которого также знали под именем Флорин, был французским морским офицером, а потом стал известным корсаром. Он прославился своими подвигами, охотясь за кораблями, плававшими на просторах Атлантического океана. Его визитной карточкой стало взятие на абордаж нескольких испанских галеонов, шедших из Мексики в Испанию и доверху груженных золотом ацтеков. В пиратских анналах – это самый первый случай посягательства на собственность испанской короны в Атлантическом регионе.

О детстве и юности Жана Флёри сведений практически нет. Правда, известно, что он родился в Нормандии, а потом служил под началом Жана Анго. О последнем следует рассказать особо.

Жан Анго (1480–1551) – был зажиточным судовладельцем, состоявшим в дружеских отношениях с королем Франциском I. Обоих роднила – помимо всего прочего – изрядная любознательность и желание изведать мир; именно Анго предоставлял Франциску I свои корабли для исследовательских экспедиций. Уроженец Дьепа, Жан Анго пошел по стопам своего батюшки, известного торговца специями. Он был одним из немногих, кому удалось наладить торговые отношения между Африкой и Индией. Кроме того, в своих мемуарах именно Анго впервые поведал Старому Свету о практическом использовании табака. Добившись существенного приращения отцовского бизнеса, Анго в итоге располагал огромной флотилией, составлявшей около 70 кораблей! Его флотилии доминировали и в Атлантике; ненавидевший испанцев, Анго стремился подорвать их господство на море. Кстати, именно тогда, в начале двадцатых годов шестнадцатого столетия, Жан Флёри и стал служить офицером военной эскадры Анго.

Жан Анго большей частью невероятно преуспевал, однако его покой был в одночасье нарушен в 1531 году, когда по приказу короля Португалии Иоанна III было конфисковано судно, принадлежавшего ему. Жан Анго потребовал у своего друга – Франциска I специальную лицензию, согласно которой он мог напасть на любой португальский корабль, встреченный в Атлантическом океане. Он привел в полное расстройство португальский флот, мало того – Анго пригрозил Иоанну III, что если он не получит возмещения своих материальных и моральных издержек, то возьмет приступом Лиссабон, столицу Португалии. И что характерно, он отнюдь не шутил! Иоанн III, надо отдать ему должное, воспринял угрозу исключительно серьезно и по здравом размышлении согласился на уплату серьезной контрибуции. Анго был удовлетворен. Еще в 1521 году он по милости короля стал виконтом, а потом, девятью годами позднее, был назначен начальником военно-морских сил Дьепа. Однако под конец жизни врожденное благоразумие изменило Анго. Необдуманно приняв на себя бремя финансирования военных проектов короля, он разорился и скончался, по сути, будучи уже банкротом.

Вот с таким человеком свела судьба Жана Флёри на заре его профессиональной карьеры. Можно сказать, что дебют Флёри был блестящим. Он сразу же приглянулся Анго. Настолько, что тот даже вскоре поручил ему управлять одной из своих флотилий и самостоятельно атаковать испанские корабли.

Случай проявить себя представился тоже достаточно быстро.

Произошло это в мае 1523 года.

Неподалеку от Азорских островов эскадра Флёри, состоявшая на тот момент из 8 судов (оцените степень доверия Анго к своему фавориту!) встретила флотилию испанских кораблей. Зоркий глаз Флёри тотчас же подметил необычность ситуации: несколько пузатых галеонов, явно с большим грузом, находились под охраной трех внушительных военных фрегатов. Стало быть, груз не только изрядный, но еще и наверняка очень ценный. Почувствовав большую добычу, Флёри атаковал флотилию. Его эскадра, хоть и превышала числом конвой испанцев в несколько раз, но по огневой мощи испанцы явно доминировали. Атаковать в лоб было крайне опасно, в чем Флёри тут же убедился, встретив ожесточенное сопротивление. Он изменил тактику, решив изводить испанцев мелкими выпадами.

Его выбор оказался удачен. Фрегаты были сильны и практически несокрушимы в отражении лобовых атак, но к затяжному, нудному и напряженному противостоянию оказались не готовы. Инициатива была все время в руках Флёри. Он терпеливо выжидал и, в конце концов, был вознагражден. Решающая схватка произошла уже у юго-западного побережья Португалии, возле мыса Св. Винсента. Видимо, почувствовав близость родных берегов, испанцы несколько расслабились, решив, что самое страшное позади. Этого, однако, им делать не стоило. Флёри мгновенно воспользовался оплошностью и, бешено атакуя, сумел отбить два галеона! Военные фрегаты были уже не в силах помешать ему. А немного погодя пираты обнаружили, что в трюмах галеонов находилось золото в слитках, похищенное легендарным Эрнандо де Кортесом из дворца не менее легендарного предводителя ацтеков Монтесумы!!! Кроме золота также присутствовали изумруды, богато украшенные драгоценными камнями изысканные одеяния, а также экзотические животные и птицы. В довершение всего среди команды захваченных пиратами галеонов присутствовали доверенные лица самого Кортеса, которые располагали исключительно важной информацией для испанского короля.

Когда Жан Анго увидел, какие сокровища удалось добыть Флёри, и познакомился с тайной информацией, вырванной под попытками у людей Кортеса, то пришел в восторг. Он был потрясен до глубины души, поскольку тотчас же осознал, какие сокровища заключают в себе еще неисследованные территории Америки. До сих пор еще ни один из испанских галеонов не становился добычей пиратов. Теперь же Анго убедился, что пиратствовать в водах Атлантики куда более доходное дело, нежели торговля с Индией. И в тот же миг все его флотилии, составлявшие около 70 кораблей, из торговых превратились в пиратские. Блаженные дни безраздельного господства в Атлантике для испанцев закончились. Они вынуждены были пойти на дополнительные издержки, увеличив число кораблей конвоя для всех транспортов наряду с вооружением. Но теперь пиратов уже ничто не могло остановить. Забегая немного вперед, следует добавить, что каких-то семь лет спустя пиратские корабли постоянно сновали в водах Карибского моря, нередко дерзко подходя прямо к побережью и осуществляя разорительные набеги.

А исключительная неприязнь Флёри к испанцам, между прочим, имела под собой вполне реальные основания, хотя, в сущности, все началось с португальского инцидента. Согласно политическим договоренностям того времени, Португалия отказалась от участия в испано-французском конфликте, демонстративно занимая нейтралитет. Теперь представьте себе изумление и ярость Флёри, когда на его флотилию внезапно напали португальские корабли, захватив одно из судов, принадлежавших Анго, а еще также и трофейный корабль. При этом весь экипаж был арестован и брошен в мерзкие казематы лиссабонской темницы. Этот демарш красноречиво говорил о том, что Португалия не выдержала постоянного давления со стороны могущественного соседа и пошла на попятную. Тогда Флёри еще лишь входил в роль капитана; ему было необходимо как можно быстрее реабилитироваться.

Понимая, что именно Испания – корень всех зол, Флёри, однако, решил жестоко отомстить как тем, так и другим. Поскольку нападать на испанские и португальские корабли вблизи их родных берегов было не слишком безопасно, Флёри решил свести с ними счеты в Карибском море, тем более что Анго давно уже хотел получить представление о торговых перспективах

американских земель и о том, каковы вообще прибыли испанцев. Вот, собственно, чем объясняется достопамятное появление Флёри на пути испанского военного конвоя.

В последующие годы пиратские рейды Флёри в Карибском регионе были весьма успешны, он завоевал много богатой добычи. Но, как и большинству пиратов, ему не суждена была долгая карьера корсара.

Не зная поражений на протяжении нескольких лет, Флёри преисполнился такой уверенности, что иногда выходил на охоту в одиночку, без сопровождения своей эскадры. Это не укрылось от внимания испанцев. Они замыслили устроить Флёри ловушку.

В 1527 году ничего не подозревавший Флёри преспокойно в нее угодил, оказавшись атакованным одновременно шестью крупными военными фрегатами. Естественно, Флёри и не подумал сдаваться, он принял бой. Однако силы были слишком уж неравны. Команде Флёри удалось нанести существенный ущерб испанским экипажам (их потери составили около ста человек!), но судно французов все равно в итоге было захвачено. Моряков из команды Флёри просто бросили в ближайшую тюрьму на побережье, а самого корсара под усиленной охраной повезли в столицу, дабы на него, как на дикого зверя, могли полюбоваться при дворе короля Испании Карла V. Злопамятный монарх, так и не сжившийся с фактом того, что, он навсегда лишился бесценных сокровищ Монтесумы, причем именно благодаря злополучному Флёри, приказал повесить дерзкого корсара. Тот гордо принял свою участь. Его команда (те, кто сумел выжить) была выпущена из тюрьмы лишь четыре года спустя.

7. Томас Уайт (Thomas White)

О британце Томасе Уайте (? – 1708 г.) сведения сравнительно скудны, хотя в истории пиратства он зарекомендовал себя как один из наиболее заслуженных грабителей морей. Заработанные им $ 16 миллионов (в современном пересчете) говорят сами за себя. Он пиратствовал на Красном море, не оставлял своим вниманием Индийский океан, захаживал и в Персидский залив.

Уайт родился в Плимуте. Его мать была содержательницей публичного дома. Тем не менее она проявила исключительную заботу о том, чтобы дать своему сыну достойное образование. В душе мальчика сызмальства жила любовь к морю. Когда он повзрослел, то решил избрать для себя карьеру военного моряка. Он успешно прослужил в королевском флоте несколько лет, но потом его намерения решительно изменились. Уайт увольняется с флота и перебирается из Плимута на другой конец света – на Барбадос. Там он занялся торговым делом, женился и всерьез подумывал о том, чтобы остаться на острове навсегда.

Когда он немного освоился, ему была препоручена небольшая изящная бригантина, обладавшая отменно быстрым ходом. На борту «Мэриголд» Томас Уайт совершил несколько весьма удачных торговых рейсов к берегам Гвинеи и обратно. Казалось, что его жизнь налаживается. Ничто не предвещало беды. Но третий рейс Уайта оказался неудачным.

Шел 1698 год. Уайт по своему обыкновению следовал на борту «Мэриголд» с грузом для Гвинеи. Неожиданно корабль англичан был атакован французскими пиратами. Поскольку вооружения на борту «Мэриголд» не было, она представляла собой довольно легкую добычу. Кстати, стремительная бригантина настолько приглянулась французам, что они предпочли покинуть свой барк и, запалив его, перебраться на борт «Мэриголд». Так мирная торговая

бригантина в мгновение ока превратилась в грозное пиратское судно. В дальнейшем пираты двинулись к Гвинее, но там им встретился еще более превосходный шлюп. «Мэриголд», увы, была покинута и сожжена, а пиратский экипаж отправился далее на борту нового шлюпа. Во время пути пираты жестоко измывались над своими пленниками. Ради потехи они использовали их в качестве живых мишеней, с удовольствием упражняясь в искусстве стрельбы. Многие моряки скоро стали жертвами этих варварских развлечений. Дошла очередь стать мишенью и до Томаса Уайта. Один моряк из его команды, отчаянно симпатизировавший своему бывшему капитану, случайно узнал о том, что ближайшей ночью его убьют. Решив спасти капитана, моряк, ничего ему не сказав, предложил на ночь поменяться местами и лечь не с краю, как обычно, а прямо у борта. Сам же отважно занял его прежнее место, заранее зная, что практически обречен на смерть. Так оно и вышло. Когда мертвецки пьяный французский пират, пошатываясь, выбрался на палубу, он в темноте не обнаружил подмены и убил моряка. Уайт же в итоге сохранил свою жизнь.

Пираты плыли в направлении Африки; обогнув мыс Доброй Надежды, их корабль двинулась к Мадагаскару. Но тут произошло непредвиденное. В сущности, французские пираты безудержно прикладывались к бутылке во все время плавания. Это рано или поздно должно было привести к беде. Запамятовав об особенностях фарватера, пираты закономерно сели на мель у южной оконечности острова! Эта местность на туземном наречии называлась Элекса, а управлял ею местный царек по имени Мафали.

Пленные моряки поняли: пришел их час! Они схватили лодку, спустили ее на воду и бешено гребли вдоль побережья около 80 километров, стремясь отойти от места кораблекрушения как можно дальше и избегнуть повторного плена. Когда им показалось, что их разделяет достаточное расстояние, они решили пристать к островку. Это произошло в месте, называемом Бухта Августина. Округа находилась во власти другого туземного царька – Баво. Кстати, Баво оказался настолько цивилизованным, что сносно владел английским, – это существенно облегчало общение с ним.

Моряки задержались в царстве Баво примерно на полтора года. Все это время они находились на полном его обеспечении. Как выяснилось позднее, подобное радушие со стороны Баво давным-давно стало доброй традицией: всех белых, потерпевших кораблекрушение в этом месте, ждал замечательный прием. Добавим еще, что Баво не делал никакой разницы между простыми, почтенными купцами, смиренно и самоотверженно ведущими свой сопряженный с немалыми опасностями бизнес, и корсарами морей, с удовольствием грабивших этих купцов. Кого бы ни выносили волны на берег царства Баво, все встречали со стороны аборигенов бескорыстное участие и любую помощь.

Надо заметить, что таким оригинальным образом жизнь свела довольно-таки любопытных людей. Томас Уайт особенно близко сошелся с экс-капитанами Джорджем Бореманом и Джоном Боуэном. Уайту и Боуэну очень скоро предстояло стать пиратами и даже завоевать особенный статус в этой среде. Однако сами они об этом даже не подозревали.

На исходе их полуторагодичного пребывания у Баво, в бухте бросила якорь незнакомая бригантина. Она оказалась пиратской и управлялась капитаном Уильямом Ридом. Появление Рида совпало с предложением Баво, видимо потихоньку начинавшего тяготиться своими бледнолицыми гостями (видимо, их содержание обходилось царьку недешево!), воспользоваться случаем и отбыть – или же переместиться в другое туземное царство. Мудрые люди из двух зол обычно выбирают меньшее. Так поступили и англичане. Они взошли на борт 60-тонной бригантины Уильяма Рида, пообещав пиратам помогать в управлении кораблем.

Уильям Рид на деле оказался странным типом. Заслуживал внимания его способ набирать команду: он методично двигался вдоль мадагаскарского побережья, подбирая всех моряков, ставших жертвами кораблекрушения. Попадались в основном англичане; Рид был совсем не

прочь присоединить к команде и толику французов (в противовес англичанам), но, поскольку те крайне скверно вели себя по отношению к местному населению, туземцы, всерьез обидевшись, сократили французскую популяцию до минимума.

От Мадагаскара бригантина Рида взяла курс к Персидскому заливу. Там их ждала удача, которой они, тем не менее, не сумели воспользоваться во всей полноте. Им попался бриг, здоровенная 200-тонная посудина, на борту которой пираты не обнаружили никаких ценностей, помимо неприглядного вида тюков. Пираты обыскали весь бриг, пытаясь наскрести хоть крупицу золота, но все было без толку. Разъярившись, пираты побросали все тюки за борт. Представьте теперь себе потрясение Уильяма Рида, когда в ходе последовавшего допроса плененного экипажа выяснилось, что в большинстве тех мерзких тюков находилось то самое золото, которое пираты столь страстно желали отыскать!

Шок, испытанный капитаном, явно не пошел на пользу его здоровью. Через некоторое время он скоропостижно скончался. Капитаном стал его помощник Джеймс. Был взят курс на Мадагаскар, где у прибрежного селения Мезелаге пиратский корабль, на борту которого находился Уайт, встретился с судном знаменитого пирата Джорджа Бута. Был заключен союз, согласно которому пираты намеревались действовать сообща.

В дальнейшем Томасу Уайту пришлось плавать на целом ряде кораблей под началом Боуэна, Бута, Говарда. Именно Говард назначил Уайта своим квартирмейстером, что давало ему почти равные с капитаном полномочия. Будучи вынужден вести пиратский образ жизни, Уайт по возможности стремился минимизировать ущерб, причиняемый пиратами, старался пробудить в их сердцах хоть толику сострадания. Например, однажды был захвачен корабль, на котором вместе с капитаном путешествовали двое его детей. Когда пираты отняли у капитана все ценности, дети стали горько плакать, сокрушаясь, что рейс и так был очень неудачным, а теперь все и вовсе обстоит скверно: отныне их семье суждены лишь горе и нищета. В простоте душевной они даже не допускали мысли, что пираты вообще могли погубить всю команду, включая самого капитана и его детей! Уайт тут же воззвал к пиратам, стремясь убедить тех, что негоже обижать детей. Его речь произвела настолько сильное впечатление, что капитану захваченного судна вернули все ранее отобранные его сбережения, а потом свершилось вообще нечто невероятное. Пираты решили организовать особую подписку для детей и собрали дополнительно целых ‡ 120!

Уайт был с пиратами в налетах на побережье Индии, у острова Маврикий и т. д. Постепенно он стал свыкаться с пиратским образом жизни, неплохо обогатился, хотя стал до некоторой степени злоупотреблять алкоголем. После многих удачных рейдов пираты разделились; так случилось, что Уайт вновь оказался на Мадагаскаре (именно к его берегам пристал корабль, на котором находился Уайт). Он, подумав хорошенько, решил возвести там (в местечке Мезелаге) для себя дом, где он мог бы с комфортом обитать между выходами в море. Однако ему еще предстояло стать и капитаном пиратов!

В 1704 году к берегу у Мезелаге прибило небольшую шхуну. Уайт подобрал команду и – впервые – в качестве капитана отправился на ней к Красному морю, где для пиратов всегда находилась пожива. Он ограбил целый ряд индийских судов, одно португальское и два английских. В итоге ему удалось собрать внушительную добычу; достаточно сказать, что доля рядового пирата составила свыше ‡ 1200!

После триумфального капитанского рейда Уайт вновь осел на Мадагаскаре. А в 1706 году еще один знаменитый корсар – капитан Хэлси, которому была отменно известна репутация Уайта, пригласил его квартирмейстером на свой корабль. Уайт подумал и согласился. Плавание в целом оказалось не слишком удачным. Уайт возвратился на Мадагаскар, сознавая, что пусть у него и не получилось красивой лебединой песни, но главное – он вернулся домой живым! Помимо денег (которых у него и так хоть отбавляй) существуют ведь в мире и иные ценности. Семья, например. О решении покончить со своим образом жизни он

напрямую сообщил пиратам. Те его уважали и чтили, а потому не стали чинить никаких препятствий.

Выйдя «в отставку», Уайт жил на Мадагаскаре в свое удовольствие. Ему было известно, что его прежняя супруга, посчитав, что он погиб, не дождалась и вышла замуж за другого. Поэтому Уайт собрался связать свою судьбу с одной туземной красавицей. От этой связи у него родился сын. Уайт был счастлив и доволен, однако организм его был изрядно ослаблен постоянными возлияниями спиртного. Так уж вышло, что он заболел гриппом; случай был тяжелым. Если бы Уайт держал себя в должной форме, его организм мог бы потягаться с серьезным недугом. А так – шансов практически не было. Он жестоко страдал и понимал, что, скорее всего, умирает. Перед кончиной он распорядился о завещании. Согласно тексту завещания его близким и друзьям доставались некоторые суммы денег, но основной объем средств Уайта наследовал его сын. Документ также заключал в себе перечень из трех фамилий – это были особо приближенные к Уайту люди, которых он назначал опекунами своего сына. Они должны были дождаться появления у берегов Мадагаскара первого же британского корабля и на его борту переправить мальчика в Англию. Этим людям надлежало распоряжаться средствами Уайта таким образом, чтобы его сын воспитывался в христианской вере, взрастал в самом благородном кругу и получил бы блестящее образование. По достижении им совершеннолетия сын Уайта вступал во владение всеми богатствами отца. Доверенные лица Уайта сдержали свое слово и позаботились о скрупулезном выполнении всех условий завещания.

Пираты (по крайней мере, находившиеся в то время на острове) устроили своему (кто – капитану, а кто – квартирмейстеру) пышные похороны с соблюдением всех ритуалов, принятых в среде корсаров.

8. Джон Хэлси (John Halsey)

Джон Хэлси (1622? – 1708) – видный британский пират. Он прославился не только как один из удачливых пиратов, но еще и как наиболее великодушный из них. Его просто боготворила собственная команда. Предпочитаемые регионы Хэлси: Красное море, Индийский океан.

Хэлси родился в Бостоне. О его детстве и юности сведений не сохранилось. Можно с уверенностью утверждать лишь одно: из всех профессий на свете он избрал для себя одну, став пиратом. Причем пиратом удачливым, что немаловажно.

В начале XVIII столетия он, будучи капером, совершал эффектные и дерзкие нападения на испанские и португальские суда. Всякий раз ему доставалась неплохая добыча. Однако наличие каперского патента, в известном смысле, связывало ему руки. И вот, обновив свою испано-португальскую лицензию в 1705 году, Хэлси вознамерился пойти на эксперимент и расширить сферу действий. Не желая довольствоваться лишь испанцами, Хэлси, командуя 10-пушечным «Чарльзом», атаковал на исходе 1706 года крупный бриг, шедший под флагом Голландии. Команда, до этого момента полагавшая, что совершается, как обычно, каперский рейд, решила, что капитан сошел с ума, поскольку обстрелял мирное судно. Тут же созрело решение сместить его с поста. Не открой голландцы ответный огонь, пиратская карьера Хэлси едва ли бы состоялась. В итоге имущество голландского брига перешло к Хэлси и его команде.

Несмотря на счастливый конец, доверие команды к Хэлси было отчасти подорвано. Поэтому, когда он, следуя своему намерению стать профессиональным пиратом, начал один за другим

останавливать и грабить торговые корабли, в недрах экипажа стало расти недоумение. Были моряки, которым не улыбалось закончить жизнь на виселице за свои пиратские подвиги. Хэлси взял курс на Мадагаскар. Там произошла его встреча с капитаном Томасом Уайтом и его моряками. Судно Уайта после финального рейда еще не было восстановлено, поэтому Хэлси предложил ему стать квартирмейстером, а заодно прихватить и маявшуюся на суше без дела команду, члены которой вошли бы в экипаж «Чарльза» на общих основаниях. Предложение насчет команды было более чем актуально, поскольку часть матросов Хэлси, явно не желая следовать пиратской стезей, предпочла остаться на Мадагаскаре. «Чарльз» отправился к Малаккскому проливу, что расположен между Малайским полуостровом и островом Суматра (Индонезия).

Необычный для пиратов маршрут не принес существенных результатов. По возвращении на Мадагаскар Хэлси посчитал необходимым увеличить численность команды, поскольку Уайт и его люди оставались на берегу. Его новым квартирмейстером стал Натаниэль Норт.

Это был очень уважаемый пират. Некогда простой плотник, подвизавшийся на Бермудах, он помог подготовить к плаванию корабль знаменитого корсара Томаса Тью, а потом сам стал пиратом. За его невероятные умения его приглашали квартирмейстером известные предводители пиратов – Джордж Бут, Джон Боуэн. Теперь настала очередь Хэлси. С таким опытным квартирмейстером, как Норт, перед которым команда благоговела, Хэлси рассчитывал развернуться вовсю. В августе 1707 года «Чарльз» достиг Красного моря. Там, словно по заказу, пираты встретились с флотилией из пяти английских кораблей. Общее число орудий у англичан достигало 62, кроме того, с их стороны налицо было численное превосходство. Казалось, пираты обречены. Но не тут-то было! Хэлси как лев ринулся в атаку. Англичане, уверенные в позорном бегстве пиратского брига, буквально опешили, отдав пиратам всю инициативу. Хэлси позволил уйти английскому флагману, зато с оставшимися судами разобрался по полной программе. Два английских корабля он изрешетил картечью, а парочку оставшихся вообще захватил, причем со всей добычей. Трюмы у англичан, как оказалось, были буквально набиты золотом! Кроме того, имелось еще много других ценных товаров. Примерная стоимость золотых слитков и всего остального составляла порядка ‡ 50 000. По тем временам сумма огромная!

«Чарльз» с триумфом вернулся на Мадагаскар. А в июне 1708 года туда же пожаловало индийское торговое судно «Грэйхаунд». Индусы пронюхали о богатой добыче с Красного моря и намеревались сменять на них свои запасы ликера. Начался оживленный торг. В самый разгар этого увлекательного действа в порту возник еще один корабль, на сей раз английский. Корабль назывался «Нептун». Примечательная деталь: на «Нептуне» первым помощником служил небезызвестный Сэмюэль Бёрджесс. В глубине своей души он, похоже, давно лелеял мечту снова стать пиратом.

Внезапно погода изменилась, начался шторм. Возникла сумятица. Пираты, вдруг осознав, что отъем у индусов ликера позволит им не только сохранить свои красноморские трофеи, но и даром заполучить спиртное, с энтузиазмом пошли на абордаж «Грэйхаунда». Бёрджесс, заметив с борта «Нептуна», что творится в бухте, почувствовал: сейчас или никогда! Он убедил команду, что лучше не совершать безумия, пытаясь вмешаться, а просто поднять белый флаг. Не встретив сопротивления, пираты наверняка всех пощадят. Команда поддалась на его увещания. В итоге пиратам Хэлси достались оба корабля со всем грузом!

Две подобных удачи моментально превратили Хэлси в легенду. Его авторитет среди пиратов невероятно вырос. Кстати, в благодарность за помощь Хэлси пожаловал Бёрджессу должность своего квартирмейстера. Пираты шумно отметили свой триумф!

А между тем дни Джона Хэлси, увы, уже были сочтены. Вскоре после блестящего захвата в порту двух кораблей Хэлси внезапно почувствовал себя дурно. У него начиналась лихорадка. Воевать пираты умели, и очень прилично, а вот врачевание явно не было их коньком. А на

реальную медицинскую помощь Хэлси никак не мог рассчитывать: откуда на Мадагаскаре было взяться европейскому врачу?!

Лихорадка быстро его доконала. Он скончался в зверских мучениях. Пираты устроили своему капитану пышные похороны. Хэлси, оплакиваемый всей пиратской братией, был похоронен в завидном месте – Саду арбузов. Могилу специально обнесли частоколом, чтобы ее не разрыли дикие свиньи.

Что и говорить, 1708 год для пиратов, чьей базой стал Мадагаскар, явился годом славных триумфов: завоеванной добычи хватило, чтобы разбогатели буквально все. Но он стал также и годом горьких потерь. Особенно же чувствительной из них оказалась одна, двойная утрата: не стало Томаса Уайта и Джона Хэлси.

9. Морган, сэр Генри (Morgan, sir Henry)

Сэр Генри Морган (1635 – 25 августа 1688), пожалуй, самый известный из всех пиратов. Его популярность поистине уникальна! Он прошел все ступени своей карьеры от простого пирата до удостоенного рыцарского звания вице-губернатора Ямайки и крупнейшего плантатора. Факты, приведенные Ф. Архенгольцем в его книге о знаменитых флибустьерах, восходят к «Пиратам Америки» Эксквемелина, плававшего с Генри Морганом. Вместе с тем они лишены того чересчур пристрастного отношения Эксквемелина к своему патрону, которого он одновременно и ненавидел и которым восхищался. Именно поэтому будет целесообразно представить рассказ Ф. Архенгольца во всей исчерпывающей полноте. Вы наверняка согласитесь, что пленительная архаика изложения, подделать которую нельзя, производит при чтении еще более яркое и удивительное впечатление.

«Одним из отличнейших предводителей флибустьеров был Морган, сын богатого английского откупщика из Валлиса, человек, который дикостью характера, силой духа, обширностью и продолжительностью подвигов и, наконец, счастьем превзошел, может быть, всех флибустьеров. Он поступил в морскую службу матросом, приехал в Ямайку и вскоре пристал к вест-индским корсарам. Один из предводителей их, старинный флибустьер Мансфельд, также англичанин, полюбил молодого Моргана, и как последнему скоро удалось выказать свои необыкновенные способности замечательными подвигами, то Мансфельд наименовал его своим вице-адмиралом. В 1668 году

Сэр Генри Морган (иллюстрация из книги Эксквемелина «Пираты Америки»)

Мансфельд умер. Смерть его знаменовала собой начало нового этапа в жизни Моргана. Никто из товарищей не стал спорить с ним о звании предводителя. Морган принял его по единодушному выбору товарищей и в короткое время за ум свой и отчаянную храбрость прославился как один из опаснейших начальников пиратов.

Совершив несколько удачных разбоев, Морган уговорил товарищей не тратить своих денег, а копить их для обширнейших предприятий. Многие последовали его совету, и через несколько месяцев у него явилось двенадцать кораблей и меньших судов с 700 человеками, с которыми он опустошил южные гавани Кубы и, наконец, решился напасть на город

Эль-Пуэрто-дель-Принчипе.

Этот город, находящийся во внутренности острова Кубы, и сам остров, для большей ясности дальнейшего рассказа, требует короткого описания.

Остров имеет в длину 200, а в самую большую ширину 50 французских миль. Он перерезывается высокими горами, изобилующими медью, серебром и золотом. Город Эль-Пуэрто-дель-Принчипе был чрезвычайно богат, многолюден, удален от берегов и никогда еще не подвергался посещению морских разбойников.

На одном из кораблей Моргана находился пленный испанец, умевший отлично плавать. Ночью он бросился в море, счастливо выплыл на берег и уведомил губернатора о намерении флибустьеров. Немедленно были приняты меры: всех жителей призвали к обороне города. Окончив эти распоряжения, губернатор пошел навстречу Моргану с 800 солдатами. На большом лугу завязалась битва, продолжавшаяся четыре часа и кончившаяся совершенным поражением испанцев и смертью самого губернатора. Город защищался еще несколько времени, жители заперли дома и стреляли из окон, но наконец сдались, потому что флибустьеры грозили за дальнейшее сопротивление зажечь город и разорвать в куски всех жителей, не исключая жен и детей.

Морган крайне огорчился, увидев, что во время битвы жители увезли лучшее свое имущество. Много несчастных, попавшихся в плен, были подвергаемы пытке, чтобы открыть места, где скрыты сокровища, но от них не могли ничего добиться. Весьма незначительные остатки были, однако, собраны в одно место. Для большей безопасности всех испанцев обоего пола, даже грудных младенцев и невольников, заперли в церкви, причем, как обыкновенно, им не давали ничего есть, так что большая часть умерла с голоду.

Нападение Моргана на Эль-Пуэрто-дель-Принчипе

Флибустьеры требовали, чтобы Морган вел их дальше. Он потребовал у пленных двойного выкупа: один за них самих, если не хотят быть отправленными все без исключения на Ямайку, второй за город, если не хотят видеть его превращенным в кучу пепла. Четырех пленных отправили в леса для собрания от скрывшихся жителей и из окрестных мест требуемой суммы. Посланные скоро возвратились и объявили, что все требования будут удовлетворены, но на это необходим двухнедельный срок. Морган было согласился, но спустя два дня привели негра с письмами к некоторым пленным от губернатора Сантьяго. В них он советовал не торопиться с выкупом, но под разными предлогами задерживать пиратов, потому что он сам спешит на помощь городу. Морган не разгласил содержания этих писем, но объявил пленным, что не может ждать долее другого дня. Уверенный в невозможности исполнения требования и опасаясь скорого нападения сильного неприятеля, он удовольствовался пятьюстами быками и коровами, которых отправил на свои суда, и взял с собой в залог шесть знатнейших жителей города.

Флибустьеры сели на суда, добыча их, кроме некоторых товаров, простиралась только до 50 000 пиастров золотом и серебром. Эти незначительные выгоды породили неудовольствие. Флибустьеры начали ссориться, и при этом случае англичанин убил француза. Тут проснулась народная ненависть. Отряд состоял весь из людей этих двух наций, все взялись за оружие. Но Морган не дал вспыхнуть междоусобию – велел заковать в цепи убийцу и торжественно обещал предать его уголовному суду на Ямайке. Хотя это и успокоило французов, но они продолжали досадовать, что получили такую незначительную добычу. К этому присоединилось и то, что они не могли сойтись с англичанами насчет новых предприятий. Некоторые французы, не медля более, захватили один корабль и уехали,

впрочем, со всеми наружными знаками приязни. Морган пожелал им счастливого пути, еще раз обещал, что убийца будет наказан, и сдержал слово: приехав на Ямайку, он немедленно учинил суд, и виновный был повешен.

Однако это не прекратило взаимной ненависти двух народов. Нельзя не удивляться, как могли так долго пробыть вместе люди, различествовавшие в языке, образе мыслей, вере и нравах. Так как они большей частью сидели на отдельных судах, то французы могли легко разлучиться с англичанами, что и исполнилось без дальнейших ссор. Почти все французы оставили Моргана, избрали себе предводителя из среды своей и пустились на новые подвиги. При Моргане осталось их весьма немного.

Доверие флибустьеров к этому пирату было необыкновенно, поэтому они, казалось, едва заметили отбытие значительного числа французов. Напротив, составляя теперь отряд из людей одной нации, они соединились дружнее, поклялись следовать за предводителем повсюду и с ревностью вербовали новых товарищей на Ямайке, так что в короткое время собралось опять девять судов и 460 человек. До сих пор флибустьеры грабили всегда только на островах, но план Моргана имел гораздо больший объем. Он направил путь свой к твердой земле Америки, намереваясь ограбить большой, богатый город Портобелло. Этот город, защищаемый тремя фортами, находится на океане, при заливе, на северной стороне Панамского перешейка. Он принадлежит к провинции Коста-Рика и в продолжение двух столетий славится как богатейший серебряный рынок в мире. Находясь в четырнадцати морских милях от Дарьенского залива, Портобелло в то время уже был весьма значительным городом и, вместе с Гаваною, самым крепким городом в испанских владениях в Америке. В двух фортах, находившихся у входа в гавань и считавшихся почти неприступными, Св. Якова и Св. Филиппа, находился гарнизон в 300 человек. В самом городе, несмотря на его величину, жило только четыреста семейств, потому что климат от испарений близлежащих гор был очень нездоров. Город состоял по большей части из магазинов, хозяева которых жили в соседнем городе Панаме и в известные времена года отправляли привозимое из Перу и Мексики золото и серебро на мулах в Портобелло. Впрочем, жители, несмотря на свою малочисленность, славились как отличные воины, потому что в разных случаях защищались мужественно.

Морган не открыл никому своего намерения напасть на Портобелло, чтобы отнять у испанцев (которые везде содержали лазутчиков, но теперь вовсе и не воображали такого дерзкого подвига) возможность узнать что-нибудь. Флибустьеры и сами не воображали ничего подобного и ужаснулись, когда он открыл им свое намерение. Даже самые отчаянные задумались при мысли о малочисленности своей и невозможности с такими незначительными силами взять такой большой и сильно укрепленный город. Морган старался ободрить их и сказал наконец: „Хотя число наше слабо, но дух силен, чем меньше нас, тем мы будем действовать согласнее и тем большая часть добычи достанется на долю каждого“. Слова эти и надежда на большие богатства наконец воодушевили всех мужеством, и все единогласно решились исполнить задуманное предприятие.

И предприятие это совершилось в 1668 году, в тот самый год, когда испанцы были включены в Ахенский мир. Наконец-то они надеялись успокоиться: помирившись со всеми европейскими державами, им оставались одни неприятели – флибустьеры, которые, однако же, в сущности, были вреднее всех, потому что истощали жизненные силы государства. Напрасно, основываясь на мирном трактате, старались остановить хоть на время набеги их. Флибустьеры отвечали: „Нам дела нет до Ахенского трактата, нас не приглашали на совещания, и мы не присылали представителей на конгресс“. Ночью Морган бросил якоря недалеко от города, оставил только несколько человек на кораблях и со всеми прочими сел на мелкие суда, чтобы втихомолку высадиться в самой гавани. Первый шаг был удачен. Морган послал четырех человек под командою англичанина, хорошо знакомого с местностью, приказав им убить или увести часового на форпосте.

Последнее удалось: на солдата напали врасплох; отняли ружье, связали его самого и отвели к Моргану, который со страшными клятвами и угрозами выспросил у него обо всем, что ему было нужно знать. Тогда отправились все к первому форту и незаметно подошли к самым стенам. Пленный солдат от имени Моргана должен был кричать гарнизону, чтобы он сдался немедленно, если не хочет, чтобы всех изрубили в куски. Но эта угроза не произвела ожидаемого действия, гарнизон открыл пальбу и защищался отчаянно.

Однако же форт был скоро взят. Флибустьеры, думая, что для собственной безопасности и для страха другим надо исполнить угрозу, заперли всех пленных солдат в один дом, бросили огонь в пороховой магазин и взорвали форт и весь гарнизон, сами же немедленно пошли к городу. Здесь испуганные жители старались спрятать хоть часть своих богатств и для этого бросали их в колодцы и зарывали в землю. Напрасно губернатор уговаривал их защищаться. Видя, что все усилия его напрасны, он кинулся в другой форт и открыл сильный огонь. Флибустьеры не устрашились и второго штурма, который продолжался с зари до полудня. Во все это время они не подвинулись ни на шаг вперед. Флибустьеры старались калеными ядрами открыть ворота, но и это не удалось, потому что они были почти из цельного железа, притом же осажденные так яростно осыпали их камнями и горшками, наполненными порохом, что всякий, кто подходил к стенам, находил неминуемую смерть. Уже и сам упорный Морган начал сомневаться в успехе, когда вдруг на небольшом форте развился английский флаг. Этот вид воодушевил его и пиратов и внушил им странную, бесчеловечную уловку.

Из ближайших монастырей привели всех монахов и монахинь и срубили двенадцать лестниц такой ширины, что по ним можно было всходить четырем человекам в ряд. Несчастных монахов и монахинь принудили приставить эти лестницы к стенам. Таким образом, они служили защитою флибустьерам, которые подвигались вперед, закрытые ими. Морган думал, что губернатор не осмелится стрелять в своих земляков и притом в духовных, которые тут играли роль совершенно страдательную и, мучимые страхом, кричали во все горло и заклинали его всеми святыми сдать крепость и спасти их от неминуемой гибели. Флибустьеры придали этой сцене еще более ужаса угрозой, которой никогда не произносили напрасно, – изрубить всех до последнего при дальнейшем сопротивлении. Положение осажденных и без того было ужасно, стены, у основания которых уже находились флибустьеры, были невысоки, и батареи открыты, так что пираты, меткие стрелки, не подпускали почти никого безнаказанно к пушкам. Несмотря на все это, никто не хотел слышать о сдаче. Губернатор в особенности был глух ко всем угрозам и к воплям несчастных монастырских обитателей, которых число увеличили еще множеством женщин и детей, приведенных из другой крепости. Не обращая внимания ни на религиозные чувства, ни на чувства человеколюбия, испанский комендант приказал стрелять в пиратов, которые, закрытые живым валом, претерпевали весьма незначительный урон, тогда как монахи, монахини, женщины и дети падали десятками.

Наконец лестницы были приставлены к стенам. Флибустьеры быстро бросились вперед, мигом взбежали на стены и оттуда начали бросать глиняные ядра, наполненные порохом, в испанцев, которые отступали понемногу и защищались уже одними пиками, но все еще не сдавались. Наконец их изрубили всех без исключения.

Этот штурм продолжался от зари до полудня. Между тем флибустьерам оставалось взять еще один форт, хотя не столь значительный, как уже взятый, но защищавший, однако, вход в гавань и потому бывший необходимым для пиратов.

Чтобы не терять понапрасну времени, они предложили губернатору сдаться, обещая даровать жизнь ему и всему гарнизону. Ответом были выстрелы. Нечего было думать долго. Флибустьеры атаковали второй форт подобно первому с саблей в руке, причем взятые в покоренной крепости пушки оказали им весьма важную поддержку. Все офицеры дрались до смерти, солдаты же положили оружие и просили о помиловании. Губернатор кастильянец оборонялся как бешеный и убил несколько врагов. Флибустьеры удивлялись его мужеству и предлагали ему жизнь, но он отказался, несмотря на то что жена и дочь со слезами просили его пощадить себя. Он отвечал: „Лучше хочу умереть с оружием в руках, чем нести голову на плаху“. И он продолжал сражаться как лев, пока не пал смертельно раненый.

Наконец-то Морган овладел обеими крепостями, и совершил это с 400 только флибустьерами и без пушек. Мужчин, женщин и раненых заперли в особые помещения, причем этот варвар сказал в отношении к последним: „Взаимный визг заменит им пластыри и мази для ран“.

Наступила ночь, которую флибустьеры провели в пьянстве и насилиях. Женщинам, которые оказывали сопротивление, грозили немедленной смертью, а тех, которые не сдавались решительно, убивали на месте. На другой день начали искать сокровища, причем множество людей были подвергнуты жесточайшим пыткам и истязаниям: многие умерли на месте.

Морган узнал, что генерал-губернатор, или президент, Панамы дон Хуан-Перес-де-Гусман собирает со всех сторон войска, чтобы задавить его числовым превосходством. Но это нисколько не препятствовало ему действовать по предначертанному плану, тем более что, в крайнем случае, он мог спастись на своих кораблях. На всякий случай, впрочем, он приказал очистить форты и поставить пушки, чтобы иметь защиту, если того потребуют обстоятельства.

Флибустьеры провели две недели в Портобелло, нагружая корабль провиантом и добычей. Они остались бы и долее, если бы своевольная трата и порча жизненных припасов не принудила их убраться, в последнее время они питались большей частью лошадиным и ослиным мясом. Такие обстоятельства были особенно невыгодны для пленных, которым давали только этого мяса и то в незначительном количестве, без хлеба и соли, причем они должны были запивать его водой из луж. Правда, эта скверная вода составляла обыкновенное питье жителей, но они всегда очищали ее – чего теперь не могли сделать. У пиратов также не было другой воды, и это заставило их поторопиться еще более оставить Портобелло.

Однако же перед отъездом Морган имел дерзость отправить двух пленных к панамскому президенту, требуя 100 000 пиастров за выкуп города и угрожая в противном случае сжечь его. Президент еще не собрал всех войск: при нем находилось только 1500 человек. Но он решился не медлить долее и лично отнести ответ, тем более что отряд его был вчетверо сильнее отряда флибустьеров. Флибустьеры, не убоявшись превосходящего числом противника, пошли к нему навстречу и заняли теснину, в которой сами напали на испанцев и отразили их со значительным уроном. Но Гусман не хотел ничего слышать, надеясь на скорое усиление своего войска и на несомненную победу, он отправил к Моргану посланника с требованием, чтобы он немедленно оставил Портобелло, – в противном же случае погибель его и людей его неизбежна. Морган отвечал, что прежде должен получить требуемый выкуп, если же не получит его, то, конечно, уедет, но предварительно сожжет город, разрушит форты и зарежет всех пленников. Этот решительный ответ лишил президента мужества. Он, правда, при первом известии о взятии Портобелло, отправил гонца в Картахену, предписав находившейся там эскадре немедленно выступить и отрезать флибустьеров от моря, между тем как сам нападет на них на сухом пути, но, как обыкновенно водилось у испанцев, эта экспедиция откладывалась со дня на день, и, когда пираты были уже совершенно готовы к отъезду, не было еще никакой надежды, чтобы эскадра прибыла вовремя. При таком положении дел президент Панамы предоставил жителям Портобелло действовать по своему усмотрению, и они немедленно собрали 100 000 пиастров. Сам Гусман, долгое время

сражавшийся во Фландрии, начал теперь удивляться флибустьерам, которые в таком малом числе совершили необыкновенные подвиги: без правильной осады и без всяких орудий взяли город, защищаемый двумя фортами и пушками, и не мог понять, какое особенное оружие употребили они при этом. Он отправил к Моргану разные припасы и попросил прислать ему в память образчик его оружия. Морган ласково принял посланного, вручил ему пистолет и несколько маленьких пуль и сказал: „Попроси президента принять это, как маленький образчик того оружия, которым я взял Портобелло, и пусть хранит его в продолжение года. По истечении этого срока обещаю явиться в Панаму и лично показать его употребление“. Президент присоединил к благодарности драгоценный перстень, но, возвратив подарок, велел сказать при этом, что он не имеет недостатка в подобном оружии, впрочем, советует Моргану и его сподвижникам не принимать на себя беспокойства – явиться в Панаму, потому что там ждет его иная встреча, чем в Портобелло. При этом сожалел он, что такие храбрые люди служат не какому-нибудь значительному государю и не выказывают своего достойного удивления мужества и доблести в законной войне.

Флибустьеры спокойно сели на корабли, взяв еще с собой лучшие пушки из фортов и заклепав прочие. Вначале поехали они на остров Кубу, где осмотрели свою добычу, которая, кроме великого множества драгоценных товаров и каменьев, состояла из наличной суммы в 250 000 пиастров. Кончив дележ, они поехали на Ямайку.

Но люди эти не знали покоя. Они скоро занялись приготовлением к новому походу, причем со всех сторон стекались охотники к пресловутому Моргану. При помощи губернатора Ямайки, покровительствовавшего флибустьерам, он добыл тридцатишестипушечный корабль, на котором в 1669 году поехал на Испаньолу, чтобы предварительно, до совершенного снаряжения добыть еще что-нибудь. Здесь стоял такой же тридцатишестипушечный корабль, принадлежавший французским морским разбойникам. Он вышел из Сан-Мало для торговли с испанцами в Америке, но, вступив в вест-индские моря, переменил свое намерение и, добыв каперское свидетельство, счел за выгоднейшее крейсировать против испанцев, причем был поддерживаем многими французскими флибустьерами с Тортуги. Морган желал присоединить этот корабль к своему флоту, но французы отказались, потому что опасались наказания за только что совершенный подвиг. Несколько времени перед тем, находясь в крейсировке и претерпевая недостаток в припасах, они насильно взяли нужное количество на английском корабле и дали в том расписку. Морган знал об этом и старался успокоить их, но так он не мог привлечь на свою сторону офицеров, и притом капитан делал такие требования, которые противоречили уставам флибустьеров, то он решился отомстить ему и его советникам. К этому поощряли его еще более некоторые французские флибустьеры, которые, в надежде на добычу, перешли к нему и объявили, что капитан бросал якорь в Баракоа, на острове Куба, и там выхлопотал каперский патент для крейсирования против англичан. Узнав об этом, Морган сделался ласков и любезен и пригласил к себе на обед капитана и офицеров, но, лишь только ступили они на палубу, он приказал схватить их за предполагаемое намерение выступить против англичан.

Эту удачу праздновали созывом военного совета, в котором Морган объявил всем собравшимся флибустьерам план свой – ехать в Савону и взять ожидаемый из Испании богатый флот. Предложение было принято со всеобщим одобрением, радость обуяла всех, на кораблях палили из пушек и пьянствовали, пока большая часть не упала без чувств. Посреди этого пиршества корабль взлетел на воздух, триста двадцать англичан и пленные французы нашли могилу в волнах. Только тридцать, и между ними Морган, находившиеся в большой каюте, вдали от пороховой камеры, спаслись от погибели. Кроме этих счастливцев, и другие могли бы избавиться от посетившей их участи, но вино лишило их совершенно памяти, и они тотчас пошли ко дну. Таким образом, погибло триста двадцать флибустьеров, оставшиеся в живых товарищи их всячески старались ловить трупы, чтобы снять с них дорогие вещи.

Англичане уверяли, что пленные, в слепой ярости мщения, не щадя себя, взорвали корабль.

Подозрение это подкреплялось найденными на них бумагами, в которых англичан объявили врагами французской нации, которых щадить грешно. Этого было достаточно для Моргана: с небольшим остатком флибустьеров он овладел французским кораблем и отправил его вместе с экипажем на Ямайку.

Это неожиданное несчастье лишило Моргана главного корабля, у него оставалось, правда, еще пятнадцать кораблей, но из них самый большой имел только 14 пушек. Экипаж их составляли девятьсот шестьдесят пиратов. Но эта флотилия, после разных приключений, в одну ночь до того была рассеяна бурей, что на другое утро у Моргана оказалось только восемь кораблей и пятьсот человек экипажа. Так как в случае разлуки местом соединения был назначен Окоаский залив, то Морган поехал туда, но не нашел ни одного судна. Поэтому он переменил первоначальный план свой и, по совету одного француза, упомянутого уже выше Петра Пикардийца, который в качестве командира кораблей был вместе с л'Олонэ в Маракайбо, решился еще раз посетить этот город. Они прибыли благополучно к Маракайбскому озеру, но нашли здесь крепость, выстроенную испанцами после первого нашествия флибустьеров, которая встретила флотилию сильной пушечной пальбой. Пираты, однако, спокойно высадились под градом ядер и картечи, и эта дерзость, вместе с воспоминанием о прежних неистовствах, до того ужаснула испанцев, что они все убежали из крепости, положив, однако, близ порохового магазина зажженный фитиль, чтобы взорвать крепость вместе со всеми неприятелями. Но Морган открыл этот план перед самым исполнением его, когда взрыв должен был последовать через несколько минут. В крепости нашли три тысячи фунтов пороха и множество ружей и пик, значительное количество военных снарядов и шестнадцать больших пушек. Все это, за исключением нескольких пушек, которые заклепали, перевезли на корабли. Крепость попортили сколько позволяла поспешность. Она была устроена очень странно: в нее можно было входить только поодиночке, по железной лестнице, которую, достигнув верхней стены, подымали.

Впрочем, завоевание это не могло принести флибустьерам никакой существенной пользы. Им надо было идти вперед. Но тут-то представились чрезвычайные препятствия. Мелководье принудило пиратов бросить свои корабли и сесть на простые лодки. Но испуганные испанцы облегчили им все дело. Не обращая внимания на слабые средства своих врагов, они предали флибустьерам не только город Маракайбо, но и форт де-ла-Барра, стараясь только о спасении себя и своих семейств. Пираты не нашли никого, кроме нескольких дряхлых невольников и больных в госпитале, но вместе с тем весьма мало съестных припасов и пустые дома: испанцы имели время укрыть не только все товары и драгоценности, но увезли с собой даже мебель и малейшие челноки и все это скрыли далеко на озере.

Морган приказал обыскать леса, и в первый же день привели пятьдесят богато нагруженных мулов и тридцать человек мужчин, женщин и детей. Несчастных, по обыкновению, пытали. Тела их растягивали веревками, между пальцами привязывали зажженные лучины и голову стягивали до тех пор, пока глаза не выскакивали из своих орбит. Несколько невольников, которые не хотели открыть, куда спрятались господа их, были изрублены в куски. Между тем всякий день отряды пиратов обыскивали леса и никогда не возвращались без живой добычи. Морган пробыл в Маракайбо три недели и потом пошел на Гибралтар, к чему особенно побуждало его известие, что там скрылись все богатые жители из Маракайбо и окрестных мест. Со времени посещения Л'Олонэ протекло три года, и тогдашний товарищ его – Петр Пикардиец, памятуя кровавые препятствия, обещал товарищам своим нелегкую победу. Но они обманулись весьма приятно. Правда, сначала оказывали им сопротивление, но скоро жители стали искать спасения в окрестных лесах, вход в которые загородили засеками. Гибралтар, раз уже сожженный флибустьерами, был взят вторично. Затем последовали обыкновенные сцены: охота за беглецами, привоз добычи и пленных, пытки и другие неистовства. В короткое время набралось до 250 пленных. В отношении их флибустьеры показывали себя истинно воплощенными дьяволами: они были неистощимы в придумывании адских мучений. Иных пленников распинали и нагих жгли головешками, других клали в огонь,

но так, чтобы жарились только ноги, иных вешали за руки, а к ногам привязывали пудовые камни, которые вытягивали все жилы, так что суставы лишались всякой связи, еще других вешали так, чтобы несчастные обрывались собственной тяжестью и медленно умирали в неизъяснимых муках. В таком положении пленные проживали иногда еще по четыре дня и более, если какой-нибудь разбойник не убивал их из сострадания. Злодеи эти, достойные предшественники французских санкюлотов и во многом с ними сходные, в этом отношении тоже поступали по прославленной во Франции „системе равенства“: звание, сан, лета, пол и цвет кожи были совершенно равны в глазах их; белые, мулаты и негры, прелестные женщины, дряхлые старцы и нежные дети подвергались одинаковой участи.

Невольникам, предавшим своих господ, по большей части даровали свободу, впрочем, только немногие пользовались этим чрезвычайным случаем, чтобы освободиться без всякой опасности, другие, напротив, которым открывать было нечего, из одной злобы или мщения доносили на своих пленных господ. При одном подобном случае Моргану вдруг пришла охота вершить правосудие на особый манер. Невольник, сделавший ложное показание и тем подвергнувший господина своего ужасной пытке, был обвинен всеми испанцами в ложном доносе. Морган передал невольника в руки господина, позволяя последнему поступить с ним по своему усмотрению. Несчастный отказался от мести и предоставил Моргану судить его – невольник был изрублен в куски.

Морган прожил в Гибралтаре пять недель, потом потребовал за пощаду города выкуп, а в обеспечение исполнения взял с собой множество пленных. Уступая мольбам некоторых из них, он отпустил их в леса для собрания требуемой суммы, ибо несчастливцы с горестью помышляли о вторичном сожжении только что возобновленного города. Морган дал им восемь дней срока, приказывая принести ему ответ в Маракайбо, и со всеми товарищами отправился туда.

Но в Маракайбо ждало его необыкновенное и нежданное известие: еще по дороге туда узнал он весть, от которой сам потерялся на несколько минут, между тем как обыкновенно неустрашимых флибустьеров его объял неизъяснимый ужас.

У входа в озеро три испанских корабля, отправленные для отыскания пиратов, бросили якорь и привели покинутый испанцами форт ла-Барра в оборонительное положение. На одном корабле было 48, на другом 38, на третьем 24 пушки, тогда как самый большой корабль флибустьеров имел только 14 маленьких пушек. Пробраться мимо этих кораблей не было никакой возможности. Испанцы приняли такое положение, что флибустьерам оставалось проехать через узкий проход, оставленный нарочно между кораблями испанцев и крепостью. Все считали гибель свою неизбежной, один только Морган, скоро опомнившийся, не терял надежды и выказывал свое всегдашнее мужество и твердость. Первым делом его было узнать в подробности и сколько можно вернее положение испанцев, величину и число кораблей их. Сведения, полученные им, не имели в себе ничего утешительного: они вполне подтверждали первое известие с той прибавкой, что экипаж многочислен и всеми мерами старается восстановить крепость, на которой уже развевался большой флаг Испании. Желая поддержать характер флибустьеров, Морган счел нужным и в этом отчаянном положении выказать обыкновенную самонадеянность и потому отправил к испанскому адмиралу невольника, требуя у него 20 000 пиастров за выкуп города Маракайбо, находящегося во власти его, угрожая испепелить его и убить всех пленных.

Такая дерзость изумила испанцев. Начальник их, дон Альфонсо дель-Кампо-и-Эспинола, послал к Моргану формальный письменный ответ, в котором говорил откровенно: что он послан унимать и карать флибустьеров, и теперь наступила удобная для того минута, причем доказывал Моргану невозможность спастись со своей флотилией, но если он согласен возвратить всю добычу: золото, серебро, драгоценности и товары, всех пленных и невольников, – то простит его, в противном же случае все флибустьеры будут изрублены, ибо храбрые воины его пламенно желают отомстить за своих замученных соотечественников. На

требование о выкупе за город дон Альфонсо отвечал словесно: „Скажи Моргану, что я могу выплатить ему требуемую сумму только пулями и ядрами и что сам привезу ему эту монету“.

Морган не ожидал другого ответа и потому составил уже план действия. Получив ответ, он собрал всех пиратов на маракаибском рынке и, сообщив им письмо и словесный ответ, спросил, хотят ли они возвратить свою добычу и получить за нее свободу или биться за то и другое? Все объявили единодушно, что лучше хотят сражаться до последней капли крови, чем малодушно уступать купленное трудами и кровью. Но эта восторженность уменьшилась несколько при хладнокровнейшем обсуждении их положения и при ближайшем сравнении взаимных сил. Никогда еще ни они, ни другие флибустьеры не были в таком критическом положении, которое, так сказать, парализовало их мужество и счастливое избавление от которого казалось невозможным. Поэтому они уговаривали Моргана сделать на другой день адмиралу следующее предложение: „Мы согласны очистить Маракайбо, не причиняя городу вреда и не требуя за него выкупа, отпустить всех пленных, половину невольников и всех заложников, взятых из Гибралтара, тоже без выкупа“.

Дон Альфонсо с презрением отверг эти предложения, давая флибустьерам только два дня срока для принятия первых требований его, если же они не согласятся, то узнают его силу и месть. Итак, корсарам оставался выбор между постыдной свободой с лишением всей добычи и битвой не на жизнь, а на смерть.

Морган принудил всех употребить величайшие усилия, приказал связать и бдительно стеречь пленных, заложников и невольников, собрать всю смолу, деготь и серу, какую можно было найти, весь лишний порох и переделать одно из самых больших судов в брандер. На него перенесли все горючие материалы, причем старались наперерыв выдумывать разные скоровоспламеняющиеся снаряды из смолы и серы, которые обмазывали дегтем и назначали к метанию на вражеские корабли. Все эти вещества были расположены в таком порядке, в каком могли произвести сильнейшее и выгоднейшее действие. Потом утонули бока корабля, и весь корабль после этого едва держался на своих связях. Целью этого было усилить действие пороха. На палубу поставили колоды, покрытые платьями, шляпами, с ружьями, саблями и знаменами, так что они издали походили на людей. В боках прорубили несколько окон, в которые выставлялись, вместо пушек, раскрашенные чурбаны, на главной мачте подняли большой английский флаг. В целом судно имело вид хорошо вооруженного военного корабля. Этот корабль должен был открывать шествие. На одном из следующих находились пленные мужчины, на другом пленные женщины со всеми похищенными драгоценностями: серебром, золотом и проч. Остальная добыча была распределена по другим кораблям. Перед отъездом все поклялись Моргану сражаться до последней капли крови и не просить пощады.

Разгром Морганом испанского флота у Маракайбо

Испанский генерал дал флибустьерам только два дня срока на принятие его предложения, но по истечении этого времени не показывал и вида, что хочет напасть на них. Надеясь на свое превосходство, он не почитал нужным торопиться и, по-видимому, совершенно забыл, с какими людьми имеет дело. Эта-то беспечность дала Моргану время приготовиться к отчаянному отпору.

Через шесть дней все было готово, и 30 апреля 1669 года флибустьеры сами пошли навстречу испанцам. Еще не светало. Адмирал, корабль которого находился на самой середине узкого канала, поспешно стал готовиться к встрече пиратов и спокойно подпускал

брандер, считая его главным неприятельским кораблем. Но этот корабль приближался без выстрела, да он и не мог стрелять, потому что на нем не было ни одной пушки. Это бездействие на таком близком расстоянии и палуба, казавшаяся в сумерках покрытой множеством народа, заставили адмирала подумать, что флибустьеры хотят приняться за свой любимый маневр: идти на абордаж, поэтому адмирал велел прекратить пальбу и приготовиться к отчаянному отпору. Это приказание было счастьем для пиратов, которым оно вообще благоприятствовало во многих случаях, доказывая справедливость поговорки, что „смелым Господь благоволит": несколько хорошо нацеленных выстрелов неминуемо потопили бы брандер. Теперь же желание флибустьеров подвести его как можно ближе к адмиральскому кораблю исполнилось сверх чаяния, и даже сами испанцы помогали им при этом. Последние заметили свою ошибку только тогда, когда брандер подошел уже так близко, что все старания остановить его были тщетны. Флибустьеры прицепили брандер и тотчас бросились в лодку, которая поспешно удалилась.

Однако же адмирал не потерялся: он приказал отряду испанцев перейти на брандер, срубить мачты и, если можно, не давать пламени вспыхнуть, но деятельные враги предупредили его и уже перед отъездом своим зажгли судно. Адмиральский корабль в минуту был объят пламенем и с большей частью экипажа погрузился в бездну морскую. Многие испанцы бросались в море, стараясь вплавь достигнуть берега, но и эта попытка не удалась им. Иные из них могли спастись на судах флибустьеров, которые предлагали им свою помощь, но все испанцы отказались от этого средства и только весьма немногие вышли на берег, где уже находился адмирал, спасшийся на шлюпке.

Флибустьеры только и ждали этой минуты смущения неприятеля, чтобы напасть на второй военный корабль, который после слабого сопротивления взяли на абордаж. На нем-то они огласили воздух кликами победы, между тем как адмиральский корабль исчезал в волнах подобно тени. Испанцы на третьем корабле до того были поражены этим зрелищем, что, не выжидая нападения, перерубили якорные канаты и бросились к крепости, под стенами которой сами потопили свой корабль. Флибустьеры бросились было туда же, чтобы спасти хоть что-нибудь, но испанцы, бывшие на берегу, заметив намерения пиратов, сожгли остатки. Все это совершилось в течение одного часа.

Флибустьеры, спасшись таким чудесным образом от страшной опасности и не потеряв при решительной победе, ими одержанной, ни одного человека, едва верили глазам своим. Опомнившись, они хотели штурмовать также крепость, сильно защищенную спасшимися экипажами, и не из-за добычи, а чтобы показать испанцам свое непоколебимое мужество, однако это не удалось им. Испанцы, под начальством только что разбитого адмирала, защищались так отчаянно, что пираты, не имевшие ни пушек, ни осадных лестниц, должны были отступить, оставив на месте 30 человек убитыми и унося с собой 40 человек раненых.

Пленный испанский штурман объяснил все Моргану. Флот из шести военных кораблей был нарочно отправлен из Испании для уничтожения флибустьеров. Из числа этих шести кораблей два самые большие, в 66 пушек каждый, признанные неудобными для плавания у этих берегов, отправлены были обратно, а третий погиб во время бури. Дон Альфонсо, на главном корабле которого „Святой Людовик" находилось 350 человек, искал флибустьеров в Испаньоле, Кампеше, Сан-Доминго и Каракасе и обрадовался несказанно, встретив их, наконец, при Маракайбо. За два дня до решительной катастрофы беглый негр известил его о брандере, но дон Альфонсо отвечал, презрительно улыбаясь: „Возможно ли, чтобы у этих мерзавцев достало ума соорудить брандер! Да и где им взять материалов и инструментов?" Штурман прибавил, что на потонувшем корабле находилось 40 000 пиастров, частью деньгами, частью серебряными слитками.

Это известие произвело между флибустьерами сильную деятельность и желание спасти, если можно, это сокровище из волн морских. Морган назначил для этой цели один корабль, которому и удалось спасти двадцать центнеров (2000 фунтов) слитками и пиастрами. Между

тем предводитель флибустьеров возвратился с остальными судами в Маракайбо, где взятый испанский фрегат о 22 пушках назначил своим командорским кораблем и снова предложил разбитому адмиралу дать выкуп за город, если не хочет видеть его сожженным. Глубоко пораженный своим несчастьем, дон Альфонсо имел сочувствие только к своей потере, а так как пожар города не мог причинить ему никакого личного убытка, то и не хотел слушать о выкупе. Однако несчастные жители думали иначе: не спрашивая адмирала, они вступили в переговоры с Морганом и заплатили ему 20 000 пиастров и 500 штук скота.

Оставалось победить еще одно большое затруднение. Чтобы выйти из озера в море, флибустьеры должны были проехать мимо крепости, стоившей им уже множества людей. Рискнуть на новое нападение было опасно, тем более что успех был очень сомнителен, а добычи не предвиделось никакой. Морган снова отрядил к дону Альфонсо посольство, требуя за выдачу пленных свободного проезда, в случае отказа грозился повесить их всех на реях в виду крепости и все-таки проехать. С этим поручением отправились к адмиралу несколько пленных и умоляли его сжалиться над ними, их женами и детьми. Но адмирал был неумолим. Он был слишком унижен потерей своей эскадры и все еще надеялся отомстить флибустьерам. Поэтому он дурно принял просителей, умолявших о спасении своем и своих земляков, упрекал их в трусости и сказал: „Если бы вы так же защитили въезд от пиратов, как я защищу теперь выезд, то никогда не попали бы в такое положение“. С этим ответом возвратились посланные. Тут Морган выказал всю свою решимость и сказал: „Если адмирал отказывает мне в свободном проезде, то я найду средства обойтись без его позволения“. Затем он приказал снести всю добычу в одно место и разделить ее по законам общества. Она состояла из серебра, золота и алмазов общей стоимостью в 250 000 пиастров, не считая бесчисленного множества товаров и невольников. Каждому выдали причитавшуюся ему часть, предоставляя уже ему самому защищать ее. Во время этого раздела Морган придумал воинскую хитрость. Утром он приказал высадить на берег недалеко от крепости несколько сот флибустьеров. Место это было покрыто густым кустарником. Пробыв тут несколько часов, флибустьеры ползком пробирались к лодкам, ложились в них ничком или боком и отправлялись обратно на корабли, испанцы же, не видя спрятавшихся, думали, что лодки возвращаются пустыми. Этот маневр продолжался весь день, и испанцы были уверены, что почти весь экипаж высадился и намерен штурмовать крепость ночью с береговой стороны, и потому перевели на ту сторону всю тяжелую артиллерию и большую часть гарнизона. Этого-то ожидали пираты. По наступлении ночи они все перебрались на корабль, снялись с якоря и, предаваясь течению, не раньше подняли паруса, как поравнявшись с цитаделью. Месяц светил ярко и скоро показал испанцам их ошибку, они бросились за тяжелой артиллерией и начали сильный огонь, но поздно: ветер благоприятствовал флибустьерам, и они благополучно выбрались в море, отсалютовав еще крепости ядрами. Морган высадил пленных на ближайшем берегу и взял с собой только гибралтарских аманатов (заложников), потому что не получил за них всего выкупа.

Обогатившийся Морган подумывал теперь о покое, но товарищи его хищничеств, скоро истратившие свою добычу и даже еще задолжавшие, всячески убеждали его приступить к новым предприятиям, и он, наконец, согласился. Едва разнеслась эта весть, как с Ямайки, Сан-Доминго и Тортуги стали съезжаться к Моргану на судах и лодках флибустьеры; за ними последовали многие охотники с Сан-Доминго, не служившие еще на море: они прошли для этого пешком неизмеримые леса. Подкрепленный таким образом Морган назначил для отъезда 24 октября 1670 года, однако возникли препятствия. Корабли, экипаж, оружие и снасти были налицо – недоставало провианта, которого и за деньги нельзя было собрать в достаточном количестве. Для дополнения этого недостатка была назначена экспедиция из 400 человек на 4 кораблях. Им было приказано высаживаться, где будет удобнее, и, не думая о дальнейших планах, отнять только у ближайших к берегу городов и деревень хлеб и съестные припасы, в то же время Морган отправил охотников в леса, чтобы настрелять сколько можно более буйволов и других животных.

Наконец флот Моргана, величайший из всех, когда либо появлявшихся под флагом флибустьера в Западном океане, был готов к отплытию. Он состоял из 37 кораблей, и все они были снабжены пушками. На адмиральском корабле было 32, на других по 20, 18, 16, на самом меньшем четыре пушки, кроме того запаслись множеством пороха, ядер, пуль и новоизобретенными пороховыми машинами. На флоте находилось 2000 морских солдат, не считая матросов и служителей. С такой силой можно было предпринять что-нибудь значительное. Действительно, Морган обнадежил флибустьеров, что они возвратятся домой с такими сокровищами, которые обогатят их на всю жизнь, но что, вместо доселе употреблявшейся системы нападения на места открытые, должно нападать преимущественно на места укрепленные: он знал из опыта, что, где испанцы защищаются, там есть что взять.

Морган, поднявший на своем корабле королевский английский флаг, разделил флот на две эскадры, отличавшиеся одна от другой красным и белым флагом, и присвоил себе титул адмирала. Для другой эскадры он назначил вице-адмирала, принял присягу в верности, назначил сигналы и выбрал офицеров, из которых четверо получили также титул адмиралов, вследствие своевольного расширения полномочия, данного ямайским губернатором флибустьеру Моргану. Кроме того, офицеры получили формальные патенты и каперские свидетельства следующего содержания: „Всеми способами поступать вражески с испанцами на море и суше, поскольку они суть отъявленные враги его государя, короля английского“. Затем он созвал всех офицеров и уговорил подписать условие о разделе добычи. Сообразно с ним, Моргану отдавали сотую часть всей добычи и, кроме того, с каждых ста человек одну порцию, то есть такую часть, какая следовала отдельному флибустьеру. Каждый командир корабля получал, кроме своей доли, определявшейся суммою представленных им денег на вооружение корабля, провиант и проч., еще восемь порций добычи. Главному хирургу из общей массы, кроме определенного жалованья, выдавались 100 пиастров и каждому корабельному плотнику, кроме жалованья, сто же пиастров в подарок. При этом возвысили издавна водившиеся инвалидные деньги за увечья и назначили награды за все отличия в битвах и на штурмах. Кончив все приготовления, Морган открыл флибустьерам план свой, который состоял в нападении на обширный и богатейший город Панаму, где он надеялся найти беспрестанно накопляемые для Европы груды золота и серебра. Но трудности исполнения казались непреоборимыми.

Карта Панамского побережья (XVII в.)

Первая состояла в том, что Панама находилась в значительном расстоянии от моря и никто из пиратов не знал дороги. Чтобы устранить это затруднение, адмирал решился ехать вначале на остров Санта-Катарина, место ссылки испанских преступников, и добыть там проводников. Он скоро прибыл туда, высадил 1000 человек, которые угрозой истребить весь гарнизон при малейшем сопротивлении до того напугали испанцев, что последние не замедлили заключить капитуляцию, причем, для спасения чести гарнизона, условились дать фальшивое сражение. Укрепления и корабли открыли сильный огонь, но без ядер, комендант, по условию, при переходе из одного форта в другой дал взять себя в плен. Следствием этого было поддельное замешательство. Морган сначала не доверял этому фарсу и приказал флибустьерам заряжать ружья пулями, но стрелять в воздух, пока не заметят измены испанцев. Но последние и не помышляли ни о чем подобном: комедия продолжалась несколько часов, и пираты взяли один за другим десять фортов, причем ни с одной стороны не было ни одного убитого, ни даже раненого.

Всех жителей острова заперли в большой стоявший на скале форт Св. Терезии и потом объявили жестокую войну коровам, телятам и птицам, потому что победители не ели ничего в

продолжение суток. На острове находилось 459 душ обоего пола, и между ними 190 солдат, 42 заключенных преступника, 85 детей и 66 негров. В десяти фортах находилось 68 пушек, притом они были сильно укреплены самой природой, почему не сочли нужным содержать значительнейший гарнизон. В арсеналах, кроме большого количества военных припасов, ружей и ручных гранат, бывших тогда в большом употреблении, нашли более 30 000 фунтов пороха. Все это было перевезено на корабли пиратов, пушки же заклепаны, лафеты сожжены, укрепления срыты, за исключением одного, в котором флибустьеры оставили гарнизон. Морган выбрал между преступниками трех испанцев в провожатые, которым, по возвращении на Ямайку, обещал свободу и награду.

Флибустьеры были восхищены планом, величие которого воспламеняло их мужество.

Город Панама, лежащий на берегу Южного океана, под 9° сев. широты, был тогда одним из величайших и богатейших городов Америки, в нем было 2000 больших, частью великолепных, и 5000 меньших домов, но и те почти все были трехэтажные. Многие из них были каменные, все прочие построены из кедрового леса, красивы и роскошно меблированы. Их окружали вал и стены.

Город этот был складочным местом мексиканского серебра и перуанского золота, перевозимых отсюда на мулах через знаменитый перешеек на северный морской берег. Для этого транспорта содержали 2000 мулов. Кроме того, здесь производился значительный торг неграми, который тогда еще не перешел исключительно в руки англичан, голландцев, французов и датчан. Никто в то время не понимал торговли лучше итальянцев, которые и в этом случае были учителями Европы, поэтому торг неграми, требовавший хитрости и больших капиталов, преимущественно находился в руках генуэзцев, снабжавших невольниками Перу и Чили.

Обер-президент города, которому подчинялись также города Портобелло и Ната, местечки Крукс, Пенома, Капира и Верагуа, с гражданским званием обер-штатгалтера соединял чин генерал-капитана всех войск Перуанского королевства. Город Панама имел также епископа, подчиненного перуанскому архиепископу.

Купцы панамские были очень богаты, церкви великолепны, собор, на манер итальянских, был украшен огромным куполом; собор этот и восемь монастырей города были богато наделены золотом и серебром. Близ города находилось несколько небольших, но изукрашенных природой и искусством островов, на которых богатейшие жители имели дачи. Острова эти назывались панамскими садами. Все это делало город важным и привлекательным. Многие европейские нации содержали здесь свои торговые конторы, между прочим, генуэзцы, которые имели огромные складочные места и великолепные торговые дома. Дома знатнейших граждан были наполнены драгоценными картинами и произведениями изящных искусств, выписанными из Италии не по любви к изящному, но для удовлетворения страсти к царской роскоши. Такой была Панама в 1670 году, когда обессмертившиеся своей дерзостью и своими странностями флибустьеры избрали ее целью своих опустошительных набегов.

К этому приступили с величайшей осторожностью и жестокостью. Прежде всего необходимо было овладеть фортом Сан-Лоренцо на реке Чагере. Для этого Морган отрядил 4 корабля с экипажем в 400 человек под начальством смелого флибустьера Броделли, так хорошо исполнившего описанное выше добывание провианта. Прочие суда остались в Санта-Катарине. По плану Моргана, надо было как можно дольше скрывать цель похода и выставить взятие форта простым набегом для добычи. Броделли исполнил поручение мужественно и удачно. Сан-Лоренцо был построен на высокой горе при устье реки и с большей части сторон неприступен. Сначала все покушения были напрасны и наступавшие флибустьеры, ничем не прикрываемые, теряли много народа, потому что не только испанцы стреляли из пушек и ружей, но и бывшие в форте индейцы метали стрелы, которые были гибельнее ядер и пуль. Нападающие видели, как подле них падали товарищи, и не могли

отомстить за них. Положение и оружие их делали, по-видимому, успех невозможным. Уже мужество их начинало ослабевать, уже они стали расстраиваться и готовы были отступить, когда насмешки испанцев возбудили всю прежнюю энергию их. „Еретические собаки! – кричали они со стен. – Преданные дьяволу англичане. Так вы хотите идти в Панаму? Вздор! Здесь, под стенами этого форта, погибнете вы все до единого, и товарищей ваших ждет та же участь!“ Эти слова показали флибустьерам, что план их открыт, и они решились взять форт или пасть до последнего. Они продолжали штурмовать, несмотря на множество поражавших их стрел и на падение Бродели, которому ядром оторвало обе ноги. Вдруг один флибустьер, которому воткнулась в плечо стрела, вырвал ее и вскричал: „Постойте, братцы, мне пришла мысль, которая погубит всех испанцев!“ Он достал из кармана хлопчатой бумаги, обернул ею шомпол, зажег бумагу и выстрелил этот горючий материал на крышу одного из домов форта, которые были покрыты легкою дранью и пальмовыми листьями, другие флибустьеры последовали его примеру, подобрав валявшиеся на земле стрелы, и в минуту вспыхнуло множество домов и взлетел пороховой ящик. Испанцы занялись тушением пожара, ночь наступала. Тогда флибустьеры попробовали зажечь деревянные палиссады – и это удалось, ничем не поддерживаемая более земля рухнула и засыпала ров. Испанцы все еще защищались храбро, поощряемые комендантом, который сражался пока не пал мертвый. Флибустьеры овладели фортом. Многие испанцы бросились со стен в реку, чтобы не попасть заживо в руки флибустьеров, которые взяли только 24 пленных, 14 здоровых и 10 раненых, спрятавшихся между убитыми. Это был остаток от гарнизона из 340 человек. Его усилили недавно, потому что панамский обер-президент узнал уже из Картахены о цели экспедиции и сам, приняв начальство над 3600 солдатами, расположился перед городом. Флибустьеры узнали теперь достоверно, что в числе этого войска находилось 400 человек кавалерии, 600 индейцев и 200 мулатов, опытных охотников за буйволами, которым было поручено выпустить в случае нужды 2000 буйволов на флибустьеров.

Изувеченный Бродели продолжал раздавать приказания, он не хотел рисковать столь дорого купленными выгодами: из четырехсот человек его отряда 100 были убиты и 80 ранены, из последних 60 не могли пошевельнуться. Трупы англичан и французов были зарыты, тела же испанцев сброшены с вершины форта и оставлены там. Бродели нашел в форте множество снарядов и съестных припасов, которые были ему тем приятнее, что остальной флот нуждался в них. Он приказал исправить поврежденные укрепления, чтобы иметь возможность отразить нечаянное нападение испанцев. В таком положении ожидал он прибытия Моргана и флота, которое не замедлило.

Флибустьеры, подъезжая к форту, были чрезвычайно обрадованы, увидев на нем английское знамя. Они пели и пили, не обращая внимания на ход судов в устье реки Чагера, в котором был подводный риф. С берега отправили было к ним навстречу лоцманов, но пираты в радости не дождались их. Эта неосторожность имела гибельные последствия, ибо стоила им 4 кораблей, в числе которых находился и адмиральский. Экипажи и груз были, однако, спасены. Морган, исполненный великих замыслов, смотрел равнодушно на эту потерю и вступил в Сан-Лоренцо, в котором оставил пятисотенный гарнизон, кроме 150 человек, которых посадил на испанские суда, захваченные на реке. Съестных припасов взяли мало, как для того, чтобы не замедлять похода, так и по причине затруднительности перевозки их и, наконец, чтобы не подвергнуть голоду гарнизон и пленных, всего около 1000 человек. Кончив все эти приготовления, Морган в торжественной речи увещевал своих товарищей иметь непобедимое мужество, чтобы возвратиться на Ямайку покрытыми славой и с богатствами, которые обеспечат их на всю остальную жизнь. 18 января 1671 года выступил он с 1300 флибустьерами, отборнейшими воинами отряда, по дороге в Панаму.

Отряд отправился водой вдоль реки. На пяти судах была поставлена артиллерия. Флибустьеры стеснились на 32 лодках. К вышеприведенным причинам не брать с собой съестных припасов присоединялась надежда найти достаточное количество их на пути. Но в первый же день, прибыв в Рио-де-лос-Бракос, флибустьеры увидели, что обманулись. Выйдя

на берег, они не нашли ничего. Испанцы бежали и взяли с собой не только все съестные припасы и домашний скот, но даже всю домашнюю утварь и мебель, срезали непоспевший еще хлеб и садовые плоды и даже корни вырвали из земли. Оставались пустые дома и конюшни, в которых поместились флибустьеры на ночь, потому что на лодках не было даже места присесть. В этом городе провели они первый день поста, не имея ничего, кроме табаку. Второй день не был удачнее. К этому присоединилось еще другое бедствие: от недостатка дождей река обмельчала так, что в Ла-Крукс-де-Хуан-Галлиего флибустьеры принуждены были бросить лодки и продолжать путь берегом или вернуться. Однако все это не могло поколебать мужества пиратов: ободряемые начальниками, они решились идти дальше. На третий день достигли они леса, в котором не было ни малейших признаков дороги и наполненного болотами. С величайшими усилиями достигли они местечка Педро-Буэно. Но и здесь не нашли ничего.

Голод страшно усиливался в отряде, многие ели листья с деревьев, большая же часть оставалась без пищи. Мучимые ужасными недостатками и легко одетые, ложились они в холодные ночи на берегу реки и в этом положении, дрожа от холода, не позволявшего им заснуть, ожидали утра. Мужество их поддерживалось надеждой встретить испанский отряд или скрывающихся поселенцев и, следовательно, съестные припасы. При этом флибустьеры не удалялись от реки, по которой нашли возможность провезти несколько лодок. Там, где река становилась глубже, на лодки садилась часть отряда, а прочие шли берегом. Несколько сот шагов впереди отряда шел авангард в 30 человек с знающим местность проводником, чтобы открыть засады испанцев и, если можно, схватить несколько пленников.

На четвертый день флибустьеры достигли Торна-Каваллоса, укрепленного места, но и оно было оставлено испанцами, взявшими с собою все, что можно было унести, и сжегшими остальное. Вообще, испанцы приняли за правило лишать флибустьеров всех решительно потребностей, чтобы тем скорее принудить их отказаться от своего намерения. В Торна-Каваллосе не осталось ничего, кроме пустых кожаных мешков. Голод приводил пиратов в исступление: надо было утолить его. Для этого разрезали и раздали куски мешков, которые немедленно были съедены не без споров для получения больших порций. Кожу разрезали на мелкие кусочки, терли и колотили их между двумя камнями, мочили в воде, потом жарили, ели и запивали водой.

Угощенные таким образом, пришли флибустьеры в Торна-Мунни, где опять нашли покинутую крепость, на пятый день достигли Барбакоа – но нигде ни людей, ни животных, ни съестных припасов. Наконец случайно нашли в пещере два мешка с мукой, несколько плодов и два больших сосуда с вином. Но эта находка, в сравнении с числом нуждавшихся, была слишком незначительна, чтобы возбудить радость. Морган, хотя томимый голодом, не взял ничего на свою долю, но велел разделить припасы между слабыми. Многие из них были при смерти, их перевели на лодки, а прежние защитники их соединились с сухопутным корпусом. По причине великой слабости отряда и дурной дороги, он шел весьма медленно, питаясь одними древесными листьями и травой.

На шестой день едва продвигались вперед, недостаток в пище чрезвычайно изнурил флибустьеров, и они поминутно останавливались для отдыха. Наконец пришли на плантацию, тоже покинутую, но в одной риге нашли большое количество маиса. Как бешеные бросились на него пираты, и часть его пожрали сырым, остальной был роздан, завернут в банановые листья и частью сварен, частью испечен. Подкрепившись таким образом, продолжали они путь и вскоре завидели за рекой толпу индейцев, которые, однако же, тотчас убежали. Несколько человек было убито, прочие же, скрываясь, кричали: „Погодите, английские собаки! Выйдите только на луг, там мы встретим вас!“ Съев весь запас маиса, флибустьеры, снова проголодавшись, расположились ночевать под открытым небом.

До сих пор выказывали они удивительное терпение в мучительном, так сказать, противном природе положении. Но наконец поднялся ропот. Осуждали Моргана и его дерзкие планы,

многие хотели вернуться, однако большинство объявило, что лучше погибнет, чем откажется от предприятия, начало которого стоило им стольких мучений.

На другой день переправились через реку и пошли к месту, казавшемуся деревней или городом. Издали уже радовались дыму, выходившему из труб, они надеялись наверняка найти здесь людей и припасы. Однако они обманулись еще раз: во всем местечке не было ни одного человека и ничего съестного, кроме кожаного мешка с хлебом и нескольких кошек и собак, которых тотчас убили и съели. Это было местечко Крукс, где обыкновенно выгружали товары, привозимые вверх по реке Чагеру для отправления сухим путем в Панаму, находившуюся от Крукса в 8 французских милях. Здесь были прекрасные каменные магазины и конюшни, принадлежавшие казне. Жители местечка, уходя, зажгли дома свои, не тронув только казенных строений. Флибустьеры обыскали все углы и закоулки и наконец нашли 16 сосудов с перуанским вином. Они немедленно воспользовались этой находкой, но едва выпили несколько, как захворали все без исключения. Они думали, что их отравили, и с отчаянием ждали неизбежной смерти. Но причиной нездоровья был не яд, а отвратительная пища, которую употребляли они в последнее время. На другой день они оправились. Принужденный бросить здесь лодки, Морган высадил всех пиратов, даже слабейших, а лодки с 60 людьми отправил назад к кораблям, оставив только одну, чтобы в случае нужды дать о себе известие флотилии. Притом Морган запретил отлучаться из местечка отрядами менее ста человек. Но голод заставил пиратов преступить это приказание. Десять человек отправились искать съестных припасов в окрестности, на них напали испанцы, и флибустьеры с большим трудом пробились обратно в город, причем один из них был взят в плен.

Морган приказал выступить. Сделав смотр своему отряду, он насчитал 1100 воинов. Желая освободить флибустьеров от страха, что пойманный товарищ откроет испанцам их намерения и силу, он сказал им, что пират этот не пойман, а только заблудился было в лесу и уже возвратился к отряду. Наступил восьмой день ужасного похода, тягость которого облегчала только надежда, что уже недалеко до Панамы. 200 человек были отправлены вперед для наблюдения за движениями неприятеля. Они шли целый день, ничего не открывая, как вдруг с вершины горы посыпалось на них более 4000 стрел. Флибустьеры с минуту были озадачены: не видя никакого неприятеля, а только высокие скалы, деревья и пропасти, в минуту потеряли они 20 человек убитыми и ранеными. Но как нападение тем и кончилось, то они продолжали идти вперед и, проходя через лес, попали в ущелье на толпу индейцев, храбро защищавших его. Однако пираты вскоре одолели противников, потеряв 8 человек убитыми и 10 ранеными. Они всячески старались взять несколько пленных, но это не удалось им: индейцы бежали с быстротою серн и скрылись в известных одним им ущельях. Раненый предводитель их, лежа на земле, оборонялся до тех пор, пока его не убили. Он носил корону из разноцветных перьев. Смерть его произвела сильное впечатление на индейцев и была причиной бегства, потому что ущелье было такого рода, что 100 человек могли не только остановить, но и уничтожить весь отряд пиратов. Победители воспользовались этой оплошностью индейцев и поспешили выбраться из дефилей на более ровное место.

На девятый день похода вышли они на равнину, состоявшую из лугов без всяких деревьев. Шел сильный дождь, флибустьеры промокли до костей, ружья их на время сделались негодными к употреблению. Морган очень желал встретить кого-нибудь, чтобы получить нужнейшие сведения, и для этого отрядил 50 человек, обещая тому, кто приведет испанца или индейца, кроме законной части в добыче, 300 пиастров из общественной казны.

Около полудня взошли на холм, с которого в первый раз увидели Южный океан. Это зрелище, предвещавшее конец мучений, привело флибустьеров в неописанный восторг. Вместе с тем увидели шесть кораблей, направлявшихся из Панамы к соседним островам Тароге и Тарогиле. Самого города еще не было видно. Радость их еще усилилась, когда они открыли в соседней долине множество быков, коров, лошадей и ослов, пасшихся под надзором

нескольких испанцев, которые, увидев флибустьеров, тотчас убежали. Ничто не могло быть приятнее пиратам, умирающим от голода, как эта находка. Неосторожность испанцев, так сказать, спасших этим от голодной смерти неприятеля, была непростительна. Флибустьеры расположились здесь на несколько часов, убили достаточное число быков и с величайшей жадностью ели мясо почти совсем сырое, так что кровь текла изо рта по всему телу. Чего не могли съесть, то взяли с собой, потому что Морган, опасаясь нападения испанских войск, не дал долго отдохнуть своим товарищам.

Желание Моргана достать несколько пленных не исполнилось, и флибустьеры все еще были в недоумении о том, далеко ли остается им до Панамы, когда вдруг, с вершины одного пригорка, открылись им башни города. Раздались всеобщие клики восторга. Наступил вечер, и флибустьеры расположились на ночлег у пригорка, решившись на другое утро напасть на Панаму.

В городе все пришло в движение: первым делом было выслано 50 кавалеристов для рекогносцировки неприятеля. Они подъехали на ружейный выстрел к флибустьерам и стали осыпать их ругательствами, но вскоре повернули назад, восклицая: „Собаки! До свиданья!“ Немного погодя, показался другой отряд в 200 человек пехоты, которому было приказано занять все проходы, чтобы после несомненной, как полагали испанцы, победы, ни один пират не мог вернуться восвояси. Флибустьеры смотрели очень спокойно на все эти приготовления и укрепляли себя пищею. Так как им было запрещено разводить огонь, то они ели мясо сырое, причем дивились непостижимой беспечности испанцев, которые позволяли им отдыхать спокойно. Между тем, чтобы показать свою бдительность, испанцы всю ночь палили из пушек.

Генри Морган перед нападением на Панаму

На другой день, десятый своего похода, 27 января 1671 года флибустьеры поднялись рано и при звуках музыки отправились к городу, но свернули с прямой дороги и, по совету одного из своих проводников, пошли обходом через густой лес, в котором не было ни малейшей тропинки. Этого не предвидели испанцы и потому устроили только на дороге батареи и укрепления, которые теперь сделались бесполезными. Надо было покинуть их, чтобы противостать неприятелю на другой местности, причем не имели даже времени перевезти пушки. После двухчасовой ходьбы флибустьеры увидели испанскую армию, весьма красивую и выстроенную в ученый боевой порядок. Солдаты были одеты в разноцветные шелковые ткани, а кавалеристы разъезжали на рьяных конях, как будто готовились к бою быков. Обер-президент лично предводительствовал этим весьма значительным корпусом, состоявшим из четырех полков регулярной пехоты, 2400 пехотинцев, 400 кавалеристов и 2000 диких быков, которыми управляло несколько сот индейцев и негров.

Флибустьеры, завидя эту армию, покрывавшую всю равнину, испугались ее многочисленности и начали опасаться неудачи. Но они скоро убедились, что им не остается другого выхода, как победить или умереть, и потому поклялись друг другу сражаться до последней капли крови. Разделившись на три отряда, они послали вперед 200 искуснейших стрелков и двинулись на испанцев, окончательно построившихся. Губернатор приказал коннице врубиться в неприятеля и выпустить на него быков. Но местность была невыгодна для кавалерии: в ней были болота, за которыми расположились вышеупомянутые 200 стрелков, производившие такой беспрерывный и меткий огонь, что кавалеристы и лошади падали кучами, и из них только 50 человек спаслись бегством. Вследствие того же быков нельзя было выпустить на пиратов – и весь план атаки расстроился. Флибустьеры между тем смело бросились на испанскую кавалерию, поочередно становились на одно колено и в этом положении стреляли, а стоявшие за ними заряжали ружья. Искусство и хладнокровие пиратов решили битву. Почти все выстрелы их попадали. Испанцы защищались храбро, но не могли ничего против такого

отчаянного мужества. Наконец приказано было выпустить быков, чтобы потревожить тыл неприятеля, но и тут не подумали о союзниках флибустьеров, буканьерах, которые очутились здесь в своей стихии. Испугав быков криком и флагами, они застрелили их всех до единого.

Битва продолжалась два часа при неравных силах и оружии, а между тем она решилась совершенно в пользу флибустьеров. Кавалерия, на которую всего более рассчитывали испанцы, была большей частью уничтожена, и только немногие всадники спаслись бегством вместе с пехотой, бросавшей свои мушкеты, чтобы бежать скорее. Не считая раненых и пленных, на поле сражения осталось 600 убитых испанцев. Между пленными было несколько монахов, которые подвергались величайшей опасности, ободряя сражающихся. Морган приговорил их всех к смерти – и их застрелили из пистолетов. Многие испанцы спрятались по кустарникам на морском берегу, но почти все были открыты флибустьерами и без милосердия убиты.

Но этим дело не было еще кончено. Оставалось взять большой, населенный, защищенный фортами и пушками город Панаму, куда скрылся обер-президент с бежавшими с поля сражения. Трудности были тем больше, что флибустьеры также потеряли много народа – и остальных казалось мало для такого предприятия. Однако было решено приступить к делу. Морган собрал нужные сведения от пленного офицера. Нельзя было терять времени, иначе испанцы могли принять новые меры к защите. Несмотря на сильнейшую пушечную пальбу, имевшую гибельные следствия, город был штурмован в тот же день и после трехчасовой упорной битвы взят. Начался всеобщий грабеж. Морган, опасавшийся излишеств флибустьеров в употреблении вина, особенно после такой продолжительной воздержанности, строжайше приказал не дотрагиваться до вина, но, опасаясь, что одного запрещения будет недостаточно, он объявил, будто узнал из достоверного источника, что испанцы отравили все вина.

Большая часть жителей спаслась бегством. Женщин и все драгоценности отправили на остров Тарога, а мужчины, рассеявшись около города, все еще составляли число опасное для флибустьеров, ослабленных битвами и не могших ждать ниоткуда подкрепления. Это заставляло их быть осторожными, и большая часть расположилась вне города.

Наконец Морган совершил дело жестокое, непонятное и не довольно поясненное современными описателями этих ужасов, которым преднамеренно лишил себя и свой отряд огромнейших богатств. Хотя самое драгоценное было увезено жителями, однако же все лавки, магазины и кладовые оставались наполненными товарами всех родов. Кроме множества изготовленных мануфактурных и фабричных произведений и бесчисленных предметов роскоши и промышленности, здесь находились огромные запасы муки, вина, оливкового масла и благовоний, большие магазины с железом. За сто фунтов железа платили тогда 32 пиастра.

Эти товары не имели, правда, ценности в глазах Моргана, потому что он не мог их взять с собой, но сохранение их могло доставить выкуп. Впрочем, последнее было еще только предположение, а негодность их для флибустьеров дело решенное. Разорение нескольких тысяч семейств ничего не значило для Моргана. Поэтому можно сказать, что главной побудительной причиной было бешеное своеволие, совершенно согласное с его жестоким характером. Не сообщив никому своего намерения, он приказал зажечь Панаму в разных местах, и в несколько часов весь великолепный город был объят пламенем.

Испанцы, оставшиеся в городе, вместе с флибустьерами, не знавшими причины пожара, соединенными силами старались погасить огонь, таскали воду и срывали дома, чтобы остановить пламя, но все было тщетно: дул сильный ветер и большая часть домов были деревянные. Прекраснейшие дома с их драгоценностями, между ними великолепная биржа генуэзцев, церкви, монастыри, городская ратуша, лавки, госпитали и богоугодные заведения, магазины с бесчисленными кулями муки и двести кладовых, наполненных товарами,

превратились в пепел. Той же участи подверглось множество животных: лошадей, мулов и проч. – и много невольников, которые спрятались от флибустьеров в подвалах и на чердаках, теперь были изжарены живьем. Только немногие дома спаслись от огня, который тлел четыре недели. Пираты снова бросились грабить развалины – и довольно успешно. Морган тщательно скрывал свое участие в этом деле и обвинял в нем испанцев. На другое утро на месте цветущего города была куча золы, уцелел только уголок его, самый бедный, в котором жили погонщики мулов, два монастыря и дворец обер-президента, стоявший отдельно.

После пожара флибустьеры собрались в один отряд и окопались в развалинах церкви. Морган отправил сильный отряд в Чагер для извещения оставшихся там флибустьеров о победе и для узнания об их положении. Вместе с тем отправил два отряда, каждый в 150 человек, в окрестности города для отыскания бежавших жителей и корабль для поисков в Южном океане. Корабль вернулся через два дня с тремя взятыми судами, но также с весьма неприятным известием, что упустил большой галион, нагруженный спасенными из Панамы церковными сокровищами и множеством серебра, золота и другими драгоценностями, принадлежавшими казне и богатейшим купцам. Далее, на нем находились жены богатейших жителей со всеми их украшениями – словом, с отборнейшими богатствами города. Галион этот не имел балласта, который заменяли ему золотые и серебряные слитки. На том же судне были все монахи из Панамы. Оно было вооружено только 6 пушками, имело незначительный экипаж и шло весьма беспечно, потому что испанцы не воображали, чтобы флибустьеры пустились в море. Казалось, что эта добыча никак не уйдет от пиратов, галион виднелся весь вечер, и начальник разбойничьего судна, Шарп, считал его уже как бы взятым и хотел только дождаться утра. На ночную же экспедицию нельзя было пуститься, потому что экипаж, запасшийся на маленьких островах близ Панамы вином и женщинами, был не в состоянии действовать против неприятеля. Наутро же галион исчез из вида. Отрезвившимся флибустьерам оставалось одно сожаление, что они от собственной оплошности и легкомыслия лишились огромной добычи. Но Морган никак не хотел оставить мысли о поимке этого галиона, тем более что, по собранным сведениям, судно это терпело недостаток в воде и съестных припасах, даже в снастях и парусах. Предполагая, что оно укрылось в каком-нибудь заливе около Панамы, он послал четыре корабля для розысков, но и они, прокрейсировав неделю, возвратились без добычи и потеряв всякую надежду когда-либо отыскать ее.

Из Чагера получены были хорошие известия: там все было спокойно и в порядке. Гарнизону удалось захватить испанский корабль, беспечно плывший из Картахены мимо форта и нагруженный съестными припасами и несколькими ящиками со смарагдами. Вследствие этих известий флибустьеры решились продлить еще свое пребывание в Панаме. Пираты рылись в пожарище, ища скрытых сокровищ, и находили немало в подвалах и даже в колодцах, куда их запрятали испанцы. Другие занимались выжигою материй, шитых золотом и серебром.

Так как всякое опасение о нападении испанцев извне исчезло, то все флибустьеры расположились в уцелевших домах, полагаясь на сильные отряды, посланные ими за город, которые ежедневно добывали новых пленных и добычу. Набралось уже более ста богато нагруженных мулов и до 200 пленных, и новые патрули никогда не возвращались с пустыми руками. Несчастных пленных предавали жесточайшим пыткам, и многие испускали дух среди страшных мук, на что флибустьеры смотрели не только хладнокровно, но и с удовольствием, потому что не имели изобилия в съестных припасах. С некоторыми женщинами, особенно с красивыми, обходились довольно хорошо, если они соглашались удовлетворять скотские похоти варваров, в противном же случае они подвергались тем же мучениям. Морган сам подавал пример своим подчиненным, доказательством чего служит следующий случай.

Между приведенными пленниками находилась молодая, прелестная женщина, кроткая и благородная, жена богатого купца, недавно уехавшего по торговым делам в Перу. Она убежала вместе со своими родственниками, но была поймана. Едва увидев ее, Морган назначил ее для себя, сначала обходился с ней почтительно и отделил от других пленников,

хотя она со слезами просила избавить ее от такой чести. Он отвел ей комнату в занимаемом им доме, назначил негра для прислуги и пищу со своего стола, кроме того, позволял ей принимать пленных испанок. Женщину эту чрезвычайно удивляло такое обращение, тем более что ей описали флибустьеров дикими зверьми и исчадиями ада. Сначала она не подозревала настоящей причины, но скоро все объяснилось. Морган дал ей три дня срока, чтобы кончить миролюбиво, предлагая богатейшую добычу свою, золото и жемчуга, но она отказалась ото всех подарков и, наконец, сказала: „Жизнь моя в руках ваших, но телом моим вы не овладеете, скорее я разлучу его с душой“. При этом она показала ему скрытый кинжал, который, однако, тотчас отняли у нее. Дикий Морган, чуждый великодушия и всех добродетелей, пришел в исступление, приказал сорвать с нее одежду и полунагую запереть в мрачный, вонючий подвал, где давали ей самую негодную пищу, и то в таком незначительном количестве, что она едва могла поддержать ей жизнь. Так как подобные жестокости и еще большие происходили здесь ежедневно, то никто не обратил бы на это внимания, но необыкновенная красота пленницы возбудила жалость в сердцах разбойников, они начали так громко порицать поступок Моргана, что он мог извиниться только ложью, сказав, что она отвечала на его милости неблагодарностью и на погибель всем поддерживала тайную связь со спасшимися испанками. Вследствие этой лжи она осталась его пленницей.

Флибустьеры вообще были недовольны своим предводителем. Многие намеревались отделиться от него, не возвращаясь в Чагер, уехать из Панамы на кораблях и разбойничать несколько времени в Южном океане, где не ожидали их нападений. При этом предполагали укрепиться на уединенном острове, собрать туда втихомолку добычу и потом ост-индским путем вернуться в Европу. Для этого собрали они уже значительное количество съестных и воинских запасов, даже несколько пушек, и выбрали самый большой из недавно взятых кораблей. План созрел, но перед самым исполнением Морган узнал о нем. Решительный человек этот тотчас нашел средство уничтожить его: он приказал срубить большую мачту на избранном корабле и потопить его и все другие находившиеся в гавани суда.

После этого Морган стал думать серьезно о возвращении. После четырехнедельного пребывания флибустьеры оставили Панаму, или, правильнее, место, на котором еще недавно стоял этот город. Добычу, состоявшую почти исключительно в золоте, серебре и драгоценностях, потому что не было средств перевозить более грузные вещи, несли 175 лошаков, подле которых шли слишком 600 пленных испанцев и невольников, мужчин, женщин и детей. Несчастные, не знавшие, куда ведут их, и умирая от голода, подняли громкий плачь и вопли и на коленях молили о милости дозволить им возвратиться на пепелище Панамы. Морган отвечал, что отпустит их, если они внесут выкуп. Но это было не всем возможно. Четыре дня ждали возвращения нескольких монахов, отправленных за выкупом, но как они не возвращались, то пошли дальше, причем пираты погоняли остальных прикладами. Тут были матери с грудными детьми, которые, за недостатком пищи, не могли дать своим младенцам ни капли молока. Упомянутая выше красавица шла среди толпы. Морган назначил за нее 30 000 пиастров выкупа. Для принесения их отправила она двух монахов, которым указала место, где были скрыты деньги. Они действительно нашли их, но употребили на выкуп своих друзей. Этот предательский поступок, сделавшись известным, еще усилил сострадание флибустьеров, и сам Морган почувствовал припадок добродушия. Он расспросил других монахов и, узнав истину, освободил несчастную, оставил взамен ее всех монахов, которые были во власти его, но и они были скоро выкуплены, что случилось и со многими другими пленниками в продолжение пути. Но большая часть не могла добыть денег и должна была идти все далее.

На полудороге между Панамой и Чагером остановились на дневку. Каждый должен был присягнуть, что не утаил ни малейшей части из добычи. Клятва была дана, но тогда Морган потребовал еще подробного обыска платья и ранцев, причем сам подал пример, дозволив обыскать себя, и снял даже сапоги. Другие должны были согласиться на то же, хотя многие, особенно французы, явно роптали. Офицеры приняли на себя труд обыскать, причем

разряжали даже ружья. Многие приходили в ярость от такой недоверчивости и грозили убить предводителя, но большинство соглашалось со справедливостью распоряжения Моргана, который приказал офицерам, если найдут у кого затаенную вещь, отнять ее без шума, не обнаруживая преступников. С помощью этой предосторожности все кончилось благополучно.

9 марта 1671 года флибустьеры пришли в Чагер, где все нашли в довольно хорошем положении, исключая раненых, которые все почти, по недостатку врачебной помощи, умерли. Отсюда Морган отослал всех пленных, отягощавших его, на корабле в Портобелло, причем требовал за сохранение Чагера значительного выкупа, грозя в противном случае срыть форт. Ему отвечали, что не дадут ни копейки и что он может делать что угодно. Тогда все пушки из форта перенесли на суда пиратов, взорвали стены, сожгли дома и уничтожили все, чего не могли взять с собой.

Предприятие было, таким образом, кончено. Приступили к разделу добычи, которую оценили в 443 000 фунтов серебра по 10 пиастров на фунт, причем, однако, Морган поступил очень несправедливо со своими товарищами, которые по большей части спокойно дали обыскать себя и все отдали в общую казну. Он скрыл множество драгоценностей и очень уменьшил тем массу добычи. Следствием этого было то, что после таких опасностей, ужасов и лишений пиратов, после ограбления и сожжения богатейшего города и смерти огромного числа испанцев в битвах и в пытке на каждого флибустьера пришлось не более 200 пиастров! Флибустьеры громко роптали и сказали Моргану в лицо, что он скрыл и присвоил себе большую и драгоценнейшую часть добычи. Дело было тем очевиднее, что многие пираты не видели при разделе предметов, доставленных ими самими. К тому присоединялись еще другие жалобы, и должно было опасаться возмущения. Вероломный предводитель не имел охоты удовлетворять своих товарищей, но также не хотел ждать, пока вспыхнет возмущение. Поэтому он тайком пробрался на свой корабль и уехал в сопровождении трех других кораблей, которых начальники разделили добычу так же пристрастно, как он, и потому были ему преданы. Прочие флибустьеры, увидев себя покинутыми, пришли в ярость, они хотели догнать Моргана и атаковать его, но у них недоставало провианта и других припасов, что принудило их рассеяться небольшими отрядами на берегу Коста-Рики, и, наконец, различными путями, спустя долгое время и после многих опасностей, удалось им возвратиться на Ямайку.

Морган все еще не думал успокоиться и, как ни подло поступил с товарищами, был уверен, что и впредь найдет помощников. Он возымел мысль переселить значительное число народа на остров Св. Екатерины, сильно укрепить его и превратить в место жительства всех флибустьеров. Уже приступили было к исполнению этого плана, когда в Ямайку прибыл английский линейный корабль, которого депеши ужаснули флибустьеров. Губернатор колонии был вызван в Англию, чтобы дать отчет за покровительство кровожадным злодеям. На корабле прибыл и новый губернатор, который тотчас объявил во всех портах острова, что английский король намерен жить в мире с испанским монархом и его подданными в Америке, причем строжайше приказывал: не дозволять ни одному флибустьеру оставлять Ямайку для нападения на испанские владения.

Английские пираты, бывшие в море, боялись возвратиться, опасаясь, что при таком расположении умов у них, пожалуй, отнимут добычу, и были принуждены отправиться на французский остров Тортугу, этот давнишний притон флибустьеров, единственный, остававшийся им в вест-индских морях. Тогда Морган оставил свои планы и более не выступал на поприще разбоев. Он жил в бездействии спокойно в Ямайке, достиг почетнейших мест на острове и наслаждался своими богатствами».

В завершение рассказа о сэре Генри Моргане следует добавить, что его ямайские плантации составляли колоссальную площадь в 6000 акров (1 акр = 4046,86 м?. Он пользовался немалым весом в обществе, что позволяло ему занимать ответственные посты. Причем, будучи прирожденным лидером, он по обыкновению принимал в свои руки все бразды

правления. Так, например, когда официальный Лондон вознамерился было обложить Ямайку новым особым налогом на сахар (это в первую очередь ударяло по плантаторам), именно сэр Генри Морган встал на защиту островных привилегий.

Сэр Генри Морган

Однако все течет, все меняется. В 1682 году сэр Томас Линч вернулся на Ямайку и обнаружил, что во время его отсутствия Морган, по сути, нередко осуществлял всю полноту административной власти (это продолжалось с 1680 по 1682 год. Причем для Моргана то был уже третий срок пребывания у власти: первый срок – 1674–1675; второй – 1678). Это, конечно же, никак не могло порадовать возвратившегося из Англии Линча, который выхлопотал для себя в Лондоне пост губернатора. Линч имел все основания ненавидеть Моргана, поскольку тот сместил его с губернаторского поста в 1674 году, став, таким образом, его личным врагом.

Линч лишил Моргана всех его невероятных привилегий, тем самым совершенно удалив от дел. Казалось бы, Моргану было не привыкать: даже на пике своей активности и славы его собственная команда подчас не проявляла должной лояльности. Но возраст, видимо, все же давал себя знать. Тем более что очень горько быть лишенным того, что заслуженно и должно принадлежать тебе по праву. Хотя бы по праву справедливости…

Вследствие понесенного морального ущерба Морган весьма опустился. Он, и прежде весьма тяготевший к спиртному, теперь стал завсегдатаем таверн. Однако все, на что он в скором времени был способен, это бессильно поносить своего более удачливого оппонента – в лице нового губернатора. Он сильно сблизился со своим доктором; так часто бывает, когда в старости недуги дают о себе знать. Тогда доктор становится конфидентом. Хорошо еще, если он грамотный специалист. Часто бывает иначе. Видимо, это справедливо и по отношению к врачу Моргана. Как замечает автор Энциклопедии пиратов Жан Рогожинский: «…весьма причудливые средства лечения, применявшиеся его личным врачом, так же, надо полагать, приблизили кончину Моргана».

Скончался сэр Генри Морган в 1688 году.

10. Эдвард «Черная Борода» Тич (Edward «Black Beard» Teach)

Этот британский корсар прославился своими рейдами в Карибском море и Атлантическом океане. Поистине один из самых жутких персонажей среди пиратов. Даниэль Дефо, просвещенный автор «Робинзона Крузо», был просто одержим темой пиратов и даже создал целое исследование («Всеобщая история пиратов»), посвященное им; согласно его авторитетному свидетельству, Черная Борода был дьяволом во плоти, а не человеком. Дефо пишет: «Во время боя он цеплял через плечо на манер бандальеры ружейный ремень, с коего свисали три пары пистолей в кобурах, и засовывал под края шляпы зажженные спички, и, когда они с двух сторон освещали его лицо, глаза его казались воистину свирепыми и дикими, и все это, взятое вместе, придавало ему такой вид, что воображение людское не могло бы породить адской фурии, чей облик был бы более пугающим». Скорее всего, Даниэль Дефо до некоторой степени сгущает краски. Эдвард Тич был человеком, что уж там говорить, но он отличался высоким ростом, большой силой и невероятной властностью, действительно наводя ужас на пиратов, бывших у него под началом. Пожалуй, не будет

преувеличением сказать, что у Черной Бороды был чуть ли не самый вышколенный экипаж, свято чтивший дисциплину и беспрекословно повиновавшийся любому приказанию своего капитана. Видимо, это сказалось и на результатах: несмотря на весьма короткую карьеру (всего каких-то 15 месяцев!), изрядный объем добычи позволил Эдварду Тичу войти в десятку самых удачливых пиратов в истории.

Эдвард «Черная Борода» Тич

Эдвард Тич (1680 – 28 ноября 1718 г.) появился на свет в Бристоле. Это был средней руки портовый город в Британии. Это обстоятельство, а также и то, что его батюшка сам был корсаром и очень даже неплохо зарекомендовал себя на Карибском море, отразились на выборе юным Тичем своего жизненного поприща. Конечно же, он мечтал стать пиратом! Резиденция отца располагалась в Порт-Ройяле (Ямайка). Этот город существует до сих пор – правда, уже на дне Карибского моря. Земной жизни Порт-Ройялу было отпущено 36 лет – с 1656 по 1692 год. Это в буквальном смысле была пиратская столица мира. Он разрастался с молниеносной быстротой, богатства стекались в него отовсюду. Постоянными жителями города являлись свыше полутора тысяч пиратов (среди них был и отец Черной Бороды). Католическая Церковь определила Порт-Ройял как самое нечестивое место на земле. А 7 июня 1692 года внезапно произошло чудовищное землетрясение, и город, включая его обитателей, почти полностью был поглощен бушующей водной стихией…

Эдвард Тич стал служить на корабле с раннего возраста. И хотя начало его службы протекало на военных кораблях королевского британского флота, для Тича всегда оставалась надежда осуществить свою заветную мечту о пиратской судьбе. Ведь капитанам некоторых кораблей выдавались специальные лицензии, превращавшие их в каперов и позволявшие останавливать и грабить испанские суда. Отсюда до палубы настоящего пиратского корабля было рукой подать!

Эдвард Тич, собственно, так и поступил. Он оставил королевский флот и перебрался на небольшое судно, совершавшее регулярные рейсы на Ямайку. На Ямайке Тичу удалось свести знакомство с известным и влиятельным пиратским капитаном – Бенджаменом Хорнигольдом. Тич горячо умолял Хорнигольда взять его в команду. Тот, оглядев статную фигуру Тича, подумал, что такой ладный молодец, имеющий к тому же реальный опыт хождения по морю, может оказаться полезным на его корабле, и дал свое согласие. Его выбор оказался чертовски удачным. Официальное вступление Тича на пиратский путь стоялось в 1716 году.

Эдвард Тич со всем порывом юности отдался всей душой любимому делу. Он настолько убедительно проявил себя в деле, что Хорнигольд чуть ли уже не в следующем путешествии назначил Тича капитаном только что захваченного шлюпа. Хорнигольд и Тич в дальнейшем совершали совместные рейды, как правило, успешные. Особенно хорош для них оказался 1717 год. Не считая целой череды судов, взятых ими на абордаж неподалеку от Карибского побережья и у берегов Америки, пиратам достался гигантский торговый корабль «Конкорд», ходивший между Мартиникой и Африкой. Размер добычи, доставшейся на сей раз пиратам, мог потрясти любое воображение! Тут было всё: горы золотого песка, мешки золотых и серебряных монет, драгоценности.

Эдвард «Черная Борода» Тич (1715)

Случившееся возымело знаменательные последствия. Хорнигольд, сочтя, что Тич вполне готов действовать самостоятельно, задумался всерьез над тем, что им целесообразнее расстаться. Со своей стороны, сам Тич, хотя и питал огромную благодарность к Хорнигольду за давешнее включение в пиратскую команду, чувствовал внутри, что время ученичества миновало, и пора ему самому становиться предводителем пиратов. А тут еще параллельно, словно по заказу, произошла смена власти: вместо отвергнутого большинством команды чересчур осторожного и расчетливого Хорнигольда эскадру возглавил неистовый Сэмюэль Беллами. Произошел справедливый раздел добычи (причем завоеванный гигантский корабль отошел Тичу!), состоялась прощальная дружеская гулянка, а после каждый из пиратов последовал уже своим путем.

Новый, теперь уже по-настоящему свой корабль Эдвард Тич окрестил заново: «Месть Королевы Анны»; на борту было установлено 40 орудий, что делало корабль грозным соперником для большинства судов, которые могли встретиться на пути. Первым трофеем Тича как капитана оказался британский купеческий корабль; беспечные британцы угодили в руки пиратов неподалеку от острова Сент-Винсент, отстоявшего в 320 километрах к северу от берега Венесуэлы. Тич опустошил трюмы, переместил команду к себе на борт, а сам корабль сжег без сожаления. Пленных он впоследствии высадил на сушу, не обременяя себя требованием выкупа.

Зимой 1717–1718 годов «Месть Королевы Анны» совершала активные рейды по Карибскому морю; впрочем, пожива была не слишком большая – несколько шлюпов, и только. Погода становилась скверной для дальнейшего плавания, не говоря уже об охоте на корабли. Необходима была стоянка и осмотр судна. На необитаемых или мало посещавшихся островах все это можно было устроить вполне безопасно, но нельзя было должным образом осуществить. Поэтому Тич, образно говоря, решил сунуть голову в пасть льва. Он приводит свое судно в Бат (город на побережье Северной Каролины, славившийся своими условиями зимней стоянки) и бросается в ноги губернатору Идену, каясь в ранее совершенных грехах и испрашивая для себя и для команды прощения. Иден, растроганный до глубины души, поверил Тичу, милостиво даровал свое прощение и позволил переждать зиму в Бате. Пираты торжественно поклялись завязать со своей позорной деятельностью, и им даже позволили… оставить себе всю добычу!

Дождавшись весны в комфорте, а заодно сделав неплохой капитал на колонистах Бата, которые были счастливы приобрести многие ценности из сокровищницы Тича, славно отдохнувшие пираты вышли на своем полностью обновленном корабле в море, направляясь в сторону Гондурасского пролива. Понятное дело, о соблюдении клятвы, данной губернатору, они не то что не думали, а напрочь ее забыли. Молодцы до того соскучились по работе, что были готовы грабить даже своих. Это отнюдь не является преувеличением! «Месть Королевы Анны» захватила 10-пушечный корабль, принадлежавший тогда еще не слишком известному пирату Стиду Бонне (Stede Bonnet). Корабль Бонне, по странному совпадению, назывался «Месть» и имел 70 человек на борту. Тягаться с Тичем было не с руки, поэтому Стид Бонне сдался и из капитана в один миг превратился в вынужденного пленника. Впрочем, Тич посулил, что потом будет делиться с ним добычей. «Месть» он присоединил к своей эскадре, поставив на нее капитаном некоего Робертса. В дальнейшем, в июне 1718 года Тич возвратил Стиду Бонне его неказистую «Месть». Об обещанной доле добычи даже не возникло и речи. Бонне обозлился и решил поправить свои дела. Он сдался губернатору Северной Каролины и выпросил у того каперский патент, дающий ему право безнаказанно нападать на испанские суда. А потом, когда его просьба была удовлетворена, он вышел в море и попытался настичь флагман Тича, чтобы сквитаться, силой отобрав свою долю. Однако догнать «Месть Королевы Анны» ему так и не удалось.

Кстати, Тич, уже отрастивший к тому времени пышную растительность на лице, именовался пиратами

Черной Бородой . Во «Всеобщей истории пиратов» Даниэль Дефо приводит любопытное описание: «Борода сия была черного цвета, и он отрастил ее до невероятной длины; что касается ширины, то она доходила ему до глаз; он обычно заплетал ее в косички, перевивая их лентами, на манер наших ветвистых париков, и накручивал сии косички себе на уши».

Он вскоре захватил красивый шлюп «Приключение»; команда шлюпа единогласно примкнула к пиратам, а капитаном над ними был поставлен небезызвестный Израэль Хэндс, правая рука Тича.

Потом пираты нанесли визит в Гондурасский залив.

Там эскадра Тича за несколько месяцев захватила немало кораблей; один из них, приписанный к порту Бостона, был вообще им сожжен. Резон – месть: Тичу стало известно о состоявшейся казни над несколькими пиратами. В конце мая грозный капитан «Мести Королевы Анны» со своей эскадрой, составившей теперь уже 4 корабля (включая флагман) с командой, общая численность которой составляла свыше 400 человек, решил переместиться к побережью Южной Каролины, где уже в июне осмелился дерзко блокировать город Чарлстон. Причину блокады некоторые историки видят во внезапно вспыхнувшей на судах Тича эпидемии сифилиса. Потребовав лекарственные средства, Тич первоначально получил от города отказ. Тогда он принялся захватывать корабли, находившиеся в процессе вхождения в гавань или покидавшие ее. Общее число судов, ставших жертвами пиратов, составило восемь или девять единиц; на одном из них присутствовали видные граждане Чарлстона и среди них – сам Сэмюэль Врэгг, видный член городского совета, со своим четырехлетним сыном. Пираты вновь обратились к мэру Чарлстона, предлагая взаимовыгодный обмен. Защитникам города и мэру не оставалось ничего иного, кроме как удовлетворить притязания пиратов; необходимые лекарства были предоставлены. Однако процедура передачи несколько затянулась (на целых два дня!); Тич начинал терять терпение и был уже готов умертвить пленников, но тут ялик с лекарствами наконец-то прибыл. Эдвард Тич, как и обещал, отпустил важных пленников с миром (правда, присвоив их одежду, так что они были практически голыми!) и даже вернул корабль, на котором те находились перед нападением пиратов. А потом «Месть Королевы Анны» и прочие корабли пиратской эскадры покинули гавань.

Чарлстонцы впоследствии долго недоумевали (кстати, историков пиратства этот инцидент до сих пор ставит в тупик): стоимость затребованных лекарств составляла немногим более ‡ 400. Отчего это вдруг столь мизерный выкуп устроил пиратов? Ведь они могли подвергнуть город жестокому обстрелу, а то и спалить его дотла. К счастью для горожан, все обошлось малой кровью. Но ведь все могло пойти иначе, и тогда урон мог оказаться огромным. Видимо, резон все же был, а какой – мы, скорее всего, никогда уже не узнаем.

Тич же со своей небольшой эскадрой из четырех кораблей решил после этого вновь вернуться к побережью Северной Каролины. И там в июне 1718 года произошло еще одно происшествие, по-прежнему заставляющее удивляться. Фактически случилось так, что в проливе Бофор Эдвард «Черная Борода» Тич выказал себя настолько «искусным навигатором», что его главные корабли («Месть Королевы Анны» и «Приключение»)… сели на мель! Далее того интереснее: он приказал перенести практически все сокровища на безымянный шлюп; четвертый корабль, ранее принадлежавший Стиду Бонне, он вернул владельцу, отпустив того с миром (хотя и без единого пенни). Какая-то часть команды при этом происшествии погибла, прочих же он в большинстве своем насильно спустил на берег. Они с горечью проклинали его, прекрасно понимая, что Черная Борода решил самым оригинальным способом избавиться от необходимости делить захваченное добро между всеми членами изрядно к тому времени разросшейся команды. Что и говорить, их предположение вполне могло соответствовать истине…

А Черная Борода с небольшой командой самых отборных и преданных ему пиратов поднял

паруса и устремился в направлении Бата, где некогда давал зарок губернатору Идену вести себя впредь прилежно и не разбойничать в море. Губернатор встретил его как доброго знакомого. Черная Борода вновь упал ниц, испрашивая прощения. И, что удивительно, он опять его получил. Отобранный у английских купцов шлюп, на котором Тич пришел в Бат, был

официально передан ему в дар! Так что все движимое имущество Черной Бороды было легализовано. А сам он изумил своих пиратов неслыханным деянием, решив прикупить себе недвижимость в Бате. Выбор Тича пал на роскошный особняк, находившийся наискосок от дворца самого губернатора Идена. Его легализованный шлюп горделиво покачивался на волнах в гавани прибрежного островка Окракок. Душка-губернатор подсуетился и тут же подыскал Черной Бороде юную красавицу в жены. Кстати, Эдварду Тичу тогда было 38 лет – не такой уж ветхий возраст по тем временам. Более того, Иден представил его ко двору, и Тич свел знакомство практически со всеми знатными и влиятельными фамилиями Бата. Они так понравились друг другу, что в дальнейшем в основном занимались лишь тем, что отдавали друг другу визиты! Тич, по свидетельству современников, просто обожал устраивать для знати званые приемы; дворяне же, в свою очередь, не оставались в долгу.

На безоблачном горизонте, правда, возникло небольшое облачко. Суд Филадельфии выдал ордер на арест Тича. Губернатор пообещал пирату задействовать свои связи и порекомендовал ему непременно явиться в суд, дабы разом покончить со всеми обвинениями. Отстрелявшись в филадельфийском суде, Черная Борода безмятежно двигался домой, в Бат, и вдруг неподалеку от Бермудских островов напоролся на два французских судна; трюм одного бы загружен сахаром, а другое шло налегке. Черная Борода захватил корабль с сахаром, а его команду поголовно перевел на другой корабль. После этого он радостно продолжил путь и к сентябрю бросил якорь в гавани Бата.

Губернатор Иден мигом смекнул, как следует все обставить, чтобы трофей Тича не доставил тому неприятностей. Срочно был созван суд вице-адмиралтейства. Сам Тобиас Найт, верховный судья колонии, прибыл, дабы председательствовать на этом суде. Постановление суда, совершенного с феерической стремительностью, было поразительно: согласно ему, Эдвард Тич, случайно повстречав в море брошенный по непонятной причине корабль с сахаром, решил привести его в колонии. Судебный вердикт предписывал Тичу немедленно разгрузить корабль и тут же сжечь, что и было им выполнено. За совершение судебной процедуры официальные лица были отмечены Черной Бородой небольшими сувенирами: губернатору досталось 60 баррелей превосходного сахара, а верховному судье Найту – 20.

После этого Тичу лишь оставалось зажить в свое удовольствие. Он находился попеременно то в своем особняке, то на шлюпе в гавани у южной оконечности островка Окракок. Там его навещали некоторые знатные пираты, например Чарльз Вейн, отличавшийся своей удачливостью. Пираты и их команды сошлись воедино и учинили на острове такой «джем-сейшен», что все окрестности содрогнулись. Шум веселья, как говорят, был настолько громок, что губернатор Иден не смог сомкнуть глаз. Впрочем, он был рад, что его друг отвел душу на славу. Все шло безмятежно, и никто не догадывался, что беда уже близко.

А беда эта могла быть легко персонифицирована. Человека, желавшего погубить Черную Бороду, звали Александр Спортсвуд. Он был губернатором Виргинии. Несмотря на то, что Окракок и Бат находились вне его юрисдикции, Спортсвуд решил снарядить туда карательную экспедицию. Возглавить ее он приказал лейтенанту Роберту Мэйнарду, посулив тому в качестве премии за успешный исход предприятия ‡ 100; кроме того, мелкие поощрения были обещаны всем морякам его команды.

Что же, собственно говоря, побудило губернатора Виргинии затеять эту операцию?

Ответ прост.

В его руки попали несколько бывших членов команды Тича, брошенные тем некогда на берегу залива Бофор (среди них – Уильям Говард, бывший квартирмейстер). Они сообщили губернатору об огромных сокровищах, с которыми скрылся Тич. Спортсвуд был алчным человеком и немедленно загорелся идеей присвоить эти сокровища себе, полагая, что куда более достоин владеть ими, нежели какой-то там гнусный пират. Кроме того, здесь было еще до некоторой степени задето его самолюбие: губернатор Виргинии также не мог смириться с мыслью, что, пусть и не прямо в его владениях, но сравнительно недалеко от них безнаказанно поселился знаменитый пират, разоривший множество кораблей. Коварный Спортсвуд правильно оценил возможности небольшого судна Тича, способного заходить в любые воды и, в том числе, не застрять даже на мелководье. Поэтому он не стал снаряжать больших военных фрегатов, а ограничился парой небольших, маневренных шлюпов. К ним, по зрелом размышлении, были, в конечном счете, присоединены еще два. Все финансировалось на личные средства Александра Спортсвуда, поскольку он не желал, чтобы кто-то из официальных лиц пронюхал о его затее. А все издержки он надеялся покрыть после того, как ему удастся заполучить сокровища Черной Бороды.

Карательная экспедиция отплыла 11 ноября 1718 года, а вечером 21 ноября уже подошла к острову Окракок, где как раз находился Эдвард Тич с командой из девятнадцати человек; шестеро из них были неграми. У Роберта Мэйнарда, согласно документальным источникам, было 30 человек на «Жемчужине», 25 – на «Лайме»; примерно такое же число команды было на «Рейнджере» и «Джейн». Мэйнард, бывалый вояка, решил тотчас не атаковать. Уже вовсю смеркалось, и у пиратов, куда лучше виргинцев знакомых с фарватером, было перед ними явное преимущество. Мэйнард решил дождаться рассвета. На руку ему играло еще и то обстоятельство, что пираты вовсю пьянствовали на своем судне, явно не ожидая нападения. Тем не менее, когда Мэйнард выслал разведывательную шлюпку (а стояла уже полная темнота!), ее обстреляли, и она была вынуждена возвратиться.

Итак, план внезапной атаки позорно провалился. Эдвард Тич, вмиг протрезвев, не смыкал глаз всю ночь, ожидая, что предпримет Мэйнард. Наступил день. Поскольку Мэйнард медлил, выжидая, Эдвард Тич решил сделать первый шаг. Он приказал срезать якорь и стремительно двинулся в узкий канал. Мэйнард тут же скомандовал двигаться в погоню, что и было исполнено. Однако, пытаясь использовать скоростные качества своих кораблей в незнакомых водах, Мэйнард не уберегся и посадил их на мель. Тич возликовал, и завязалась перестрелка. До виргинских кораблей долетали угрозы и проклятия Черной Бороды; Тич орал во всю силу своих легких, что нипочем не сдастся трусливым щенкам – так он величал моряков Мэйнарда. Тем временем начался прилив. Корабли Мэйнарда благополучно сошли с мели и смогли продолжить преследование. Когда шлюпы виргинцев подобрались вплотную к судну Черной Бороды (ближе всех – «Джейн»), их встретил чудовищной силы орудийный залп. Капитан Хайд, который шел на «Джейн», был мгновенно убит. Его команда также лишилась еще шестерых человек; при этом свыше десятка моряков были тяжело ранены. «Джейн» теперь можно было сбросить со счетов.

Пираты ликовали.

Мэйнард на «Рейнджере» продолжал преследование. Он так направлял свой корабль, что вынудил пиратов ошибиться, и тех вынесло на берег. «Рейнджер» стремительно пошел на сближение; Мэйнард отдал приказ, чтобы все были готовы к рукопашной схватке. Однако Черную Бороду было сложно смутить. Выждав, пока виргинцы приблизились, он велел зашвырнуть к ним на палубу связку «гранат» – это были бутыли, щедро начиненные порохом, мелкой дробью и кусочками свинца; все это убийственное содержимое было разбавлено ромом, а у горлышка находился особый мгновенный воспламенитель. Их широкое использование пиратами началось благодаря Эдварду Тичу, но он отнюдь не явился изобретателем гранат, как ошибочно полагают многие. Подобные «снаряды» были в ходу уже в XVII столетии, особенно же часто к ним прибегали при осаде укрепленных фортов. Эдвард Тич, таким образом, лишь отдавал дань традиции. Правда, гранаты, угодившие на палубу

«Рейнджера», почему-то не разорвались, а лишь исторгли облако сизого дыма, ненадолго дезориентировав нападавших. Вдобавок вся палуба виргинского шлюпа оказалась покрыта осколками стекла. Но вот бойцы Мэйнарда пришли в себя, и завязалась баталия. Причем на борту «Рейнджера»! Черная Борода и Роберт Мэйнард лично сошлись в поединке на саблях (между прочим, существует несколько описаний этого поединка; одно составлено по свидетельствам очевидцев, а другое содержится в личном письме Мэйнарда; мы находим необходимым познакомить вас с обоими вариантами).

Поединок Эдварда Тича с Робертом Мэйнардом. Гравюра Жана Леона Жерома Ферриса

Мэйнард сделал быстрый выпад, но острие его клинка вонзилось в патронташ Тича. (К слову сказать, Черная Борода был просто одержим оружием. У него за поясом всегда было засунуто несколько различных пистолетов.) Парируя удар Мэйнарда, Тич мощным ударом снес клинок Мэйнарда почти у самой рукояти, серьезно повредив ему несколько пальцев. Но Мэйнард отскочил назад и, отбросив бесполезную рукоять, выхватил пистолет и произвел выстрел, тяжело ранив Тича. А тут еще некий Абрагам Демельт из команды Мэйнарда всунулся между ними и ударом своей сабли порезал Тичу щеку, правда, не слишком серьезно. Жаркая схватка экипажей внесла в поединок капитанов паузу; пока Тич, используя ее, пытался зарядить свой пистолет, он скончался от большой потери крови.

Согласно же другой версии, когда Тич повредил Мэйнарду руку, он бросился вперед, намереваясь того окончательно добить. Именно в этот момент некий виргинец подло атаковал его со спины, ранив в шею. Из раны обильно хлынула кровь; впрочем, это отнюдь не умерило отваги Черной Бороды. Он, даже не подумав выпустить саблю из рук, накинулся на врагов. Поскольку он выступал открыто, то невольно стал удобной мишенью. В него угодили пять пуль; торжествующие виргинцы окружили слабеющего предводителя пиратов и нанесли ему около двадцати резаных ран. И тут силы окончательно оставили Тича, и он упал.

Описания поединка, как вы можете судить, по большей части кардинально разнятся, однако они схожи своим финалом. Мэйнард подступил к упавшему в беспамятстве Эдварду Тичу и отсек ему голову, позже поместив ее на бушприте «Рейнджера».

Как свидетельствуют очевидцы, хотя это уже скорее чистая легенда, когда обезглавленное тело Эдварда Тича было сброшено за борт, оно вплавь семь раз обогнуло корабль пиратов и лишь потом пошло ко дну. Еще не завершилась схватка, а Мэйнард, наскоро перевязав руку, ринулся на корабль умерщвленного им Тича, поскольку прекрасно помнил задачу, порученную ему губернатором Виргинии. Добравшись до каюты капитана, он обнаружил ‡ 2238.

И только!

Больше на судне никаких ценностей не было… Главная цель экспедиции, затеянной Александром Спортсвудом, не была достигнута. Ему, в сущности, даже не удалось окупить свои расходы.

Захваченные в плен пираты из команды Черной Бороды были доставлены в Уильямсбург; их казнь была назначена на март 1719 года. Указ касался всех пятнадцати пленников. Однако повесили только тринадцать пиратов. Один (это практически невозможно представить) был… оправдан! И непосредственно перед самым завершением казни вдруг доставили личный королевский указ, который сохранял жизнь всем пиратам. На тот момент в живых оставался лишь кровожадный Израэль Хэндс, ближайший помощник Эдварда Тича.

Голова Тича и ‡ 2238 были доставлена Мэйнардом губернатору Виргинии. Мэйнард был уверен, что Спортсвуд, оценив его отвагу и честность, существенно увеличит размер премии. Однако его расчеты не оправдались. Узнав о том, что Мэйнарду так и не удалось обнаружить пиратский схрон с основной добычей, губернатор сухо поблагодарил Мэйнарда, принял у него деньги и голову, а потом, вручив обещанные ‡ 100, заметил, что более его не задерживает.

Можно ручаться, что, когда Мэйнард покидал губернаторские покои с мешочком гиней в руках, его душу отнюдь не обуревал восторг. А губернатор, мрачно полюбовавшись на голову Эдварда Тича, приказал выставить ее на всеобщее обозрение на северном берегу реки Хэмптон – в назидание тем безумцам, что лелеют в душе нелепую мечту о том, чтобы стоять за штурвалом пиратского брига.

Время все расставило на свои места.

Кто сейчас помнит губернатора Спортсвуда?

Никто.

А в Виргинии, в Хэмптоне ежегодно проходит фестиваль Черной Бороды. Невероятной популярностью у туристов и местных пользуются разыгрываемые сценки, изображающие наиболее знаменательные события из жизни Эдварда Тича.

Вывод очевиден…

11. Сэмюэль Бёрджесс (Samuel Burgess)

Сэмюэль Бёрджесс (1690–1716) вошел бы в историю пиратства в любом случае!

Ему вполне хватило бы участия в одной-единственной операции. Итогом ее стала кража в 1690 году фрегата «Блаженный Уильям», принадлежавшего… знаменитому пирату Уильяму Кидду. Наряду с любимым кораблем Кидд лишился и изрядной суммы наличных (порядка ‡ 2000). Нельзя не добавить пикантную деталь: Сэмюэль Бёрджесс на тот момент сам являлся членом команды «Блаженного Уильяма»! Он предварительно склонил на свою сторону нескольких серьезных ребят из команды, выбрал удобный момент, когда Кидд ненадолго сошел на берег, и просто-напросто увел корабль у того из-под носа! Этот невероятный маневр обеспечил должность капитана известному буканьеру Уильяму Мэю, который потом весьма благоволил к Бёрджессу – до тех пор, пока не задумал собрать собственную пиратскую шайку и не покинул корабль, сложив с себя капитанские полномочия. Ловкость Бёрджесса, проявленная в деле похищения любимой посудины Кидда, неплохо послужила ему во время пиратских рейдов, предпринятых Уильямом Мэем. Он даже какое-то время, совсем недолгое, сам исполнял обязанности капитана, но, видимо, взвесив все «за» и «против», решил завязать со своим опасным ремеслом и легализоваться. В итоге он предпочел уступить свой пост следующему капитану судна – Эдварду Коатсу, принявшему в свои руки все бразды правления в 1693 году.

Сам же Бёрджесс вдруг взял да и осел на суше! При сходе на берег ему была предоставлена приличная доля (‡ 800), которой он оперативно распорядился, купив себе в Нью-Йорке дом. В Нью-Йорке Бёрджесс оказался уже в апреле 1693 года. Поскольку сидеть без дела человеку со столь энергичной натурой явно было непривычно, Бёрджесс очень скоро предложил свои

услуги некоему Фредерику Филипсу, одному из самых зажиточных нью-йоркских коммерсантов, который активно вел торговые дела с Мадагаскаром. Туда он поставлял продовольствие и оружие, получая взамен рабов и золото. Бёрджесс работал на него несколько лет; практически все его рейсы были чрезвычайно успешны. Только вот незадача: партнерами его босса на Мадагаскаре оказались, как можно было догадаться, пираты! И Бёрджесс, таким образом, вольно или невольно был вовлечен в порочный круг, вновь ступив на пиратскую стезю.

В сентябре 1699 года на борту корабля «Маргарет», находившегося под его командой, Бёрджесс встретил возле острова Святой Марии, расположенного вблизи восточного побережья Мадагаскара, британскую эскадру. Этот остров значил для пиратов немало, и сам Бёрджесс в этих местах оказался далеко не случайно. Дело в том, что в XVII–XVIII веках на Святой Марии располагалась крупная база пиратов. Выбор был сделан ими далеко не случайно. Остров был богат источниками пресной воды, и на нем росло множество фруктовых деревьев с исключительно питательными плодами. Кроме того, береговая линия острова изобиловала уютными и закрытыми бухтами, что позволяло безопасно переждать любое, даже самое сильное, волнение на море. Но главное – этот остров был расположен практически на пересечении морских путей, и пиратам не нужно было тратить много времени для охоты на богатую добычу. Главным же населенным пунктом Святой Марии был городок Амбодифотатра, расположенный прямо на побережье. В бухте Амбодифотатры приютился совсем небольшой островок Форбанс, где нашли себе пристанище многие известные пираты: Уильям Кидд, Роберт Каллифорд, Генри Эвери, Оливье Левассёр, Томас Тью. Сегодня потомки большинства из них по-прежнему проживают на Форбансе. Любопытно, что именно там, на дне неподалеку от берега, были обнаружены останки судов, принадлежавших некогда знаменитым корсарам, например «Отважный» Уильяма Кидда и «Огненный Дракон» капитана Кондента.

Могилы пиратов на острове Святой Марии

Капитан встреченной Бёрджессом эскадры предложил ему и его экипажу полное прощение, если они впредь откажутся от разбоя на море. Примерно двадцать моряков Бёрджесса дали свое согласие нестройным хором голосов. Британцы вроде поверили в их искренность и на радостях даровали всем отпущение пиратских грехов с позволением вернуться домой для начала праведной жизни!!! Ситуация, прямо скажем, невероятная, но в те времена творилось немало чудес…

Вместо того чтобы, следуя данному ими слову, возвратиться на родину, «Маргарет» продолжила свой путь и в конце декабря достигла Кейптауна (Южная Африка). Видит Бог, пиратам все-таки стоило последовать рекомендации британского капитана. Они же предпочли поступить иначе, за что, наверное, и поплатились. В Кейптауне некий капитан Лоус, действовавший от имени Ост-Индской компании, силой захватил «Маргарет» и доставил… в Бомбей! Все ценности, обнаруженные на борту «Маргарет», включая золото и рабов (соответственно ‡ 17 000 и 80 человек), перешли в собственность Лоуса.

Известие о происшедшем через некоторое время достигло владельцев захваченного корабля, и они возбудили судебное преследование. Едва ли это пошло на пользу Бёрджессу, поскольку его под конвоем этапировали в Лондон. Там же, в 1701 году, он предстал перед судом, причем обвинительные показания против него давал ранее захваченный британцами корсар Роберт Каллифорд. Тот, стремясь избежать виселицы, вывалил против Бёрджесса все, что только знал (а известно ему было немало, поскольку они с Бёрджессом, помимо всего прочего, нередко пересекались на островной базе пиратов на Форбансе). Каллифорд

был настолько красноречив, что его помиловали и даже позволили поступить на службу в королевские военно-морские силы. Естественно, Бёрджесс был признан виновным во многих преступлениях против короны и приговорен. Однако приговор не был приведен в исполнение. Бёрджесс неожиданно был помилован и получил каперский патент. Будучи отпущен с миром, он направился в Тихий океан, где несколько лет совершал каперские рейды, причем в ранге морского офицера.

Через какое-то время ему, судя по всему, удалось покинуть каперское судно, поскольку в январе 1708 года он уже выполнял обязанности первого помощника на борту торгового корабля «Нептун». Этот корабль вошел в гавань Мадагаскара, поскольку его капитан рассчитывал провести несколько очень выгодных для себя торговых сделок. Однако «Нептун» оказался, как говорят, не в то время и не в том месте. В гавани происходил масштабный захват головорезами Джона Хэлси индийского купеческого корабля «Грэйхаунд», чьи трюмы были забиты емкостями с ликером. Бёрджесс, профессионально оценив происходящее, подговорил команду примкнуть к пиратам и позволить тем заполучить «Нептун». Его послушались, и «Нептун» перешел в руки Хэлси, который в благодарность за содействие назначил Сэмюэля Бёрджесса своим квартирмейстером. Однако в своей новой должности тот пробыл совсем недолго, поскольку Хэлси, подхватив лихорадку, скончался в мучениях вскоре после захвата «Нептуна». После кончины Хэлси экипаж, болезненно отнесшийся к столь стремительному вознесению Бёрджесса, общим голосованием его сместил. Причина же такого их решения объясняется просто. Дело в том, что квартирмейстером Хэлси до назначения Бёрджесса был очень популярный среди пиратов Дэвид Уильямс, родом из Уэльса. Команда не осмелилась перечить Хэлси, уж слишком велик был авторитет этого корсара. Когда же Хэлси не стало, все препятствия для пересмотра его решения разом отпали. В итоге Дэвид Уильямс стал капитаном «Нептуна».

Что же касается Бёрджесса, тот отнюдь не пал духом. Он договорился о совместном предприятии с Дэвидом Уильямсом на взаимовыгодных условиях. В дальнейшем «Нептун» совместно с другими пиратскими кораблями промышлял торговлей рабами, причем пиратам приходилось иметь дело с царьками местных племен на Мадагаскаре. Бёрджесс, изрядно зарекомендовавший себя в качестве толмача, вел, как правило, все переговоры, за что имел приличную долю.

В 1716 году он проводил очередные переговоры, достаточно проблемные. Подробности нам, увы, неизвестны, и остается лишь гадать: то ли Бёрджесс, действительно, вознамерился обвести туземного вождя вокруг пальца, то ли тому это все почудилось, но финал вышел печальным. Мстительный мадагаскарский вождь коварно предложил не подозревавшему подвоха Бёрджессу отведать местного алкогольного зелья – якобы в ознаменование их удачной сделки. Зелье было отравлено. Бёрджесс выпил его и через некоторое время скончался, испытывая ужасные страдания. Впрочем, его трагическая кончина никоим образом не отразилась на объеме сделок с рабами в этом регионе.

12. Эдвард Инглэнд (Edward England)

Эдвард Инглэнд (? – 1720/1721 гг.) – еще один из прославленных пиратов, подлинное своеобразие и обаяние личности которого раскрывается лишь сегодня. В отличие от большинства корсаров, Инглэнд не любил проливать кровь. Он охотился за добычей на Карибах, в Атлантическом и Тихом океанах. Его карьера капитана оказалась не слишком долгой, составив около трех лет – с 1717 по 1720 год. Если бы не его необыкновенная мягкость характера и какое-то врожденное милосердие к тем, кто волей судьбы становился его пленником, Инглэнд, вполне возможно, бороздил бы моря куда дольше. Но он среди

пиратов явно был белой вороной, а потому изначально не мог рассчитывать на долгую карьеру.

Инглэнд – это псевдоним. Настоящее имя этого пирата было Эдвард Сигер. Родился он в Ирландии. Пиратом Сигер стал по стечению обстоятельств (то же самое могли сказать о себе многие), когда шлюп, на котором он служил первым помощником, выполнял рейс с Ямайки к Нью-Провиденс (Багамские острова) и угодил в руки пиратов.

Эдвард Инглэнд. Старинная литография

Пиратами командовал капитан Кристофер Уинтер. Корабль Сигера был захвачен, и так уж вышло, что далее ему пришлось плыть уже под началом Уинтера. Причем курс остался прежним! За время путешествия Сигер как-то внутренне сжился со своим положением. Внутренне он почему-то был убежден, что возврата к прежней его жизни быть не может, поскольку он обречен… Подобное настроение невольно наводило его на мысль, что, раз уж все окончательно потеряно, ему остается лишь одно – добровольно примкнуть к пиратам. Так он и поступил, когда корабль достиг острова Нью-Провиденс. Видимо, именно тогда Сигер (во избежание возможного позора) решил сменить свое имя и стал для всех Эдвардом Инглэндом. Однако именно там его – как, впрочем, и остальных пиратов – ждал очень неприятный сюрприз. Вудз Роджер, бывший капер, а ныне губернатор Багамских островов, вознамерился извести пиратов и предпринял для этого определенные шаги. Понимая, что они обречены, большинство пиратов из команды, в которой был Эдвард Инглэнд, решили сдаться, лишь бы спасти себе жизнь. Однако сам Инглэнд решил не подчиняться. Его пример привлек на его сторону часть экипажа. Пираты позволили остаться на берегу тем, кто вознамерился уповать на милость губернатора, а сами подняли паруса и, прекрасно понимая, что Карибское море для них отныне закрыто, направились к берегам Африки. Инглэнд был избран капитаном. Ему сопутствовала удача – как у Африканского побережья, так и у островов Зеленого Мыса. Случались и занятные встречи. Так, например, Инглэнду удалось захватить «Кароган», невольничий шлюп из Бристоля. Его капитаном оказался некто Скиннер. Этот человек пользовался дурной славой, и репутация у него была на редкость скверная. Поговаривали, что он замешан во многие темные дела, и на его руках кровь невинных. Вдобавок оказалось, что у Скиннера серьезные долги и нарушенные обязательствами перед не которыми молодцами из команды Инглэнда.

Пираты бутылками забивают Скиннера насмерть

Скиннер, и так не отличавшийся разумным поведением, после захвата своего корабля вел себя так, словно вообще сошел с ума. Когда стало ясно, что договориться с ним добром не удастся, пираты решили его прикончить. На борту «Карогана» у Инглэнда состоялась еще одна встреча, но уже приятная. Он встретился с Хоуэллом Дэвисом, будущей грозой Карибского моря и Атлантики (всего лишь год спустя Дэвису предстояло погибнуть от рук наемников коварного губернатора Принсипи). Инглэнд, пообщавшись с Дэвисом, мгновенно оценил потенциал его личности и сделал капитаном «Карогана». Рос объем завоеванной добычи, а с ним росли и амбиции. Старый шлюп, на котором пираты совершили первые успешные рейды, явно не годился для дальнейшего использования; Инглэнд терпеливо ждал подходящего трофея и дождался: его судном стал более крупный и маневренный бриг с

солидным вооружением на борту. Свой новый корабль Инглэнд назвал «Жемчужиной». Теперь можно было вернуться к побережью Африки и продолжить некогда начатое. Весной 1719 года «Жемчужина» стала методично курсировать вдоль берега от Гамбии до Ганы и, благодаря этому тактическому маневру, смогла напасть и разграбить несколько десятков различных кораблей. Почти все плененные ими корабли были сожжены, кроме одного; это судно, переименованное позднее в «Победу», пираты решили использовать для создания эскадры. Капитаном «Победы» Инглэнд опрометчиво назначил Джона Тэйлора, отличавшегося буйным и непокорным нравом. Причем проблемы начались практически сразу же. Пристав к одному из островков, населенных туземцами, для передышки, пираты разгулялись вовсю. При этом подавляющее большинство пиратов, а с ними и Тэйлор, буквально разошлись вовсю. Они накачались спиртным, горланили непристойные песни, силой уводили туземных женщин и насиловали их, а если им пытались воспрепятствовать, то просто хватались за оружие и убивали. Инглэнд попытался урезонить разошедшуюся братию, но был ими не понят. Тэйлор же спьяну разразился целым водопадом язвительных эпитетов в его адрес, явно не принимая командира пиратской эскадры всерьез. Впрочем, тогда все как-то обошлось. Однако главные их споры были еще впереди.

Стоянка завершилась, и корабли пиратов вышли в море, направляясь на Мадагаскар. Там Инглэнд собирался пополнить запасы продовольствия. Оттуда эскадра двинулась к побережью Малабара (Индия). Им встретились несколько торговых кораблей, которые были пиратами дочиста разграблены. Для дележа добычи Инглэнд вернулся на Мадагаскар, а оттуда двинулся к острову Джоханна. К этому времени он уже успел сменить «Жемчужину» на «Фантазию» – более крупный и быстроходный корабль, вооруженный 34 орудиями.

27 августа 1719 года «Фантазия» и «Победа» вошли в гавань Джоханны, обнаружив там сразу три больших судна; два британских и одно голландское. К слову сказать, все суда принадлежали Ост-Индской компании. Два корабля, вовремя заметив приближение пиратов, ухитрились выскользнуть из бухты. Третий, которым командовал Джеймс Мэкре, замешкался и был вынужден принять бой. Сражение, сразу же принявшее на редкость ожесточенный характер, продолжалось несколько часов. В пылу схватки «Фантазия», флагман Инглэнда, и «Кассандра», принадлежавшая Мэкре, даже сели на мель. После кровавой перестрелки Мэкре с оставшимися в живых матросами, бросив ценный груз на произвол судьбы, спасся бегством на берег и затаился. Пираты, оказавшись на борту «Кассандры» обыскали корабль сверху донизу, обнаружив в итоге груз, ценность которого составляла огромную сумму в ‡ 75 000! После этого Инглэнд решил подсчитать потери, и выяснилось, что пиратам удалось подстрелить 37 членов экипажа «Кассандры» (если судить по трупам, брошенным на палубе). Однако их собственные потери были в несколько раз больше, достигая 90 человек. Ярости и горю пиратов не было предела.

А Мэкре, просидев в убежище около десяти дней, решил в итоге сдаться, надеясь, что у него получится договориться с ними миром. Знай он, сколько пиратов погибло в схватке, он наверняка бы ни за что не решился на столь опрометчивый шаг. Однако Мэкре пребывал в неведении, а потому, порадовавшись, что пираты до сих пор не оставили бухты, поднялся на ближайший корабль. Это оказалась «Победа» Тэйлора. К счастью, на палубе в этот момент находился сам Инглэнд. Когда пираты, взревев, захотели немедленно умертвить Мэкре, он вмешался, натолкнувшись на яростное сопротивление Тэйлора. Тот ни о чем и слышать не желал, лишь бы только ему позволили казнить бывшего капитана «Кассандры». Однако Инглэнд, хотя и был необыкновенно мягким человеком, уступать Тэйлору не пожелал. Спор капитанов затянулся на несколько часов; по ходу дела Тэйлор подкреплял свои силы щедрыми возлияниями рома, отчего, похоже, становился лишь еще кровожаднее. В итоге перевес оказался все-таки на стороне Инглэнда. Мэкре позволили взять потрепанную и изрешеченную «Фантазию», на которой он с 43 своими людьми каким-то чудом добрался до Бомбея. Это и впрямь было чудо, поскольку этот переход продолжался около семи недель, а продовольствия и пресной воды пираты дали морякам от силы дней на десять. Узнав о том,

что пришлось пережить капитану одного из судов Ост-Индской компании, ее руководство решило достойно вознаградить Мэкре.

Мэкре и пират на деревянной ноге

Он сделал на суше блестящую карьеру, став в 1725 году губернатором Мадраса. На этой должности ему удалось продержаться целых пять лет. Говорят, что он достиг просто невероятного искусства в принятии взяток. По завершении своего пятилетнего срока пребывания у власти Мэкре при ежегодном жалованье всего лишь в ‡ 500, сумел скопить просто астрономическую сумму, составившую порядка ‡ 800 000!!! После этого он с гордостью удалился на покой, заслуженно причисляя себя к владыкам полусвета.

А что же Инглэнд, спасший ему жизнь?

Судьба того сложилась с точностью до наоборот.

Когда Мэкре был отпущен, Тэйлор, едва протрезвев, принялся обрабатывать пиратов, убеждая их, что Инглэнд проявил непозволительную слабость, тем самым уронив весь престиж своего положения. Он явно не заслуживает доверия, а потому должен быть низложен. А надо заметить, что многие пираты, потерявшие в том бою в бухте своих друзей, горели местью. То, что Инглэнд позволил Мэкре и его команде беспрепятственно уплыть, делало осуществление мести практически невозможным. Выслушав Тэйлора, подавляющее большинство пиратов поддержало его; позднее к ним присоединились почти все остальные. Инглэнд был смещен с должности капитана. Экс-капитана вместе с тремя ближайшими соратниками, не пожелавшими его бросить, высадили на острове Маврикий, оставив им лодку, скорее напоминавшую скорлупку своими габаритами, и немного еды.

Четверо моряков, поплевав на ладони, сели на весла. Не считая дней, они гребли и гребли, достигнув, в конце концов, бухты Святого Августина на Мадагаскаре. Крах его капитанской карьеры, постоянное напряжение опасности и, наконец, чудовищные тяготы странствования в лодчонке по океану самым пагубным образом отразились на здоровье Инглэнда. На берег Мадагаскара высадился уже не бравый пират, а какая-то ветхая развалина, в которой с огромным трудом можно было узнать прежнего Инглэнда. Он удалился от всех, ушел в себя, как-то разом утратив весь интерес к жизни, и безвольно валялся на берегу, пробавляясь жалкими подачками. Очень скоро его не стало. Смерть Эдварда Инглэнда, случившаяся в конце 1720 года (или начале 1721 года – по другим источникам), прошла для всех практически незамеченной.

13. Франсуа ле Клерк (Fransois le Clerc)

Франсуа ле Клерк (в ином написании: Леклерк), французский корсар (? – 1563 г.), промышлявший на Карибах и в Атлантике, вошел в историю пиратства не только потому, что его рейды принесли добычи на $ 7,5 миллиона. Ле Клерк со своей командой были первыми европейцами, атаковавшими испанские галеоны с золотом. Кроме того, Франсуа ле Клерк – первый из пиратов, кто использовал протез нижней конечности.

Ему пришлось прибегнуть к протезу после того, как он лишился ноги в одном из сражений. Кстати, протез обеспечил ему прозвище: «Свиная Нога» (Jambe de Bois). И еще один штрих к

личности этого человека: будучи воспитан в христианской вере, ле Клерк всегда был убежденным католиком. Его руки не были обагрены кровью ни одного священника!

Родом ле Клерк был из Нормандии. Это был зажиточный человек. Ему, в отличие от многих его коллег по ремеслу, не было необходимости служить под чьим-то началом, дожидаясь, когда корабль попадет в руки пиратов, к которым ему можно будет потом примкнуть. Ле Клерку было куда проще: он снаряжал в рискованные экспедиции собственные корабли. Мало того, не довольствуясь личными походами, ле Клерк находил возможным и правильным финансировать чужие пиратские рейды, с которых – в случае удачного их завершения – он, естественно, получал свою долю.

Пираты, служившие под началом ле Клерка, его любили и преклонялись перед ним. Он славился своей храбростью и отвагой. Именно ле Клерк всегда первым запрыгивал на палубу атакуемого пиратами корабля! Впрочем, ему зачастую крепко доставалось – например, в ряде сражений с судами королевского флота Британии при острове Гернси (1549) ле Клерк не только получил серьезное ранение в руку, но еще вдобавок лишился одной из ног! Случившееся могло бы поставить крест на чьей угодно карьере, но к ле Клерку это никак не относилось. Руку он благополучно и быстро вылечил; а вот с ногой пришлось повозиться. Однако, будучи состоятельным человеком, ле Клерк мог позволить себе воспользоваться лучшими исследовательскими разработками того времени. И так случилось, что потерянную ногу ему удачно заменил… протез! Да, не обычная по тем временам деревянная нога, а именно протез: ле Клерк не только не желал ковылять по палубе, словно калека, – ему хотелось в полной мере восстановить свои функциональные способности! Очевидцы рассказывали, что наличие протеза ни в коей мере не уменьшило его прыти – боевой удалью он по-прежнему умудрялся превосходить тех, кто, в отличие от него, сражался на своих двоих. За проявленные им превосходные воинские качества и изрядные заслуги ле Клерк был даже удостоен в 1551 году дворянского звания!

Не успев толком залечить свои раны, неутомимый корсар незамедлительно вышел в море и совершил немало крайне успешных рейдов против испанских торговых судов.

А в 1553 году французский король решился на занятный эксперимент: снарядить и отправить в Карибский регион специальную эскадру, которая бы одновременно была представлена как военными кораблями королевского флота, так и пиратскими судами. Ле Клерк горячо откликнулся на предложение монарха (некоторые источники даже приписывают авторство этого проекта именно ему) и возглавил объединенную эскадру. В состав ее вошли 10 кораблей; из них семь были пиратскими, а три – принадлежали королю. Один из королевских фрегатов ле Клерк сделал своим флагманом. Таким образом, в направлении Карибского моря от берегов Франции двинулась достаточно мощная эскадра.

Понятное дело, что массированного удара французской эскадры на островах Карибского моря никто не ожидал. Внезапность нападения, численность кораблей и огневая мощь позволили военным планам французов блестяще осуществиться. Первой их жертвой стал город Сан-Херман на о. Пуэрто-Рико. Надо заметить, что этому городку уже не впервой крепко доставалось от французских корсаров. Не стал исключением и этот раз: Сан-Херман был вновь беспощадно разорен. Войдя во вкус, французская эскадра двинулась к побережью Кубы, где и вовсе не встретила никакого сопротивления. Французы вчистую разграбили все береговые населенные пункты, не брезгуя ничем. После Кубы настала очередь знаменитого городка Лас-Пальмас на Канарах. Кстати, именно там пиратам удалось захватить роскошную генуэзскую каракку (четырехпалубное судно).

Далее источники расходятся.

Согласно одним, ле Клерк, вполне удовлетворившись богатейшей добычей, повел эскадру домой, а на следующий, 1554 год он вновь вернулся на Карибы во главе эскадры из восьми кораблей, на борту которых находилось свыше трехсот солдат. По другой же версии, французы не стали возвращаться к родным берегам, а продолжили свой грабительский рейд. По ходу дела они первыми из европейцев высадились на острове Санта-Лючия, находившемся на границе Карибского моря и Атлантического океана. Вблизи Санта-Лючии располагался Голубиный остров. Ле Клерк счел его исключительно годным для того, чтобы атаковать с него проплывающие суда испанцев, и, как всегда, оказался прав!

Как бы то там ни было, но в 1554 году французы избрали своей целью самый крупный кубинский город – Сантьяго-де-Куба. Гарнизон был совершенно бессилен перед мощью французской эскадры. Город пал, а французы на протяжении целого месяца стали его полновластными хозяевами. Они отплыли не ранее, чем собрали колоссальный выкуп с незадачливых и безропотных кубинцев. Урон, нанесенный Сантьяго-де-Куба, оказался настолько серьезен, что некогда процветавший город совершенно захирел, уступив пальму первенства Гаване. Уделом же населения Сантьяго-де-Куба отныне была лишь нищета…

Удовлетворившись наконец размером добычи, ле Клерк направил корабли эскадры к берегам родной Франции. Свидетельства о характере его деятельности в последующие несколько лет большей частью отсутствуют; вполне возможно, что на своих кораблях он предпринял еще не один пиратский набег. Доподлинно известно, что в 1560 году он напал со своими кораблями на побережье Панамы, причинив тамошним селениям невероятный урон. А оказался он там лишь потому, что собирался перехватить богатый караван испанских кораблей, в чем также преуспел.

А в апреле 1562 году произошло событие, которое сделало ле Клерка из чуть ли не национального героя… – предателем!

Вот как это случилось.

В ряде провинций Нормандии неожиданно вспыхнули бунты протестантов. Английская королева Елизавета I, норовившая пресекать религиозные волнения в корне, тотчас же снарядила войска, которые, стремительно высадившись в портовом французском городе Гавре, заняли его почти на год. Казалось бы, ле Клерк непременно должен был броситься на выручку своим землякам. А он избрал, неведомо почему, совсем иной путь. Ле Клерк… примкнул к англичанам и сражался на их стороне.

Объяснения его поступку нет.

Он был богат, знатен, влиятелен.

В награде от британской короны уж он-то никак не нуждался!

Но произошло невероятное: ле Клерк не только способствовал проникновению английских войск на территорию Нормандии, но еще принялся нападать на своих кораблях на французские суда! По истечении года ле Клерк обратился к королеве Елизавете с просьбой воздать ему по-королевски за предательство. Речь шла о внушительной пенсии, которую ле Клерк желал получать пожизненно.

Королева отказала ему!

Ле Клерк оказался в безвыходном положении. Англичане его не жаловали, несмотря на то, сколько ле Клерк всего для них сделал. А родину свою корсар предал, так что рассчитывать на что-либо иное, кроме смертной казни, ему теперь не приходилось.

Что оставалось делать ле Клерку?

Спасаться на своих кораблях в море.

Именно так он и поступил.

Все тщательно взвесив, ле Клерк двинулся к Азорским островам. Выбор его был далеко не случаен. Расположенные в Атлантическом океане, Азорские острова, по сути, являлись центром торговли между Европой, Индией и Америкой. Их гавани принимали галеоны, груженные золотом и сокровищами, вывезенными из Перу и Мексики.

Именно там ле Клерк рассчитывал утешиться, заполучив добычу, которая позволила бы ему смириться с потерей родины. Однако этому не суждено было свершиться. В том же 1563 году ле Клерк погиб в одной из первых же схваток, намереваясь захватить сразу же несколько испанских галеонов с золотом. Судьба, можно сказать, все-таки оказала ему милость, высшую милость, на которую вправе рассчитывать лишь истинный воин, каким был ле Клерк, – встретить смерть не на больничной койке, а с оружием в руках…

14. Хоуэлл Дэвис (Howell Davis)

Хоуэлл Дэвис (1690–1719 гг.) – прославившийся своими подвигами в Атлантике и на Карибах пират. Он не в пример прочим пиратам был весьма образован и отличался удивительным артистизмом и обаянием. Ходили целые легенды о том, как он мог расположить к себе самых недоверчивых людей. Дэвис с блеском демонстрировал, что желаемого можно достичь не только при помощи пушек, сабель и пистолетов. Он виртуозно блефовал; обладая даром до неузнаваемости изменять свою внешность и перенимать манеру чужого поведения, Дэвис мог сойти за кого угодно, чем, собственно, и пользовался. Так, под видом пожилого зажиточного торговца он мог легко сойтись в таверне с готовящимися к выходу в море купцами и под «великим секретом» раскрыть им наиболее безопасный путь, известный якобы лишь ему. Когда же купившиеся на блеф Дэвиса незадачливые коммерсанты следовали его рекомендациям, их в условленном месте уже с веселым нетерпением поджидали пираты! Не брезговал Хоуэлл Дэвис, кстати, и подкупом, благодаря чему всегда был в курсе самых горячих новостей. Его карьера пиратского капитана продлилась совсем недолго – менее года, однако он оставил по себе неизгладимую память.

Хоуэлл Дэвис родился в Милфорд-Хейвен (Пемброкшир, Уэльс). Его с детства влекло к себе море, а потому он избрал для себя морскую карьеру. Служба протекала спокойно, без серьезных осложнений. Дэвис был доволен: его мечта, казалось, свершилась, но вместе с тем он никак не мог избавиться от ощущения, что жизнь вот-вот преподнесет ему неожиданный сюрприз. Так и вышло!

Хоуэлл Дэвис

В 1718 году Дэвис уже служил помощником капитана на бристольском невольничьем шлюпе «Кароган», направлявшемся на Барбадос. Шлюп был захвачен Эдвардом Инглэндом, который, проникшись к Дэвису, назначил того капитаном «Карогана». Дэвис, начав самостоятельное плавание, собирался корабль продать, чтобы на вырученные средства приобрести надежный быстроходный бриг. Однако среди экипажа «Карогана» никто, кроме

Дэвиса, не желал становиться пиратом; люди возроптали и потребовали, чтобы корабль следовал к пункту назначения. Дэвису не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться. По прибытии на Барбадос на Дэвиса был подан донос властям, и он на три месяца угодил за решетку.

Будучи в заключении, Дэвис окончательно решил стать пиратом. Когда он вышел на волю, ему стало известно о демарше печально известного губернатора Багамских островов, отличавшегося непримиримой ненавистью к морским корсарам. Губернатор, у которого явно сказывалась нехватка мало-мальски обученных кадров, принимал

раскаявшихся пиратов на службу, составляя из них столь необходимые экипажи. Тем самым у буканьеров появлялась реальная возможность заполучить в свои руки целый корабль! Понятное дело, не все отваживались пойти на риск, да и экипаж для каждого судна подбирался с учетом того, чтобы между простыми моряками и отбывшими наказание пиратами существовал необходимый баланс.

Дэвису крупно повезло: команда шлюпа «Олень», на которое его направил сам губернатор, почти поголовно состояла из бывших пиратов.

Впрочем, разве бывают на свете бывшие пираты?!

Если это в крови – то уже навсегда!!!

Итак, губернаторский шлюп покинул Багамы и вышел в море. Он еще не достиг и Мартиники, как на борту – естественно, в первую очередь, благодаря Дэвису – произошел бунт. Поскольку Дэвис выказал безусловные лидерские качества, команда единогласно решила сделать его своим капитаном! Дэвис, наконец-то дорвавшийся до капитанского мостика, проревел команде свой первый приказ: «Мы отомстим всему миру!» Пираты, беспрестанно осушавшие огромные кубки пунша, были в восторге и клялись Дэвису пойти за ним хоть в геенну огненную…

Протрезвев, Дэвис приказал двигаться к Эспаньоле (Гаити). Курс был взят верный. Севернее Эспаньолы добычей Дэвиса и его экипажа из 35 душ стали сразу же два крупных торговых французских корабля. Между прочим, Дэвис и тут не устоял перед своей извечной страстью к розыгрышу. Первый корабль едва еще только стал добычей пиратов, как Дэвис приказал, чтобы пленные французы сгрудились у борта и неистово махали бы руками; некоторым из них даже оставили сабли. При этом на захваченном корабле тут же подняли так называемый «флаг» – безобразную грязную тряпку, вполне способную сойти издали за «Веселого Роджера». Результат не замедлил сказаться: второй корабль чуть погодя сдался вообще без боя! Из-за сравнительно большого расстояния французы сочли, приняв своих соотечественников за пиратов, что… сопротивляться такой многочисленной команде пиратов просто бессмысленно. Так небольшой команде Хоуэлла Дэвиса на скромном шлюпе практически сразу же досталась большая добыча и сразу же два корабля. Естественно, пираты не могли не отдать должного капитану, лишний раз уверившись в справедливости своего выбора. Жизнь теперь стала казаться им невероятно легкой и увлекательной, а при мысли о том, сколько еще кораблей на океанских просторах ждут не дождутся, чтобы их взяли на абордаж, им хотелось немедля двигаться дальше.

Капитан Дэвис не обманул их ожиданий.

«Олень» взял курс на Острова Зеленого Мыса. И тут обстоятельства явно сыграли пиратам на руку. Непонятно даже почему, но губернатор островка Сан-Николау (Острова Зеленого Мыса, или Кабо-Верде), принадлежащего Португалии, едва взглянул на «Оленя», как тотчас уверился, что это непременно…

английский капер , охотящийся за пиратскими кораблями. Для таких почетных гостей он,

понятное дело, тотчас же организовал праздничную встречу с деликатесами и возлияниями. Славно попировав, запасшись провизией и пресной водой, «Олень» проследовал к островам южной части архипелага, избрав в качестве цели для набега островок Маю. Пираты не только обчистили трюмы всех кораблей, что застали в гавани, но еще и устроили вольный набор в отряд грабителей морей. Огромное количество людей, даже не раздумывая, пожелали примкнуть к пиратам. Желающих было так много, что возник вопрос: куда ж их теперь всех девать? Хоуэлл Дэвис, подумав, принял самое разумное решение: один из обобранных им только что кораблей был переименован в «Сент-Джеймс» и присоединен к «Оленю». Таким образом, под началом Дэвиса оказалась уже небольшая эскадра. Кстати, на «Сент-Джеймсе» было установлено 26 орудий, что делало его достаточно грозным кораблем.

С Островов Зеленого Мыса пиратская эскадра направилась к берегам Гамбии. Их целью был форт Королевской Африканской компании. Блестящий розыгрыш, в который Дэвис вовлек командующего фортом, безусловно, стал одним из его шедевров. Форт был невольничьим: там собирали рабов для дальнейшей их отправки в разные страны. Когда корабль бросил якорь в гавани, Дэвис в пышном одеянии, сопровождаемый парой наиболее благообразных пиратов, также переодетых, отправился на сушу и легко убедил начальника форта в том, что он сам – знатный вельможа, и более того, что у них – в некотором роде – общий бизнес. После этого пират галантно предложил своему собеседнику закрепить столь неожиданное и приятное знакомство посещением званого обеда, который уже ожидает их на борту. Вот бы начальнику форта насторожиться, не спешить! Какое там: он с готовностью согласился, предвкушая изысканное и роскошное застолье, но едва ступил на борт, как был немедленно захвачен пиратами, а за его голову был затребован огромный выкуп. И этот выкуп (‡ 2000 золотом) был, понятное дело, выплачен пиратам. Следует добавить: самому Дэвису собственный розыгрыш так понравился, что он впоследствии неоднократно повторял его – почти всегда с неизменным успехом.

Через какое-то время произошла встреча пиратской эскадры Дэвиса с кораблями авторитетных буканьеров Ла Буше и Томаса Коклина. Было затеяно застолье, на котором возникло предложение объединить свои силы. Это давало возможность создать непобедимую по силе эскадру, перед которой никто не сможет устоять. Предложение было действительно интересным, хотя многие моменты было необходимо детально обсудить. Например, а кто, собственно, эту эскадру возглавит. Ну, с этим, как это ни странно, управились довольно быстро. Адмиралом эскадры был выбран Хоуэлл Дэвис. На радостях пираты решили отметить новое назначение, и тут вдруг (видимо, начинало сказываться количество выпитого алкоголя) возникли недоразумения и проблемы. Еще мгновение назад мирно бражничающие главари пиратов преобразились и были готовы вцепиться друг другу в горло. Дэвис, несмотря на то что был мертвецки пьян, мигом сообразил, что, если подобные инциденты возникают еще на стадии обсуждения грядущих рейдов, от идеи объединенной эскадры будет, видимо, лучше отказаться. Он в простых и доходчивых выражениях объявил это Ла Буше и Коклину, предложив расстаться с миром и двигаться далее каждый своей дорогой. Те, махнув рукой, согласились, и в итоге все завершилось благополучно.

На протяжении нескольких следующих месяцев Дэвису удалось взять на абордаж немало торговых судов, в основном английских. Трюмы «Оленя» и «Сент-Джеймса» наполнились слоновой костью и золотым песком. Постоянно растущий объем добычи заставил Дэвиса отказаться от «Оленя» и взять куда более крупный 32-пушечный «Ровер». А в июле 1719 года состоялась важная для Хоуэлла Дэвиса встреча с Бартоломью Роджерсом (подробнее о Роджерсе см. в наст. издании специально отведенную ему главу. –

Авт .) – тогда еще лишь помощником капитана на невольничьем корабле; в дальнейшем ему предстояло стать знаменитым корсаром и войти в пятерку самых удачливых пиратов в истории!

У побережья Ганы Дэвис захватил сразу три английских корабля, перевозивших рабов. На

борту одного и служил Робертс. Он выразил большое желание стать пиратом, заявив, что мечтал об этом всю жизнь! Статный черноволосый молодой человек, прекрасно умевший управлять судном, заинтересовал Дэвиса. Он решил взять его в учение, дабы преподать азы пиратского ремесла. Впрочем, ему самому было чему поучиться у Робертса, поскольку тот и впрямь оказался отменным навигатором. Кстати, выяснилось, что Дэвис и Робертс – земляки. Несмотря на это, Дэвис отнюдь не баловал Черного Барта (так стали звать пираты Робертса), уделяя ему равную со всеми долю добычи.

Вскоре Бартоломью Робертсу пришлось на деле продемонстрировать Хоуэллу Дэвису, насколько прилежно он усвоил его уроки. Эскадра пиратов атаковала и захватила крупный голландский бриг с богатым грузом. Одних наличных было изъято более чем на ‡ 15 000! Робертс проявил себя отлично, чем весьма порадовал Дэвиса.

Минуло несколько недель, и обнаружилось, что днище «Сент-Джеймса» изъедено личинками. Корабль пришлось бросить, а его команда перешла на «Ройял Ровер», взявший курс на остров Принсипи (район побережья Западной Африки). Тогда этот остров являлся владением Португалии. Дэвис приказал поднять британский флаг, желая, чтобы их судно приняли за военный корабль. Он вновь решил разыграть свой коронный номер!

Так и вышло.

Пиратов впустили в гавань. План же Дэвиса был, как всегда, прост и коварен. Он намеревался пригласить губернатора острова на борт корабля под предлогом званого ужина. На самом же деле он собирался взять его в заложники, чтобы потом стребовать с Принсипи богатый выкуп. А пока что Дэвис не жалел красноречия, чтобы убедить губернатора в том, что «Ройял Ровер» – английский капер. Он так вошел в роль, что захватил оказавшийся на свою беду в гавани французский торговый шлюп – под предлогом того, что это якобы судно пиратов!

Однако сметливым португальцам очень скоро удалось раскусить, что за гости к ним пожаловали (не исключено, что слава о том, какой Дэвис мастак блефовать, могла достичь уже и этих мест; впрочем, согласно ряду источников, губернатор Принсипи страшно боялся, что его могут обвинить в пособничестве пиратам, а потому вознамерился их погубить).

Итак, губернатор, выразив свое мнимое согласие присутствовать на ужине, предложил Дэвису перед этим отведать отборного вина из своих погребов – у себя в форте. Дэвис, не подозревая дурного, согласился и отплыл на двух лодках в форт, захватив с собой, на всякий случай, нескольких надежных молодцов из команды. При высадке на берег они были атакованы солдатами; Хоуэлл Дэвис в завязавшейся перестрелке был убит, остальных схватили. Несмотря на то что в Дэвиса угодили пять пуль, губернатор приказал, чтобы ему для пущей уверенности еще и перерезали горло.

Губернатор был уверен, что пираты, оставшись без Дэвиса, сдадутся без боя. Но не тут-то было! Избранный капитаном Бартоломью Робертс жестоко отомстил за смерь своего друга и учителя. Он обстрелял форт и сжег его дотла.

Память о Хоуэлле Дэвисе как об одном из самых великодушных и остроумных людей навсегда осталась жить в сердцах пиратов.

15. Стид Бонне (Stede Bonnet)

Стид Бонне (1688 – 10 декабря 1718 г.) – маститый британский пират, еще один из «золотой

двадцатки», кто принял насильственную смерть. Он грабил корабли в Атлантическом океане и, конечно же, в Карибском море. Помимо своих успешных рейдов, принесших ему изрядную добычу, Бонне вошел в историю как корсар, не побоявшийся войти в конфликт с самим Эдвардом «Черной Бородой» Тичем, пиратом из пиратов! Кроме того, он, пожалуй, единственный, кто, будучи преуспевающим плантатором, вдруг решил связать свою жизнь с грабителями морей.

Стид Бонне родился в городе Бриджтаун на Барбадосе в респектабельной и богатой английской семье Эдварда и Сары Бонне, крестивших своего младенца 29 июля 1688 года. После кончины в 1694 году своего почтенного родителя, Стид Бонне в шестилетнем возрасте стал наследником всего семейного состояния. Процветание семьи Бонне, к слову сказать, зиждилось на умелом управлении плантациями, занимавшими площадь свыше 400 акров (примерно 1,6 км?).

Стид Бонне получил очень неплохое образование – достаток вполне позволял ему это. Когда Стид достиг 21 года, он предпринял два весьма серьезных шага. Во-первых, он покончил со своей холостяцкой жизнью и женился. Его избранницей стала некая Мэри Алламби. Их свадьба состоялась 21 ноября 1709 года. Впоследствии у Стида и Мэри родилось четверо детей: трое мальчиков (Алламби, Эдвард и Стид) и одна девочка, Мэри. Старший сын Стида Бонне Алламби умер рано; его кончина произошла в 1715 году.

Во-вторых же, Бонне решил научиться держать оружие в руках, для чего поступил в ряды муниципальной милиции. Он достаточно быстро дослужился до чина майора. Некоторые историки допускают, что стремительным ростом карьеры Бонне был обязан своему статусу крупного землевладельца; всем прекрасно было известно о том, что на его плантациях использовался труд рабов. А среди основных функций милиции на первом месте стояло подавление восстаний рабов.

Стид Бонне

Таким образом, Стид Бонне преуспевал как плантатор, способствовал поддержанию порядка и планировал семейную жизнь на годы вперед.

Первое время все шло отлично. Однако вскоре начались проблемы. Обнаружилось, что достойная супруга Бонне, до замужества слывшая кроткой овечкой и смиренной голубицей, на деле обладает крайне отвратительным сварливым характером. Вместо душевной отрады, Бонне в кругу семьи был вынужден постоянно испытывать мучительный душевный дискомфорт: скандалы в доме стремительно входили в обыкновение. А тут еще и служба, манившая захватывающими приключениями, оказалась тупой и, в значительной мере, бессмысленной рутиной.

Душа Стида Бонне отчаянно нуждалась в свежем ветре перемен. Стоит добавить, что он всегда мечтал плавать по морям и океанам, и лишь полное отсутствие профессиональных навыков мешало ему покинуть сушу.

Устав от постоянных нападок злющей фурии, приходившейся ему супругой, и не видя смысла в дальнейшем пребывании в рядах милиции, Стид Бонне понял: пора что-то решать. Он начал зубрить руководства по морскому делу, одновременно приглядывая себе подходящий корабль. Просто плавать Бонне уже не хотелось: он нуждался в кардинальных переменах! А потому сменить скучную жизнь плантатора на волнующую жизнь пирата казалось ему самым

правильным.

К лету 1717 года все было готово. Бонне поднаторел в знании морского дела, а заодно присмотрел для себя подходящее суденышко. Ему было 25 лет, он был здоров, полон сил и неистово жаждал приключений. Купив понравившийся ему 10-пушечный шлюп, Бонне назвал его «Месть» – согласитесь, далеко не случайное название. Однако если имеется корабль, то нужна и команда.

Стид Бонне оперативно набрал экипаж, численность которого составила 70 человек. Команда подбиралась им с учетом того, чтобы активно заниматься пиратским ремеслом. Можно представить себе, из кого она состояла. Для того чтобы держать всю эту ораву в повиновении, а также добиться того, чтобы они грамотно управляли кораблем, Бонне пришлось специально нанять квартирмейстера, который бы помогал в решении всех проблем (кстати, он вообще предпочитал платить экипажу фиксированное жалованье, вместо предоставления доли от добычи, что было очень непривычно). Команда с первого взгляда уловила, что у Бонне нет никакого практического морского опыта, а потому хоть и повиновалась, но не слишком уважала. Как бы то ни было, но Стид Бонне перевернул докучную страницу старой, опостылевшей жизни и ринулся навстречу новым впечатлениям!

«Месть» Бонне взяла направление к юго-восточному побережью страны, которая сегодня известна как США.

В районе Нью-Йорка, возле Виргинии и у берега Северной Каролины «Месть» настигла целый ряд торговых кораблей, обеспечив себя вполне приличной добычей. Жертвой пиратов также стал барбадосский шлюп «Турбет», сожженный Бонне, который стремился, чтобы известие о его «подвигах» на море не достигло Барбадоса, осложнив жизнь его семьи (характерно, что Бонне в свое время пришлось отплывать тайно, под пологом ночи; в противном случае охрана порта, обнаружив, из кого состоит его команда, ни за что не позволила бы «Мести» выйти в море). Чтобы хоть немного перевести дух после столь впечатляющего дебюта, Стид Бонне вознамерился взять небольшую паузу. Когда люди отдохнули, а корабль был приведен в порядок (с этой целью были использованы материалы с еще одного захваченного барбадосского шлюпа, остатки которого потом также были сожжены), Бонне собрался наведаться в Гондурасский залив.

Наступила весна 1718 года.

В марте произошла историческая встреча Стида Бонне с непререкаемым боссом пиратского мира Эдвардом «Черной Бородой» Тичем. Черная Борода мог позволить себе диктовать условия: по сравнению со здоровенной «Местью Королевы Анны», имевшей 40 пушек, «Месть» Стида Бонне выглядела чуть ли не скорлупкой. Итог встречи двух корсаров показателен: Стид Бонне, уже успевший сжиться с ролью пиратского капитана, вмиг лишился своего любимого корабля; Эдвард Тич назначил своего человека (Робертса) управлять его кораблем.

Стид Бонне заявил претензии: ведь он тоже пират, как же можно с ним поступать подобным образом? Черная Борода посоветовал ему привыкать к своему новому положению, посулив, впрочем, предоставить ему более значительную долю при дележе добычи. Бонне постоянно докучал Тичу требованиями соблюсти справедливость. Черная Борода, которому все это уже начало надоедать, в июне возвратил Стиду Бонне его «Месть» (это скромное судно, конечно же, не могло представлять для него серьезного интереса), но и только! Причем нужно помнить, что еще при захвате «Мести» Черной Бороде досталась вся добыча, что была на борту. И хотя Черная Борода обещал Бонне долю от «новых поступлений», но он и не подумал выполнить свое обещание.

Итак, Стид Бонне оказался на судне без орудий и с горсткой людей, оставшихся от прежней

команды.[1]

Вы думаете, он смирился?!

Да ни в коей мере!

У Бонне мгновенно созрел план.

Ему были необходимы новые орудия и новые люди.

Кто мог ему их предоставить, причем достаточно быстро?

Власти! А именно – Чарльз Иден, губернатор Северной Каролины, побережье которой не так давно было опустошено «Местью» Бонне.

Бонне, нисколько не смущаясь фактом того, что прежде рьяно пиратствовал во владениях губернатора, прибыл к нему и повинился во всем, заявив, что осознал все свои прегрешения и хочет искупить их, нанеся самый чувствительный урон пиратам в этом регионе. Губернатор оказался настолько наивен, что поверил ему! Не исключено, что на руку Бонне сыграла и изменившаяся политическая ситуация: Британия начала войну с Испанией. Губернатор назначил Бонне капером, вручив соответствующую лицензию, и помог обеспечить его кораблю должное вооружение. «Месть», как предписывалось официальной процедурой, превратилась в «Ройял Джеймс», а сам Бонне отныне утрачивал свое имя и должен был откликаться на имя: Томас. Именно так: капитан Томас! Новоявленному капитану Томасу надлежало в кратчайший срок отправляться в Гвинейский залив у Западного побережья Африки. Конечным пунктом назначения был остров Сан-Томе, принадлежавший Португалии и являвшийся традиционным местом стоянки для кораблей, следовавших в Африку и обратно. Частенько захаживали в этот район и пираты (стоит вспомнить, что в декабре того же, 1718 года у острова Принсипи, находившегося всего в 140 километрах от Сан-Томе, еще предстояло трагически погибнуть знаменитому пирату Хоуэллу Дэвису!). Так что возле Сан-Томе капитан Томас с лицензией капера имел все основания рассчитывать на хороший улов.

Бонне-Томас, толком не успев поблагодарить губернатора, мгновенно покинул бухту, устремившись… в неизвестном направлении. Впрочем, не известном только губернатору Северной Каролины. Сам-то Бонне прекрасно знал, куда направляется: он собирался отомстить Черной Бороде! Тот должен был поступить по справедливости и вернуть ему всю добычу! В противном же случае Бонне был готов затеять смертельную схватку и биться до конца. Однако, несмотря на то что Бонне буквально не жалел парусов, догнать эскадру Эдварда «Черной Бороды» Тича он не сумел…

Флаг Стида Бонне

Не увенчавшаяся триумфом погоня, тем не менее, отнюдь не повлияла на желание Бонне вести жизнь пирата. Забыв о Черной Бороде, Бонне отправился на «Ройял Джеймсе» сначала к берегам Виргинии, а потом к заливу Делавэр. Намереваясь как можно быстрее восполнить потери, Бонне не брезговал никакой добычей, грабя всех подряд. Трюмы «Ройял Джеймса» стремительно наполнялись золотом, серебром и прочими ценностями.

Между тем лето подходило к концу. На исходе августа Бонне отплыл с мыса Фиер-Ривер (Северная Каролина), где понадобилось сделать стоянку, поскольку «Ройял Джеймс» эксплуатировался с такой интенсивностью, что уже явно нуждался в безотлагательном ремонте. Освеженный корабль Бонне продолжил нападать на торговые суда. Происходило это уже у побережья Южной Каролины, и вести о бесчинствах пиратов быстро достигли

Чарлстона. Губернатор Роберт Джонсон был просто вне себя и поручил полковнику Уильяму Ретту, который считался отличным специалистом по пиратам, схватить Бонне. Это был тот самый Уильям Ретт, который, в частности, участвовал в преследовании известного пирата Чарльза Вейна. С Вейном полковника Ретта постигла досадная и позорная неудача, и теперь он горел желанием реабилитировать свое имя.

В ведении Ретта находились два неплохо вооруженных шлюпа с опытной командой. Ретт в течение месяца пытался поймать Стида Бонне, но настиг лишь 8 октября 1718 года. Бонне, судя по всему, никак не ожидал нападения, причем с численным перевесом. Однако он принял сражение. Бой с переменным успехом продолжался около пяти часов, однако финал его, увы, сложился не в пользу «Ройял Джеймса». Несмотря на то что Бонне потерял всего лишь 9 человек из команды, в результате орудийного обстрела с двух сторон жизненно важные узлы его судна были повреждены, и дальнейшее сопротивление не имело смысла. Бонне сдался, был взят под арест и доставлен в Чарлстон. Он попал в одну камеру с Дэвидом Хэрриотом, штурманом, и Игнатиусом Пеллем, боцманом. Бонне и Хэрриот были несгибаемы; давать признательные показания их нипочем не смогли бы заставить. А вот с боцманом дело обстояло иначе. Он вдруг очень забоялся смерти, а потому сломался, решив признаться во всем. Он сдал практически всех пиратов, ну и, конечно же, самого капитана Стида Бонне. После его показаний их всех ждала смерть, и Пелль это прекрасно знал. То что их насильственная кончина неминуема, стало теперь ясно и Бонне с Хэрриотом. При аресте их не слишком внимательно обыскивали, поэтому у Бонне еще имелось при себе золото. Этим золотом ему удалось 24 октября подкупить стражу, позволившую им бежать в ночи. Пираты благополучно добрались до берега, схватили первую попавшуюся лодку и вышли в море, надеясь укрыться на острове Салливана.

Ретт был начеку, а потому почти сразу же узнал о побеге. Была немедленно организована погоня, и беглецов настигли. В завязавшейся перестрелке Хэрриот был убит. Бонне, преодолев его ожесточенное сопротивление, вновь посадили под стражу. Судебная машина была уже запущена, и 10 ноября состоялось оглашение приговора. Стида Бонне и 29 членов его команды за пиратскую деятельность приговорили к казни через повешение. По иронии судьбы, вынося приговор Стиду Бонне, судья Николас Трот особо заклеймил его за то, что тот, получив, в отличие от своих товарищей по оружию, прекрасное образование, приличествующее человеку его круга, дерзко преступил все законы общества, давшего ему практически все: богатство, положение в свете и проч. По мнению судьи, если простые полуграмотные пираты еще могли бы претендовать на прощение, в силу своей непросвещенности и отсутствия воспитания, то их капитан уж точно не имел права на милосердие суда. Бонне все-таки решил использовать свой последний шанс и отправил губернатору Роберту Джонсону прошение о помиловании. Тот категорически отказал, окончательно утвердив приговор суда. Теперь надеяться было не на что. Казнь Стида Бонне и его людей была приведена в исполнение 10 декабря 1718 года. Из всего экипажа «Ройял Джеймса» уцелело лишь четверо: это был уже упоминавшийся Игнатиус Пелль, первым начавший сдавать властям своих товарищей, и еще трое пиратов, которые предпочли жизнь верности пиратскому уставу.

Казнь Стида Бонне

Память о Стиде Бонне пережила время. В Чарлстоне даже установлена мемориальная доска, посвященная памяти двух пиратов – самого Стида Бонне, а также Ричарда Уорли. На ней выгравирована надпись:

Памятная доска в честь Стида Бонне

«

Рядом с этим местом осенью 1718 года Стид Бонне, достославный пират-джентльмен, и еще 29 его людей, взятых в плен полковником Уильямом Реттом, получили по заслугам после вошедших в историю разбирательства и приговора верховного судьи Николаса Тротта. Впоследствии девятнадцать человек из команды Ричарда Уорли, арестованных губернатором Ричардом Джонсоном, также были найдены виновными и повешены. Все они были преданы земле у сада Уайт Пойнт на тропе напротив отметки о мелководье ».

16. Ричард Уорли (Richard Worley)

Ричард Уорли, или Капитан Уорли (? – 17 февраля 1719 г.), – британский пират, который одним из первых стал использовать черный флаг с изображением черепа и скрещенных костей. Этот флаг стали называть: «Веселый Роджер». Уорли зарекомендовал себя как дерзкий и успешный пират, действуя в Карибском море и у Восточного побережья американских колоний.

О детстве и юности Уорли практически никаких сведений нет. Известно лишь, что он, живя в Нью-Йорке, был достаточно зрел и отважен, чтобы на простой лодке с восемью единомышленниками отплыть на поиск своей удачи, практически не имея никакого вооружения и с очень скудным запасом продовольствия на борту. Поскольку на столь утлой, едва держащейся на воде посудине надеяться на захват настоящего корабля было просто нелепо, Уорли решил прибегнуть к особой тактике. В сентябре 1718 года он и его люди добрались до устья реки Делавэр и обнаружили там торговый корабль. Строго говоря, ту операцию, что они учинили под покровом ночи на реке, назвать пиратским нападением не повернулся бы язык. Скорее это была кража, выполненная в классической традиции. Девять молодцов проникли на палубу судна и, успешно обманув бдительность часовых, похитили немало дорогих товаров. Таким вот причудливым оказался дебют Уорли на ниве пиратства.

Однако это еще не все.

Ночной налет на корабль был приписан самому… Эдварду «Черной Бороде» Тичу! Делая подобный вывод, официальные лица руководствовались тем, что наводивший ужас на всех пират по прозвищу Черная Борода и впрямь наведывался ранее со своей эскадрой в этот район.

Уорли и его команду подобное начало необыкновенно вдохновило. Они продолжали охотиться за добычей на реке, и, в конце концов, им достался целый шлюп, направлявшийся в Филадельфию! Таков был их второй трофей. Что ж, теперь у Уорли было настоящее судно! Он впервые в полной мере ощутил себя пиратским капитаном. Но, не собираясь почивать на лаврах, Уорли напряженно продумывал свои дальнейшие ходы.

Для управления шлюпом девяти человек было, пожалуй, уже недостаточно, поэтому Капитан Уорли (именно так его называли все) позволил присоединиться к команде еще нескольким молодцам. Общая численность команды, включая его самого, достигла уже тринадцати человек. На сходке пираты решили навестить Багамы и немедленно отправились в путь. В

известном роде, это спасло им жизнь. Как раз в это время вступил в действие указ британского короля Георга I, согласно которому подлежали аресту и казни те пираты, что не явились с повинной и продолжали свою деятельность. Всем жителям прибрежных городов надлежало извещать власти обо всех подозрительных судах. После захвата филадельфийского шлюпа Уорли обнаружил себя, и о его шлюпе стало известно. Тотчас же был отряжен быстроходный королевский фрегат «Феникс», вооруженный 24 пушками. Если бы пираты промедлили, то Ричарду Уорли уж точно не удалось бы войти в «золотую двадцатку» пиратов. Король велел не брать пленных, поэтому пиратов ждала неминуемая смерть. Однако Уорли и его команде явно сопутствовала удача: «Феникс» так и не смог настичь их шлюп!

Охота у Багамских островов оказалась весьма результативной: Уорли захватил великолепную бригантину и шлюп. Это позволило изрядно увеличить огневую мощь, хотя и потребовало дополнительного увеличения численности команды. Именно в это время Уорли изобретает свой легендарный флаг и начинает работать над пиратским уставом. Одним из самых важных положений этого устава было одно, предписывавшее пирату сражаться до последней капли крови и уж лучше гордо принять смерть, нежели с позором сдаваться на милость победителя. Показательно, что команда единогласно приняла устав, составленный их любимым капитаном!

Между тем до Уорли каким-то образом дошли слухи о том, какие баснословные ценности достаются таким асам пиратского дела, как Черная Борода или Стид Бонне, которые дерзко хозяйничали у побережья как Северной, так и Южной Каролины, а также Виргинии. В соответствии с этими сведениями, Уорли стал планировать налет на колонии.

Начать Уорли решил с Южной Каролины. Через какое-то время его эскадра бросила якорь в гавани Чарлстона. Путешествие было далеко не праздным, поскольку пиратам пришлось как следует потрудиться. Добычи в их трюмах значительно прибавилось, но корабли отчаянно нуждались в ремонте. Так что, заходя в гавань Чарлстона, Уорли намеревался сочетать приятное с полезным.

Естественно, губернатора Южной Каролины немедленно проинформировали о происходящем. В его памяти еще свежи были обстоятельства недавних визитов Черной Бороды и Стида Бонне. Губернатор не стал мешкать и решил лично принять участие в уничтожении пиратской эскадры. Против пиратов вышли одновременно четыре военных корабля. На одном из них находился сам губернатор. Главной их задачей было блокировать гавань, чтобы пираты не сумели спастись бегством. Чтобы обмануть бдительность пиратов, губернатор приказал, чтобы моряки убрали часть орудий и вообще попробовали поработать над внешним видом кораблей таким образом, чтобы у пиратов создалось впечатление, что в гавани находятся не военные, а торговые корабли. И, надо заметить, коварная уловка блестяще удалась губернатору!

Уорли и впрямь посчитал, что в гавани стоят торговые суда, и порадовался, что его надежды оправдались. Губернатор, выждав достаточное время, чтобы пираты подальше проникли в гавань, дал приказ атаковать. Поначалу ситуация складывалась в пользу пиратов: фрегат губернатора случайно подставился, и пираты смогли с блеском поразить цель. Корабль вышел из строя; впрочем, губернатор при этом не пострадал. Однако силы были все-таки неравны. Военные корабли были гораздо лучше вооружены и действовали слаженнее, кроме того, на их стороне оказался эффект неожиданности.

Итог схватки оказался печальным. Характерно, что существует несколько описаний этого сражения. Если свести все факты воедино, то произошло следующее. Пираты остались верны своему уставу и бились до конца. При этом сам Капитан Уорли и значительная часть его верного экипажа пали замертво. Оставшиеся члены команды, будучи ранены, попали в плен. Если ориентироваться на знаменитую мемориальную доску, увековечившую

происшедшее, их осталось всего лишь 19 человек. Суд в Чарлстоне прошел стремительно, и 17 февраля 1719 года они были повешены (некоторые историки полагают, что в числе раненых вполне мог оказаться и сам Уорли; во всяком случае, именно 17 февраля 1719 года принято считать последним днем его жизни).

Таким печальным оказался конец Ричарда Уорли и его команды. Карьера этого корсара оказалась более чем короткой, составив всего лишь пять месяцев. Однако Капитан Уорли настолько ярко заявил о себе, что вывод очевиден: ниспошли Судьба ему больше времени, он наверняка затмил бы своими достижениями самых легендарных пиратов!

17. Чарльз Вейн (Charles Vane)

Чарльз Вейн (1680 – 29 марта 1721 г.) – британский пират, прославившийся своими рейдами в Карибском море и в Атлантике. За ним закрепилась печальная слава самого жестокого и бессердечного из пиратов. Вейн, как правило, не питал и тени сострадания ни к пленникам, ни к захваченным судам. Он мог пообещать сохранить жизнь и в следующую же минуту с наслаждением нарушить свое же собственное обещание! Самое же удивительное – он ни во что не ставил даже пиратов, ходивших под его началом! Вейн постоянно норовил их обмануть, сильно занижая их долю добычи и присваивая себе почти все. Невероятно, но его смерть была угодна всем – и власти, и пираты были очень даже не прочь, чтобы его вздернули на виселице.

Начало службы на море для Вейна состоялось на борту капера «Лорд Арчибальд Хэмилтон». Правда, на него очень давили рамки профессии, которые накладывала государственная лицензия, позволявшая останавливать лишь определенные корабли, а не те, что нравятся. И тут Вейну подвернулось отличное поприще для реализации своих талантов. У побережья Флориды вследствие частых штормов нередко терпели крушение испанские галеоны с серебром и золотом.

Чарльз Вейн

Однажды на дно пошел целый казначейский флот Испании, следовавший из Портобелло. Губернатор Гаваны отрядил специальные спасательные корабли, для того чтобы можно было переместить на их борт хотя бы часть затонувшего драгоценного груза. Вейну с прочими ямайскими рейдерами, которыми руководил Генри Дженнингс (пират, к которому благоволили официальные власти Ямайки), оставалось лишь дождаться окончания работ по подъему золотых или серебряных слитков, а потом неожиданно напасть, чтобы присвоить себе все результаты труда спасателей. Всего рейдерская флотилия насчитывала три корабля; общая численность команды достигала трехсот человек. С такими силами они могли претендовать на многое, и результаты охоты их не разочаровали. Отобранное у спасателей серебро Генри Дженнингс виртуозно реализовывал через аукционы, используя свои связи в правительстве. Выручив немалые деньги, он решил на время взять передышку, скрывшись от возможного преследования на Багамах, на острове Нью-Провиденс. Там и впрямь было спокойно. В дальнейшем, когда Вейн действовал уже сугубо самостоятельно, Нью-Провиденс по-прежнему оставался его надежной базой.

Очень скоро Вейн пожелал охотиться за поживой в одиночку и проявил себя во всей красе, нападая и на суше, и на море. 1716 год в итоге оказался для него просто невероятно удачным.

Вейн почти сразу же почувствовал вкус к частой смене своих флагманских кораблей без особой на то необходимости: так, одно время он плавал на барбадосском шлюпе, но, даже не раздумывая, перебрался на 12-пушечную бригантину, которую сам назвал «Рейнджер» – стоило только ему взять ее на абордаж.

Кстати, уже тогда проявилась его невероятная жестокость к людям. Губернатору Бермудских островов неоднократно поступали рапорты, в красках расписывавшие, каким издевательствам подвергал Вейн несчастных моряков, трудившихся над подъемом грузов со дна и волею судьбы угодивших к нему в лапы.

Слухи о его чудовищных выходках и преступлениях заставили снарядить специальный фрегат «Феникс», отличавшийся не только потрясающей маневренностью, но и значительной огневой мощью. Этот фрегат частенько бросали на поимку того или иного пирата, слишком назойливо заявлявшего о себе. На сей раз им управлял капитан Винсент Пирс, опытный капитан и искусный охотник на пиратов. В феврале 1718 года Пирсу удалось, образно говоря, загнать Чарльза Вейна, располагавшего на тот момент уже целой эскадрой, в угол. «Фениксу» капитана Пирса пиратская эскадра была не страшна, и он быстро доказал, на чьей стороне сила и власть. Когда к Винсенту Пирсу привели закованного в кандалы Вейна, он предложил ему покаяться в грехах и отказаться в дальнейшем от пиратских действий. Это предложение явилось следствием оглашения королевского указа, которым даровалось высочайшее помилование всем пиратам, которые признают свою вину и будут готовы завязать со своим преступным прошлым. Вейн, конечно же, тотчас смекнул, что признание сулит ему скорую свободу, и легко пошел на сотрудничество. В итоге все вышло для него как нельзя лучше; он даже сохранил почти всю свою эскадру, за исключением брига «Жаворонок», который был реквизирован.

Оказавшись на воле, Чарльз Вейн не предпринимал никаких действий ровно столько времени, сколько потребовалось для того, чтобы «Феникс» Винсента Пирса исчез из глаз. Как только это произошло, Вейн мигом позабыл о данных совсем недавно клятвах и пустился во все тяжкие!

Август 1718 года был отмечен приходом к власти нового губернатора Багам Вудза Роджерса. Он прибыл в сопровождении двух прекрасно вооруженных военных кораблей. Вудз был известен всему свету как непримиримый враг пиратов. Прослышав о том, что к власти пришел именно Вудз, немало корсаров, промышлявших в этом регионе, крепко призадумались, а потом, скрепя сердце, решили все-таки пойти на попятную и испросить для себя королевское прощение. Чарльзу Вейну тоже рекомендовали поступить подобным образом, однако он еще не успел насладиться недавно захваченной французской каравеллой, а уж о том, чтобы расстаться с добычей, и слышать не хотел!

Однако намерения нового губернатора были очевидны: пиратов, отказавшихся прийти с повинной, ожидали беспощадное преследование и неминуемая смерть. Вейн, решив не искушать судьбу понапрасну, вознамерился дать деру, полагаясь на быстроходные качества своего «Рейнджера». Чтобы скрыть свои истинные намерения, Вейн поджег каравеллу и направил ее (уже без команды!) прямо на королевские корабли, заблокировав на время их движение. Сам же Вейн, минуя на «Рейнджере» фрегат губернатора, внезапно… обстрелял его из всех своих шести орудий, пообещав скоро вернуться и расправиться с ним!!! Пока на фрегатах приходили в себя от беспрецедентной акции, Вейн на огромной скорости покинул Нью-Провиденс. Ему крепко повезло: корабли Вудза Роджерса его не настигли. А немного погодя Вейну еще раз улыбнулась судьба: он сумел счастливо избежать преследования британской военной эскадры! И при этом Вейну удалось сохранить практически все

награбленное добро.

Он решил двинуться в северном направлении.

Что это ему давало?

Во-первых, чувство (пусть даже отчасти иллюзорное) своей удаленности от Вудза Роджерса. А кроме того, новые моря – новая добыча!

Вскоре Чарльз Вейн захватил шлюп, присоединив его к своей эскадре. Командовать им он поставил пирата Йитса. У него вновь было три корабля. На недостаток личного состава тоже нельзя было пожаловаться: экипаж был изрядный! Перед такой силой легко пасовало любое судно. А этого Вейну и хотелось! Он неистово грабил корабли, измывался и губил попавших в плен моряков, стремился нажиться на чем угодно. Тот факт, что ему удалось ускользнуть буквально из-под носа губернатора, вселял в него, увы, обманчивую уверенность в своей неуязвимости. Число захваченных Вейном кораблей росло, жертвы множились. Губернатор понял, что если немедленно не предпринять карательных действий, то потом Вейн может настолько упрочить свои силы, что вообще может оказаться ему не по зубам. Был призван опытный охотник за пиратами – полковник Уильям Ретт. Ему было поручено найти Вейна и уничтожить со всей его эскадрой.

Пока губернатор замышлял его гибель, Чарльз Вейн, чье честолюбие росло с каждым новым захваченным кораблем, решил бросить вызов легендарному Эдварду «Черной Бороде» Тичу. Он был уверен, что сможет заполучить больше ценной добычи, нежели его авторитетный коллега по ремеслу. С целью пущего увеличения своего баланса, Вейн направился к побережью Южной Каролины, чтобы нападать на корабли, идущие в Чарлстон и обратно. Удача благоволила к Вейну, и он почти сразу сумел захватить два крупных и богато груженных корабля. Поскольку у Вейна уже вошло в привычку присваивать себе куда более значительную долю добычи, чем ему как капитану полагалось, он не менял своей тактики, постепенно теряя чувство меры. Йитс, не так давно ставший капитаном отдельного корабля, претендовал на соответствующую долю. А Вейн и не думал делиться по справедливости. Конфликта, причем серьезного, избежать не удалось, поскольку оба были непреклонны. А тут еще Вейн приказал Йитсу пропустить несколько кораблей, возможно, с неплохой добычей на борту. Это окончательно доконало Йитса. Мало того что его доля урезана, так теперь и верного заработка приходится лишаться! Йитс дождался ночи, прихватил из пиратской казны все, что, по его мнению, Вейн ему задолжал, включая плату за моральный ущерб. После этого он потихоньку поднял паруса и поплыл прочь от места стоянки эскадры. Наутро Вейн обнаружил пропажу и рассвирепел! Он тотчас же забыл о состязании с Черной Бородой и кинулся в погоню. Погоня получилась любопытная: Йитса Вейн не догнал, но сумел взять на абордаж два корабля с ценным грузом.

Шел уже сентябрь 1718 года. Была предпринята еще одна попытка захватить Вейна. Несколько военных кораблей с опытной и хорошо обученной командой охотились на него какое-то время, но неудачно. На исходе сентября Вейн, чувствуя, что начинает пахнуть жареным, решил сместиться к острову Абако на Багамах. При нем была его колоссальная сокровищница. Путь его эскадры лежал мимо острова Окракоке (Северная Каролина). Там в октябре 1718 года состоялась долгожданная и поистине историческая встреча двух знаменитых пиратов своего времени: Чарльза Вейна и Эдварда «Черной Бороды» Тича. Черная Борода, узнав от Вейна о том, что тот вознамерился с ним потягаться объемом завоеванного, пришел в превосходное расположение духа и долго смеялся – без обиды для своего коллеги. Вообще, надо сказать, Черная Борода оказался единственным человеком, которому Вейн действительно пришелся по душе. В свою очередь, и Вейн был в восторге от Эдварда Тича. На радостях корсары решили отметить памятное событие; их вечеринка растянулась чуть ли не на неделю. Сколько всего было выпито и съедено, и вообразить было нельзя! Вслед за этим Тич и Вейн расстались – условившись непременно встретиться вновь.

Вейн дал приказ плыть к Нью-Йорку. Между тем на кораблях его эскадры зрело недовольство. Вейн был необузданно жесток, алчен, постоянно обкрадывал своих. Рассчитывать на популярность с такими качествами не приходится. В сущности, команда лишь выжидала подходящего случая, чтобы сместить Вейна с поста капитана. Однако он очень скоро им представился. Эскадра пиратов под руководством Вейна предприняла атаку на крупный французский корабль в Наветренном проливе (между Кубой и Гаити). Атака не увенчалась успехом, и команда с готовностью обвинила своего капитана в служебном несоответствии. Вейн был вынужден сложить с себя полномочия. Новым капитаном команда сделала квартирмейстера Вейна Джека Каллико Рэкхема. Попутно заметим, что Вейн был со своим кварбражничают на острове тирмейстером в ссоре.

Причиной стало опять-таки стремление Вейна загрести больше, чем ему причитается. Когда на исходе февраля (или в начале марта) пиратам достался лондонский шлюп «Кингстон», Вейн назначил его капитаном Рэкхема. На борту «Кингстона» был обнаружен приличный запас спиртного. Вейн настаивал, чтобы большая его часть была отдана ему. Рэкхем заявил, что это уж точно никуда не годится, и отказал Вейну. Не будь Рэкхем квартирмейстером, ему бы точно не сносить своей головы. А так Вейну пришлось смириться; с этого момента пираты еле терпели друг друга. То, что пираты предпочли Рэкхема ему, обидело Вейна даже больше, нежели насильственное смещение с должности капитана.

Черная Борода и Чарльз Вейн бражничают на острове

Вейн выбрал для себя самый скромный шлюп своей эскадры и перешел на него. За ним последовали Роберт Дил и еще 15 человек команды. Направив шлюп в южном направлении, Вейн заметил своим верным последователям, что все только к лучшему. Судьба предоставила им шанс избавиться от негодного балласта. Они же скоро захватят суда, превосходящие любой из кораблей его прежней эскадры! Впереди их ждет лишь богатство и слава!

Команда поверила капитану Вейну. Словно по заказу, тут же подвернулись несколько торговых кораблей, позволившие пиратам здорово поживиться содержимым своих трюмов. Казалось, что пророчества Вейна уже начинают сбываться. Вейн быстро набирал очки, будучи уверен, что очень скоро будет руководить новой эскадрой, которой прежняя и в подметки не годилась.

И тут случилось непредвиденное.

В феврале 1719 года мини-эскадра Вейна угодила в страшный шторм. Стихия разметала корабли Вейна и Роберта Дила. Шлюп Вейна был не готов к подобным испытаниям и затонул вместе со всей добычей. Спастись удалость лишь одному Чарльзу Вейну. Волны вынесли его на берег необитаемого островка в Гондурасском заливе. Делать теперь было нечего. Оставалось лишь валяться на песке, питая надежду на случайное появление корабля.

Корабль появился, но… им управлял капитан Холфорд, бывший пират, вставший на путь исправления. Он прекрасно знал Чарльза Вейна и ненавидел его. Холфорд даже откровенно признался островитянину поневоле, что стоит только Чарльзу Вейну позволить оказаться на палубе, как он тут же пробьет молотком капитану голову, а команду убедит сделаться пиратами! Сделав это признание, Холфорд отбыл восвояси.

Через некоторое время Вейн заметил, что к берегу направляется еще один корабль. Надежда спастись воспряла в нем с новой силой. Никто из команды не признал в изможденном мужчине в лохмотьях знаменитого Чарльза Вейна, одно имя которого уже наводило ужас. Его

приняли на борт, предложив за кров и стол поработать палубным матросом. Вейн с готовностью согласился.

Казалось, фортуна вновь на стороне Вейна!

Однако тут происходит еще более невероятный случай…

Корабль, на котором замывал палубу Чарльз Вейн, встретился в море с судном капитана Холфорда, которого любезно пригласили на борт отобедать. Сидя за столом, Холфорд невольно обратил внимание на матроса, драившего палубу, мгновенно узнав в нем Вейна! Холфорд сообщил капитану, кого тот приютил на борту. Вейн был тут же схвачен и связан. Поскольку капитан смертельно боялся пирата, даже связанного с ног до головы, Холфорд предложил свои услуги, каковые были с огромной благодарностью приняты. Вейна перетащили на борт корабля, принадлежавшего капитану Холфорду, и надежно заперли в отдельной каюте.

Капитан Холфорд арестовывает Чарльза Вейна

После этого Холфорд доставил своего пленника на Ямайку. Состоялся суд, который 22 марта 1720 года вынес смертный приговор. Однако же в исполнение этот приговор был приведен лишь 29 марта 1721 года, практически год спустя. (Историки до сих пор не могут сойтись во мнениях, что же именно послужило причиной столь длительной отсрочки. В сущности, смертный приговор мог быть вынесен практически чуть ли не по любому эпизоду пиратской деятельности Вейна!)

Чарльзу Вейну присудили смерть через повешение. Перед тем как принять казнь, он не выказал даже малейших признаков раскаяния. После смерти его тело в назидательных целях было повешено на всеобщее обозрение прямо у входа в гавань Порт-Ройяла.

18. Эдвард Лоу (Edward Low)

Эдвард Лоу (1690? – 1724?), которого больше знали по кличке «Нэд Лоу», был британским пиратом, предпочитавшим грабить суда в Карибском море и в Атлантике. Его запомнили как редкостного садиста, изуверски пытавшего свои жертвы. За свою карьеру Лоу захватил свыше 100 кораблей.

Он родился в Лондоне в семье воров и ранние годы своей жизни провел в полной нищете. Родители, обитавшие в мерзких трущобах, боялись, что младенца могут утащить крысы, а потому брали его «на дело» с собой; перед выходом Лоу запихивали в плетеную корзинку, что была приторочена к спине его брата. По ходу дела брат умудрялся сдергивать с зазевавшихся прохожих шляпы, а то и парики. Он вообще был ужасным прохвостом и скоро закончил жизнь на виселице, не успев преподать Эдварду всех уроков жизни.

Эдвард Лоу, застигнутый с командой ураганом. Картина Дж. Николлза и Джемса Базире

Эдвард Лоу воспитывался на улицах, среди преступников. Поэтому не стоит удивляться тому, что он впитал в себя все самое худшее, что мог. Он практически не мог изъясняться нормально, не сквернословя. Обладал крайне неуравновешенным характером и мог в любой момент затеять безобразную драку. Очень рано в Лоу пробудилась склонность к мошенничеству. Говорили, что он даже получил известность в соответствующих кругах как знатный карманник. Кроме того, в нем жила неистребимая страсть к азартным играм. А еще он любил облагать особым налогом своих сверстников – за право проживания в его районе; если кто-то отказывался ему платить, Лоу забивал его до полусмерти.

Устав шнырять по карманам и воровать по мелочам, Лоу вознамерился перейти в более серьезную весовую категорию и пристрастился к кражам со взломом, которые сулили гораздо больше добычи. Его активность начала привлекать внимание стражей правопорядка, да и годы уже «поджимали». Попадись Лоу в руки полицейских, ему присудили бы по полной, и он, скорее всего, был бы казнен, как ранее – его брат. Повторять участь собственного брата у Эдварда Лоу не было никакого желания, и он решил сбежать… в Америку.

(Чарльз Эльмз в своей «Книге пиратов» (1837) отмечает, что в Америку Эдвард Лоу отправился вместе с братом. Судя по всему, речь идет о младшем брате Лоу.)

Итак, всеми правдами и неправдами оказавшись на корабле, в 1710 году Лоу выполнил свое намерение. Он вместе с братом колесил по Штатам около четырех лет, прежде чем прочно осел в Бостоне (штат Массачусетс), перепробовав перед этим множество профессий. Избрав Бостон в качестве своего постоянного места жительства, Лоу отправился в Англию, чтобы навестить свою мать и рассказать ей о своих успехах. Гостил на родине он недолго и скоро вновь вернулся в Бостон.

12 августа 1714 года он женился на некой Элизе Марбл. Их венчание состоялось в Первой церкви Бостона. У них родилось двое детей: сын, умерший еще в младенчестве, и дочь Элизабет, появившаяся на свет зимой 1719 года и стоившая жизни своей матери. Лоу остался один с дочерью. Кончина жены потрясла его. Говорят, что впоследствии, когда Лоу уже стал матерым пиратом, он наотрез отказывался принимать в команду женатых молодцов, у которых на берегу оставались дети. Всегда сокрушаясь о дочери, которую он предоставил своей судьбе, Эдвард Лоу, даже будучи психопатом и садистом, не оборвал ни одной женской жизни; все его пленницы рано или поздно благополучно достигали родного дома.

Очень скоро Лоу ощутил в себе желание стать моряком. Поначалу его труд был вполне легальным: он нанялся на такелажные работы, и в его обязанности входило заботиться о снастях корабля. Однако напряженный труд и сравнительно мизерная оплата вскоре привели к тому, что Лоу замыслил переквалифицироваться. Вдобавок он крепко поссорился с мастером, поскольку не терпел никакой критики в свой адрес. В 1722 году Эдвард Лоу сколотил своего рода банду, которая подрядилась на шлюп, следовавший в Гондурас, где предполагалось добывать кампешевое дерево с последующей доставкой его в Бостон для выгодной продажи. В обязанности Лоу входило осуществлять и контролировать погрузку. Однажды, ощутив сильный голод, он подплыл с очередной порцией древесины на лодке к кораблю и собрался подняться на борт. Капитан судна преградил Лоу путь и заявил, что на еду он еще не заработал и ему вполне хватит глотка рома, выданного поутру. Лоу выслушал капитана. Потом он поднял заряженный мушкет и выстрелил в него, но промазал. Следующим выстрелом он сразил матроса, вышедшего на палубу. Пуля попала бедняге прямо в горло, и он почти мгновенно испустил дух. На корабле поднялась страшная заваруха, и Лоу со своими единомышленниками пришлось спасаться бегством. О возвращении на корабль теперь не приходилось и думать. Днем позднее Лоу и его банде, насчитывавшей 12 человек, среди которых, между прочим, был Фрэнсис Фаррингтон Сприггз, будущий известный пират, удалось напасть и захватить шлюп. Произошло это у побережья

Род-Айленда. На шлюпе тотчас же подняли «Веселого Роджера», и он превратился в пиратский корабль. Эдвард Лоу, естественно, был торжественно избран его капитаном.

Так для него началась жизнь морского корсара.

Первой «пробой сил» для Эдварда Лоу стал род-айлендский шлюп. Разграбив его, Лоу приказал уничтожить на ограбленном корабле все снасти, чтобы корабль не мог быстро достичь порта и сообщить о нападении и о том, кто его совершил. Затем пираты двинулись к Порт-Розмари, где в гавани смогли ограбить сразу же несколько торговых судов. Оттуда Лоу проследовал к Каймановым островам. Именно там произошла его встреча с маститым пиратом Джорджем Лоутером, плававшим на «Счастливом даре», внушительном и хорошо вооруженном шлюпе водоизмещением в 100 тонн. Видимо, несмотря на невероятно успешное начало, Эдвард Лоу ощущал необходимость подучиться морским навыкам. А у кого он мог их получить? Естественно, у опытного моряка, каким являлся Лоутер; уж тот-то несомненно мог их ему преподать, если бы захотел. Пообщавшись с ним, Лоу добился того, что Лоутер взял его на корабль в качестве лейтенанта. Так начались их совместные рейды. Кстати, своих молодцов Лоу не бросил, прихватив с собой. Особенно же он уделял внимание Фрэнсису Сприггзу, видимо чувствуя внутри, что у парня большой потенциал – в плане пиратского будущего. Именно Лоу познакомил Сприггза с азами пыточного дела; в частности, он обучил его одному из своих любимых фокусов: пальцы на руках жертвы тщательно обматывают промасленной бечевкой, а потом поджигают. В итоге пламя прожигает всю плоть, достигая костей. Сприггз с увлечением усваивал полезные навыки, горя желанием испытать их на практике. Так все и шло: Лоу обучался мореходному делу и затейливым пиратским тактикам у Лоутера, а сам, в свою очередь, обучал садистским приемам своего юного протеже. У Антильских островов «Счастливый дар» был подожжен индейцами из племени таино, и пиратам пришлось перебраться на «Рейнджер», ставший новым флагманом.

Больше всего Лоу в Лоутере поражало его магическое умение притягивать к себе людей. Пираты просто заходились от желания служить ему, стремились попасть в его команду. Вот почему проблем с численностью экипажа у Лоутера никогда не было. Затем последовала целая череда успешных рейдов, во время которых всем было чему поучиться у своего знаменитого главаря. Не был исключением и Эдвард Лоу, чья квалификация как пирата буквально росла не по дням, а по часам.

Среди богатых трофеев, захваченных Лоутером, оказалась «Ребекка» – достаточно крупная бригантина с шестью пушками на борту. А ее быстроходности мог бы позавидовать любой корабль! Это произошло 28 мая 1722 года. Подумав, Лоутер предоставил судно Лоу, заметив, что для него пришло время действовать самостоятельно. Он научил его всему, что знал и умел. Пусть Лоу берет «Ребекку» и начинает свой первый, действительно капитанский, рейд.

Расставшись с Лоутером, Эдвард Лоу отплыл далеко на север, к Новой Шотландии (Канада). Там он внезапно напал на 13 рыболовецких судов, бросивших якорь у берега. Подняв «Веселого Роджера», Лоу заорал, огласив хриплым криком бухту, что всем, кто откажется повиноваться, грозит верная смерть. Неожиданность появления пиратов в этих спокойных водах и жуткий рев Лоу так угнетающе подействовали на психику канадцев, что они, совершенно деморализованные, решили сдаться. Лоу проследил, чтобы трюмы всех тринадцати судов были полностью опустошены. Потом он решил подобрать себе новый флагман, поскольку «Ребекка» его уже не устраивала. Среди кораблей в гавани ему больше всех приглянулась 80-тонная шхуна, которую он окрестил «Каприз», поручив командовать ею юному Чарльзу Харрису. Остальные корабли рыбаков были им сожжены. Какая-то часть их экипажа была насильно присоединена к пиратской команде.

Сохранились воспоминания одного из этих моряков, Филиппа Аштона, поневоле оказавшегося среди пиратов. Ему удалось сбежать в мае 1723 года у Роатан-Айленда, что

неподалеку от Гондураса. Он подробно описал, как его били, полосовали плетьми, держали в тяжелых цепях, постоянно угрожали смертью. Все это делалось для того, чтобы Аштон подписался под сводом правил, составленных самим Лоу, и присоединился к пиратам. Поскольку Аштон не желал подчиняться, пытки происходили ежедневно, причем при полном одобрении и живейшем участии команды.

Что же это были за правила?

О, они настолько характерны, что заслуживают быть приведенными полностью!

Правила Эдварда Лоу, предписанные для пиратов

Правило 1. Капитан всегда получает две полные доли добычи. Квартирмейстер – долю и еще половину. Доктор, помощник капитана, бомбардир, боцман – долю и еще четверть.

Правило 2. Тот, кто будет повинен в проносе на судно недозволенного оружия или же посягнет на часть трофеев, примет суровую кару, каковую сочтет надлежащей капитан вкупе с большинством команды.

Правило 3. Тот, кто проявит трусость в ходе боевой операции, примет суровую кару, каковую сочтет надлежащей капитан вкупе с большинством команды.

Правило 4. Тот, кто утаит золото, серебро драгоценности или же другие товары стоимостью свыше испанского доллара, в течение 24 часов примет суровую кару, каковую сочтет надлежащей капитан вкупе с большинством команды.

Правило 5. Тот, кто будет повинен в азартных играх или же попытках обмануть друг друга на сумму свыше золотого пиастра, примет суровую кару, каковую сочтет надлежащей капитан вкупе с большинством команды.

Правило 6. Тот, кто будет иметь несчастье получить ранение во время схватки, вправе получить сумму в 600 испанских долларов и оставаться на берегу столь долго, сколь необходимо для полного восстановления.

Правило 7. В случае реальной нужды всегда выделяется достойное пособие.

Правило 8. Тот, кто первым увидит корабль, годный для захвата, получает лучший с него пистолет или что-то из малого вооружения.

Правило 9. Тот, кто окажется пьяным во время схватки, примет суровую кару, каковую сочтет надлежащей капитан вкупе с большинством команды.

Правило 10. Воспрещается стрелять в трюме.

Из этих правил можно достаточно легко заключить, какие нравы царили на тогдашних пиратских кораблях.

После того как у Лоу появился новый флагман, надо было его испытать в деле. У Ньюфаундленда в руки пиратов попало несколько кораблей. Лоу использовал занятную уловку: он давал приказ спустить «Веселого Роджера», а вместо него поднять флаг какой-либо европейской страны. При этом у тех, кто стоял на палубе приближавшегося корабля, возникало ощущение, что впереди – торговый корабль. Поскольку приготовлений к бою не делалось, то, поравнявшись с судном, пираты легко брали его на абордаж, практически без единого выстрела. Впрочем, сам Лоу как-то принял военный фрегат за рыболовецкое судно, чудом избежав гибели.

Возле Азорских островов Лоу напал на французский

пинк , бывший корабль-разведчик. Вытянутая форма корпуса позволяла судну развивать невероятную скорость. Лоу немедленно пожелал на него перейти, тотчас сделав корабль своим флагманом и дав название: «Роуз Пинк». После этого возник еще один трофей – британский пассажирский шлюп. Обнаружив среди пленников двух португальцев, Лоу неожиданно озлобился, приказал обвязать их веревкой и сбросить с палубы в воду; потом, протащив за судном, поднять на борт и вновь осуществить эту операцию. Так продолжалось до тех пор, покуда несчастные не умерли от ужаса и переохлаждения. Потом Лоу захотел идти на Канарские острова, откуда двинулся в направлении Бразилии, но был вынужден повернуть обратно из-за разгулявшейся непогоды. Как ни досадовал Лоу, но его честолюбивым планам заполучить богатую добычу, действуя в районе наиболее оживленных торговых путей, не дано было осуществиться.

Он решил попытать свою удачу на Карибах.

Его постоянно бросало из крайности в крайность. Он мог, отведав еды, не пришедшейся ему по вкусу, распорядиться об умерщвлении судового кока. В то же время, взяв на абордаж британское судно (как впоследствии вспоминал Джордж Робертс, помощник капитана одного из захваченных судов), он мог чуть ли не со слезами на глазах сокрушаться о том, что корабль непременно должен был быть захвачен, а также скорбеть от того, что приходится брать в плен соотечественника.

Через некоторое время, почувствовав, что скоростные качества его флота из двух кораблей становятся хуже, поскольку их днища поросли водорослями, Лоу предпринял попытку встать на якорь для ремонта. Это было в 200 км к востоку от Суринама. Процедура трудоемкая и не быстрая, особенно когда приходится осуществлять ее на воде. После всех своих подвигов Лоу был не готов высаживаться на берег, так как опасался быть захваченным. И тут произошла катастрофа. Для того чтобы высвободить как можно больше пространства днища из воды, Лоу приказал сгрудиться пиратам на одной стороне палубы и снести туда грузы; судно (а это был «Роуз Пинк») начало крениться, но оказалось, что не все иллюминаторы на той части корпуса были задраены! В них, конечно же, хлынула вода, причем все произошло настолько быстро, что корабль тут же затонул. Лоу потерял флагман, практически все запасы провизии и пресной воды, а также еще двух членов своей команды.

Завершив восстановление «Каприза», объятые горем пираты двинулись дальше. Однако чуть погодя, заполучив шхуну «Белка», ставшую новым флагманом Лоу, они отчасти воспрянули духом. Правда, остро ощущался недостаток пресной воды. Пришлось ввести строгую норму выдачи: не более 300 мл драгоценной влаги на одну пиратскую душу.

А тут свершилась новая напасть. Эскадра Лоу угодила в полосу штиля. Это не позволяло добраться до Тобаго, где можно было рассчитывать на много ценных трофеев. Течением корабли, в конце концов, отнесло к Гренаде. Побережье находилось в ведении Франции. Просто высадиться на берег пираты, уже умиравшие от недостатка воды, не могли. Лоу придумал очередной фокус. Он приказал спрятать половину орудий, а большей части экипажа – укрыться в трюме. Внешне его шхуна могла сойти за купеческий корабль с минимумом людей на борту. Французский береговой патруль позволил им спуститься на берег для пополнения запасов пресной воды. Количество бочонков с водой насторожило французов, и на следующий день они отправили на разведку шлюп. Подозрения их были вполне оправданными, однако шлюп посылали они все же зря (было бы разумнее направить флотилию!).

Пираты, заполучив воду, больше не нуждались в высадке. Лоу дал команду подняться всем из трюма и готовиться к нападению. На французском шлюпе никак не рассчитывали на атаку пиратов. Судно со всем экипажем было захвачено. Его переименовали в «Рейнджера», а командовать им Лоу взялся сам – уж очень он был падок на новизну. Свою прежнюю шхуну Лоу поручил – некогда своему протеже, а ныне собственному квартирмейстеру – Фрэнсису

Фаррингтону Сприггзу. Она, по идее, должна была находиться под командой Чарльза Харриса, но как раз в этот момент Лоу испытывал к нему крайнюю неприязнь. Чтобы как можно больше уязвить Харриса, Лоу сместил его с должности капитана, сделав рядовым членом команды. Что же до Сприггза, то он давно ожидал, когда ему достанется корабль. Однако ожидал он этого вовсе не с целью произвести на Лоу еще более выгодное впечатление. Сприггз, будучи квартирмейстером, уже давно находил, что к некоторым членам команды Лоу относится исключительно несправедливо. Став капитаном «Белки», Сприггз переименовал шхуну в «Усладу» и, собрав на борт всех недовольных Лоу, просто-напросто сбежал под покровом ночи! Настала судьба ему самому стать корсаром.

Обнаружив поутру, что произошло, Лоу был готов взорваться от ненависти и гнева, но в погоню пускаться не стал, здраво рассудив, что Сприггз за ночь слишком сильно отдалился, и догнать его теперь будет очень непросто. Он махнул на Сприггза рукой и отдал приказ плыть вперед.

Дальнейшие события красноречиво продемонстрировали, что неудачи пиратов явно остались позади. Они захватили множество шлюпов, один из которых, «Фортуна», был включен в состав пиратской эскадры. Ступив на палубу одного из сдавшихся в плен кораблей, Лоу обнаружил всего ‡ 150, что привело его в ярость, поскольку он предполагал взять как минимум в десять раз больше. Сграбастав первого попавшегося под руку моряка из плененного экипажа судна, он зверски избил его, а потом отсек ему саблей ухо.

Зверства, практиковавшиеся на судне Эдварда Лоу

Через какое-то время жертвой пиратов пришлось стать португальскому кораблю «Наша Богоматерь Победа». Это произошло 25 января 1723 года. Капитан, прекрасно понимая, что ждет корабль и весь груз, предпочел выбросить за борт корабельную казну, находившуюся в кожаной сумке. Всего волнам он предал порядка ‡ 15 000! Как только Лоу стало об этом известно, он выхватил саблю и вырезал у пленного капитана губы. Затем он, нанизав их на острие, держал на огне, покуда губы не поджарились. Далее же он заставил капитана их съесть, даже не позволив им хотя бы немного остыть… Однако даже это его не успокоило. Лоу немного пришел в себя, лишь собственноручно порешив всех португальцев, бывших на борту.

Капитан считался бешеным маньяком даже во мнении собственной команды! Так, однажды он зарубил саблей 53 испанских моряка. Случилось это в марте 1723 года после захвата пиратами в Гондурасском заливе судна, принадлежавшего Испании. На судне были обнаружены шесть английских капитанов – в статусе пленников. Им инкриминировалась незаконная добыча… кампешевого дерева. У Лоу выступили слезы на глазах от мучительной ностальгии. Ведь, кажется, еще не так давно он сам с бандой смельчаков зарабатывал на жизнь этим ремеслом! Случалось, конечно, что они были вынуждены уложить пару-тройку испанских солдат, но что поделаешь: сами были виноваты. И что же происходит сегодня: шесть благородных британцев, все замечательные капитаны, старавшиеся для пользы английской короны, захвачены мерзкими испанцами, и их связанных, словно свиней, везут в Испанию на казнь!!! Кровь бросилась Лоу в лицо, он выхватил саблю и…

Итог вам известен.

А еще ему как-то случилось живьем зажарить французского повара; бедняга был намертво привязан к мачте и сгорел вместе с кораблем. Лоу прокомментировал свое чудовищное деяние не менее жутким комментарием, заметив, что кожа погибшего наверняка будет дивно хрустеть, а его жалкая стряпня должна прийтись по вкусу обитателям преисподней!

Вообще же, когда корабли становились добычей эскадры Лоу, пленникам можно было только посочувствовать. Их суда пираты вчистую разграбляли, но этим дело, увы, отнюдь не ограничивалось. Лоу был традиционно скверно настроен по отношению к ним. За редкими, единичными, исключениями их страшно избивали, пытали, резали ножами, зачастую втыкали между пальцев горящие лучины…

Как ни дико, но в наши дни ряд историков, когда речь заходит о зверствах и жестокостях пиратов, пытается их обелить. На их взгляд, карательные действия были призваны, по большей части, способствовать созданию устрашающей репутации того или иного корсара. Особенно сильно эти зверства действовали на психику простых людей. Историки полагают, что, потрясенные до глубины души моряки, узнав, кто именно атакует их судно, наверняка отказывались повиноваться своим офицерам, намеревающимся оказать пиратам сопротивление. Версия не слишком правдоподобная и убедительная, но, как говорится, уж что есть, то есть.

Кстати, у Эдварда Лоу грань между приязнью и ненавистью была вообще чрезвычайно тонка, почти что неощутима. Например, однажды он пленил капитана Грейвза из Виргинии. Грейвз очень сокрушался по поводу своего утраченного судна. Чтобы утешить его, Лоу, взяв кубок с пуншем, сделал несколько глотков, а потом протянул его Грейвзу, сказав: «Капитан, другая половина – твоя!» Однако у Грейвза уж точно не было никакого желания предаваться возлиянию пунша, и он отказался, причем любезно поблагодарив.

Выслушав его отказ и взбеленившись, Лоу вскочил на ноги, выхватив пистолет. С пистолетом в одной руке и кубком с пуншем в другой он свирепо потребовал: «Выбирай или-или!»

Между тем время шло. Наступил июнь 1723 года. Эскадра Лоу подошла к побережью Южной Каролины. Недавнее бегство Фрэнсиса Спригтза пошло на пользу Чарльзу Харрису. Лоу начал вновь благоволить ему и вернул управление одним из кораблей. 21 июня пиратам повстречался военный корабль «Грэйхаунд». Несмотря на то что судно было английским, Лоу не стал переживать по поводу соотечественников. Он заметил главное: вооружение «Грэйхаунда» явно уступало пиратскому, а это сулило Лоу заманчивые перспективы.

Лоу с пистолетом и кубком пунша

Он не знал того, что «Грэйхаундом» управляет капитан Петер Слодгард, которому власти специально поручили найти эскадру Лоу и уничтожить ее. Экипаж Слодгарда был одним из лучших; именно поэтому он не боялся бросить вызов эскадре, делая ставку на то, что его профессионально обученные моряки непременно возьмут верх над полуграмотными и действующими стихийно пиратами. Слодгард, выждав удобный момент, внезапно приказал развернуть корабль. Маневр был практически тотчас же приведен в исполнение. Для пиратов это явилось полной неожиданностью, но еще более их смутил залп из всех бортовых орудий, которым их встретил Слодгард. Атака велась английскими военными моряками настолько безупречно, что в рядах пиратов возникло смятение. Слабым звеном оказался… Лоу. Предоставив «Рейнджер» капитана Харриса его судьбе, Лоу стремительно повел «Каприз» к Азорским островам. При нем осталась вся пиратская казна (около ‡ 150 000).

А Слодгард занялся «Капризом».

У Харриса практически не было никаких шансов. Через непродолжительное время он сдался. Все 25 человек его экипажа, включая судового врача, были арестованы. Капитан Слодгард без лишних проволочек доставил пленников на Род-Айленд. 10 июля уже состоялся суд, продлившийся до 12 числа. А 19 июля 1723 года все пираты были повешены по обвинению в

разбое, пиратстве и грабежах. Чарльза Харриса, однако, не стали казнить с его командой. Он был переправлен в Англию и там, в Ваппинге, встретил свою смерть. Капитану Слодгарду за поимку пусть даже части эскадры Лоу вручили в торжественной обстановке золотую табакерку изысканной работы.

А что же Лоу?

Он, не принимая всерьез ропот команды, осуждавшей его за бегство, строил планы жуткой мести. Лоу вел корабль на север, и в районе Нантакета (Массачусетс), находясь примерно в 80 милях от берега, яростно атаковал скромное китобойное судно. Когда Лоу добрался до капитана, он растерзал его, вогнав ему под конец пулю в голову. Команду он, однако, пощадил. Правда, Лоу приказал забрать всю еду, какую только удастся обнаружить на корабле. Обреченным на голодную смерть морякам он приказал плыть куда они хотят. После страшного и мучительного путешествия моряки чудом достигли Нантакета и поведали всем об очередном злодеянии Лоу.

Лоу еще некоторое время решил покружить у побережья Северной Америки. Ему удалось у Блок-Айленда пленить еще одно судно, тоже рыболовецкое. Лоу отсек капитану голову, а команде позволил высадиться на берег.

Через несколько дней пиратам сдались еще два китобоя. Лоу отсек одному из пленных капитанов уши и предложил ему их съесть, не позаботившись при этом о соли. Покуда тот давился, мучительно пытаясь проглотить частицу своей же собственной крови, Лоу приступил к другому капитану. Недолго думая, он все той же саблей разрубил ему грудь и извлек сердце, которое бросил на стол перед первым капитаном, заметив, что меню еще не исчерпано!

То, что вытворял с пленными рыбаками Лоу, было чересчур даже для самых отъявленных пиратов. Они набрались храбрости и заявили Лоу, что отказываются участвовать в его издевательствах над людьми.

Эскадра Лоу ограбила еще несколько десятков рыболовецких кораблей. После этого Лоу вознамерился повернуть на юг. Южное направление оказалось для него не менее благоприятным. Правда, добыча была не слишком велика, но в данном случае количество уже начало переходить в качество. Общая доля добычи с восемнадцати мелких суденышек, встреченных и разграбленных пиратами, оказалась вполне приемлемой.

Потом настал черед крупной дичи.

Лоу сначала атаковал и захватил крупный 22-пушечный французский корабль, а потом еще один, более внушительный – 34-пушечный купеческий виргинский шлюп, называвшийся «Счастливое Рождество». Кстати, именно его Лоу и превратил в свой очередной флагман! Так и не забывший о позорной для себя встрече с «Грэйхаундом», Лоу, оказываясь на корабле после его взятия, первым делом пытался отыскать среди команды англичан. Обнаружив таковых, он немилосердно над ними измывался и жестоко приканчивал.

В июле 1723 года эскадра Лоу повстречалась с кораблями Джорджа Лоутера. Поистине встреча учителя и ученика! Хотя учитель явно был бы не в силах тягаться со своим учеником по части жестокого отношения к пленникам…

Лоутер и Лоу, вновь объединившись на время, стали пиратствовать сообща. Их совместные рейды были достаточно успешными. Однако Лоутер, надо полагать, был озадачен и даже поражен, что его бывший ученик превратился в ненавидящего англичан кровожадного и безумного маньяка. У него созрело желание расстаться с Лоу. Тем более что обстоятельства этому явно благоприятствовали.

В самом конце 1723 года у побережья Гвинеи они натолкнулись на судно «Услада»! Это была та самая шхуна «Услада», которую некогда Сприггз получил от Лоу. Как ни странно, но Лоу крайне отстраненно воспринял происходящее, покуда «Усладу» снимали с мели, а потом доукомплектовали ее 14 бортовыми орудиями. Когда Лоутер предложил Лоу оставить капитаном Сприггза, тот не возражал. Однако умудренный жизненным опытом Лоутер чувствовал, что гроза может разразиться в любой миг. Минуло два дня. За это время Лоутер успел переговорить со Сприггзом и обменяться впечатлениями – о Лоу былом и Лоу нынешнем. По всему выходило, что совместное плавание с маньяком до добра не доведет. И вот, поладив, они той же ночью сообща оставили стоянку.

Пробудившись наутро на борту своего флагмана «Счастливое Рождество», Лоу обнаружил, что стал одиноким корсаром.

Начиная с 1724 года новых свидетельств о нем не поступало.

Что касается возможной судьбы Лоу, то существует целый ряд версий, базирующихся на конкретных источниках.

Один из наиболее вероятных вариантов развития событий: Лоу, гневаясь на то, что его столь вероломно покинули, и не находя на ком можно выместить свою ненависть, обратил ее на членов собственной команды! Те терпели его выходки какое-то время, а когда терпение иссякло, пираты где-то в начале 1724 года высадили его на каком-то из необитаемых островов в Вест-Индии. Последней каплей явилось убийство Лоу одного из своих помощников, совершенное им, когда тот спал. Лоу таким образом хотел отомстить помощнику за то, что он ранее осмелился в чем-то ему противоречить. Возможное развитие сюжета предполагает, что он угодил впоследствии в руки французских моряков, случайно заглянувших на остров, был ими узнан и в итоге повешен на Мартинике.

Однако есть и противоположная версия. Согласно материалам Национального морского музея (Бразилия), Лоу так никогда и не был пойман. Завершив в итоге свою карьеру корсара, он мирно жил в Бразилии, где и скончался.

Даниэль Дефо в «Общей истории пиратов» приводит один слух, из которого следует, что Лоу действительно направлялся в Бразилию. Впрочем, там же им приводится и другое свидетельство, будто бы корабль Лоу, угодив в страшный шторм, затонул, при этом корсар лишился обеих рук.

Похоже, истины мы так и не узнаем. Однако, как бы то ни было, но, поскольку после 1723 года не обнаружено никаких свидетельств деятельности Лоу, он закончил свои дни предположительно в 1724 году.

19. Джон Рэкхем (John Rackham)

Джон Рэкхем, он же – Калико Джек (21 декабря 1682 —18 ноября 1720) – авторитетный пират, который стал знаменит благодаря нескольким своим примечательным деяниям.

Прежде всего, Рэкхем осмелился бросить вызов капитану Чарльзу Вейну, известному своей беспримерной жестокостью. Кроме того, он был связан особыми отношениями с двумя легендарными женщинами-пиратами своего времени – Энн Бонни и Мэри Рид. Обе они – в нарушение всех обычаев – служили у него на корабле, причем Энн Бонни была отнята

Рэкхемом у супруга. Вдобавок Рэкхем изобрел пиратский флаг собственного дизайна, который впоследствии получил невероятное распространение. Ну и наконец стоит сказать о том, что хоть Рэкхем пиратствовал и недолго, но захватил добычи примерно на $ 1,5 миллиона, что и позволило ему войти в «золотую двадцатку» пиратов. Джон Рэкхем по прозвищу Ситцевый Джек (он получил его за свое пристрастие к ситцевым одеяниям) впервые упоминается в истории в качестве квартирмейстера на судне ужасного Чарльза Вейна. По всей видимости, Рэкхем попал к Вейну, когда пиратская эскадра оставила остров Нью-Провиденс. Вейн предпочитал пиратствовать, мирная жизнь была не по нем. Впрочем, сам Рэкхем тоже всегда мечтал о судьбе грабителя морей. Мгновенно завоевав доверие самого Вейна и найдя общий язык с командой, Джон Рэкхем вскоре был назначен квартирмейстером. В его обязанности входило соблюдать интересы команды и помогать капитану управлять эскадрой. Как он обнаружил впоследствии, Чарльз Вейн не только страшно издевался над пленниками, но еще и постоянно обирал свою собственную команду. Причем капитан пиратов предпочитал атаковать лишь в том случае, если был абсолютно уверен в победе. Это очень не нравилось команде.

Джон Рэкхем. Литография XVIII в.

Флаг Джона Рэкхема

Последней каплей стало намеренное нежелание Вейна нападать на богатый французский корабль. Команда взбунтовалась и выбрала новым капитаном Джона Рэкхема.

Случилось это на исходе осени 1718 года.

В немалой степени на их решение повлияла безусловная принципиальность Ситцевого Джека. Уличив Чарльза Вейна в намерении присвоить его долю добычи (речь, кстати, шла о спиртном), Рэкхем, понимая, что наживает смертельного врага, тем не менее, отказался повиноваться. Команда это хорошо запомнила! И когда Вейна насильно сместили, колебаний по поводу того, кто его заменит на капитанском мостике, у пиратов не было.

В результате Рэкхем, командовавший «Кингстоном», одним из кораблей Вейна, в один миг стал возглавлять всю эскадру. В сущности, именно с этого момента и начинается его самостоятельная карьера корсара. Начало ее едва ли можно счесть удачным. На первой же стоянке поредевшая пиратская эскадра была захвачена врасплох двумя военными шлюпами. Пираты были поголовно схвачены и доставлены на Нью-Провиденс к губернатору Вудзу Роджерсу.

Пиратам было предложено покаяться и получить королевское прощение. В дальнейшем они обязались никогда не выходить в море с дурными помыслами. Со стороны Рэкхема и большинства других пиратов этот шаг был, конечно же, вынужденным. В противном случае их ожидал суд, а потом – виселица. Выбирать не приходилось. Какое-то время Джон Рэкхем размышлял о том, как же ему быть дальше. Ему ужасно хотелось опять быть капитаном пиратов, ведь, в сущности, у него не было даже реальной возможности в полной мере ощутить каково же это – управлять целой эскадрой! Но тут произошла его встреча с четой Боннеев (Бонни), пользовавшейся достаточно сомнительной известностью. С Джеймсом Боннеем у Рэкхема, в принципе, не было никаких дел. Зато супругой его, Энн Бонни, он увлекся не на шутку! А Энн, в свою очередь, страстно увлеклась Рэкхемом. Они замыслили убежать вдвоем с острова. Однако не просто убежать, а покинуть остров, как подобает настоящим пиратам! Рэкхем собрал свою прежнюю команду (тех из них, кто по-прежнему

желал жить пиратской жизнью), и они похитили шлюп, бросивший якорь в гавани. Поскольку была ночь, их никто не заметил. На шлюпе были мгновенно подняты паруса, и пираты вновь оказались в своей стихии.

Энн Бонни и Мэри Рид

Шел к концу 1719 год.

Курс был взят на Бермудские острова.

Как оказалось, Энн Бонни была не единственной женщиной на судне. Кроме нее, на борту оказалась и Мэри Рид, не мыслившая своей жизни без пиратских рейдов. Некоторые историки отмечают, что такое вопиющее нарушение морских обычаев произошло лишь потому, что воспользоваться этими дамочками мог практически любой член команды. Однако развитие событий продемонстрировало, что обе женщины в бою вели себя ничуть не хуже мужчин-пиратов, а своей кровожадностью даже превосходили их!

Они употребляли ром в непомерных количествах и жутко сквернословили – к шумному одобрению всей пиратской компании. Кроме того, от них так чудовищно разило потом, что подчас не выдерживали даже мужчины, предпочитавшие держаться подальше.

Вот в такой веселой атмосфере и продолжался рейд пиратов. Рэкхем не ставил перед собой нереальных задач. Трезво оценивая возможности похищенного шлюпа и тоскуя по своему прежнему «Кингстону», он понимал, что о захвате крупного судна им мечтать, скорее всего, не приходится. Он начал методично грабить небольшие суда, встречавшиеся на мелководье. Классической добычей того времени были рыбацкие суда – по крайней мере у команды Рэкхема теперь не было проблем с продовольствием. В меню всегда присутствовала свежая рыба. Иногда пираты, курсировавшие прямо у северного побережья Ямайки, совершали набеги на сушу, терроризируя жилища рыбаков и насилуя местных женщин. Они не брезговали захватывать сети со свежим уловом. Одним словом, пытались выживать в надежде на удачу.

В начале ноября 1720 года Рэкхему встретился в море незнакомый шлюп, отчасти походивший на его собственный. На борту находилось всего лишь девять мужчин, вооруженных мушкетами и саблями. Дело происходило у западной оконечности острова, возле Пойнт-Негрил. Рэкхем решил приблизиться. При виде маневра его судна, шлюп направился прямо к берегу и бросил якорь. Сразу же после этого с него сошли на берег восемь человек; один остался на борту. Рэкхем, приблизившись, поинтересовался, кто они такие. Те отвечали, что они – англичане. Рэкхемом им было предложено подняться на палубу его судна, отведать пунша, а заодно поговорить о возможностях совместной охоты. Незнакомцы с готовностью приняли приглашение – как выяснилось позднее, на свою беду!

Дело в том, что, поскольку нападения и набеги пиратов Рэкхема продолжались, и даже более того, он начал задирать уже более крупные суда (в частности, были захвачены два шлюпа), жители побережья стали жаловаться. И, несмотря на то что особенно значительной добычи пиратам захватить не удалось, террор, который они учинили на побережье, в итоге не укрылся от внимания властей.

Губернатору Николасу Лоэсу было доложено, что в его владениях нагло бесчинствуют пираты, причем даже осмеливаясь высаживаться прямо на берег! Губернатор был человеком суровым и любящим порядок. Кроме того, он являлся человеком действия. Он приказал немедленно снарядить военный шлюп и отправить его на захват пиратов, благо плыть было

совсем недалеко.

Капитаном шлюпа был назначен Джонатан Барнет.

Барнету без особого труда удалось напасть на след флотилии Рэкхема. Когда судно пиратов проплывало мимо бухты Очо, там, прямо на берегу, находился рыбак со своей лодкой. Моментально узнав пиратов, он выждал, пока они достаточно отдалились, и, спустив лодку на воду, поплыл, чтобы доложить властям. Вскоре он встретился с шлюпом Барнета и рассказал, что видел шлюп Рэкхема. Барнету потребовалось лишь обогнуть остров наполовину, и оба суденышка стали перед ним как на ладони!

Сопротивляться военному кораблю пираты, конечно же, не пытались. Все они, включая Рэкхема, были немедленно арестованы и доставлены на Ямайку. Девять незнакомцев, застигнутые военными на борту судна пиратов, были также задержаны вместе со своим шлюпом, хотя они клялись и божились, что просто заглянули на пуншевую вечеринку.

Суд, состоявшийся в городке Ст. – Яго-де-ла-Вега (Испанский Город), был на редкость скорым (все было окончено буквально за один день!). Рэкхем и почти все члены его команды были приговорены к казни через повешение. Суд был извещен о том, что ранее Рэкхему и его пиратам уже было даровано королевское прощение, что означало для них полный запрет на грабежи в море. Нарушив главное условие своего помилования, пираты тем самым подписали себе смертный приговор.

Их всех (кроме женщин, оказавшихся в положении, для которых казнь, впрочем, была лишь отсрочена) переправили в Порт-Ройял. По странной иронии судьбы, Джону Рэкхему пришлось дожидаться казни в соседней камере с Чарльзом Вейном, который также ожидал своей участи. Только вот в случае с Вейном исполнение приговора почему-то затянулось на целый год; он все еще находился в ожидании, когда 18 ноября 1720 года Джон Рэкхем, некогда его квартирмейстер, был повешен. После смерти тело Рэкхема подвесили в клетке и установили на видном месте с целью преподать хороший урок тем, кто имел неосторожность мечтать о том, чтобы стать пиратом.

Ст. – Яго-де-ла-Вега (Испанский Город, Ямайка), где судили Джона Рэкхема

Что же касается девяти пиратов, к несчастью для себя оказавшихся в компании с Рэкхемом в момент его ареста, то их судили отдельно. Обвинительный приговор им вынесли в январе 1721 года (всех сочли виновными в пиратских действиях), а в феврале они также были повешены. Мэри Рид и Энн Бонни благополучно родили. Кто являлся отцом младенцев в их чреве, выяснить так и не удалось. Немного погодя Мэри Рид, так и не дождавшись казни, скончалась от ужасной лихорадки, которую подхватила в процессе родов. Энн Бонни, успешно разрешившейся от бремени, удалось сбежать из-под стражи и скрыться. Впоследствии о ней, мимолетной возлюбленной Джона Рэкхема и свирепой пиратке, были сложены целые легенды. Энн Бонни, однако, так никогда и не была обнаружена.

20. Джон Мартел (John Martel)

Как заметил Даниэль Дефо, рассказывая о британском пирате Джоне Мартеле «…История его довольно коротка, как и период владычества; конец его похождениям наступил в самом

расцвете его силы и могущества». Без преувеличения, это самый «закрытый» из всех корсаров, входящих в пиратскую элиту. Никаких сведений о его детстве и юности нет. Есть предположение (его разделяет большинство историков), что он получил каперское свидетельство и вследствие этого получил право нападать на испанские корабли, но ни на какие другие. Судя по всему, он довольствовался своим статусом, покуда шла война за испанское наследство (1702–1714). Но потом его терпение, похоже, кончилось, и он стал грабить все корабли подряд.

Впервые о нем упоминается в сентябре 1716 года как о капитане 8-пушечного шлюпа с командой, насчитывающей около 80 человек. Шлюп был, однако, пиратский и успешно использовался Мартелом для захватнических рейдов на Карибах. Он курсировал у Ямайки, подбирался к побережью Кубы, навещал другие острова. Примерно в это же время ему досталась галера «Беркли». Ее капитан, Сондерс, был вынужден расстаться с ‡ 1000, чтобы сохранить свой корабль. Почти сразу же после этого Мартел взял шлюп «Царь Соломон», собрав с него все деньги и провизию. Кроме того, он полностью обчистил трюм, явившись обладателем большого количества дорогих товаров.

Направляясь к Кубе, Джон Мартел остановил и разграбил еще два шлюпа, а неподалеку от порта Кавена добычей пиратов стала роскошная 20-пушечная галера «Джон и Марта», которая настолько пленила Мартела, что он вознамерился оставить ее себе (конечно же, со всем грузом!). Характерно, что Джон Мартел оставил у себя на борту самых способных моряков из команды «Джона и Марты», поневоле сделав их пиратами, а остальных, включая капитана Вильсона, высадил на берег. При этом Мартел попросил его уведомить хозяев судна, что, вместо пушек, которые все равно не помешали захвату, на судне следовало бы разместить побольше ценных товаров, дабы прибыль пиратов была изряднее. Реакцию капитана Вильсона на своеобразное чувство юмора, явленное Джоном Мартелом, легко себе представить. Однако он был не в силах помешать произволу. Количество пушек на «Джоне и Марте» было увеличено на две единицы, а число команды составило порядка 100 человек. На прежнем судне Мартела после этого осталось лишь 25 пиратов. Затем эскадра двинулась в направлении Подветренных островов и по пути захватила следовавший к Ньюфаундленду 20-пушечный бриг «Дельфин», который автоматически вошел в состав пиратской флотилии вкупе со всей командой.

«Веселый Роджер», который использовал Джон Мартел

Декабрь 1716 года уже перевалил за середину, когда эскадра пиратов остановила галеру «Кент», капитаном которой был некий Лоутон. Не обнаружив на борту никаких ценностей и найдя саму галеру малопригодной для присоединения к своему стремительно растущему флоту, Мартел позволил Лоутону уйти, отобрав всю провизию. «Кент» отправился обратно на Ямайку, где Лоутон подробно рассказал о нападении Мартела.

Пираты тем временем двигались дальше, нападая и грабя все встреченные корабли. Несколько барбадосских шлюпов благодаря пиратам были оставлены без запасов съестного; примечательно, что несколько моряков выразили горячее желание быть принятыми в пестрый коллектив пиратов. Настал черед и более серьезной добычи. Таковой явилась галера «Грэйхаунд» под управлением капитана Эванса. Галера держала путь с Гвинеи на Ямайку, и трюмы ее были доверху заполнены золотым песком и слоновой костью. Вдобавок на судне обнаружилось 40 рабов-негров. Все это перешло в собственность Джону Мартелу. После перемещения всех ценностей пираты отпустили «Грэйхаунд» с миром.

Интенсивная охота отразилась на состоянии кораблей пиратской эскадры. Мартел сознавал, что ему необходимо срочно подыскать место для надежной и, вероятно, продолжительной стоянки. Ему было понятно, что не только кораблям нужен ремонт; команда Мартела тоже нуждалась в отдыхе. Несколько месяцев постоянных схваток давали себя знать. А помимо этого скопились большие ценности, которые следовало выгодно и побыстрее продать.

Выбор Мартела пал на остров Санта-Круз в Карибском море. Это был пустынный островок, зачастую используемый многими пиратами как удобное место для засады, откуда можно было удобно нападать на все проходящие торговые корабли.

Беглый осмотр кораблей показал, что потрудиться над ними придется изрядно. Поэтому Мартел приказал возвести укрепления, чтобы не быть застигнутыми военными кораблями. Одна батарея из четырех орудий была устроена прямо на берегу. Высадиться на берег, не попав под обстрел, было практически невозможно. Другую батарею установили на северной оконечности острова. Кроме того, в устье был специально оставлен 8-пушечный шлюп (он сохранился гораздо лучше остальных кораблей и практически не нуждался в ремонте). Шлюп контролировал вход в бухту, чтобы пиратов, занятых на берегу разгрузкой и ремонтом, не застали врасплох.

Итак, пираты ремонтировали суда и на досуге наслаждались островным покоем, а между тем их участь уже была предрешена. Даниэль Дефо в своей монографии о пиратах рассказывает: «В месяце ноябре 1716 года генерал Гамильтон, командующий флотом всех Карибских Подветренных островов, отправил курьерский шлюп на Барбадос к капитану Хьюму, командиру корабля его величества „Скарборо“, имевшего на борту тридцать пушек и сто сорок человек, дабы известить того, что два пиратских шлюпа, о 12 пушках каждый, досаждают колониям и уже ограбили несколько судов. „Скарборо“ же потерял умершими двадцать человек, и около сорока болели, по каковой причине не в состоянии был выйти в море. Капитан Хьюм, однако же, оставил своих больных на берегу и отплыл к другим островам, дабы пополнить команду, взявши двадцать солдат на Антигуа; с Невиса он взял десятерых и 10 – с Сент-Кристофера, а затем направился к острову Ангуилья, где узнал, что незадолго до того два похожих шлюпа видели в порту Спэниш-тауна (Испанского города, Ст. – Яго-де-ла-Вега. –

Авт .), как еще называют один из Виргинских островов. Согласно тому известию, на следующий день „Скарборо“ пошел к Спэниш-тауну, но не услышал о шлюпах ничего нового – только лишь что они останавливались тут примерно под Рождество (а было тогда уже 15 января).

Капитан Хьюм, не находя как бы он мог свести счеты с теми пиратами, помышлял назавтра вернуться на Барбадос; но случилось так, что ночью здесь встало на якорь суденышко с Санта-Круса, и прибывшие ему сообщили, что видели пиратский корабль о двадцати двух или двадцати четырех пушках, в сопровождении других судов, направляющийся к северо-западной оконечности вышеупомянутого острова. На „Скарборо“ немедля оценили сказанное, и на следующее утро он появился в виду грабителей и их призов и встал там в боевой готовности».

Лоцман «Скарборо» не слишком хорошо знал фарватер, а потому не хотел рисковать, подходя ближе. Тем более что и сами пираты, обнаружив незваных и грозных гостей «…все время обстреливали их с берега раскаленными ядрами». В конце концов, корабль Хьюма «…бросил якорь с наружной стороны рифов, у входа в пролив, и в течение нескольких часов обстреливал суда и батареи. Около четырех часов пополудни шлюп, охранявший пролив, был потоплен выстрелом с военного корабля; после чего тот стал обстреливать двадцатидвухпушечный пиратский корабль, укрывшийся за островком. На следующую ночь, 18-го, настало затишье; капитан Хьюм взвешивал положение. Опасаясь напороться на риф, он еще день-другой стоял в отдалении от берега, блокировав пиратам выход. Вечером

двадцатого, увидев, что военный корабль стоит далеко в море, они решили воспользоваться случаем и попытаться выкрутиться, полагая, что смогут улизнуть с острова; но в двенадцать часов они сели на мель, а затем, увидавши, что „Скарборо“ вновь стоит невдалеке, и положение их сделалось безнадежным, они ударились в полнейшую панику».

Впрочем, это едва ли относилось к Джону Мартелу, который отнюдь не утратил присутствия духа. Не желая оставлять свой любимый корабль военным, он приказал предать «Джона и Марту» огню. При этом двадцать рабов-негров, оставшихся на судне, были обречены сгореть заживо. Для успеха задуманного Мартелом плана было решено, что пираты должны разделиться. 19 человек попытались уйти на небольшом шлюпе, а сам Мартел с остальными членами команды, включая еще двадцать негров, несших на спине наиболее ценную добычу, ринулись в лес, надеясь там спастись.

Хьюм, грамотно оценив ситуацию, незамедлительно высадился на берег с военными.

Важно отметить, что бегством спасались именно пираты; моряки, ранее угодившие к ним в плен, остались. Им всем, естественно, была возвращена свобода. Хьюм позволил недавним пленникам воспользоваться кораблем и шлюпом, которые были брошены пиратами на произвол судьбы. Поскольку никто из экипажа Хьюма прежде на острове не бывал, преследовать пиратов, скрывшихся в лесу, военные не стали. Куда более целесообразным виделось поднять якорь и выйти в море для поимки пиратов, бежавших на шлюпе.

О дальнейшей участи Джона Мартела ничего не известно.

Согласно версии самого Хьюма, пираты заблудились в зарослях растительности и, будучи не в силах раздобыть пропитание, погибли от голода и полученных ран.

Другой источник утверждает, что на острове погибли не все пираты. Во всяком случае, Джон Мартел выжил. Уцелевшим чудом удалось дождаться прихода к острову двух пиратских шлюпов; на одном из них пострадавшие были доставлены на остров Виргин Горделива, где о них хорошо позаботились.

А некоторые историки полагают, что Мартел никак не мог оказаться среди тех, кто попытался спрятаться в лесу, поскольку находился в числе 19 пиратов, ушедших в море на шлюпе. Этот шлюп счастливо избежал встречи с военными кораблями и благополучно достиг острова Нью-Провиденс на Багамах, где следы Мартела затерялись.

Что ж, любая из этих версий может оказаться справедливой. Как бы то ни было, все эти версии роднит одно: после инцидента на острове Санта-Круз никаких документальных свидетельств о деятельности Мартела не было обнаружено.

Таковы судьбы двадцати пиратов, затмивших прочих числом завоеванной ими добычи. Каждый из них был иконой, причем не столько для своих собратьев по суровому ремеслу, сколько для тех, кто мечтал о морской романтике и захватывающих приключениях.

Проходят века, меняются как люди, так и понятия, но мы по-прежнему не остаемся равнодушными к тем, кто отчаянно пытался найти свое место под солнцем, осмелившись при этом бросить вызов целому миру и презреть все его законы.

Пираты в лицах: Древний мир – Новейшее время

Дионисий из Фокиды

(Dionysius the Phocaean), V век до н. э.

Дионисий, греческий пират, охотившийся на Средиземном море, стал пиратом вынужденно. К этому его побудила война с Персией. Когда персы в 495 году до н. э. разгромили греческий флот портового города Фокеи, которым командовал Дионисий, он оказался на распутье. Будучи профессиональным военным, он достаточно разбирался в стратегии, чтобы не питать иллюзий по поводу судьбы своего родного города. Оставшись без флота, Фокея была беззащитна, а потому обречена. Однако сам Дионисий и не думал складывать оружие. Путь был один – идти в пираты, чтобы не дать персам расслабиться на территории его родной страны. Он, действуя быстро и находчиво, захватил три персидских корабля. Пиратская эскадра была готова! После этого Дионисий принялся настойчиво курсировать вдоль финикийского побережье, доставляя немалые хлопоты купцам, у которых сумел отобрать немало богатых товаров и прочих ценностей.

Фокея была родиной многих пиратов. Такое развитие событий диктовалось самой жизнью.

Лет за сорок до описываемых событий фокейским пиратам крепко досталось у побережья Корсики. Их обидчиками явились карфагеняне и этруски, чьи корабли, объединившись, пристали к берегу, заведомо зная о том, что там расположена колония пиратов. Внезапность атаки и серьезный численный перевес обусловили триумф нападавших. Не удовольствовавшись тем, что они взяли пиратов в плен, карфагеняне и этруски забили их камнями до смерти.

Дионисий, естественно, не мог не помнить о жестокой расправе, постигшей его товарищей по оружию. Теперь, когда у него была своя собственная эскадра, Дионисий решил сквитаться. Он взял курс на Сицилию. Именно там он решил устроить свою базу. Со своей базы Дионисий мог контролировать движение судов в этом регионе Средиземного моря и внезапно их атаковать. Согласно Геродоту, он никогда не нападал на греческие корабли, зато карфагенским и этрусским судам особо рассчитывать на его милость никак не приходилось. В итоге Дионисий взял столько богатейших трофеев, что, можно сказать, вполне поквитался за ущерб, нанесенный Фокее и ее вольным корсарам.

Глайкетас

(Glauketas) (4?? – 3?? гг. до н. э.)

Это был свирепый главарь пиратов. На протяжении чуть ли не целых 15 лет (315–300 гг. до н. э.) он безнаказанно хозяйничал в Эгейском море. В конце концов, с целью его уничтожения был снаряжен афинский флот. Афинянам удалось устроить Глайкетасу (Главкету) ловушку у острова Китнос. Корабль Глайкетаса был окружен и захвачен; всех пиратов, включая самого Глайкетаса, постигла жестокая кара. А Эгейское море на какое-то время стало безопасным

для путешествий.

Деметрий из Фароса

(Demetrius of Pharos) (? – 214 гг. до н. э.), Греция

Деметрий – известный греческий буканьер, хозяйничавший на Адриатическом и Ионическом морях. Его нельзя назвать пиратом по призванию, поскольку он вынашивал серьезные и далеко идущие планы, намереваясь захватить пост верховного наместника Иллирии. Будучи наемником царя Аргона, Деметрий всего лишь обеспечивал порядок в гавани Фароса, острова, на котором располагалась столица Иллирии. Деметрий отдавал себе отчет, что мечтать о возможности скорого вознесения ему никак не приходится, и он обречен лишь на вторые роли, если только не предпримет серьезных шагов.

В 231 году до н. э. не стало царя Иллирии Аргона. Деметрий известил вдову покойного царя Тевту о своем желании быть подле нее и получил благосклонный ответ. Он стал опекуном ее сына и получил большую власть. Позднее Тевта, весьма к нему благоволившая, поручила Деметрию гарнизон на Корфу.

Это уже было повышение!

А тут как раз произошло нападение римлян на Иллирию. Деметрий понимал, что Иллирии никак не выстоять против Рима. Презрев воинский долг (а что еще можно было ожидать от недавнего наемника?!), он, прекрасно понимая, насколько важное стратегическое значение имеет остров Корфу в этой войне, спокойно сдал его римлянам практически без боя, декларировав тем самым свое желание примкнуть к римлянам. Те были рады неожиданному стороннику и в награду за его предательство назначили Деметрия правителем Южной Иллирии. Так, до некоторой степени, сбылась заветная мечта Деметрия. Пусть ему не досталась вся Иллирия, но… пока что и этого хватало. Именно пока что, поскольку Деметрий, почувствовав вкус к власти, начал подумывать о расширении границ своей державы.

И вновь судьба ему благоприятствовала!

Рим ввязался в Кельтскую войну. Ввиду этого был весьма перспективен союз с Македонией, мощным государством, управлявшимся Филиппом V. Деметрий пошел с ним на сговор против римлян и не прогадал. Близко общаясь с Филиппом V, Деметрий узнал от него, что, когда ему понадобилось серьезное финансирование для своей войны с Родосом, он решил подрядить знаменитого этолийского пирата Дикеарха на разграбление Эгейских островов и родосских судов; вдобавок он еще получал долю от всей добычи, что позволяло снаряжать новые корабли. Деметрий, обдумав услышанное, решил, подобно Дикеарху, стать пиратом.

Его первый рейд состоялся в 224 году до н. э. Деметрий примкнул к иллирийским и истрийским пиратам и стал сообща с ними охотиться на римские суда на Адриатическом море. По мере овладения опытом он решил привлечь к своим набегам Скердилаида, наместника ряда областей Иллирии, находившихся вне юрисдикции Деметрия. Тот предпринял одну совместную экспедицию с Деметрием в 220 году до н. э., но, поскольку она завершилась неудачно, разорвал их союз.

Деметрий решил в дальнейшем пиратствовать сообща с этолийцами. И тут дело пошло на лад. Деметрий стремительно довел численность кораблей своей эскадры до пятидесяти единиц. Он вовсю развернулся в Эгейском море. Он захватывал не только корабли, но даже целые острова, облагая их серьезным налогом. Богатство его просто не знало границ.

Однако, как только ему стало известно от собственных информаторов о том, что Родос, правительство которого устало терпеть произвол пиратов, снарядил целый военный флот для их поимки, Деметрий, мигом забыв об этолийцах, улепетнул домой, на Фарос, со всей огромной добычей.

Но не только родосцев восстановил против себя Деметрий. Еще были римляне. Это было куда хуже! Особенно учитывая, что Тевта еще в 228 году до н. э. подписала с Римом договор о том, что Иллирия не будет предпринимать пиратских нападений на римские корабли и владения.

Подсчитав убытки, римляне решили не затевать никаких переговоров, а просто-напросто осадить Фарос и разграбить его, с лихвой возместив все потери.

В 219 году до н. э. началась осада острова. Только ни Деметрия, ни его сокровищ на Фаросе… уже не было! Его шпионы вновь оказались на высоте. Узнав об угрозе для Фароса, Деметрий, никого не предупреждая, вновь собрал все имущество и дал деру в Македонию. Филипп V с удовольствием предоставил ему приют в своей державе. Поскольку он на деле убедился в предприимчивости Деметрия и его военных талантах, Филипп рассчитывал, что тот непременно возглавит одну из его армий.

Так и случилось. Поначалу он при полной поддержке Филиппа V осуществлял успешные пиратские рейды на Адриатике, а через несколько лет принял на себя командование всеми его сухопутными силами в Греции, где и был сражен насмерть в одном из сражений.

Произошло это в 214 году до н. э.

Гентус из Иллирии (Genthus of Illyria)

(2?? – 1?? гг. до н. э.)

Гентус – едва ли не единственный из пиратов, который обладал королевским саном! Именно этот правитель Иллирии причинил такой урон жителям побережья тогдашней Италии, что римские власти в 181–180 годах до н. э. специально снарядили экспедицию с целью выяснить, кто же именно является организатором этих жестоких пиратских набегов. И вот оказалось, что во всем повинен Гентус Иллирийский. По его приказанию создавались шайки пиратов, которых наделяли кораблями и продовольствием. В дальнейшем же существенная доля завоеванных ими ценностей оседала в сокровищнице короля. Римским дознавателям также удалось установить, что Гентус Иллирийский создал на острове Корфу огромную тюрьму, в которой основными заключенными являлись римляне. Тем не менее наказать короля-пирата не удалось, и он благополучно правил до 168 года до н. э.

Секст Помпей (Sextus Pompeius)

(75?—35 гг. до н. э.), Рим

Судьба этого римского патриция – прекрасная иллюстрация на извечную тему «отцов и детей». Если его достопочтенный батюшка – великий Гней Помпей, известный военачальник, уступивший лишь Юлию Цезарю, прославился еще и тем, как сурово разобрался с корсарами на Средиземном море, Секст Помпей в 43–36 годах до н. э. был главарем практически всех

пиратских шаек, что действовали у побережья Сицилии. В своем роде, как полагают многие историки, демарш Помпея-младшего был направлен на возрождение славы этой семьи. Секста Помпея мало удовлетворяло то, что Юлий Цезарь назначил его главой рода; он мечтал на деле доказать, что достоин славы своего отца. После того как в марте 44 года до н. э. произошло покушение на жизнь Цезаря, завершившееся смертью императора, началась, как и следовало ожидать, гражданская война. Несмотря на то что Секст Помпей вполне мог претендовать на императорский титул (в силу знатности своей фамилии), он предпочел вместо политики заняться пиратством.

Выбор был удачен: Секст Помпей, образно говоря, стал тогдашним хозяином морей. Ему уже никакие распоряжения властителей Рима не были указом. Это и понятно: 300 кораблей, находившихся под его командованием, представляли собой настолько грозную силу, что с 43 по 36 год до н. э. он пользовался практически безграничной властью.

Золотой денарий с изображением Секста Помпея

По обычаям того времени, между прочим, пираты, которых брали в плен, должны были служить детям того, кто их пленил; после гибели Гнея Помпея они соответственно должны были печься о благе Секста Помпея. Узнав о том, что Секст хочет организовать пиратский промысел, эти корсары пришли в великий восторг: они могли заниматься любимым ремеслом и параллельно исполнять свои обязательства перед сыном Гнея Помпея. Благодаря этому Секст Помпей в короткое время сумел собрать изрядное войско буканьеров. Впоследствии известные киликийские корсары Мен и Менекрат, плененные его отцом, были назначены им адмиралами!

Уместно напомнить, что покойный Юлий Цезарь хоть и передал Сексту Помпею старшинство в его роду, но все колоссальные земельные владения Помпеев им были захвачены. Когда Секст Помпей начал создавать свою пиратскую рать, он, прежде всего, намеревался заполучить столько ценной добычи, сколько необходимо для выкупа семейных владений. Работу над созданием собственной пиратской армады Секст Помпей начал еще в 45 году до н. э., воплотить же в жизнь свой проект ему удалось после того, как в 43 году до н. э. римский сенат назначил его командующим морским флотом. Кроме того, в его ведении также находились и прибрежные поселения. Это была власть, вполне сопоставимая с прежним могуществом его поверженного отца. Очень скоро у Секста Помпея было уже 150 кораблей, что позволило ему взять под контроль практически все средиземноморские перевозки. Он начал богатеть не по дням, а по часам.

В августе 43 года до н. э. произошла узурпация власти Октавианом Августом. Секст Помпей, будучи сенатором и командующим флотом, должен был прийти на выручку сенату. Однако, хотя он и приютил практически всех видных патрициев, вынужденных бежать из Рима после переворота, но от прямого участия в противостоянии уклонился. Скорее всего, наблюдая за тем, как противостоят друг другу Октавиан Август и Марк Антоний, Секст Помпей почел за благо воспользоваться удобным моментом и создать свою – пиратскую империю! К нему стекались все видные корсары того времени, кроме того, искусным морякам из Африки, Испании и стран Востока Помпей неизменно оказывал самый радушный прием.

В итоге создалась довольно-таки своеобразная ситуация. Рим, владыкой которого уже был Октавиан Август, начал голодать. Ни один из многочисленных кораблей, стоявших на якоре в египетских портах с трюмами, до отказа набитыми всяческой снедью, не осмеливался покинуть порт из-за боязни перед пиратами. Октавиан Август чувствовал, что его престижу тем самым наносится существенный урон. В 42 году до н. э. он собрал собственный флот и

двинулся на Сицилию, намереваясь уничтожить штаб-квартиру пиратов и самого Секста Помпея. Однако где же его скверно обученным и наспех собранным экипажам было тягаться с блестящими профессионалами Секста Помпея!

Не сумев совладать с пиратами, Октавиан Август был вынужден отпустить цены на продовольствие – какие-то припасы еще доставлялись по суше, но их было явно недостаточно. В итоге в 39 году до н. э. разразились волнения бедноты. Октавиан Август всерьез задумался о том, чтобы добиться перемирия. По условиям договора Сексту Помпею доставалась южная Греция наряду с астрономической компенсацией за земли, отнятые у его отца. Он же, в свою очередь, должен был избавить от пиратских налетов торговые караваны. Однако в итоге все осталось по-прежнему. Октавиан, подсчитав сумму контрибуции, неожиданно сообразил, что Секст Помпей завладеет имуществом более изрядным, нежели то, которым владеет он сам. С другой стороны, и Секст Помпей не мог лишить работы своих корсаров, поскольку те немедленно вышли бы из повиновения ему, предпочтя действовать самостоятельно.

Октавиану Августу оставалось одно: создать по-настоящему профессиональный и могучий флот. Лишь с таким флотом он мог сразиться с Секстом Помпеем на равных. С 38 года до н. э. Октавиан Август начал планомерно осаждать Сицилию. Он прибегал к самым различным методам для достижения задуманного. Так, например, ему удалось подкупить Мена, одного из адмиралов Помпея. В результате у пиратов были отняты Сардиния и Корсика; порядка 60 кораблей были потеряны Помпеем. Однако в последовавших затем крупных морских битвах у Куме и в Мессинском проливе Секст Помпей явился триумфатором. Октавиан Август, лишившийся двух флотов, создал новый, но тот угодил в жесточайший шторм в Неаполитанском заливе и почти полностью был уничтожен. Сам Октавиан Август спасся лишь каким-то чудом.

Однако намерения своего уничтожить Помпея он не оставил. Осознав, что взять Сицилию с моря ему не удастся, он бросил на нее свои легионы, решив захватить цитадель пиратов с суши. Противостоять опытным римским легионерам пираты, конечно же, не смогли. Сицилия пала. Секст Помпей, таким образом, остался без своей основной базы, что заведомо обрекало его на поражение. На исходе 36 года до н. э. объединенный флот Октавиана Августа впервые разгромил эскадры Секста Помпея у Навлохуса.

Лишившись флота и Сицилии, Секст Помпей бежал в южную Грецию, оттуда перебрался через некоторое время на Лесбос. Понимая, что он постоянно находится в опасности, и страшась мести злопамятного Октавиана Августа, Секст Помпей направился в итоге в Малую Азию. Это было не слишком удачным решением, но иного выхода у него, похоже, уже не было. В результате Помпея угораздило попасть в руки солдат… Марка Антония, еще одного претендента на императорский титул. Плен оказался для Секста Помпея слишком тяжелым испытанием; не вынеся невзгод заключения, он скончался в 35 году до н. э.

Почти все пираты и оппозиционеры, служившие Сексту Помпею, стали пленниками Октавиана Августа. Аристократов он обязал уплатить ему внушительный выкуп, лиц простого звания отрядил на службу в войска, а рабов (историки сообщают о 30 000 человек) вернул прежним хозяевам. Те же рабы, чьих хозяев установить не смогли, были всенародно посажены на кол.

Аникет из Понта (Anicetus),

(69 г. н. э.), Греция

Понт – это северо-восточная область Малой Азии, примыкавшая к Черному морю. Аникет был избран лидером мятежа против римлян, поднятого в Понте. Ранее Аникет являлся ближайшим сподвижником царя Полемона II Понтийского. Царь назначил его командовать всем флотом. Однако вскоре после этого Понт был завоеван римлянами и в 63 году объявлен императором Нероном римской провинцией. Смириться с утратой независимости и своего положения Аникет не пожелал, решившись открыто противостоять власти римского императора на море.

Нерон продержался у власти недолго. После его вынужденной кончины власть вначале перешла к Вителлию, а потом к Веспасиану. Аникет удачно сражался с их кораблями; в 69 году он дважды выигрывал сражения у Веспасиана: у Понта и у Колхиды. Примерно в это же время он добился своего высочайшего триумфа, полностью уничтожив римский флот в неожиданной атаке у Аркадии (Греция).

Вскоре после этого Аникет решил стать пиратом и обеспечить длительное противодействие римлянам на море: топить их суда, разорять поселения. Для пущей эффективности своих набегов Аникет даже прибег к особому типу судов, называемому

камара .

Император Веспасиан, не пожелав терпеть пиратских бесчинств, направил своего лейтенанта Вирдиуса Геминуса захватить Аникета. Геминус начал охоту за пиратом. В устье реки Хоби (северо-западная Грузия) Аникет был вероломно пленен местными жителями, которые позднее продали его подоспевшим римлянам. За свои действия против римлян Аникет был тут же предан мучительной казни.

Пираты Средневековья

Авильда, или Алфилда (Awilda, Alfilda),

(4?? – 4??), Скандинавия

Авильда выросла в королевской семье в Скандинавии. Король Сивард, ее отец, всегда мечтал подобрать для дочери достойную партию. В итоге его выбор остановился на Альфе, кронпринце Дании. Каково же было разочарование старика-отца, когда он, сообщая эту радостную (для него!) новость дочери, услышал от нее категорический отказ. Авильда и близко не собиралась связывать свою судьбу с оранжерейным молокососом, пусть даже он и наследный принц! Однако король уже все организовал, а потому был непреклонен.

Что оставалось делать Авильде?

Конечно же, бежать!

Бесстрашная принцесса сговорилась со своими подругами, и они решили угнать из гавани корабль, на котором предполагали выйти в Балтийское море. Главное их желание было – отплыть как можно дальше от берегов отчизны, чтобы избегнуть возможной погони. Дочь хорошо знала своего отца и ни на мгновение не сомневалась, что, узнав о ее побеге, он немедленно прикажет вернуть ее обратно любой ценой.

Времена тогда были суровые (V век), и от каждого человека требовались особые умения наряду с железной волей и отвагой. У дочери короля и ее подруг всего этого было вдоволь. Они без труда завладели кораблем и смогли незаметно покинуть гавань.

Авильда. Гравюра Чарльза Эллмса

Через некоторое время они повстречали в водах Балтики пиратское судно. На этом судне царило некоторое смятение, поскольку не так давно скончался капитан, и теперь команда не могла прийти к единому решению: а что же им всем делать дальше и кто же теперь станет направлять их действия? Встреча с дерзкими скандинавскими моряками лишь увеличила смятение пиратов. Авильда, бросив на них всего лишь один взгляд, немедленно поняла, как ей следует действовать. Итог ее стратегии вполне показателен: через четыре дня вся команда ЕДИНОГЛАСНО проголосовала за нее на выборах нового капитана! Характерно, что по пиратским обычаям женщине вообще не пристало находиться на корабле. Однако пираты не только позволили Авильде и ее подругам остаться, но даже согласились служить под ее началом! И это было только начало…

(Ряд источников представляет развитие событий несколько иначе: Авильда одна, без подруг, проникла на борт пиратского судна, переодевшись простым матросом. Она так впечатляюще проявила себя, что, когда капитан внезапно скончался, команда решила сделать ее капитаном.)

Видимо, Авильда была пиратом уже от природы. Она так вышколила своих корсаров, что через некоторое время это был лучший экипаж на Балтике! Пираты, ведомые Авильдой, невероятно успешно охотились в прибрежных водах Скандинавии, доставляя немалые хлопоты властям и простым жителям. Особой же ее любовью пользовалось побережье Дании – понятно, почему. Прошло совсем немного времени, и Авильда прославилась на всю Скандинавию.

В конце концов, известия о разгуле пиратов достигли датского короля. Он разгневался и поручил своему сыну (тому самому кронпринцу Альфу!) подготовить корабли, взять лучших людей и как можно быстрее изловить морских разбойников!

Кронпринц оказался славным капитаном и отважным воином. Он без особого труда напал на след Авильды и принудил ее вступить в бой. Несмотря на то что экипаж Авильды сражался, не жалея себя, датчанам не только удалось проникнуть на палубу, но и добиться существенного перевеса в рукопашной. Авильда, наблюдая с капитанского мостика за ходом сражения, не могла не обратить внимания на картинного и статного красавца, сражавшегося в первых рядах. Узнав о том, что это и есть пресловутый кронпринц Альф, от свадьбы с которым она не так уж и давно с презрением отказалась, Авильда утратила самообладание. Ее сердце вмиг воспылало любовью к принцу, и она приказала своим людям прекратить сопротивление, а потом во всеуслышание объявила принцу о том, что согласна выйти за него замуж.

Согласно же другим источникам, Авильда и несколько ее уцелевших людей были схвачены. Когда ее подвели к принцу Альфу, с ее головы сорвали боевой шлем, и она осталась в одних латах, вперив в лицо принца испепеляющий взор. Тот долго не мог отвести от нее глаз, а потом… тихо предложил ей свои руку и сердце. Гордая дева, помолчав еще несколько мгновений, ответила согласием. Более того, она пообещала принцу впредь не ступать на путь порока и оставить пиратское ремесло навсегда!

В итоге счастью молодых не было предела, особенно же радовался датский король: он одним

махом и о внуках позаботился, да и с пиратами сумел разобраться. После этого он мог с чистой совестью сложить с себя королевские полномочия в пользу сына, что и сделал.

Это ли не чудо?!

Вимунд (Wimund)

(11?? – 11??), Англия

Вимунд – это английский пират в сане епископа, что встречалось не часто даже по тем временам! Он прошел обучение в знаменитом Фёрнусском аббатстве. Это был подлинный оплот цистерцианства.

Монашеский Орден цистерцианцев возник в XI столетии в результате раскола в Ордене бенедиктинцев и существует, кстати, по сей день. Немало поспособствовал созданию нового Ордена Бернард Клервосский, вследствие чего цистерцианцев также называли бернардинцами. Устав бернардинцев отличался аскетизмом. Монахам надлежало проводить свои дни в созерцании и молитвах. В их кельях не было иных ценностей, кроме книг Священного Писания.

Уильям Ньюбургский в 24 главе своей «Истории Англии» (XII в.) приводит о Вимунде следующие сведения: «Этот человек родился в Англии и был самого низкого происхождения. После приобретения первых навыков в литературе, не найдя средств, чтобы оплачивать свое содержание в школе, и имея некоторые знания об искусстве письма, он поступил в писчую контору, обслуживавшую каких-то монахов. Вслед за тем он выбрил тонзуру в Фёрнессе (Furness) и вел монашескую жизнь. Когда он получил доступ к достаточному числу книг, то, располагая досугом и обладая тремя замечательными качествами – горячим темпераментом, прекрасной памятью и достаточным красноречием, он выдвинулся столь быстро, что на него стали возлагать самые большие надежды. Спустя некоторое время он был послан к братьям на остров Мэн, и он так понравился варварским местным жителям мягкостью своего обращения и открытостью своего лица, будучи при этом еще и высоким и сильным, что они просили его стать их епископом и получили желаемое». Современные историки определили, что наиболее вероятное время пребывания Вимунда на острове Мэн в качестве епископа это 1134–1140 годы. Для молодого человека его происхождения взлет карьеры был просто поразительным. Мало кто в его годы удостаивался подобной чести. Теперь надлежало выработать грамотную стратегию, чтобы закрепить достигнутый успех, не преступив при этом устава взрастившего его Ордена. Уильям Ньюбургский далее пишет: «…Теперь он был окрылен успехом и начал строить великие планы. И поскольку он обладал высокомерным языком и самым гордым сердцем, то, не довольствуясь достоинством своего епископского звания, он замыслил совершить еще более великие и замечательные дела. В конце концов, собрав отряд нуждающихся, но отчаянных людей и не боясь праведного суда, он выдал себя за сына графа Морея (Moray) и утверждал, что он был королем Шотландии и был лишен наследства своих отцов. Он утверждал, что в его намерения входит не только отстаивать свои права, но и отомстить своим врагам, и он выразил желание, чтобы эти люди были его сотоварищами и в его бедах и в его удачах, и хотя его предприятие и будет сопряжено с трудами и опасностями, но еще больше будет славы и великих выгод. Все эти люди были совращены им и принесли ему присягу, и он начал свою безумную деятельность среди окрестных островов, и, став подобным могущему охотнику перед Господом, Нимроду, он забыл, что по своему епископскому званию ему надлежит быть подобным Петру – рыбаком среди людей».

Как и наиболее известные пираты грядущих времен, Вимунд с успехом действовал как на суше, так и на море. О том же свидетельствует и Уильям Ньюбургский: «…Каждый день он возглавлял войско своих сподвижников, среди которых выделялся своей высокой головой и широкими плечами, и, подобно разным могучим полководцам, он воспламенял их рвение. Затем он сделал набег на провинции Шотландии, опустошив грабежами и убийствами все, что находилось перед ним, но всякий раз, когда королевская армия выступала против него, он уклонялся от военных столкновений, либо уходя в отдаленные леса, либо удаляясь в море, но, как только войска уходили, он вновь появлялся из своих убежищ, чтобы разорять эти провинции.

Но пока он был так удачлив во всем и стал предметом ужаса даже для короля, один епископ, человек исключительной простоты, время от времени давал отпор его дерзости. Когда этому епископу угрожали, что изведут его войной, если он не будет платить дань, то он ответил: „Путь будет воля Божья, но на моем примере ни один епископ никогда не будет платить дань другому“. После чего он вдохновил своих людей только в вере, поскольку во всех остальных отношениях он был значительно слабее, и когда тот предпринял яростное вторжение, то выступил ему навстречу и, чтобы воодушевить своих людей, самолично нанес первый удар в этой битве. И, кинув маленький топорик, он, с Божьей помощью, опрокинул своего врага, который ехал впереди всех, на землю. Обрадовавшись этому, его люди обрушились на грабителей и, убив их в большом количестве, заставили позорно бежать их свирепого предводителя».

Невероятный успех, способствовавший ему, и большая власть которой он пользовался, спустя некоторое время повлияли на Вимунда таким образом, что у него развилась чуть ли не мания величия. Уильям Ньюбургский пишет: «…Вимунд впоследствии с шутливым хвастовством говорил среди своих людей, что только один Бог способен победить его верой простого епископа. Это обстоятельство я узнал от человека, который был одним из его воинов и который бежал в тот раз вместе с другими. Однако, восстановив свои силы, он так разграбил острова и провинции Шотландии, как еще никто не делал до него. Поэтому король был вынужден успокоить грабителя и принял мудрый совет действовать против гордого и искусного врага хитростью, поскольку в этом случае сила не принесла никакой пользы. Поэтому, уступив ему одну провинцию, вместе с монастырем Фёрнесс, он на некоторое время приостановил его набеги, но в то время, когда тот гордо отправился в назначенную ему провинцию, окруженный подобно королю своей армией и сурово настроенный против того самого монастыря, в котором стал монахом, нашлись люди, которые не могли выносить ни его власть, ни его наглость и которые, с согласияноблей, подготовили ему ловушку. Получив благоприятный шанс, когда он ехал медленно и почти в одиночестве, поскольку основной отряд был им послан вперед для обустройства на месте, они схватили и связали его, и поскольку оба его глаза были дурными, то они лишили его их обоих, и, гарантируя себя от всяких будущих неприятностей, они, ради королевства Шотландии, но не ради Царства Небесного, сделали его евнухом».

Вот так, в один миг, Вимунд лишился всего величия, что было ему ниспослано свыше. Впрочем, это был на редкость крепкий духом человек. Если верить заявлению Уильяма Ньюбургского, то Вимунд «…впоследствии… пришел… в Биланд и спокойно прожил здесь много лет до своей смерти. Но передавали, что даже здесь он говорил, что если бы у него был хотя бы воробьиный глаз, то его враги имели бы мало оснований радоваться тому, что сделали с ним».

Как видите, Вилунд остался верен себе до конца…

Монах Юстас (Eustace the Monk)

(ок. 1170–1217), Франция

Монах Юстас, которого больше знали под прозвищем Черный Монах, неплохо проявил себя, добившись многого. Он не только был способным и удачливым пиратом, но еще также владел магией. Благодаря выдающимся успехам на море, он даже выполнял обязанности адмирала. Его пиратские рейды в основном распространялись на Ла-Манш, но частично захватывали и Атлантику.

О Черном Монахе начали складывать легенды еще при жизни.

В первую очередь, это касалось его мореходных умений. Судя по всему, он действительно управлял кораблем получше многих, в противном случае едва ли бы ему как капитану посвятили целую поэму!

Ходили упорные слухи о том, что Черный Монах якобы активно общался с подозрительными мусульманами из Толедо. Те мастерски владели черной магией, а потому смогли преподать ее основы и своему приятелю. Многие клятвенно утверждали, что видели, как Черный Монах силой черной магии делает свой корабль невидимым! Благодаря этому он мог скрыться от любой погони и атаковать кого и когда угодно. Понятное дело, что Черный Монах и не думал опровергать столь лестные о себе слухи – уж очень они были ему на руку!

Его путь в пираты был предопределен с самого начала. Хоть он был и благородного происхождения, но его отец, обедневший булонский дворянин, был не в силах обеспечить сыну не только достойное образование, но даже и приличные условия жизни. Поэтому мальчик был очень рано отдан на воспитание в монастырь, а потом был в услужении у некоего графа.

Несмотря на юные годы, в Юстасе уже тогда был силен бунтарский дух. Уже одно то, что ему, дворянину, приходится кому-то прислуживать, доводило его до белого каления. Молодым людям практически никогда не удается достаточно долго скрывать свой бушующий темперамент. Не составлял исключения в этом плане и Юстас. Его дерзкие вспышки неповиновения следовали одна за другой, пока все не кончилось тем, что от его услуг отказались. Граф, прежний работодатель Юстаса, позаботился о том, чтобы практически все узнали о том, что молодой человек – неисправимый смутьян, от которого лучше держаться подальше, а не то что принимать на работу. Очень быстро обнаружив, что в родных краях у него просто нет шансов выжить, Юстас решил порвать все связи с ненавистным ему обществом и уйти в пираты, бросив тем самым вызов всему миру.

У него не было тогда знакомых, которые могли бы его порекомендовать. Оставался один путь – стать наемником. Услуги наемников всегда были в цене, а уж тогда в особенности. Тогда как раз шла война между французами и англичанами, поводом для которой послужил конфликт между английским королем Джоном и французским монархом Филиппом II Августом, посягнувшим на владения британской короны во Франции. Как известно, наемнику чуждо понятие гражданской совести. Он служит тому, кто может заплатить больше. Юстас, вдоволь познавший унижений, мечтал обрести богатство и славу. Прознав о том, что королю Джону служить выгоднее, он мгновенно переметнулся на его сторону и верно служил тому на

протяжении целых семи лет. То, что он стал предателем собственной страны, нисколько его не заботило.

Любопытно, что, когда благодаря щедротам короля Джона под началом Юстаса была уже целая эскадра, его бедные булонские родственники в лице любимого дядюшки и родных братьев тут же примкнули к нему, образовав нечто вроде семейного предприятия. Эскадра Юстаса практически контролировала все побережье Франции; иногда же дерзость пирата-наемника доходила до того, что он поднимался вверх по течению Сены, разоряя все прибрежные населенные пункты.

На семейном совете было решено устроить базу на Нормандских островах. Эти острова были захвачены и, по сути, стали личным владением Юстаса. Вот так, очень быстро, он добился желаемого: у него были свои земли (пусть даже и островные), он более не знал нужды в деньгах (ценной добычи было предостаточно!), а также командовал одной из самых мощных боевых эскадр.

Казалось бы, что ему еще желать?

Однако в Юстасе вновь проявился бес противоречия.

Вместо того чтобы почитать своего благодетеля – короля Джона, Юстас Черный Монах стал нападать не только на все французские суда, но еще и на… английские. Постоянное везение убедило его в полной безнаказанности, и он вел себя так, словно сам черт ему не брат!

Как бы то ни было, но, стоило королю Джону прознать о том, что его фаворит принялся грабить уже его собственные корабли, он пришел в большой гнев. Будь его венценосный работодатель чуть менее прозорлив и мудр, Юстас бы немедленно угодил в опалу, а возможно, и заплатил бы головой за свои художества. Однако король Джон, проанализировав ситуацию, вынужден был признать, что, если он удалит Юстаса от дел, ситуация на море мигом начнет складываться в пользу Франции – на тот момент конкурентов, способных сравниться с Монахом Юстасом, просто не было. В итоге король сменил гнев на милость и помирился с Юстасом.

Но это еще не все!

Юстас, помимо прощения, получил от хитрого монарха целую коллекцию даров. Они оказались настолько ценными, что, продав их, Черный Монах сумел приобрести целый дворец в самом центре Лондона. Надо сказать, что к этому времени он был женат и имел дочь. Теперь он легко мог позволить себе все то, что было недоступно его собственному отцу. Юное чадо Монаха Юстаса обучалось в школе для девиц наиблагороднейшего звания и даже в столь нежном возрасте считалось одной из самых богатых невест в Британии.

Но время не стояло на месте. Семи лет ожесточенного противостояния и горьких поражений на море французскому королю вполне хватило для того, чтобы понять: в этой игре могут участвовать двое, нужно лишь предложить побольше!

Филипп II так и поступил.

Кроме того, он позаботился и о поддержке Высших Сил. Благодаря искусным переговорам, ему удалось склонить на свою сторону римского папу. Папа во всеуслышание осудил позицию Британии и действия короля Джона, объявив о том, что намерен всячески поддерживать Филиппа II.

А Черный Монах, судя по всему, получил от французского короля настолько серьезное предложение, что предпочел распроститься со своим лондонским дворцом и положением в свете. В 1212 году он, сопровождаемый многими другими французскими корсарами,

официально принял сторону французского монарха. В отместку король Джон, до глубины души потрясенный предательством Юстаса, приказал королевскому флоту напасть на Нормандские острова и разорить тамошнюю базу пиратов. Его приказ был в точности исполнен.

Узнав о происшедшем, Черный Монах поклялся жестоко отомстить. А через некоторое время (в 1215 году) и удобный случай представился. Черный Монах захватил жемчужину владений короля Джона – Фолкстон и разграбил этот стратегически важный город вчистую.

Параллельно у короля Джона возникли новые неприятности, а именно – гражданская война, развязанная его противниками. В руках восставших очень быстро оказалась южная Англия, управлять которой они предложили принцу Луи Парижскому, сыну Филиппа II Августа и будущему, кстати, французскому королю (он правил впоследствии под именем Луи VIII). Тот, естественно, с радостью согласился принять их предложение и высадился со своим десантом на побережье Англии.

Чтобы высадка прошла успешно, Монаху Юстасу было предложено взять под контроль Ла-Манш. Пират-перебежчик, еще совсем недавно приводивший в ужас побережье Франции, теперь с неменьшим пылом принялся за англичан. На протяжении целого года французское влияние в этом регионе было неоспоримым. Но в 1216 году произошло событие, которое существенно повлияло на баланс сил. Король Джон, не выдержав нервных потрясений, предательства своих поданных и прочих тягот существования, безвременно скончался. На престол заступил его сын, Генрих III. Удивительно, но молодой наследник пользовался куда большей популярностью, нежели его покойный батюшка. При известии о его коронации значительная часть британских оппозиционеров оставила ряды воинства Филиппа II и присягнула новому королю.

Узнай об этом Монах Юстас, он, возможно, сумел бы использовать происшедшее в свою пользу. Но в этот раз удача, судя по всему, оставила его: уж слишком долго он ее испытывал… Изменение баланса сил в пользу англичан срочно потребовало свежих резервов. Черный Монах, по прежнему выступавший на стороне Филиппа II, предоставил суда своей внушительной эскадры для переправки через Ла-Манш французских подкреплений.

Видимо, известия об этом дошли до англичан. И вот, в 1217 году Генрих III приказал снарядить самые лучшие корабли и уничтожить пиратскую эскадру. Англичане имели все шансы рассчитывать на победу. Во-первых, казалось им, пираты едва ли будут готовы к внезапному нападению (что верно, то верно: Черный Монах не допускал и мысли, что кто-то осмелится бросить ему вызов в «его» владениях, а потому давно уже не предпринимал никаких мер дополнительной безопасности!). Во-вторых, было очевидно, что все пиратские суда окажутся нагруженными людьми и пушками до такой степени, что об их завидной маневренности и быстроходности не будет и речи!

В августе 1217 года английский флот под командованием Хьюберта де Бурга, вышедший из Дувра, напал на пиратов. Надежды англичан на внезапность нападения не слишком-то оправдались. Пираты ходили под началом Юстаса достаточно долго, чтобы набраться соответствующего опыта. Завязалась упорная баталия. Пираты яростно атаковали англичан, даже не помышляя о том, чтобы сдаться, и постепенно начинали брать верх. И тут англичане проявили себя не только искусными стратегами, но еще и на редкость коварными противниками. Несколько уцелевших английских кораблей зашли в пылу схватки с наветренной стороны и стремительно атаковали эскадру Черного Монаха. Основное внимание при этом было ими уделено, конечно же, пиратскому флагману, на борту которого находился сам Юстас. Подобравшись ближе к кораблю Черного Монаха, англичане извлекли из трюмов мешки с известью и стали распылять ее по воздуху в направлении флагмана пиратов! Пираты, уж точно не ожидав подобного подвоха, были ослеплены и дезориентированы. Совладать с полностью утратившими боеспособность корсарами

англичанам оказалось проще простого. Почти все пиратские корабли были захвачены англичанами. Однако Черному Монаху и еще нескольким судам удалось уйти.

Однако потом, неизвестно почему, Юстас оказался в одиночестве; а 24 августа 1217 года у Сандвичевых островов его корабль был атакован еще одной мощной эскадрой англичан и захвачен. Экипаж, включая Черного Монаха, полностью оказался в плену. Знаменитого корсара англичане схватили, когда он пытался спрятаться в трюме.

Судьба пленников была примечательной. Среди тех, кому Черный Монах предоставил свои суда, находилось немало французской знати. Это были люди зажиточные и вполне готовые уплатить щедрый выкуп за свое освобождение. После того как поступил выкуп, они были отпущены.

Казалось, Черный Монах имел и на сей раз неплохие шансы выпутаться из беды. Уж он-то мог предложить за освобождение – свое и команды – поистине царскую цену! Однако ничего не вышло. Английские моряки действовали в строгом соответствии с полученными инструкциями, а кроме того, само имя Черного Монаха было им ненавистно до такой степени, что в данном случае о выкупе не могло быть и речи. Тотчас по своем пленении все пираты, включая Черного Монаха, были тут же отделены от прочих и преданы смерти.

Альв Эрлингссон (младший) (Alv Erlingsson)

(ок. 12?? – 1290), Норвегия

Альв Эрлингссон – влиятельный норвежский барон и эрл. Будучи приближен к трону, он стал фаворитом королевы. Несмотря на это, он не мог отказать себе в удовольствии от охоты на немецкие корабли. Он беспощадно их преследовал, брал на абордаж и грабил. Его предпочтения не ограничивались немцами. Запомнилось его нападение на герцога Хакона. Герцог был младшим братом самого короля Норвегии, но даже это не остановило Эрлингссона. А однажды он в одиночку напал на Данию, всерьез полагая, что сможет захватить целую страну! За свои преступления на море и нежелание хоть как-то образумиться и вести себя в соответствии со своим титулом и положением, Альв Эрлингссон был отправлен в бессрочную ссылку.

Клаус Штёртебеккер (Klaus Stortebekker)

(1360 – 20 октября 1401), Германия

Клаус Штёртебеккер – немецкий пират, бывший лидером братства приватиров, члены которого именовали себя: «Братья Витальеры». Этих морских воителей специально наняли в ходе войны между Данией и Швецией. Сражались «Братья Витальеры» на стороне Швеции. В их задачу входило нападение на любые датские корабли, а также доставка продовольствия в Стокгольм. После завершения войны они продолжили пиратствовать на море.

Имя Клауса Штёртебеккера, о котором на самом деле известно немногое, овеяно легендами. Впервые Штёрте… беккер (Stortebekker на старогерманском – тот, кто осушает сосуд одним глотком; рассказывали, что Клаус, не прерываясь, мог вобрать в себя содержимое 4-литровой бадьи с пивом!) упоминается в 1398 году, когда он и другие приватиры устроили на острове Готланд в Балтийском море свою базу. База Клауса на острове представляла собой отличную

позицию для нападения на богатые ганзейские суда. Естественно, приватиры вовсю использовали столь выгодную в стратегическом отношении позицию.

Монумент Клаусу Штёртебеккеру (Гамбург)

В 1401 году эскадра «Братьев Витальеров» была застигнута у острова Гельголанд целым флотом кораблей под командованием Симона Утрехтского. Сражение было неравным; Клаус и 73 члена его команды были взяты в плен. Предводитель «Братьев Витальеров» предложил за освобождение доставить в Гамбург золотую цепь такой длины, что ею можно будет обернуть весь город! Однако мэр Гамбурга был непреклонен. Суд живо приговорил пиратов к смерти через обезглавливание. Согласно легенде, Клаус предложил мэру следующее условие: он первым взойдет на помост для казни для того, чтобы палач отсек ему голову. Но потом… он встанет и пойдет вдоль выстроенных шеренгой своих людей. Те, кого ему удастся миновать, должны быть помилованы. Штёртебеккеру пообещали соблюсти условия договора. Тело Клауса, лишившись головы, некоторое время покоилось, но потом пришло в движение и… пошло! Оно, к ужасу всех собравшихся полюбоваться на казнь, миновало 11 стоявших пиратов, но тут палач, пришедший в себя, кинулся вперед и поставил подножку. Тело Клауса упало и более уже не поднялось. Мэр, еще трясущийся от страха, поинтересовался у палача, не утратил ли тот присутствия духа после столь необыкновенного происшествия. Палач уверил мэра, что ему достанет сил для того, чтобы обезглавить всех оставшихся. Казнь продолжилась. Все 73 пирата были обезглавлены, включая и тех, кого, по условию, должны были помиловать. Палача спросили, не слишком ли он устал после столь изрядных трудов. Осатанев от пролитой крови, палач рявкнул, что он полон сил и с удовольствием может лишить голов хоть всю чиновную братию! За столь дерзкие слова его схватили, затащили на помост, и младший член магистрата собственноручно лишил его головы.

Нет слов, легенда хороша!

Клаус Штёртебеккер в битве у Гельголанда. Гравюра из собрания гамбургского архива

Пленного Клауса Штёртебеккера доставляют в Гамбург

Клаус Штёртебеккер. Современная реконструкция

Казнь «Братьев Витальеров»

Барельеф Клаусу Штёртебеккеру в Вимаре

Впрочем, некоторые современные историки полагают, что казнь имела место не тогда, в 1401-м, а годом ранее. При этом они ссылаются на обнаруженный в архивах магистрата любопытный документ. Это счет за погребальные работы (а именно – предание земле тел

казненных); из документа следует, что в 1400 году 30 моряков из «Братьев Витальеров» были приговорены к смерти и обезглавлены. Но данному выводу противоречит несколько фактов. Во-первых, Клаус был погребен вместе со всеми членами команды; ввиду этого, счет за услуги должен был затрагивать не 30, а 74 погребенных тела. Кроме того, сражение пиратов с Симоном Утрехтским состоялось именно в 1401 году, а потому Клаус и его витальеры не могли быть казнены в 1400 году. Правда, есть еще датируемая этим же годом запись об атаке на «Братьев Витальеров», осуществленная в августе 1400 года ганзейским флотом под общим командованием Германа Ланге и Николауса Шёке. Однако указан лишь сам факт этого столкновения, без каких-либо подробностей. Народная память сохранила имя Клауса Штёртебеккера, которого считают выразителем протеста бедноты против разжиревших от алчности ганзейских купцов, символизирующих силы капитала. В его честь установлен бронзовый монумент в Гамбурге, а в Вимаре – картинный барельеф. «Братья Витальеры» не оказались забытыми и в литературе: существует одноименный роман Вилли Бределя, главным героем которого является, естественно, Клаус Штёртебеккер.

Череп Клауса Штёртебеккера

(обнаружен в 1878 г.)

Бальтазар Косса (антипапа Иоанн XXIII)

(Baldassare Cossa (Antipope John XXIII))

(ок. 1370 – 22 декабря 1419), Италия

Бальтазар Косса – личность поистине примечательная! Это был человек духовного сана, что не помешало ему в разное время быть обвиняемым в убийствах, занятиях пиратством, инцесте, содомии и прочих грехах. Когда в Ватикане наступил раскол, он живо к нему примкнул, став наряду с Григорием XII вторым папой (именно поэтому его нередко величают антипапой Иоанном XXIII). Он был в этом звании с 1410 по 1415 год.

Невольно напрашивается вопрос, а как же его вообще угораздило стать пиратом? В сущности, ничего не было проще!

Бальтазар Косса

Братом Бальтазара был Гаспар Косса. Тринадцатилетнему Бальтазару было с кого брать пример. За плечами брата было много рейдов, он слыл заслуженным корсаром. Сочтя однажды, что его младшему брату пора преподать необходимые уроки жизни, он прихватил Бальтазара с собой. Младшенький – неожиданно для самого себя – ощутил, что пиратская жизнь влечет его к себе просто с небывалой силой! Он наряду с другими нападал на корабли, поджигал, грабил, захватывал заложников (отдавая предпочтение женщинам и девушкам). По числу любовниц юный пират оставил далеко позади взрослых мужчин.

Между тем матушка Косса, с ужасом наблюдая за тем, в какую пропасть скатываются ее сыновья, сильно горевала и кручинилась. Ну по поводу старшего она никаких иллюзий уже не питала, а вот за душу младшего хотела непременно побороться.

Сын внял мольбам матери и легко поступил на теологический факультет Болонского университета. В стенах университета Бальтазар Косса затмил всех в учебе, а также был непререкаемым авторитетом по части любви. Поговаривали, что ему удалось отведать чуть ли не всех девственниц и замужних женщин Болоньи. Наверное, доля истины в этом была, поскольку скоро Бальтазар вляпался в настолько неприятную историю, в которой был замешан некий обманутый муж, что ему пришлось в срочном порядке спасаться из Болоньи бегством. Его укрыл в своем доме кардинал ди Санта-Кьяра. Там уже и так пряталась его аристократическая любовница Яндра дела Скалла, обвиненная священной инквизицией в колдовстве.

Бальтазар воспылал к аристократке любовью и, проведя с ней одну ночь, пожелал вернуться на следующую. Однако шпионы инквизиции были на высоте, и едва стало смеркаться, как дом подвергся нападению. Оба были схвачены, несмотря на ожесточенное сопротивление. Их ожидал костер.

Но не тут-то было!

Бальтазар через одну из своих возлюбленных изловчился переправить весточку на волю своему брату. Тот собрал пиратскую рать да еще кликнул студентов, которые горой стояли за Бальтазара. Вся эта разношерстая и вооруженная орава напала на город и смела всю стражу, освободив юных пленников. После происшедшего речи о продолжении обучения и быть не могло, поэтому Бальтазар с Яндрой и самыми верными соратниками бежал в Пизу, где вернулся к занятиям пиратством.

Бальтазар Косса

Обладая неистовым темпераментом, он заряжал энергией и тех, кто с ним бок о бок плавал на корабле. Кстати, первый его корабль очень скоро превратился в целую эскадру. Корабли Бальтазара Коссы держали в непрестанном ужасе побережье Западной Африки, кроме того, они делали набеги на территории Испании, Франции и Италии, рискуя сходить на берег и грабить все виллы подряд. Обычно после разграбления Бальтазар Косса давал приказ предать строение огню. Но больше всего золота пиратам удавалось получить при разграблении церквей. Помимо этого, пираты еще преуспели в работорговле.

И вот, на исходе четырехлетнего периода пиратствования, эскадра Бальтазара угодила в губительный шторм. Этот шторм Бальтазар впоследствии расценил как перст, указующий свыше. Он лишился всех кораблей и ценностей, потерял свыше 500 рабов и остался практически без команды. Спаслись лишь четверо: сам Бальтазар, Яндра и еще двое матросов, включая одноглазого великана Гуиндаччо Буанакорса. Когда еще волны метали утлую шлюпку со спасенными, Бальтазар дал обет уйти в лоно церкви. Пристав к берегу, небольшая группка направилась к городу, но была опознана жителями. Поднялась тревога, и всех схватили.

Но одновременно на престол в Ватикане взошел папа Бонифаций IX, в миру – Петр Томачелли, друг юношеских забав Бальтазара Коссы. Он повелел освободить своего друга, а 27 февраля 1402 года назначил его кардиналом. Бальтазар, можно сказать, крепко запятнал свой сан непрерывными прегрешениями. Особенно же он усердствовал по любовной части. По указанию папы Бальтазар ездил по весям Италии, жестоко наказывая недовольных и поощряя отличившихся. И, конечно же, он совратил невероятное количество женщин. В дальнейшем он неуклонно восходил по карьерной лестнице, став в итоге папой.

Хенниг Вичманн (Hennig Wichmann)

(ок. 1370–1401), Скандинавия (Фризские острова)

Это еще один пират из сообщества «Братьев Витальеров». Совместно с Клаусом Штёртебеккером и магистром Вигболдом он участвовал в пиратских рейдах на Балтике и в Северном море. Особенное пристрастие Хенниг Вичманн питал к быстроходным плавсредствам. Он немало поэкспериментировал с различными кораблями, стремясь в итоге заполучить для себя такой, что был бы способен не только оставить позади, но и легко настичь практически любое ганзейское товарное судно. Немало поднаторев в рискованном пиратском ремесле, он очень скоро стал одним из лидеров «Братьев Витальеров».

В 1401 году он угодил в плен и был доставлен в Гамбург наряду с 73 моряками, что ходили под Клаусом Штёртебеккером. Как и его товарищи по оружию, он принял лютую смерть, будучи обезглавлен.

Магистр Вигболд (magister Wigbold)

(1365–1401), Скандинавия (Дания?)

Магистра Вигболда именовали Мастером Семи Искусств.

Этот достославный немецкий пират входил в содружество «Братьев Витальеров», лидером которого был бывший приватир Клаус Штёртебеккер. Во мнении многих пиратов Магистр Вигболд был, по сути, почти столь же значительной фигурой, как сам Клаус Штёртебеккер. Под его началом мечтали служить многие.

Одетстве и юности Вигболда почти ничего не известно. Он обучался в монастыре, где сумел овладеть множеством наук. Однако из монастыря он был неожиданно исключен. Причины и обстоятельства этого исключения весьма туманны и подозрительны. В дальнейшем Вигболд без особого труда поступил в Оксфорд, где и продолжил свое обучение. Впоследствии, когда он уже стал знаменитым пиратом и был деятельным участником всех рейдов «Братьев Витальеров», многие считали его мозгом всех пиратских операций. Вигболд, впрочем, отнюдь не стремился к пролитию крови. Он предпочитал торговлю. Захватить корабль, не пролив при этом ни единой капли крови, пленить всю команду с целью получения за них богатого выкупа и захватить груз, чтобы впоследствии выгодно его продать, – это была классическая стратегия Вигболда, кардинально отличавшая его как от предводителя витальеров Клауса Штёртебеккера, так и прочих выдающихся корсаров, например Гёдике Михельса.

Успешные рейды пиратов на Северном и Балтийском морях продолжались до тех пор, пока Ганзейская Лига не снарядила для их поимки большую военную эскадру. Решающее сражение произошло у острова Гельголанд. Для пиратов оно окончилось печально. Они все попали в плен и были доставлены в Гамбург, где их обезглавили при огромном скоплении народа.

Согласно некоторым источникам, Магистру Вигболду и Гёдике Михельсу удалось каким-то чудом спастись, и они с блеском продолжили дело «Братьев Витальеров» уже после того, как в 1401 году лидер сообщества Клаус Штёртебеккер принял мученическую смерть в Гамбурге вместе с 73 членами своей команды. Вигболд и Михельс грабили ганзейские суда еще около

года, словно стремясь жестоко отомстить за гибель своих товарищей, но в 1402 году они все-таки были схвачены и казнены все там же, в Гамбурге, где и остальные «Братья Витальеры».

Уильям Элейн (William Aleyn)

(14?? – 14??), Англия

Уильям Элейн – английский пират, бывший деятельным сподвижником знаменитого корсара Уильяма Кидда. Он совершал пиратские рейды вдоль южного побережья Англии, а также нападал на торговые суда, пересекавшие пролив Ла-Манш. Особенно же активными выдались для Элейна 1430–1448 годы.

В 1431 году он был впервые упомянут как инициатор грабительских рейдов на прибрежные селения на юге Англии. Удача ему сопутствовала, и он быстро начал располагать немалыми средствами. Это позволяло ему подкупать официальных лиц, в чьи обязанности входило следить за соблюдением порядка в регионе. В результате страдало простое население и терпели убыток торговые компании. Зато сам Уильям Элейн мог действовать совершенно безнаказанно.

В 1433 году он примкнул к Уильяму Кидду. Их первым рейдом стало нападение на четыре торговых корабля, следовавших из Руана с богатым грузом. Это положило начало их долгосрочному сотрудничеству. В 1448 году Кидд предложил Элейну любопытный, хотя и рискованный проект: подняться по Темзе, захватить все встреченные корабли, что будут стоять на якоре, а потом увести их к Ла-Маншу для дальнейшей перепродажи, например, французам. Известно, что Элейн невероятно храбро и находчиво проявил себя у Танета, портового города на Темзе. Тем не менее в дальнейшем его имя практически не упоминается нигде.

Барбаросса, Арудж (Aruj) (ок. 1470–1518),

Турция/Алжир

Барбаросса, Хайр-ад-Дин (Khair ad Din)

(ок. 1473 – 4 июля 1547), Турция/Алжир

Арудж и его младший брат Хайр-ад-Дин – влиятельные берберские корсары, грабившие корабли в Средиземном море.

Впоследствии они явились основателями берберских государств.

Прозвище Барбаросса – его возникновением братья были обязаны тому, что от природы были рыжебородыми. Базой этих пиратов являлся остров Джерба. Арудж, старший брат, был не слишком удачлив, но пользовался беззаветной любовью младшего брата. Когда Аруджа

схватили, и он оказался в тюрьме, его брат несколько лет пиратствовал, чтобы собрать выкуп для его вызволения.

Медаль, на которой выгравирован профиль Хайр-ад-Дина Барбароссы

После смерти Аруджа в 1518 году Хайр-ад-Дин активно пытался сохранить захваченные братом территории. Утратив полную над ними власть и контроль, он в 1525 году вернул их полностью. Ему активно помогал турецкий султан Сулейман I. Он предоставлял Барбароссе хорошо обученные отряды солдат, а также артиллерию. Через какое-то время последовательные усилия Хайр-ад-Дина привели к созданию изрядного корсарского флота. Этот флот внушал уважение и страх даже вездесущим испанцам.

Влияние Барбароссы росло, и в итоге он стал бейлербеем – вице-королем Северной Африки с охраной в 2000 янычар. А в 1533 году Барбаросса был назначен Сулейманом I капудан-пашой – начальником морских сил всей Османской империи. Начиная с 1535 года, он осуществлял руководство из Константинополя.

Летом 1537 года 250-галерный флот Барбароссы обрушился на побережье Южной Италии и разорил его. А в 1538 году его жертвой стала Генуя. Несколько позднее флот Барбароссы наголову разбил объединенную эскадру Венеции, Ватикана, Генуи и Испании. После такого поражения подвергать сомнению господство турок в Ионическом море никто бы уже не посмел.

В 1542 году Османская империя и Франция совместно противостояли испанскому королю Карлу V. Во главе отряда из 150 человек Барабаросса атаковал испанские владения в Южной Италии и захватил Реджо. При поддержке османского флота он впоследствии взял приступом Ниццу и жестоко этот город разграбил, в чем его потом всегда упрекали.

В 1544 году был заключен мир с испанцами, и флот Барбароссы двинулся домой, грабя все селения на островах у побережье.

В 1547 году Хайр-ад-Дин скончался в возрасте почти 80 лет.

Английские и голландские корсары. Пора расцвета (1580–1650)

Николас Алвел (Nicholas Alvel)

(15?? – 1603), Англия

Николас Алвел был английским пиратом, который выбрал довольно-таки своеобразную акваторию для своих занятий, а именно – Ионическое море. Он был капитаном корабля и плавал вместе с другим пиратом – Кристофером Олоардом.

Рейд, благодаря которому их деяния стали достоянием истории, состоялся в 1603 году. Им

удалось взять на абордаж и захватить два богатых венецианских корабля. Только потом они, видимо в силу недостаточной искушенности, вздумали отвести свои трофеи в Модону (Греция). Модона в тот момент находилась под властью османского паши. Тому никогда не было дела до христиан-пиратов. Однако известие о том, что в гавани Модоны среди бела дня спокойно стоят на якоре захваченные пиратами суда, достигли каким-то образом венецианских владений в Занте. А так уж вышло, что у дожей Венеции и у османского паши были общие интересы – настолько серьезные, что, когда венецианцы потребовали срочно принять меры по отношению к пиратам, османский паша приказал найти их и повесить. Так уж вышло, что в лапы местных карательных органов попал только Олоард, а Николас Алвел каким-то чудом смог спастись; впрочем, ни одного из захваченных кораблей ему увести с собой не удалось. Менее осмотрительный, а может, более беспечный Олоард был немедленно повешен.

Вполне вероятно, что скрывшийся Николас Алвел был одним из пяти корсаров, которые впоследствии подстерегли венецианского наместника, когда он со своим изрядным имуществом вознамерился вернуться домой, в Венецию. Корабль его был захвачен, имущество разграблено, а сам он был убит. Таковой оказалась месть корсаров за повешение Кристиана Олоарда.

Сэмюэль Экс (Samuel Axe)

(16?? – 16??), Англия (на службе Голландии)

Все именно так и было: Сэмюэль Экс был английским капером (или приватиром), состоявшим на службе Голландии. Отслужив в армии Нидерландов, Экс был направлен на остров Провиденс, где участвовал в возведении оборонительных фортов. У него не сложились отношения с тамошним начальством, и на несколько лет он предпочел перебраться в Гондурас. Тем не менее, когда в 1636 году на Провиденс напали испанцы, Экс немедленно вернулся и принял участие в отражении их сил. Впрочем, это длилось недолго.

В том же году он перешел на службу в английскую торговую компанию и в итоге с 1636 по 1641 год действовал уже только как капер, имея лицензию на захват кораблей тех государств, что находились в состоянии вражды с Англией. Карьера капера ему решительно удалась: в мае 1640 года он перевез в Англию завоеванное им имущество: золото, серебро, алмазы, индиго; все эти ценности покоились в трюме роскошного трофейного корабля, которым управлял Экс.

В дальнейшем Экс принял участие (естественно, в качестве приватира) в экспедиции к берегам Вест-Индии (Карибское море), которую возглавил капитан Уильям Джексон. Находился он в том регионе с 1642 по 1645 год. Особенностью экспедиции являлось то, что объединенным силам приватиров удалось захватить Ямайку!

Что стало с Эксом после этой экспедиции, неизвестно, поскольку никаких упоминаний о нем больше не было.

Хендрик Якобсон Люцифер

(Hendrick Jacobszoon Lucifer) (1583–1627), Голландия

Этот голландский корсар со столь запоминающимся именем действовал на Карибах. Вполне оправдывая свое имя, Люцифер обожал ошеломлять экипажи разграбляемых кораблей ураганной огневой атакой, подобной адскому пламени. Венцом его пиратской карьеры стало противостояние испанцам в районе побережья Кубы. Люцифер сам командовал тремя кораблями, вдобавок к нему примкнуло еще два пиратских капитана. Успешно разобравшись с испанцами, эскадра двинулась далее, но внезапно столкнулась с мини-караваном судов гондурасского казначейского флота. Несмотря на то что пиратам противостояло лишь два корабля, они встретили серьезное сопротивление. Гондурасцы нанесли серьезный урон пиратам, правда, они все-таки лишились одного судна. В трюме оказалось добычи примерно на миллион с четвертью голландских гульденов! Восторг пиратов омрачила лишь смерть самого Люцифера, получившего в баталии сразу же несколько смертельных ран.

Сэр Генри Мэйнуэринг (sir Henry Mainwaring)

(1587–1653), Англия

Этот человек примечателен уже хотя бы тем, что был… един в трех ипостасях. Он являлся офицером королевского морского флота, пиратом и автором книг. Довольно необычный букет профессиональных предпочтений!

Видимо, то, что Генри был внуком вице-адмирала Сассекса, многое предопределило в его судьбе. Свой первый корабль он приобрел в возрасте 25 лет, тотчас по завершении своего обучения в Оксфорде, где, кстати, он был удостоен степени в области юриспруденции. Однако еще годом ранее он благодаря связям своей семьи получил почетное, но крайне рискованное назначение: отыскать и пленить маститого пирата Питера Истона. Его поход завершился на редкость бесславно; видимо, сказалось полное отсутствие опыта в предприятиях такого рода.

Оказавшись собственником корабля, Мэйнуэринг приобрел лицензию на грабеж любых испанских судов, каковые ему встретятся в Карибском море. Не договорившись с арматорами по поводу финансирования его миссии на Карибах, он махнул на них рукой (как, кстати, и на свою лицензию) и отправился к берегам Марокко. Там он уже действовал как истинный пират! Ему удалось захватить так много испанских и прочих кораблей, что пираты этого региона избрали его своим адмиралом. На пике активности эскадра Мэйнуэринга насчитывала восемь кораблей при общей численности экипажа в 400 человек! Когда Марокко стало официальным владением Испании, адмирал пиратов переместился в Вильфранше, по-прежнему продолжая наносить существенный ущерб испанским торговым интересам. Король Испании вознамерился переманить его к себе на службу, предложив в награду щедрое жалованье в 20 000 золотых дукатов и пост наместника Туниса!

Мэйнуэринг гордо отверг предложение и наводил, как и прежде, ужас на испанцев. Все попытки его захватить были безуспешны. В 1616 году король Англии Джеймс I его помиловал, великодушно позволив оставить себе все, что пирату удалось захватить за эти годы. Чтобы отплатить своему королю ответной любезностью, Мэйнуэринг присоединился к карательной экспедиции, призванной покончить с берберскими пиратами, дерзко нападавшими на поселения на побережье Ла-Манша. Уже через два года он стал личным другом короля и был

удостоен рыцарского звания. В 1620 году Мэйнуэринга назначили лейтенантом Дувра, а годом позднее он стал членом парламента.

В дальнейшей карьере Мэйнуэринга были высокие посты, важные экспедиции. Кроме того, он оказался еще и успешным автором. Его шедевр терминологической систематики «Морской словарь» (1644) был на протяжении целого столетия самой популярной книгой этого направления.

Оливье ван Ноорт (Olivier van Noort)

(15?? – 22 февраля 1627), Голландия На свои средства ван Ноорт снарядил четыре корабля и сам стал во главе этой импровизированной эскадры. Идея всего предприятия заключалась в том, чтобы бросить вызов испанским корсарам, бороздившим просторы Тихого океана. Кроме того, предприимчивый арматор намеревался установить торговые контакты с Китаем, а также попробовать начать торговлю на Островах Пряностей. Наверное, это самое безумное предприятие подобного рода! Ван Ноорт вышел 2 июля 1598 года из гавани Роттердама, практически не имея серьезного вооружения и до хрипоты в горле бранясь с командой (в сущности, им же и набранной), которая отказывалась выполнять его команды. Казалось бы, этот вояж был обречен изначально. Однако судьба рассудила иначе. В итоге из четырех кораблей домой вернулся лишь один, «Маурицій», а общая численность экипажа сократилась с 248 до 45 человек. Однако при этом ван Ноорт умудрился захватить несколько кораблей как Испании, так и других государств, кроме того ему удалось отправить на дно фрегат «Сан-Диего», флагман испанской эскадры, сконцентрированной в районе Филиппин.

Судостроительная верфь голландской Ост-Индской компании

Когда в 1601 году Оливье ван Ноорт вновь ступил на родную землю, он практически уже был сочтен банкротом. В этом плане его участи не позавидуешь. Тем не менее, как отмечают историки, его фантастическое путешествие произвело настолько потрясающий эффект, что стало ярким примером для подражания другим мореходам Голландии. Многие специалисты полагают, что, не случись пиратского рейда ван Ноорта, то знаменитая голландская Ост-Индская компания (1602–1798), ставшая торговым монополистом по контактам с Индией, Японией, Китаем, Цейлоном, Индонезией, могла бы и не возникнуть!

Эра буканьеров (1650–1690)

Рок Бразилиано (Roche Braziliano)

(ок. 1630 – ок. 1673), Голландия

Рок Бразилиано – это кровожадный голландский буканьер, которого звали Роком Бразильцем,

или Роком Бразильским. Он охотился на суда в Карибском море, а вся его жизнь была связана с Ямайкой. Когда легендарный пират-летописец Эксквемелин повествовал о наиболее примечательных деяниях Рока Бразильца, тот по-прежнему обитал на Ямайке, время от времени участвуя в грабительских рейдах.

Характерно, что Эксквемелин не знал настоящего имени Рока Бразилиано. Нынешним историкам удалось установить, что пирата на самом деле звали

Геррит Герритсзоон . Его пиратская карьера продолжалась с 1653 по 1671 год. Согласно Эксквемелину: «…хотя он и был родом из Гронингена, но долгое время прожил в Бразилии. Когда Бразилия снова стала португальской, некоторые семьи покинули насиженные места и переселились кто в Голландию, кто на французские или английские острова и даже в Виргинию. Он отправился на Ямайку (в 1654 году. –

Авт .) и, не зная чем заняться и как добыть себе пропитание, подался к пиратам. Вскоре он стал известен под кличкой Рока Бразильца. Начинал Рок как рядовой пират. Ему удалось снискать уважение и собрать вокруг себя людей, которые взбунтовались против своего капитана, захватили его корабль и провозгласили капитаном Рока. Немного спустя они добыли себе корабль (мексиканский. –

Авт .), который с большой суммой денег шел из Новой Испании. Захватив его, пираты отправились на Ямайку. Эта удача создала Року среди пиратов большую славу, а сам он сильно возгордился. Перед ним стала трепетать вся Ямайка. Он был груб, неотесан и вел себя словно бешеная фурия. Когда он напивался, то как безумный носился по городу и немало перекалечил людей, которым довелось попасть ему под руку. Никто не осмеливался ему ни в чем перечить, только за глаза говорили, что он дурной человек. А у испанцев Рок стал известен как самый злой насильник и тиран. Однажды он посадил несколько человек на деревянный кол, а остальных связал и бросил между двумя кострами. Так он сжег их живьем, как свиней. А вина этих людей заключалась лишь в том, что они пытались помешать его черному делу и спасти свой свинарник, который он намеревался разграбить».

Рок Бразилиано

Несмотря на жестокий нрав, Рок Бразилиано имел серьезный авторитет. Многие пираты желали плавать под его началом. В 1669 году в надежде на богатую добычу он предпринял рейд на Кампече (порт на полуострове Юкатан, Мексика –

Авт.). Как пишет Эксквемелин: «…по пути разыгрался сильный шторм, корабль прибило к суше, и всей команде пришлось покинуть судно и высадиться на берег, причем люди захватили с собой только ружья и небольшой запас пороха и пуль. Место, на которое они высадились, находилось между Кампече и Тристе. Пираты отправились в сторону Тристе, где обычно чинились разбойничьи корабли. Дня через три или четыре, мучимые голодом, жаждой и тяготами трудного пути, пираты так истомились, что не смогли уже идти дальше. Тут, как назло, они повстречали сотню испанских всадников. Капитан Рок ободрил товарищей. Он сказал, что сдаваться ни в коем случае нельзя, лучше умереть, чем попасть в плен к испанцам. Пиратов было не более тридцати, все они были вооружены до зубов. Видя, что капитан их полон отваги, они решили, что лучше умереть всем вместе в бою, но в плен не сдаваться. Между тем испанцы быстро приближались. Пираты подпустили их поближе, чтобы стрелять наверняка, и залп оказался очень удачным. Бой продлился еще полчаса, и испанцы обратились в бегство. Пираты захватили несколько верховых лошадей, добили раненых

испанцев и двинулись дальше; потеряли они двух человек да двоих испанцы ранили. Верхом они добрались до берега и приметили недалеко в море испанскую барку с лесом. Пираты выслали шесть человек, чтобы сперва захватить каноэ, которое буксировала барка. Рано утром эти люди захватили каноэ, а затем пиратам удалось овладеть баркой. Провианта у них было очень мало, поэтому они перебили всех лошадей и засолили конину, разыскав на барке запасы соли. Они рассчитывали питаться кониной до тех пор, пока не найдут что-нибудь получше».

Вследствие неудачного результата, которым завершился второй поход Рока Бразилиано в Компече, ему и его команде было необходимо поправить свои дела. С этой целью они, придя в себя, вновь вышли в море. Однако давайте вновь предоставим слово Эксквемелину: «…прошло немного времени, и пирату удалось захватить корабль, который шел из Новой Испании в Маракайбо за какао. Он был гружен мукой и вез много денег. С этим-то грузом Рок и вернулся назад на Ямайку, где бесчинствовал со своей командой, пока у них не кончились все деньги. Этот пират принадлежал к тому сорту людей, у которого деньги никогда не лежат без дела, – такие люди пьют и развратничают до тех пор, пока не спустят все до последнего гроша. Некоторые из них умудряются за ночь прокутить две-три тысячи реалов, так что к утру у них не остается даже рубашки на теле. Я знал на Ямайке одного человека, который платил девке пятьсот реалов лишь за то, чтобы взглянуть на нее голую. И такие люди совершают много всяческих глупостей. Мой бывший господин частенько покупал бочонок вина, выкатывал его на улицу, выбивал затычку и садился рядом. Все шедшие мимо должны были пить вместе с ним – попробуй не выпей, если тебя угощают под ружейным дулом, а с ружьем мой господин не расставался. Порой он покупал бочку масла, вытаскивал ее на улицу и швырял масло в прохожих прямо на одежду или в голову.

Друг к другу пираты относились заботливо. Кто ничего не имеет, может рассчитывать на поддержку товарищей. У пиратов был кредит и среди трактирщиков. Но на Ямайке кредиторам верить нельзя: ведь за долги они могут запросто тебя продать, и я сам тому не раз был свидетелем. В конце концов продали даже того пирата, который так щедро расплачивался с девкой. Сперва у него было три тысячи реалов, а не прошло и трех месяцев, как его самого продали за долги, и как раз тому, в чьем доме он промотал большую часть своих денег».

Рок Бразилец всегда легко и беспечно расставался с награбленной добычей. Всякий раз после этого он отправлялся на новую охоту. Так случилось и теперь. Бразилец опять решил отправиться к мексиканскому побережью, в Кампече. Важно упомянуть, что это был уже далеко не первый вояж Бразилиано в Кампече, и он, как и первый, завершился не слишком удачно. Однако если в прошлый раз пирату пришлось достаточно долго плутать по пустыне, изнемогая от голода и жажды, то новый поход завершился тем, что пират был пленен, и его даже собирались переправить в Испанию для суда и казни. Рок Бразилец передал властям письмо, в котором грозил, что, если с его головы хоть один волосок невзначай упадет, пираты разорвут на клочки всех испанцев, что находятся у них в плену. Потом же он, связавшись со своими сподвижниками, договорился с ними о подготовке побега, улучил подходящий момент и преспокойно сбежал с этапа, благополучно вернувшись в конце концов на Ямайку. Вот что сказано об этом походе у Эксквемелина: «Он добрался туда меньше чем за четырнадцать дней и пересел на каноэ, чтобы пройти к рейду Кампече в надежде встретить какой-либо корабль. Но тут ему не повезло – его самого вместе с каноэ и командой захватили испанцы. Он тотчас же был доставлен губернатору, который приказал посадить его в темную камеру на хлеб и на воду. Губернатор охотно повесил бы его без малейшего промедления, но не решался, опасаясь, как бы этот пират, отличавшийся необыкновенной хитростью, не выкинул какую-нибудь штуку. А Рок сделал так, что губернатору вручили письмо; писал он его сам, но все было сделано так, чтобы убедить губернатора, будто написано оно товарищами узника. Губернатору угрожали и предупреждали его, что если он причинит хоть малейшее зло прославленному Року, то пираты не дадут пощады ни одному испанцу. Получив такое письмо,

губернатор, вероятно, сообразил, что вокруг его шеи затягивается петля: ведь разбойник был действительно очень известен. Это был самый знаменитый пират Ямайки, к тому же не раз он совершал набеги на Кампече. Поэтому губернатор решил отправить его с первым же галионом в Испанию, взяв с него клятву, что он больше никогда не станет разбойничать. На прощание губернатор пригрозил, что, если он попадется снова, его тут же повесят. Пират пробыл в Испании недолго. Все время он искал удобного случая вернуться на Ямайку. Еще на пути в Испанию он раздобыл у рыбаков пятьдесят реалов, купил себе одежду и другие необходимые вещи и вернулся на Ямайку. Прибыв туда, он прославился еще более жестокими грабежами и причинил испанцам множество бед – уж на это он был способен».

По возвращении домой Рок не думал предаваться безделью. Для него ни о каком завершении карьеры и речи быть не могло! Более того, в дальнейшем он, видимо рассудив в пользу заключения союза с видными корсарами, работал совместно с Франсуа л’Олонэ и самим Генри Морганом, всегда удостаиваясь своей доли добычи, на размер которой ему никогда не приходилось жаловаться!

Мануэль Бутьенс (Manuel Butiens)

(16?? – 16??), Голландия (на службе Испании)

За Бутьенсом числится всего один реальный пиратский рейд, хотя это отнюдь не значит, что вся его разбойничья деятельность на море этим и ограничилась. Доподлинно известно, что он отплыл в 1645 году из Дюнкерка, состоя на службе у испанского короля (Дюнкерк находился на той части Франции, что была завоевана испанцами). Бутьенс предпочел охотиться у побережья. В итоге ему удалось захватить около двенадцати рыболовецких судов, некоторые из которых были им после разграбления пущены на дно. Забавно, что через какое-то время эти суда вновь встретились Бутьенсу. Пират опять поживился грузом, а также присоединил к своей собственности три судна, каковые благополучно привел обратно в Дюнкерк.

Уильям Дампье (William Dampier)

(5 сентября 1651 – март 1715), Англия

В этом человеке сочеталось многое. Он был капитаном, буканьером, трудился над написанием книг, путешествовал, открывал неведомые места. Кстати, он был первым англичанином, достигшим Австралии. Он был принят в Королевское Научное общество Великобритании.

Дампье впервые вышел в море в 16 лет. Его немало побросало по жизни, и это было нормально – Дампье пытался найти свое место в этом мире. В 1675 году он на год с небольшим остановился в Гондурасе, работая на плантациях по сбору кампешевого дерева. Дела шли недурно, но этот край не слишком стабилен в климатическом отношении. Очередной шторм уничтожил все, что Дампье удалось создать более чем за год. Он опять должен был все начинать с самого начала. В 1678 году Дампье вернулся в Лондон, решил начать семейную жизнь. Ему удалось найти деньги для приобретения уютного поместья.

Однако внезапно он ощутил, что это явно не для него. Быстро собравшись, Дампье отправился на Ямайку. Именно по пути на Ямайку он и встречает флибустьеров. Встреча оказалась кармической. Дампье понял, что он хочет попробовать себя в качестве флибустьера.

В 1679 году Дампье грабил побережье Гондураса и Никарагуа, в 1680-м дерзнул напасть на Панаму. После этого на несколько лет избирает Гвинею в качестве временной базы. Оттуда ему очень удобно осуществлять рейды по захвату испанских галеонов с золотом и серебром.

Уильям Дампье

В 1686 году Дампье и капитан Сван решили поохотиться за добычей на Галапагосах, но удача им изменила. Невезение пагубно отразилось на настроениях, царивших внутри экипажа судна. Дампье с его разносторонними интересами не так уж и хорошо вписывался в эту среду морских грабителей и разбойников. В итоге его насильно удалили с корабля, бросив на Никобарских островах. Дампье не падает духом. Ему удается раздобыть каноэ, и на нем он смог доплыть до Суматры. Чтобы поправить свои дела, он пробует там заняться торговлей.

Разочаровавшись в возможностях своего предприятия, Дампье решает попробовать свои силы на военном поприще. Его привлекает артиллерия. Все бы ничего, но армия и муштра – неразделимы. Жить под принуждением – это не для Дампье.

Он уходит в отставку и спешно направляется в Лондон. За минувшие годы он накопил столько наблюдений; все давно уже ждет систематизации и опубликования. В Лондоне он вскоре публикует свою первую книгу: «Новое кругосветное путешествие». Неплохо разбираясь в психологии, Дампье посвящает свой труд президенту Королевского Научного общества. В результате тот очень скоро находит для Дампье теплое местечко на таможне. Там он задействован в очень необычном качестве: специалист по поимке пиратов! Его даже зовут координировать действия королевских военных эскадр, охотящихся за пиратами. Его выкладки будут проверяться на практике в районе Мадагаскара.

Карта Ост-Индии, составленная Уильямом Дампье

Положение Дампье упрочивается. Он принят в Королевское Научное общество и даже представлен ко двору, где благосклонно принят королем Вильгельмом III. Выходит в свет второй том его исследований («О пассатах, о бризах…»). Засидевшись на суше, Дампье начинает искать, не предвидится ли где интересная экспедиция. Ему идут навстречу, и 14 января 1699 года он отправляется в Австралию. Вновь возникает напряженность на судне: как прежде флибустьеры подозревали его в попытке сдать корабль королевским войскам, так сейчас моряки королевского флота, которых науськивает первый помощник, полагают, будто бы Дампье норовит привести судно к пиратам. Ситуацию удалось разрядить достаточно просто: Дампье заковал помощника и запер его в каюте до конца путешествия. 31 июля корабль оказался у побережья Австралии! Восхищенный Дампье делает зарисовки береговой линии, производит разного рода специальные измерения, открывает новые острова. По возвращении домой корабль не только дает течь, но еще и попадает в шторм, который оказывается для него фатальным. Дампье и членов его экипажа буквально из воды извлекает команда чудом оказавшегося поблизости английского корабля.

Первый помощник Фишер, едва оказавшись в Лондоне, стрелой припустил в суд, где обвинил Дампье в превышении должностных полномочий. На руку ему играла и гибель экспедиционного судна. Будь Дампье чуть менее известен, приговор суда для него мог бы оказаться куда более суровым. Его удалили с королевской военной службы, запретив ступать на палубу кораблей ее величества.

А тут как раз начинается война с испанцами. Дампье, теперь уже вполне состоятельный человек, снаряжает за свой счет два корабля, приобретает для себя каперское свидетельство и берет курс на Тихий океан, намереваясь пиратствовать на полную катушку. Это произошло в 1703 году.

Кстати, примерно в это время Дампье высаживает на островке Хуан-Фернандез небезызвестного Александра Селкирка. Тот обретается на острове несколько лет, пытаясь выжить. Этот бесценный опыт позднее был использован Даниэлем Дефо при написании его «Робинзона Крузо».

Отведя душу на пиратских рейдах в Тихом океане, Дампье вернулся в Лондон для работы над книгой о путешествии в Австралию.

1708–1711 годы Дампье провел в качестве старшего штурмана на борту полупиратского корабля; он одним разом решил несколько задач: вновь обогнул земной шар, набрался невероятных впечатлений, а также снял с Хуан-Фернандеза Александра Селкирка.

В последующие годы Дампье жил достаточно расточительно, стремясь ни в чем себе не отказывать. Впрочем, речь шла не о светских развлечениях, а о естественно-научных исследованиях.

Дампье не стало в 1715 году. Он оставил родным земельные угодья, а с ними и долги – около ‡ 2000.

Джон Дэвис (John Davis, Robert Searle)

(16?? – 1671), Англия

О Дэвисе и его подвигах рассказывается у Эксквемелина. Однако он ошибается, полагая, что тот был родом с Ямайки; лишь с 1655 года Ямайка официально стала доминионом Британии. Подлинное имя Дэвиса – Роберт Сирл. Ему приходился родственником губернатор Барбадоса. Это обстоятельство способствовало возникновению у Дэвиса обманчивого чувства безнаказанности, что крайне пагубно отражалось на его манере поведения. Осев на Ямайке, он настолько подчас забывался, что его выходки были уже за гранью разумного. В итоге он практически постоянно находился на ножах с губернатором Ямайки Томасом Модифордом. Настроить против себя самого Модифорда, вопреки своему статусу отчаянно благоволившего пиратам, право же, это надо было хорошенько постараться! В сущности, благодаря постоянным и нелепым конфликтам с Модифордом, Дэвис был лишен той поддержки, которой могли пользоваться ямайские корсары. Вдобавок менялась и политическая обстановка, заставлявшая губернатора ограничивать действия пиратов. В силу всех этих причин карьера Джона Дэвиса в пиратском мире складывалась не так эффектно, как ему бы хотелось.

Вместе с тем иногда Дэвису удавались довольно-таки нестандартные ходы. Так, например, в 1659 году ему удалось до такой степени расположить к себе капитана сэра Кристофера Мингза, вернувшегося из удачного рейда к берегам Колумбии, что тот передал под его

командование 60-тонный корабль «Кэгвей» с восемью орудиями на борту. Если принять во внимание тот факт, что Мингз привел на Ямайку три испанских галеона, а «Кэгвей» был самым крупным из них, то остается лишь дивиться тому, что он подарил его Дэвису. Как бы то ни было, но Дэвис стал капитаном. На протяжении нескольких лет ему не удавалось разжиться ничем существенным, но в 1662 году все тот же Мингз позволил Джону Дэвису отправиться с собой в экспедицию с целью захвата Сантьяго-де-Куба. 1 октября мощная эскадра из 12 кораблей с общим экипажем в 1300 человек покинула гавань Порт-Ройяла. Через каких-то две с половиной недели город был взят и разграблен. Богатейший улов был доставлен в целости и сохранности на Ямайку. Это была первая крупная добыча, которой завладел Джон Дэвис.

Он продолжал пиратствовать в одиночку, но не менее удачно. Однако спустя два года судьба уготовила ему тяжкое испытание. В 1664 году королевским письмом к губернатору было предписано более не докучать испанским кораблям. Всю захваченную добычу предписывалось возвратить. Именно в этот момент (а дело было в сентябре 1664 года) в Порт-Ройял пришел Джон Дэвис, причем привел в качестве трофеев два набитых золотом испанских галеона. В результате королевского предписания трофейные корабли были возвращены испанцам вкупе со всей добычей, а Дэвиса, не пожелавшего добром расстаться со своей добычей, лишили корабля.

«Моряком на суше» он пробыл, впрочем, не так уж и долго. Прекрасным поводом к реабилитации явилась англо-голландская война (1665–1667). Джон Дэвис не только получил обратно свой корабль, но ему даже позволили примкнуть к экспедиции Генри Моргана на Сабу и Сент-Эустатиус. Впоследствии Дэвис в союзе с капитаном Стидманом предприняли специальный рейд на Тобаго, где им досталось много ценностей. К этому времени относится весьма показательный эпизод, который приводит в «Пиратах Америки» легендарный Эксквемелин: «Довольно долго он крейсировал в заливе Покатауро, надеясь встретить корабль, который ходил из Картахены в Никарагуа. Но это ему не удалось, и он решил со всей своей командой отправиться к реке Никарагуа, оставить судно около устья и подняться вверх по течению на каноэ. С наступлением ночи они намеревались войти в город и разграбить дома самых богатых торговцев. На его корабле было девяносто человек и три каноэ. Пираты оставили на судне человек десять, а все остальные сели в каноэ. Дождавшись ночи, они действительно вошли в реку, а днем спрятались среди деревьев (точно так же они скрыли и свой корабль, чтобы его не заметили индейцы, которые ловили рыбу в устье реки). На третьи сутки, где-то около полуночи, они добрались до города. Стража приняла их за рыбаков, промышляющих в лагуне: ведь часть из них хорошо говорила по-испански. Кроме того, среди них был индеец как раз из тех мест. В свое время он бежал, поскольку испанцы хотели обратить его в рабство. Индеец выпрыгнул на берег и убил стражника. После этого пираты пробрались в дома трех или четырех именитейших горожан и забрали все деньги, которые могли обнаружить. Потом разграбили и церковь. Но тут один из церковных служек, вырвавшись из рук пиратов, поднял крик на весь город. Горожане и солдаты тотчас же пробудились, однако пиратам удалось скрыться, захватив с собой всю добычу, какую они смогли унести. Кроме того, они успели захватить с собой пленников, рассчитывая в случае погони использовать их как заложников. Вскоре они добрались до берега, поспешно сели на корабль и вышли в открытое море. Пленникам же велено было вместо выкупа добыть пиратам столько мяса, сколько им было нужно, чтобы добраться до Ямайки. Когда пираты еще были в устье реки, на берег высыпало человек пятьсот испанцев, вооруженных ружьями. Пираты дали по ним залп из пушек. Таким образом, испанцам оставалось лишь бессильно горевать, видя, как уплывает их добро, и проклинать тот миг, когда пираты высадились на берег. Для них было совсем непостижимо, как у пиратов хватило смелости подойти к городу с гарнизоном в восемьсот человек да еще лежащему от берега по меньшей мере в сорока милях. Да к тому же еще пиратам удалось разграбить город за такой короткий срок! Пираты захватили чеканного золота, серебряной посуды и ювелирных изделий на сорок тысяч с лишним реалов. Вскоре разбойник высадился со своей добычей на Ямайке, довольно быстро

все прокутил и снова вынужден был отправиться на поиски приключений. Он собрал довольно много пиратов, а поскольку был хорошим командиром, его провозгласили капитаном флотилии из восьми кораблей. На этот раз пираты решили отправиться к северным берегам Кубы в надежде подстеречь флот, идущий из Новой Испании; в случае удачи они могли захватить один из кораблей этого флота, однако им не повезло. Чтобы не возвращаться с пустыми руками, они решили пройти вдоль берегов Флориды, высадиться и захватить городок Сан-Аугустин-де-ла-Флорида. В этом городке была крепость с двумя ротами солдат. Однако хоть там она и была, но пираты успешно разграбили город и захватили огромную добычу, не понеся почти никаких потерь».

Захват Сан-Аугустин-де-ла-Флорида произошел в начале 1670 года. Учитывая, что, начиная с 1699 года, любые пиратские рейды подпадали под действие закона, Джон Дэвис крепко рисковал, что его, судя по всему, никак не заботило. По возвращении на Ямайку он, тем не менее, был заключен под стражу, вновь оказавшись лишен моря.

Заключение продлилось сравнительно недолго, причем вновь благодаря вездесущему Генри Моргану. Авторитетный корсар собирался взять атакой с моря… Панаму! Проект обещал быть серьезным и опасным, поэтому Морган нуждался в толковых моряках. А на Дэвиса, хотя тот и отличался подчас несуразным поведением, в море можно было всегда положиться.

Казалось, что в жизни Дэвиса вновь наступает благоприятная полоса. На деле же все вышло совсем иначе. А причиной вновь явилась невоздержанность его нрава. На пути в Панаму команде Дэвиса неожиданно достался внушительный склад перуанского вина, обнаруженный ими на одном из островов. Если бы Дэвис лишний раз вспомнил, что Морган – изрядный авторитет, не терпящий, кстати, и малейших нарушений дисциплины, а также что именно Моргану он обязан своим выходом на волю, он, возможно, не позволил бы своим людям алчно припасть к бочкам с вином. Но он, увы, не только дал добро на безудержное возлияние, но и сам щедро воздал дань хмельному зелью. В итоге все упились до положения риз и пропустили невероятно богатый галеон испанцев. Когда его заметили, было уже поздно, да еще и команда не пожелала отлипать от бочек с вином.

Морган, узнав о случившемся, был разъярен и обвинил во всем Дэвиса – как капитана. И он был, конечно же, прав. Именно с этого момента благоволение Моргана к Дэвису испарилось без следа, знаменуя тем самым бесславный закат его пиратской карьеры.

Поскольку на Ямайке Дэвису появляться было нельзя, он предпочел перебраться в Гондурас. В дальнейшем он осуществлял рейды с переменным успехом, но значительных трофеев не имел. Однажды он замыслил устроить стоянку на небольшом песчаном островке у южного побережья Мексиканского залива. Корабль Дэвиса нуждался в ремонте. И вот на этом острове, который впоследствии в его честь стал называться «Сирлов ключ», Джон Дэвис в ходе ремонтных работ поссорился с одним из членов своей команды, владевшим ремеслом резчика по сандаловому дереву. Они устроили дуэль, исход которой оказался для Дэвиса куда менее удачен, нежели для его оппонента. Он был убит.

Мишель де Граммон (Michel de Grammont)

(ок. 1645–1686?), Франция

Мишель де Граммон – французский буканьер, пользовавшийся весомым авторитетом среди пиратов Карибского моря. Он сравнительно долго подвизался на пиратском поприще: 1670–1686. Одним из самых знаменитых рейдов стало нападение на город Веракрус совместно с Николасом ван Хоорном и Лоренсом де Граафом (см. подробнее в статье,

посвященной Н. ван Хоорну).

Наверное, будет все-таки отчасти преувеличением сказать, что Мишель де Граммон всегда был убежденным пиратом. Отнюдь, это был урожденный дворянин, которому все предвещало необыкновенно благополучное будущее. Однако случилось так, что он не поладил с женихом своей сестры. История умалчивает о деталях, но все завершилось дуэлью. Стрелял Граммон лучше своего противника, а потому лично для него дуэль завершилась благополучно. Однако дело получило неприятную для Мишеля де Граммона огласку, и он вынужден был в срочном порядке покинуть Францию. Поскольку его всегда тянуло к себе море, он, выхлопотав каперскую лицензию, проявил себя в первом же боевом эпизоде на Карибском море, захватив один богатый корабль. Только вот вместо того, чтобы доставить во Францию все снятые с корабля ценности, Граммон неожиданно крепко загулял, прокутив практически все до нитки. Самое забавное заключалось в том, что судно, разграбленное Граммоном, было голландским. И ведь именно с голландскими корсарами Граммону предстояло совершить самые известные свои подвиги. Но это еще было впереди. А тогда, на следующее утро после недели беспробудного пьянства, Мишель де Граммон всерьез задумался о своей судьбе. Весть о том, как он скверно распорядился вырученными за добычу деньгами, неминуемо дошла бы до французских властей, кроме того, на нем еще висело неприятное дело с дуэлью. После столь серьезного проступка он наверняка не только был бы лишен каперского свидетельства, но не исключено, что и угодил бы за решетку. Правда, можно было еще попробовать захватить другой корабль, чтобы восполнить потери. Однако Граммон, впервые по-настоящему ощутив воздух свободы, вдруг понял, что возвращаться обратно он не очень-то и желает. Куда интереснее было податься в пираты и зарабатывать на жизнь, пусть и рискуя ежечасно, но оставаясь при этом свободным человеком! Вот так капер де Граммон и стал убежденным флибустьером, а Франция потеряла талантливого капера.

Окрыленный раскрывшимися перед ним перспективами, Мишель де Граммон сломя голову бросился охотиться на торговые корабли. Только что-то начало получаться, как его корабль наскочил на риф и затонул. Чудом спасшийся Граммон с грехом пополам добрался до Тортуги, где немедленно купил себе новый корабль.

В 1678 году, в разгар войны между Францией и Голландией, он примкнул к другим 1200 буканьерам, собравшимся атаковать Кюрасао наряду с французскими морскими силами. Произошло уж совсем непредвиденное, и эскадра, состоявшая из 17 единиц флота (из них десять королевских фрегатов и семь пиратских шлюпов), напоролась у острова Лос-Авез на рифы; при этом изрядная часть кораблей затонула. При этом в выгодном положении оказался пиратский капитан Томас Пейн, чей самый скромный и гораздо более маневренный шлюп избег катастрофы. Именно на этом шлюпе смогли спастись все уцелевшие пираты. Мишель де Граммон, уже успевший подружиться с адмиралом французской эскадры, графом д'Эстре, получил от того позволение воспользоваться всем, что он сможет добыть с потерпевших крушение кораблей. И порядком обнищавшим пиратам во главе с де Граммоном удалось разжиться не только многими бочками вина и бренди, но и говядиной и свининой. Кроме того, им перепала и некоторая наличность!

В итоге Мишель де Граммон оказался командующим 6 уцелевшими кораблями с общей командой в 700 человек, спасшихся при кораблекрушении. Их цель была одна – пиратство! Флотилия двинулась к Венесуэле; пираты жаждали как можно быстрее поправить свои дела. Именно там Мишелю де Граммону и суждено было прославиться. Он взял приступом Маракайбо, а наряду с ним еще много городов, включая Трухильо, порядком удаленный от побережья. Правда, после состоявшихся сравнительно недавно налетов Генри Моргана и Франсуа л'Олонэ, признанных грандов пиратского мира, добычи Граммону удалось захватить не так уж и много. Он, впрочем, нимало не отчаивался и очень скоро обрушился со всеми силами на венесуэльский порт Ла-Гуайра (атака была проведена ночью, в кромешной

темноте, и застала жителей врасплох!), где пиратам нашлось чем поживиться. Причем им повезло дважды: они не только благополучно вывезли все награбленное, но и почти избегли встречи с испанской карательной эскадрой, вышедшей в море для уничтожения пиратов. Испанцы успели произвести несколько залпов, но, по сути, пираты лишь отделались небольшим испугом.

В июне 1680 года Мишель де Граммон с Томасом Пейном (подробнее см. в статье, посвященной Томасу Пэйну) и капитаном Райтом решили предпринять совместный рейд. На сей раз пираты напали на город Каракас, не смущаясь тем, что его охраняет гарнизон из 2000 солдат регулярной армии. Город был успешно взят, однако Мишель де Граммон в ходе ожесточенного боя был тяжело ранен и доставлен на Лас-Авез для лечения.

Достаточно быстро исцелясь от всех ран, Мишель де Граммон вновь занялся пиратством. Его эскадра уже состояла из 8 кораблей. Однако на какое-то время удача, похоже, отвернулась от корсара, и в продолжение достаточно долгого времени ему не удавалось добыть существенных трофеев. Поэтому для него большой удачей стала встреча с корсаром Николасом ван Хоорном. Они, а также еще и Лоренс де Грааф, также именитый пират, решили атаковать Веракрус. При этом Граммон, чьи корабли находились в плачевном состоянии, а команда совершенно обнищала и изголодалась, был готов участвовать в походе в качестве простого моряка. Однако ван Хоорн, зная об авторитете де Граммона среди пиратов, невольно стал его благодетелем, настояв на том, что тот сохранит все привилегии полноправного партнера. Веракрус пираты взяли, но ван Хоорн погиб, будучи смертельно ранен на дуэли с Лоренсом де Граафом; пиратские вожаки не поделили добычу. Перед смертью ван Хоорн завещал свой флагман Мишелю де Граммону.

Как пишет Ф. Архенгольц в своем исследовании, посвященном пиратам: «…Граммон наследовал его корабль, уважая память своего благодетеля и, следовательно, ненавидя Лорана; как он, так и его люди приняли участие в этой вражде, они возбудили между флибустьерами мятеж, который едва не дошел до кровопролития. Ссора имела, однако же, следствием разделение. Все корабли рассеялись. Они имели неравное счастье: два корабля пропали, и о них более никогда не слыхали; один попал в руки испанцев, другие были отброшены далеко от пути противными ветрами и только немногие из победителей благополучно приехали домой со своими сокровищами.

К числу важнейших предприятий флибустьеров принадлежит нападение их в 1685 году на Кампешу. На Коровьем острове собрались 1200 флибустьеров для совещаний. Все были убеждены, что нападение на Кампешу так же опасно, как нападение на Веракрус, и притом менее выгодно, но оно было необходимо. Многие флибустьеры, прокутившие свою добычу, находились в крайности. Поэтому предприятие было решено единодушно, всем внушено хранить глубочайшее молчание и приняты все меры, чтобы не только англичане на Ямайке, но и друзья их на острове Тортуге не узнали ничего. Обратились только к губернатору последнего острова, Кюсси, чтобы, под предлогом крейсировки против испанцев, получить от него каперское свидетельство, причем ни одним словом не упомянули о настоящей цели своего предприятия. Кюсси лично принес им ответ: отказал в каперском свидетельстве и объявил, что французское правительство сильно негодует на недостаточную покорность флибустьеров и в короткое время пришлет несколько фрегатов, чтобы силою принудить пиратов к повиновению.

Это неожиданное известие немало смутило флибустьеров. Но Граммон, вступаясь за себя и товарищей своих, сказал, что король не знает положения дел их, а губернатор только из человеколюбия хочет удержать их от дальнейших предприятий против испанцев. Кюсси клятвенно уверял их в негодовании короля и в скором прибытии французов, просил оставить задуманные планы и, зная, какое влияние имел Граммон над флибустьерами, обещал ему от имени правительства особенную награду, если он откажется от братства с пиратами. Граммон отвечал: „Если мои товарищи по оружию согласны отказаться от своих намерений,

то я готов сделать то же“. Но все единодушно кричали, что теперь уже поздно передумывать, и если губернатор не даст им каперского свидетельства, то они употребят прежние, выданные им для охоты и рыбной ловли, потому что цель их и теперь травить, как зверей, людей, которые станут сопротивляться им. Кюсси оставалось только удалиться.

Скоро все было приготовлено. Флибустьеры выехали с попутным ветром и 5 июля 1685 года счастливо прибыли в Шампетон, городок, лежащий в 15 французских милях от Кампеша. Здесь 900 человек перешли с кораблей на 22 лодки, снабженные флагами, молча гребли весь день и в сумерках подъехали к городу на пушечный выстрел. Ночь провели они в лодках, твердо решившись не возвращаться без успеха, – решение, к которому на этот раз побуждала их гораздо более необходимость в жизненных припасах.

На следующее утро флибустьеры высадились недалеко от города. Испанцы и во сне не представляли себе, чтобы можно было нападать на такой сильно укрепленный город в небольших лодках, и никак не могли постигнуть, что значат солдаты, которые спокойно выходили из лодок, строились в ряды и шли вперед. Одно обстоятельство, впрочем, немало озабочивало флибустьеров. Под пушками крепости стоял испанский фрегат, но счастье, так часто сопутствовавшее пиратам, уничтожило и это затруднение. От первых же выстрелов огонь проник в пороховую камеру, и фрегат со всем экипажем взлетел на воздух. Между тем 800 испанцев засели близ города в засаде и неожиданно бросились на флибустьеров. Но такая выгода, обыкновенно чрезвычайно важная, против этих отчаянных людей имела весьма незначительный успех: только двое были убиты и шестеро ранены, прочие тотчас опомнились, с яростью кинулись на испанцев, разбили их и вместе с ними проникли в город. Здесь жители укрепились в улицах, поставив везде пушки. Но Граммон скоро уничтожил эту преграду. Он приказал лучшим стрелкам взойти на крыши и террасы, откуда убивали всех артиллеристов, подходивших к орудиям. В короткое время во власти флибустьеров очутилось 40 пушек, и они направили их на жителей, которые не замедлили сдаться. Так-то флибустьеры, плохо вооруженные, опять в несколько часов овладели городом, укрепленным по всем правилам военного искусства и снабженным сильным гарнизоном.

Оставалось взять форт, имевший 400 человек гарнизона, 24 пушки и требовавший правильной осады. Граммон не почитал за нужное торопиться. Он дал людям своим отдохнуть три дня и наесться досыта, а между тем велел привезти с кораблей пороху и ядер. Пушек было довольно, и в короткое время возвели батарею, с которой в продолжение 9 часов громили стены, причем 600 флибустьеров, стоя на возвышении, поддерживали беспрерывный ружейный огонь, так что ни один испанец не смел показаться на валу. Однако же попытка пробить брешь не удалась. Поэтому решились взять крепость на следующий день штурмом, но вечером получили известие, что испанцы оставили ее. Такая трусливость показалась флибустьерам невероятною, и потому ждали утра, чтобы убедиться в истине известия. В крепости нашли только двух человек: англичанина, служившего у испанцев в качестве артиллериста, и молодого офицера, который, движимый честью, лучше хотел погибнуть, чем низким бегством осрамить мундир свой. Граммон принял его ласково и с уважением, приказал не трогать его имущества и тотчас освободил его, сделав ему вдобавок еще несколько подарков.

Первой заботой флибустьеров было привести все в оборонительное положение на случай нападения, потом они спокойно расположились в городских домах, где нашли очень незначительную добычу, потому что накопленный здесь несметный запас кампешевого дерева не имел для них никакой ценности. Значительные отряды, отправлявшиеся ежедневно для отыскания бежавших, не были счастливее: им попадались только нагие и бедные дикари. В один день сто тридцать флибустьеров попали в засаду из 800 испанцев, которыми командовал сам губернатор меридский. Партия была слишком неравна, тем более что флибустьеры сидели на лошадях и мулах – положение, в котором не привыкли сражаться. Они тотчас бросили всякую надежду на победу, отступили, сражаясь, и счастливо достигли города, потеряв двадцать человек убитыми и – что всего более огорчало их – двух

пленных.

Граммон на другой же день предложил меридскому губернатору выкуп за пленных, обещая дать свободу всем испанцам, находящимся в его власти – жителям, чиновникам, офицерам и самому губернатору Кампеши. К этому предложению прибавил он угрозу, что если губернатор из пустого каприза откажется принять такой выгодный и великодушный размен, то велит изрубить всех пленных и зажечь город. Губернатор гордо отвечал: „Флибустьеры вольны жечь и убивать сколько угодно, у меня довольно денег для возобновления и нового населения города и довольно войска, чтобы передавить руками Граммона и всех его разбойников, что составляет главную цель моего прихода“.

Взбешенный таким хвастовством, Граммон забыл всю прежнюю воздержанность. До тех пор присутствие неприятеля в Кампеши было почти незаметно, но тут все переменилось. Взяв с собой посланного от меридского губернатора, он повел его по городским улицам – при себе велел поджечь несколько домов и казнить пятерых испанцев. „Ступай теперь к своему господину и донеси ему, что я начал исполнять его приказание и поступлю так со всеми прочими пленниками“.

На кровавые слова Граммона последовал ответ, подобный первому. Предводитель флибустьеров не был довольно жесток, чтобы исполнить свою угрозу. Он удовольствовался сожжением форта, отпраздновал День св. Людовика пушечными и ружейными залпами и такой иллюминацией, какой свет не видал никогда: в честь французского короля сожгли на 200 000 пиастров кампешевого дерева. На другой день стали готовиться в обратный путь, пленных отпустили, и 29 августа 1685 года, прожив семь недель в Кампеши, флибустьеры отправились на Сан-Доминго.

Описанное нами предприятие Граммона и флибустьеров было совершено не только без согласия сан-домингского губернатора, но и противно повелениям французского короля, поэтому флибустьеры имели полное право опасаться неприятностей, если бы поведение испанцев в эти семь недель, несмотря на мир, не сделалось неприязненным: они подъезжали к берегам Сан-Доминго и силой схватывали французские корабли. Такие поступки оправдывали дальнейшие неприязненные действия французов. Губернатор де Кюсси, уважавший мужество, способности и характер Граммона, представил французскому правительству поход в Кампешу в самом благовидном свете и предложил этого предводителя флибустьеров в королевские губернаторы в южной части Сан-Доминго. Правительство согласилось, и Граммон не отказывался, но он желал, до присылки грамот, утверждавших его в новом звании, достойно окончить поприще флибустьера и совершить еще один поход. Для этого он поспешно сел на корабль с 180 пиратами. Никто не знал, куда он отправляется, и это обстоятельство осталось тайной: корабль Граммона пропал».

Последний раз его видели в апреле 1686 года взявшим курс на северо-восток в направлении острова Святого Августина. Большинство историков сходится на том, что, скорее всего, Мишель де Граммон и его экипаж стали жертвами страшного шторма, который разразился в этом регионе вскоре после их отплытия.

Жан Дюкасс (Jean du Casse)

(1646 – 25 июня 1715), Франция

Видный французский буканьер и адмирал, он начинал карьеру с участия в работорговле. Впрочем, он курсировал между Африкой и Карибами до тех пор, пока не обзавелся суммой, достаточной для приобретения собственного корабля. Для него это было принципиальным

шагом: ведь еще не так давно ему было отказано в приеме на военную службу (а именно – во флот!) ввиду особенностей религиозной ориентации его родителей (те были гугенотами, т. е. протестантами, что не приветствовалось руководством, почитавшим католическую церковь).

Дюкасс без особых сложностей захватил голландский корабль и доставил его во Францию. После реализации корабля он пожертвовал половину вырученных денег в пользу французского короля. Узнав об этом, Луи XIV был приятно тронут и немедленно приказал назначить Дюкасса лейтенантом французского военного флота.

Воодушевленный благостными переменами в своей судьбе, Дюкасс в 1687 году ярко проявил себя в атаке на порт Элмина на побережье Ганы, а в 1689-м он вновь заставил говорить о себе, проявляя чудеса храбрости при взятии портовых городов Бербиче и Форт Зеландия (Суринам).

Жан Дюкасс

В 1691 году Дюкасс вновь оказался на Санто-Доминго, где некогда приобрел свой первый корабль на вырученные от работорговли деньги. Теперь он был заслуженный моряк с немалыми заслугами и собственным списком трофеев. Губернатор Санто-Доминго благосклонно его принял, да и островные буканьеры нашли Дюкасса вполне перспективным – с их точки зрения. В дальнейшем на протяжении нескольких лет Дюкасс участвовал в военных действиях против английских колоний, в том числе и на Ямайке. Очевидцам запомнилось, насколько он был свиреп и беспощаден.

В 1697 году Жан Дюкасс – уже в качестве буканьера – принял участие в экспедиции адмирала де Пуанти, целью которой было взятие баснословно богатой Картахены. Де Пуанти, обещавший всем щедрую долю добычи, не сдержал своего слова, цинично ограбив буканьеров, примкнувших к его флотилии и не щадивших своих жизней при взятии легендарного порта (

подробнее см. статью, посвященную де Пуанти). Дюкасс, которого горячо поддерживали буканьеры, очень быстро заподозрил неладное, но все-таки был в итоге обманут де Пуанти. Чудом уцелев, Дюкасс вернулся во Францию и был допущен к королю, поведав тому о поступке де Пуанти и потребовав предоставления ему причитающейся доли. Король отнесся к нему необычайно милостиво, повелев немедленно выплатить компенсацию, составившую 1 миллион 400 тысяч франков! Более того, он удостоил Дюкасса звания адмирала и даже произвел его в рыцари ордена Святого Луи!

В 1702 году Дюкассу удалось, вначале уступив эскадре вице-адмирала Бенбоу, затем с ним сквитаться у Санта-Марты, правда, успехом своим он был обязан предательству капитанов, бросивших Бенбоу в решающий момент. В дальнейшем он также способствовал военным триумфам Франции, однако в 1708 году он перешел на службу к Испании (ввиду образования альянса между Францией и Испанией это было возможно). Именно Жану Дюкассу было поручено обеспечить сохранность испанского торгового каравана, груженного несметными сокровищами. Дюкасс настолько блестяще провел операцию сопровождения, что потерь практически не было. За этот неслыханный успех испанское правительство наградило его орденом Золотого Руна – высшей государственной наградой Испании! А в 1714 году Жану Дюкассу было поручено возглавить французский флот в операции при Барселоне. Ранее этот город был захвачен эрц-герцогом Карлом Австрийским, которого поддержали Англия и Голландия. Тем не менее 11 сентября 1714 года объединенным силам испано-французского альянса удалось отбить Барселону у противника.

Менее чем через год после этого адмирал Жан Дюкасс, которого современные историки считают одним из последних карибских буканьеров, мирно скончался в почете и славе.

Александр Эксквемелин (Alexandre Exquemelin)

(16?? – 17??), Франция

Александр Оливье Эксквемелин – французский врач и историк пиратства. А еще он заядлый путешественник и, конечно же, пират! Не будь Эксквемелина, мы и подавно не знали бы всего того, что нам сегодня известно о таких пиратах, как сэр Генри Морган, Франсуа л’Олонэ и проч.

Родился Эксквемелин на западном побережье Франции, в Арфлёре. В 1666 году он отправился на Тортугу в качестве слуги по найму. С первым хозяином Эксквемелину явно не повезло, поскольку тот был плут редкостный и так и норовил обмануть своего слугу. Однако со вторым ему повезло куда больше. Им оказался врач-цирюльник, сердце которого преисполнилось сострадания к юноше. Он не только выкупил Александра, но и преподал ему надлежащие уроки врачебного мастерства. Эксквемелин оказался успешным учеником, даже не подозревая, как ему пригодятся эти уроки впоследствии, когда он начнет жизнь пирата. Обучение Эксквемелина завершилось в 1669 году. Обретя свободу, он решил примкнуть к пиратам. Имущества у него никакого не было, о сбережениях вообще не приходилось говорить. Так что, лишь занимаясь пиратством, Эксквемелин еще хоть как-то мог рассчитывать на обретение средств к жизни. С Тортуги он впоследствии перебрался на Ямайку, в Порт-Ройял. Врачи среди пиратов были в большой цене, и благодаря своему статусу Эксквемелину без особых трудов удалось попасть в команду самого сэра Генри Моргана.

Сражение у стен форта. Страница из «Пиратов Америки»

Страницы из «Пиратов Америки»

Вот так и получилось, что Эксквемелин оказался участником самых знаменитых пиратских рейдов. Морган следил за тем, чтобы труд Эксквемелина щедро оплачивался, помимо своей доли он еще получал 250 золотых.

В 1671 году Морган брал штурмом Панаму. Этот рейд оказался одним из самых проблематичных. Недостаток полученной добычи очень ощутимо сказывался на настроениях, что царили в команде. Вдобавок Морган решил возместить потери и срезал доли своим людям. Все это привело к тому, что многие люди из его команды покинули своего капитана. Среди них оказался и Эксквемелин. После долгих мытарств он вернулся в Европу. Поселившись в Амстердаме, Эксквемелин решил, что, если он изложит все то, чему он стал свидетелем, осуществляя рейды с пиратами, ему, возможно, не только удастся возместить свои потери, но еще и прилично заработать. В 1678 году его книга вышла в свет. Успех был огромен. Несколько тиражей разошлись практически мгновенно. Потом появились переводы на немецкий, испанский, английский и французский языки. Причем люди, владевшие

несколькими языками, обращали внимание на своеобразную политкорректность Эксквемелина. Исходная, голландская, версия превращала в безнадежных негодяев лишь испанцев, а испанская – англичан. Из-за этих разночтений разразился большой скандал. Причем наиболее Эксквемелина серьезные претензии были высказаны одним из главных героев – сэром Генри Морганом. Ведь в одних переводах он представал агнцем, а в других – кровожадным чудовищем. Он разошелся до того, что даже подал в суд на английских издателей. Суд он выиграл, и тем пришлось изымать скандальные фрагменты из книги.

Страница из «Пиратов Америки»

Обложка первого голландского издания «Пиратов Америки»

Полный текст был воспроизведен на английском лишь… в 1969 году!

Что касается Эксквемелина, то он, вполне насладившись литературной славой и даже немного заскучав, собрался с духом и в 1697 году вновь направился на Карибы. Судьбе было угодно, чтобы он сражался совместно с французскими буканьерами, целью которых было взятие Картахены, одного из самых богатых портов на побережье.

Пьер ле Гран (Pierre le Grand)

(16?? – 16??), Франция

Пьер ле Гран, которого больше знали под кличкой «Пьер Француз», был предприимчивым французским пиратом. Но хоть он и родился в Нормандии (Франция), но судьба его сложилась так, что он стал буканьером, то есть карибским пиратом. Его базой стал остров Тортуга; на какое-то время там обрели для себя пристанище очень многие пираты. Для того чтобы быть настоящим буканьером, необходим корабль. Именно о нем должен был позаботиться Пьер ле Гран в первую очередь. В итоге он обзавелся небольшой баркой, а также позаботился и о наборе экипажа. По одним источникам, под его началом было 26 человек, по другим же – 28.

Теперь можно было выходить в море.

Единственный биограф Пьера Француза Эксквемелин, пират, сражавшийся бок о бок с самим Генри Морганом, пишет в своей книге «Пираты Америки», что потом тот «…довольно долго плавал в открытом море на барке с отрядом в двадцать шесть человек. Он держал путь к мысу де ля Вела, стремясь перехватить один корабль на пути из Маракайбо в Кампече. Но это судно он упустил и со всей командой решил отправиться прямо к берегам Ранчерии, чтобы поохотиться на ловцов жемчуга. Ранчерия расположена неподалеку от Рио-де-Аче на 12° 30’ северной широты, и там есть неплохая жемчужная отмель. Каждый год туда отправляется флотилия из десяти или двенадцати барок. Их сопровождает специальное судно из Картахены с двадцатью четырьмя пушками на борту. На каждой барке бывает

обычно по два негра, которые достают раковины на глубине от четырех до шести футов. Пираты напали на флотилию следующим образом. Все барки стояли на якоре у самой отмели. Сторожевой корабль находился примерно в полумиле от этой флотилии. Погода была тихая, и разбойники смогли пройти вдоль берегов, не поднимая парусов, так что казалось, будто это идут какие-то испанцы из Маракайбо. Когда пираты уже подошли к жемчужной отмели, то на самой большой барке приметили они восемь пушек и примерно шестьдесят вооруженных людей».

Далее в рассказе Эксквемелина возникают существенные разночтения по сравнению с тем, как этот сюжет представлен современными историками. Согласно последним, пиратам удалось подобраться практически незаметно. Когда Пьер Француз со своими головорезами ворвались в каюту капитана, они обнаружили его в изрядном подпитии и вдобавок увлеченного игрой в карты со своими помощниками. Появление пиратов было настолько неожиданным, что потрясло капитана и его команду просто до глубины души; они даже не подумали сопротивляться и поголовно сдались пиратам. А вот как все произошло в изложении Эксквемелина: «Пираты подошли к этой барке и потребовали, чтобы она им сдалась, но испанцы открыли огонь из всех пушек. Пираты переждали залпы, а затем выпалили из своих пушек, да так метко, что испанцам пришлось довольно туго. Пока испанцы готовились ко второму залпу, пираты взобрались на борт, и солдаты запросили пощады в надежде, что вот-вот к ним на помощь придет сторожевой корабль. Но пираты решили перехитрить стражей. Они затопили свое судно…» Это было сделано Пьером Французом по нескольким причинам: прежде всего, конечно же, с целью обмануть сторожевые корабли. Но была и еще одна причина. Непосредственно перед началом штурма пираты поклялись своему капитану, что будут сражаться насмерть. Пьер Француз не зря был главарем: он понимал, что если их трюк с внезапным нападением не удастся, то на испанском корабле им придется туго. Наиболее малодушные из его команды наверняка захотят спастись бегством; поднимется суматоха, и велика вероятность, что погибнут уже все, включая самого капитана. Подобный финал никак не устраивал Пьера Француза, почему он и решил, образно говоря, сжечь все мосты. Только затопил он барку не после того, как испанцы запросили о пощаде, а до этого – в тот самый момент, когда на борт испанского корабля взобрался первый пират. И днище своей барки Пьер Француз пробил сам, не доверив этого никому.

Пьер ле Гран нападает на капитана в его каюте. Гравюра Говарда Пайла

После того как барка пошла на дно, пиратам было необходимо создать впечатление, будто бы ничего не произошло, поэтому «…на захваченной барке оставили испанский флаг, испанцев же загнали в трюмы; на этом корабле они вышли в открытое море».

Любопытная деталь: барка с пиратами была замечена испанцами еще днем. Однако, когда капитану флагмана предложили отправить на разведку несколько сторожевых кораблей, чтобы выяснить, что это за барка и какие на ней люди, тот пренебрежительно отказался. Он не допускал и тени мысли о том, что на такой небольшой барке кто-то может решиться напасть на их корабль. В итоге же его самоуверенность была жестоко наказана.

Что же сталось с Пьером Французом и его трофеем потом?

На этот счет бытуют, по крайней мере, две различных версии.

Большинство историков сходится на том, что пираты оставили часть испанской команды для помощи в работах по судну, а остальных высадили на сушу, сами же благополучно вернулись со своей добычей во Францию. Есть предположение, что, продав с выгодой для себя захваченный корабль и товары, Пьер Француз в дальнейшем вознамерился эмигрировать в

Канаду. В иммиграционных списках Монреаля от 1653 года фигурирует его имя!

Это версия благополучного финала.

Однако имеется еще одна, принадлежащая Эксквемелину. Из его записей становится очевидным, что ловкий маневр, задуманный Пьером Французом, не увенчался успехом. Эксквемелин пишет: «Сначала на сторожевом корабле обрадовались, полагая, что пиратов потопили, но когда там заметили, что барка отвернула в море, то бросились за ней в погоню. Преследовали они пиратов до ночи, но никак не могли догнать барку, хотя и поставили все паруса. Ветер окреп, и разбойники, рискнув парусами, оторвались от сторожевого корабля. Но тут случилось несчастье – парусов подняли столько, что треснула грот-мачта. Но наш пират не растерялся: он связал пленных испанцев попарно и был готов сражаться против неприятельского корабля с командой всего в двадцать два человека, хотя многие из пиратов были ранены и в бою не могли принять участие. Одновременно он приказал срубить грот-мачту и поднять на фок-мачте и бушприте все паруса, какими только можно было пользоваться при таком ветре. Все же сторожевой корабль догнал пиратов и атаковал их так лихо, что те вынуждены были сдаться. Однако пираты успели выторговать условие, что ни их предводитель, ни они сами не будут в плену таскать камни или известь. (А надо сказать, когда пираты попадут в плен, то их заставляют три или четыре года подряд таскать камни или известь, словно рабов. А когда они становились непригодны для этой работы, их отправляли в Испанию на галионах.) Кроме того, пиратам обещали при первой же возможности отослать их в Испанию всей командой. Больше всего наш пират жалел свое добро – у него на борту было на сто тысяч реалов жемчуга, который он награбил на барках. И если бы не несчастье с грот-мачтой, выручка у пиратов была бы весьма изрядной».

Вот такой бесславный финал ожидал в итоге Пьера Француза и его команду – естественно, по версии Эксквемелина. Ну уж а кому вы предпочтете верить – современным историкам или пирату-летописцу, уже решать лично вам!

Лессоне (Lessone)

(16?? – 16??), Франция

Лессоне (Лессон, Лассон) – французский флибустьер, входивший в число 1200 пиратов, примкнувших в мае 1678 года на своих судах к эскадре адмирала д’Эстре, который намеревался захватить Кюрасао; план провалился, поскольку эскадра наскочила на рифы и значительная часть кораблей пошла ко дну (подробнее см. в статьях, посвященных Николасу ван Хоорну, Мишелю де Граммону, Томасу Пейну). Среди затонувших кораблей было и суденышко Лессоне, сумевшего уцелеть. Видный отечественный исследователь пиратства Виктор Губарев полагает, что он, вероятно, был доставлен капитаном Уильямом Райтом на острова Сан-Блас у северной оконечности Панамского перешейка. Оттуда Лессоне добрался до Гаити, где в порту Пти-Гоав добился своего назначения капитаном на корабль водоизмещением в 86 тонн с 6 пушками на борту. Это было вполне надежное, крепкое судно; в 1679 году Лессоне вернулся на нем обратно к островам Сан-Блас, где он сумел убедить местных индейцев из племени

куна присоединиться к его экипажу, составлявшему около сотни человек, для захвата города Чепо. Индейцы вняли доводам Лессоне, и объединенная рать двинулась через перешеек покорять испанский город. Однако не тут-то было! Поход завершился сокрушительной неудачей…

Лессоне вернулся несолоно хлебавши, но тут к островам Сан-Блас подошел корабль Джона Коксона. Это был английский пират, еще совсем недавно собиравшийся вместе с Ричардом Соукинсом взять Панаму. Однако пиратам не удалось подобраться незамеченными, поскольку их уже поджидала мощная эскадра испанцев. В последовавшем далее сражении Джон Коксон не проявил должной отваги, в чем и был обвинен. На этом союз Соукинса и Коксона прекратил существование (

подробнее см. статью, отведенную Р. Соукинсу). Естественно, отлученный Коксон, вынужденный убраться восвояси, и не думал рассказывать Лессоне о том, что приключилось в гавани Панамы и почему он оказался в одиночестве. Он горел энтузиазмом, подсознательно стремясь реабилитироваться, и убедил Лессоне в том, что им необходимо немедленно соединить свои силы для нападения на Портобелло. Лессоне согласился.

На сей раз его рейд оказался удачным. Оба корсара с богатой добычей поплыли в направлении Коста-Рики, а оттуда уже вернулись на острова Сан-Блас. Коксон предложил Лессоне восстановить силы, а потом через Панамский перешеек плыть к Тихому океану, где всегда можно рассчитывать на изрядную поживу. Лессоне, взвесив все «за» и «против», предпочел отказаться. Английский корсар, не думая настаивать, отправился в путь один.

В дальнейшем Лессоне вернулся обратно в Пти-Гоав, где приобрел для себя плантацию и, скорее всего, совершенно ушел от дел. Во всяком случае, последнее упоминание о нем датируется 1680 годом.

Франсуа л’Олонэ Жан-Давид Нау

(Jean-David Nau l’Ollonais) (1635–1667), Франция

Среди авторов прежних времен, которые в качестве темы избрали для себя пиратов, можно выделить двоих: Александр

Эксквемелин и Ф. Архенгольц. Первый был пиратом, который явно ощущал неоднозначность происходящего. Стремясь сохранить для Истории самые знаменитые деяния пиратов, он запечатлевал их на бумаге. Ф. Архенгольц – не пират, он именно писатель, для которого пиратская тема явно превалирует. Его повествование о Франсуа л’Олонэ слишком хорошо, чтобы раздергивать его на цитаты, особенно когда есть возможность привести его во всей полноте, что мы и делаем.

«Одним из отличных предводителей флибустьеров был л’Олонэ, которого подвиги и участь достойны подробного описания. Он происходил из Пуату, во Франции, и родился в так называемой Олонской степи, откуда и заимствовал прозвание, под которым известен. Вначале он принадлежал к буйволовым охотникам на острове Испаньоле и своей милостью прославился между товарищами; потом вступил в общество флибустьеров и отличался на море.

Франсуа л’Олонэ

Мужество Олонэ, подкрепляемое большим умом и хитростью, заставило тогдашнего

губернатора Тортуги Де-ла-Пласа уговорить его приняться за морские набеги. Он сам дал ему корабль, и новый пират сделался в скором времени ужасом всех испанцев в Америке. Всякий умел рассказать что-нибудь о его подвигах и жестокостях. Все ему удавалось: он имел постоянно хороший ветер, легкие победы, богатую добычу, пока вдруг не поразил его жестокий удар судьбы: во время ужасной бури корабль его разбило на берегу Кампече. Экипаж укрылся было на берегу, но испанцы во множестве напали на него и убили большую часть; Олонэ был только ранен. Хитрость спасла его: он запачкал себе лицо и все тело кровью и упал между убитыми. Тут пролежал он, пока удалились испанцы, пробрался в лес, перевязав кое-как свои раны, снял платье с одного убитого испанца и смело пошел в город. В окрестностях города удалось ему подговорить несколько невольников соединиться с ним. Олонэ смело пришел в город Кампече, где многие товарищи его томились в цепях, а жители праздновали смерть его. Счастье увенчало дерзость – никто не узнал его. Невольники украли лодку и на ней отправились с Олонэ на Тортугу, куда и прибыли благополучно.

С этой минуты желание Олонэ отомстить испанцам не знало более границ; но он обеднел и только с величайшим трудом мог вооружить две лодки, на которых находилось 26 человек. С ними поехал он к Кубе, чтобы разграбить город де-Лос-Кайос, производивший значительную торговлю. Но несколько рыбаков вовремя заметили пиратов и подняли тревогу, что заставило гаванского губернатора поспешно отправить на помощь городу фрегат, вооруженный 10 пушками и 90 солдатами. Кроме того, приказано соединиться с флотом еще четырем хорошо вооруженным судам из Порт-о-Пренса, чтобы непременно погубить пиратов. Губернатор предписал командирам судов „не возвращаться, не истребив всех морских разбойников до последнего“. Начальник фрегата должен был присягнуть, что не пощадит никого, и взял с собою негра для исправления должности палача. Олонэ узнал обо всех этих распоряжениях и, не дожидаясь соединения неприятельских сил, пошел навстречу фрегату и сошелся с ним ночью. Лишь только начало светать, флибустьеры напали на фрегат с обеих сторон и взошли на него. Испанцы защищались храбро, но, наконец, 90 человек должны были покориться двадцати одному флибустьеру, и весь экипаж принужден сойти под палубу. Овладев кораблем, Олонэ приказал выводить испанцев поодиночке на палубу и всем собственноручно отрубил головы, причем не был забыт и негр, которому назначили должность палача. Ярость Олонэ доходила до того, что он после каждого удара лизал кровь, стекавшую с его сабли. Он оставил в живых только одного испанца, чтобы отправить к губернатору со следующим извещением: „что в возмездие за назначенный ему род смерти он не оставит в живых ни одного испанца и имеет большую надежду наказать таким образом и самого губернатора, который, с своей стороны, однако, ни в коем случае не должен надеяться поймать его живого“.

Олонэ не хотел упустить и других четырех судов, назначенных против него: отправился немедля в Порт-о-Пренс и взял их без сопротивления. Тут нечего было ждать добычи – да и не ее искал жестокий пират: он дышал только местью. Поэтому весь экипаж был брошен в море, а суда потоплены.

Таким образом, Олонэ приобрел хороший корабль; но для управления им недоставало у него моряков и провианта; поэтому он решился вернуться, но прежде зашел еще в гавань Маракайбо и близ нее взял богато нагруженный корабль, с которым отправился на остров Тортугу.

После описанного… успеха Олонэ начал замышлять обширнейшие предприятия и вступил в союз с другим начальником флибустьеров Баско. Баско был старый офицер, родом француз, но испанского происхождения; он долго служил в Европе, впоследствии обогатился морскими разбоями и наконец жил в спокойствии, наслаждаясь награбленною добычею. Олонэ, которому для удачного исполнения своих планов необходим был человек с известным именем, знающий притом хорошо войну на сухом пути, отвлек его от спокойной жизни. Оба начальника разделили между собой морские и сухопутные силы, которые состояли из 660 человек, и посадили их на восемь кораблей, вооруженных пушками. Корабль, на котором

находился Олонэ, имел шестнадцать пушек, прочие – менее. Легкое оружие каждого флибустьера состояло из мушкета, двух пистолетов и сабли. В 1666 году совершилось предприятие, за которым последовало множество других в том же роде. Олонэ и Баско сперва отправились к мысу Энгано, на восточном берегу Испаньолы; и здесь счастье снова обернулось на сторону пиратов: едва только прибыли они, как вдали завидели огромный испанский корабль. Олонэ велел остаться всему флоту у мыса и с одним своим кораблем выступил против испанцев. Испанцы, хорошо вооруженные, имели 16 пушек и 50 солдат, не считая матросов, не уклонились от битвы; она продолжалась три часа и кончилась сдачею испанского корабля, на котором находилось 120 000 фунтов какао, 40 000 пиастров серебром и на 10 000 пиастров драгоценных камней. В продолжение этого времени остальная эскадра завладела другим восьмипушечным кораблем, нагруженным порохом, мушкетами и сундуками с деньгами, назначенными для гарнизона Испаньолы. Отсюда поехали в Маракайбо, город, принадлежащий к провинции Венесуэла, находившийся на берегу большого озера, он имел от 5 до 6 тысяч жителей, производивших значительную торговлю, вход в него защищался двумя островами и крепостцой ла-Барра, расположенной за речною отмелью. У этой отмели изливалось в море озеро, которое простиралось на 60 французских миль и на этом протяжении принимало 70 больших и малых рек.

Флибустьеры вышли на берег недалеко от крепости, которой комендант был настороже и выслал для наблюдения неприятеля значительный отряд, который расположился в засаде, но был открыт, частью изрублен, частью рассеян, так что ни один из них не добрался обратно в крепость, чтобы принести туда известие о появлении флибустьеров. Олонэ, пользуясь этим обстоятельством, немедленно пошел вперед, чтобы штурмовать крепость. Она находилась на возвышении, имела гарнизон в 250 человек, большие бастионы и 16 больших пушек, из которых производили сильный, беспрерывный огонь. Осаждающие, оставившие свои мушкеты на кораблях, не имели другого оружия, кроме пистолетов и сабель; несмотря, однако ж, на эту невыгоду, они после четырехчасовой битвы взяли крепость и изрубили весь гарнизон. Флот, извещенный сигналами об этой сдаче, немедленно пошел к городу Маракайбо, находившемуся в шести милях от крепости.

В городе царствовало величайшее смятение. Весть о прибытии флибустьеров предупредила беглецов и тем более встревожила жителей, потому что они раз уже подвергались подобному посещению, оставившему воспоминание ужасное, которое становилось еще страшнее при воспоминании о новейших жестокостях флибустьеров.

Поэтому всякий старался спастись как можно скорее; многие сотни жителей с женами, детьми и лучшим имуществом бросались в лодки и другие суда, чтобы уехать в город Гибралтар, находившийся в 40 милях выше на том же озере; прочие укрылись в лесах, не исключая стариков и больных. Город опустел как бы волшебством, но от этой поспешности жители оставили в нем большую часть своего имущества, состоявшего в товарах и огромном запасе хлеба, муки, свинины, домашних птиц, водки и вина.

Флибустьеры не подозревали этого бегства и продолжали действовать по принятому ими плану. Они срыли крепость ла-Барра и разрушили ее до основания, сожгли, чего не могли унести с собою, похоронили убитых, раненых посадили на корабли, потом соединились в один большой отряд и пошли на Маракайбо. Каково же было их удивление, когда они не застали ни одного жителя! Но нечего было делать. Они заняли лучшие дома, расставили часовых, самую большую церковь превратили в гауптвахту и начали наслаждаться богатыми припасами, оставленными жителями. На другой день 160 флибустьеров отправились в леса для отыскивания беглецов; они возвратились в тот же вечер со значительным числом нагруженных мулов; кроме того, привезли они 20 000 испанских пиастров и двадцать пленных, мужчин, женщин и детей. Некоторых из них пытали, чтобы выведать, где скрыты сокровища прочих беглецов, но не могли узнать ничего. Олонэ собственноручно изрубил одного испанца в куски, чтобы более напугать других, но несчастные пленники, не зная ничего, страдали и умирали молча.

В самом деле, беглецы, зная алчность пиратов к благородным металлам, унесли с собою все золото и серебро; они почитали себя совершенно безопасными во внутренности страны, где, кроме того, надеялись на защиту войск и крепостей. Но флибустьеры не были расположены уступить добычу, на которую рассчитывали наверняка. Прожив две недели в Маракайбо, они решились идти в Гибралтар, где узнали в одно время и об этом намерении, и о выступлении флибустьеров и приготовлялись дать им сильный отпор.

Гибралтар производил значительный торг табаком, в окрестностях его разводили лучшее какао в Америке. Он находился в плодоносной, перерезываемой реками равнине, покрытой акажу (красным деревом), на берегу прекрасного озера; с одной стороны город упирался в большую горную цепь, называемую Гибралтарскими горами. За этими высокими, покрытыми снегом горами находилось много городов, между прочим, большой соседний Гибралтару город Мерида. Сюда отправлялись обыкновенно все богатые жители Гибралтара во время дождей, потому что город их, несмотря на выгодное местоположение, имел в это время года нездоровый климат; в нем оставались только ремесленники и беднейший класс народа. Поэтому жители Гибралтара полагали, что имеют полное право ожидать защиты от своих хозяев, и немедленно отправили к меридскому губернатору просьбу о помощи. Губернатор Мериды, старый, опытный воин, явился сам с 400 хорошо вооруженных воинов и соединил их с таким же числом гибралтарских жителей, так что отряд, назначенный защищать город, простирался до 800 человек. С величайшею поспешностью начали возводить по направлению к озеру батареи, заперли дефилей, ведущий к городу со стороны равнины, и открыли вместо него другой, проходивший через лес по чрезвычайно топкому болоту. На главной батарее подняли королевский флаг. Приготовившись таким образом, испанцы стали поджидать флибустьеров, которые, нисколько не подозревая подобных приготовлений, взяли с собою пленных и всю награбленную добычу и спокойно плыли к Гибралтару.

Флот, употребив на переезд три дня, наконец достиг своей цели, и флибустьеры с палуб своих кораблей могли уже видеть город и прелестные виллы, рассеянные по его окрестностям. Но при виде огромных приготовлений неприятеля для их встречи, засек, потопленных полей, закрытых дорог, батарей и многочисленных палисадов они на несколько минут совершенно изменили своему характеру: как бы обуянные паническим страхом, они выказали необыкновенное малодушие, которому Олонэ, однако, не дал укорениться. Он созвал немедленно военный совет и откровенно представил своим товарищам дурное положение их дел. „Нельзя не сознаться, – сказал он, – что трудности, предстоящие нам, очень велики. Испанцы имели время приготовиться к нашему приему. У них, верно, множество солдат, пушек и военных снарядов. Однако же, товарищи, не робейте! Нам надо победить, как прилично храбрым воинам, или лишиться жизни и вместе с нею всех богатств, приобретенных кровью и опасностями. Нас ожидает огромная добыча. Смотрите на меня, на вашего вождя! Следуйте моему примеру! Было время, когда мы с гораздо меньшими силами побеждали гораздо большее число неприятелей, нежели какое может поместиться в этом городе. Не забудьте, что, чем враги многочисленнее, тем блистательнее будет наша слава, тем огромнее добыча!“ Эта короткая речь вождя, хорошо знавшего, с кем имеет дело, и всегда умевшего тронуть самые чувствительные струны страстей своих подчиненных, произвела решительное действие: все обещали следовать за ним и пролить кровь свою до последней капли. Вообще, флибустьеры всегда гораздо менее опасались за жизнь свою, чем за разрушение надежд на добычу; они были убеждены, что в этом городе были собраны все сокровища Гибралтара, Маракайбо и окрестных мест. Поэтому они поклялись победить или умереть. Олонэ отвечал на это: „Хорошо. Но смотрите, первого, кто с этой минуты покажет малейший страх, я убью собственноручно!“

Перед рассветом высадилось на берег 380 человек, вооруженных только короткими саблями и пистолетами; каждому было дано пороха и пуль на тридцать зарядов. Пираты пожали друг другу руки в знак бодрости и отправились в путь, ведомые преданным им путеводителем, который, однако, не знал ничего о новых распоряжениях губернатора и потому привел их

прямо к заваленному дефилею. Здесь невозможно было пройти. Поэтому они обратились на лесную дорогу, где вязли до колен и думали совершенно утонуть; для избежания этого они срубали ветви и ими прокладывали себе дорогу под убийственным огнем батареи, нарочно устроенной в таком направлении, что она обстреливала всю дорогу. Многие флибустьеры падали, чтоб не вставать более; но, испуская дух, увещевали своих товарищей идти вперед и предсказывали им несомненную победу. Наконец пираты достигли леса, где почва была тверже, и надеялись легче совершить остальной путь. Но тут встретили их выстрелы с другой батареи в двадцать пушек, заряженных картечью, которая производила такое ужасное действие, что наступающие падали десятками. Наконец они отступили и снова пришли на болотистую дорогу, где опять встретили их выстрелы первой батареи.

Олонэ не участвовал в этом отступлении и с небольшим отдельным отрядом достиг подножия укрепления. Но при величайших усилиях им невозможно было взобраться на бастионы без лестниц и осадных снарядов, следовательно, им оставалось погибнуть всем без исключения.

Олонэ, на которого нисколько не подействовал страх явной смерти, и здесь не потерял присутствия духа, но хладнокровно придумывал военную хитрость. Он вдруг побежал назад со всем своим отрядом, нарочно не стараясь скрыть это движение от неприятелей. Испанцы, соединившие на этом пункте все свои силы, видя это бегство и надеясь одним ударом истребить всех флибустьеров, поспешно вышли из укрепления и бросились за ними в погоню. Но тут все переменилось, потому что страшные враги, не тревожимые более батареей и будучи в состоянии помериться с испанцами на саблях, вдруг остановились и бросились на них как бешеные: чтобы отомстить за павших флибустьеров, пираты убивали всех испанцев, которых могли настигнуть, прочих прогнали в леса, а потом, как бурный поток, хлынули на главное укрепление и заняли его. После этого испанские солдаты в другом укреплении сдались без сопротивления. Более пятисот испанцев погибли в этот день, не считая раненых в городе и скрывшихся в лесу, которые там истекли кровью, притом все почти испанские офицеры лишились жизни в этом ужасном побоище, так же как губернатор Мериды, старый, опытный воин, отличившийся во фландрских походах. Ни Олонэ, ни Баско не были ранены, но зато они лишились многих храбрейших своих товарищей. Всего со стороны флибустьеров было 40 убитых и 78 раненых, последние, по причине опасных ран от картечи и недостатка во врачебном пособии, почти все умерли.

Оставшимся в живых флибустьерам было наконец полное раздолье. У них было 150 пленных из богатейших граждан, которых вместе со множеством женщин и детей заперли в главной церкви, и до 500 невольников. Трупы убитых испанцев были брошены в трюмы двух уже более негодных судов и утоплены в озере.

Кончив эти распоряжения, пираты принялись методически грабить город. Все, что имело какую-нибудь ценность и могло быть унесено, сносили в одну кучу. Флибустьеры употребили на это четыре недели, между тем как большая часть пленных умирала с голода, ибо жестокие победители, не обращая внимания на этих несчастных, все съестные припасы грузили на свои суда. Пленным не давали ничего, кроме небольшого количества ослиного мяса. Женщин, которые добровольно или принужденно удовлетворяли сластолюбие пиратов, содержали немного лучше; по большей части все они сдавались, принуждаемые голодом. Кроме этих лишений, заключенных беспрестанно подвергали пытке, чтобы узнать, где они зарыли свое имущество, причем не взирали ни на бедность, ни на незнание; многие испускали дух в жестоких мучениях.

Олонэ, не довольствуясь никакими выгодами, никакою добычею и жаждя беспрерывно новых опасностей, хотел пройти еще на сорок миль далее в материк, чтобы напасть на город Мериду, но товарищи его и слышать не хотели об этом предприятии, и он принужден был отказаться от него. Даже дальнейшее пребывание в Гибралтаре становилось опасным, потому что, после потопления упомянутых выше судов, не обращали внимания на новые

трупы, число которых с каждым днем увеличивалось от смерти раненых испанцев и флибустьеров. Только немногих из них зарывали кое-как в землю, прочих же предоставляли в добычу хищным птицам и насекомым.

Эта бесчеловечная беспечность в таком жарком климате ощутительно заразила воздух, между дикими победителями открылась чума: многие умирали внезапно, у других раскрывались давно зажившие раны, и все убедились, что пора отправиться в обратный путь. Наконец они стали собираться. Но прежде отправления они послали четырех пленников в лес, чтобы потребовать от бежавших испанцев 10 000 талеров, грозясь в противном случае испепелить город. На собрание этих денег дано было два дня сроку. Срок истек, и денег еще не было. Флибустьеры зажгли город, но по убедительным уверениям пленных испанцев, что деньги непременно будут уплачены, остановились и даже помогли тушить пламя; однако пожар, продолжавшийся уже шесть часов, превратил в развалины большую часть города и главную церковь. Наконец принесли деньги за выкуп города и еще другую сумму за избавление пленных, которые все были оценены. Пираты оставили Гибралтар, сели на суда с добычею и со всеми невольниками и поехали к Маракайбо, где во время их отсутствия опять собрались ограбленные жители. Можно представить себе их ужас при виде флибустьеров. Пираты отправили к ним посла с уведомлением, что если они не заплатят тотчас 30 000 пиастров, то город будет снова ограблен и потом сожжен. Жители предлагали 20 000 пиастров и 500 коров, что и было принято. В продолжение переговоров флибустьеры придумали препровождение времени: вышли на берег и ограбили церкви, из которых брали образа, алтарные покровы и все украшения, мощи, распятия, даже колокола. К этому побуждала их не жажда к хищничеству, но благочестивое намерение соорудить на острове Тортуге часовню и убрать ее этими священными драгоценностями. Теперь ничто более не удерживало пиратов: получив выкуп, они уехали.

Отягченные добычею, флибустьеры направили путь свой к соседнему с Испаньолой Коровьему острову, на котором обитали французские буканьеры, под покровительством которых было здесь учреждено пристанище для флибустьеров, снабжаемых дикими охотниками мясом за богатую плату. Здесь принялись за раздел награбленной добычи по описанному нами выше уставу: всякий, положив руку на распятие или библию, возобновлял клятву, что не скрыл ничего. Ценность всей добычи, за исключением церковной утвари, простиралась до 260 000 испанских талеров, причем на долю каждого оставшегося в живых флибустьера приходилось по 100 талеров. Доля убитых была отложена для вручения родственникам и друзьям их. После этого раздела Олонэ отправился со своим флотом на остров Тортугу, куда только что пришли два французских корабля с вином и водкой. При таком удобном случае флибустьеры в несколько недель пропили свою добычу до последнего мараведиса.

Олонэ скоро стал готовиться к новым подвигам. Для этого избрал он шесть кораблей и посадил на них 700 человек, взяв триста из них на главный корабль свой. Он намеревался снова ехать в Никарагуа, но флот его должен был бороться с противными ветрами: то господствовало совершенное затишье, то ужасные бури, и наконец корабли были заброшены в залив Гондурас. У флибустьеров начал сказываться недостаток в съестных припасах, поэтому они несколько раз сходили на берег, где грабили селения, но не могли собрать достаточного количества трофеев для удовлетворения своих жизненных потребностей. Наконец они приехали в Пуэрто-Кавалло, город, в котором испанцы устроили складочное место товаров. В гавани стоял испанский сорокапушечный военный корабль, вовсе не приготовленный к битве; пираты взяли его без труда, потом вышли на берег и сожгли все дома и магазины с товарами. Эти товары состояли из кошенили, индиго, кож, сассапарили и пр., свезенных сюда и сложенных до времени для отвоза в Гватемалу. Флибустьерам невозможно было взять их с собою: они брали только серебро, золото, драгоценные камни и другие необъемистые вещи. Жителей, как обыкновенно, подвергали ужаснейшим пыткам, чтобы они объявили, где спрятали свои сокровища. У многих вырывали язык; других, после

ужасных мучений, закалывали саблями, только двоим оставил Олонэ жизнь, чтобы служить ему проводниками в город Сан-Педро, в 12 милях от Пуэрто-Кавалло. Он отправился туда с 300 человек, оставив главного товарища своего, Моисея Фан-Вина, с остальными флибустьерами на кораблях. Отправляясь в поход, он возобновил угрозу, что первый из пиратов, кто отступит, падет от руки его, и потом быстро пошел вперед. Отряд испанцев поджидал их на дороге в укрепленной засаде, закрываемой густым лесом, и отсюда напал на флибустьеров со всеми выгодами, какие могли представить им местность и нечаянность, но без успеха. Первым делом Олонэ при нападении испанцев было – убить двух проводников, хотя они ничего не знали о засаде; потом он бросился на испанцев. Только немногие спаслись бегством, прочие все остались на месте, жестокие неприятели убивали даже раненых. Олонэ оставил в живых только немногих пленных, чтобы узнать от них другую дорогу или, по крайней мере, места, где были скрыты другие засады; неожиданные нападения не слишком ему нравились. Пленные, не очень расположенные открывать планы своих земляков, клялись, что не знают ничего о других засадах. Олонэ пришел в исступление от этого упорства, проколол одного испанца, вырвал у него сердце, грыз его зубами и при этом испускал ужаснейшие проклятия против пленных испанцев. Устрашенные виденной ими сценой и боясь повторения ее на себе, испанцы сознались наконец, что он встретит еще две засады, скрытые на дороге в город, и от них невозможно уйти, потому что нет другой дороги. Нечего было делать. Олонэ приготовился принять по возможности хорошо испанцев и скоро встретил два отряда, но и они были отражены. Несмотря на крайнее утомление от этих стычек, флибустьеры шли вперед не останавливаясь и в итоге достигли леса в миле от Сан-Педро, где провели ночь, мучимые голодом и жаждой.

На следующий день подошли к городу, укрепленному странным образом. Он был окружен густой оградой из терновника на корне, огромные иглы которого были чрезвычайно опасны. Эта ограда тем менее нравилась флибустьерам, что они были босы, и все платье их состояло из рубашки и длинных матросских штанов. Но им не оставалось другого средства, как идти вперед и пробиться сквозь тернии, которые раздирали все тело их. При этом они должны были еще выдерживать сильный пушечный огонь. Но, несмотря на все это, они бодро шли на приступ. После четырехчасовой битвы, в продолжение которой испанцы оборонялись отчаянно, они предложили капитуляцию, в которой требовали только двух часов отдыха. Разумеется, что это время намеревались они употребить на то, чтобы скрыть лучшее имущество и товары и, если возможно, спастись самим. Совершенно обессиленные флибустьеры согласились и сдержали слово, в продолжение двух часов они оставались в совершенном бездействии, хотя жители в глазах их выносили из города лучшее имущество свое. Но лишь только прошло урочное время, Олонэ отправил за беглецами погоню, приказав не только отнять все имущество, но привести назад и самих беглецов. Это было исполнено в точности. Флибустьеры купили победу тридцатью убитыми и двадцатью ранеными.

Олонэ между тем начертал уже новый дерзкий план: он хотел соединить весь отряд свой и идти на Гватемалу; но все пираты восстали против предложения, которое, при малочисленности своей, считали неисполнимым и сумасбродным. Кроме значительного отдаления и трудностей пути, город Гватемала был слишком велик и имел четырехтысячный гарнизон. Итак, предводитель флибустьеров снова должен был отказаться от плана, исполнению которого препятствовала робость его товарищей. Он прожил с отрядом своим две недели в Сан-Педро, взял с собою все, что только можно было унести, и при уходе со всех концов зажег город.

Флибустьеры возвратились на корабли с богатой добычей, но по-прежнему терпели недостаток в съестных припасах. Это обстоятельство принудило их держаться у берегов и рассеяться на маленьких островах в заливе, где было множество черепах. Главнейшим занятием пиратов была ловля их. Почти все флибустьеры плели сети из волокон каких-то деревьев, потом разделялись на отряды и отправлялись на промысел. Удачная ловля, по крайней мере на время, избавила их от голодной смерти. Каждый корабль крейсировал

отдельно, думая только о пище. Олонэ также плавал отдельно. Стоянка в этом заливе продолжалась с лишком три месяца; пираты поджидали богатый испанский корабль, о скором прибытии которого узнали еще в Сан-Педро. Говорили, что он принадлежит к разряду самых огромных кораблей и обыкновенно каждый год отправляется из Испании в Гватемалу с лучшими европейскими произведениями. Наконец желанный корабль показался, но страшно вооруженный, приготовленный к бою, с 56 пушками и другими употребительными в то время пороховыми машинами и 130 солдатами. Олонэ, не дожидаясь прочих кораблей, немедленно атаковал его своим кораблем, на котором находились 22 пушки; испанцы защищались храбро, отбили пиратов и принудили их удалиться.

Но флибустьеры отнюдь не были расположены оставить свое намерение, густой туман благоприятствовал им. Под защитой его Олонэ поместил своих людей на четыре лодки и таким образом взошел на испанский корабль, который скоро сдался.

Но, к величайшей досаде, победители увидели, что корабль успел где-то уже почти совсем выгрузить свои товары и представлял их алчности весьма незначительную добычу. На нем осталось только несколько ящиков с мануфактурными изделиями, железом и две тысячи кип писчей бумаги. С лишком на миллион пиастров уже свезли на берег. Эта неудача произвела на всех флибустьеров сильное впечатление. Особенно новоизбранные, надеявшиеся мигом нажить сокровища и до сих пор терпевшие только нужду, зароптали громко и хотели возвратиться домой, ветераны же объявили, что лучше готовы погибнуть, нежели ехать домой с пустыми руками.

В таком положении Олонэ созвал военный совет и снова предложил отправиться в Гватемалу. Вся толпа разделилась: большая часть перешла на сторону Моисея Фан-Вина, который объявил себя главою недовольных и тайно уехал на последнем взятом 56-пушечном корабле; другой начальник, ле Пикар, сделал то же, но и они не остались вместе. Каждый разбойничал на свою руку на суше и на море.

Фан-Вин намеревался на большом корабле своем, который и без серебра и товаров мог доставить ему кредит в глазах флибустьеров, ехать на остров Тортугу, запастись необходимым и потом отправиться на новые грабежи. Но судьба уничтожила это намерение: корабль сел на мель, и хотя почти все флибустьеры спаслись, но это несчастье лишило их на время всех средств продолжать грабежи и принудило рассеяться.

Между тем Олонэ с оставшимися ему верными пиратами пребывал в Гондурасском заливе, где разъезжал взад и вперед в надежде верной добычи, терпел беспрестанный недостаток в съестных припасах и ежедневно отправлял людей на берег для поимки обезьян и других животных, которыми они питались. Эти экспедиции совершались днем, ночью же ехали далее.

Однако ж положение их становилось более и более затруднительным, пока, наконец, у маленького острова делас-Перлас и этот корабль, подобно кораблю Фан-Вина, сел на мель. Чтобы сняться с нее, они побросали в море пушки и все тяжести, без которых могли обойтись, но тщетно – корабль оставался неподвижен. Флибустьерам удалось, однако ж, съехать на берег. Они немедленно разобрали корабль свой, чтобы из обломков его построить большую барку. Но эта работа требовала много времени, они выстроили себе на берегу хижины, посеяли бобов и других овощей, которые чрезвычайно скоро спеют в этом благословенном климате. Кому не было дела в поле, тот отправлялся на охоту или на рыбную ловлю. Через пять месяцев достроили, наконец, барку, но она далеко не могла вместить в себя всех флибустьеров. На общем совете решили ехать на барке к реке Св. Иоанна, называемой испанцами Дезаньядера, отыскать там другие суда и приехать за оставшимися. Бросили жребий, чтобы узнать, кому ехать. Половина флибустьеров с Олонэ отправились. Но для него уже взошла неблагоприятная звезда и с тех пор преследовала его беспрерывно. Флибустьеры, правда, достигли благополучно реки Св. Иоанна, но на них

напали испанцы, соединившиеся с туземными индейцами, которые славились своим мужеством, оказанным в разных случаях, и за то получили от испанцев название „храбрых индейцев“ (indios bravos). Большая часть флибустьеров была истреблена. Олонэ и остальные пираты кое-как спаслись. Впрочем, и эта неудача не заставила их отказаться от намерения захватить какие-нибудь суда, чтобы избавить товарищей, оставшихся на острове делас-Перлас. Для этой цели Олонэ отправился к берегам Картахены.

Л'Олонэ попадает в беду

Но час его настал: при одной высадке дариэнские индейцы, одно из самых диких американских племен, напали на пиратов, взяли в плен самого Олонэ, живого разорвали в куски, сжарили их и съели. Большую часть вышедших вместе с ним на берег пиратов постигла такая же участь. Только немногие спаслись, чтобы уведомить товарищей о трагической кончине знаменитого пирата».

На этом рассказ Ф. Архенгольца не завершается, поскольку он не мог не упомянуть об участи тех пиратов, что остались на острове. И, естественно, выносит свое заключение: «Оставшиеся на острове де-лас-Перлас флибустьеры десять месяцев тщетно ждали возвращения своих товарищей, наконец, корабль, на котором находилась другая партия пиратов, принял их, и они решились вместе со своими избавителями производить грабежи. Весь соединенный отряд вышел на берег у Грациас-а-Диос и в пирогах поехал вверх по реке. Тамошние жители, однако, успели вовремя убежать внутрь страны, взяв с собою все, даже съестные припасы. Это обстоятельство, которого не предвидели флибустьеры, повергло их в крайнюю нужду. Голод свирепствовал между ними и заставлял их искать пищи вдоль берега; не имея чем утолить голода, они ели башмаки и сабельные ножны. Только немногие добрались до морского берега; прочие все погибли – частью от истощения, частью были убиты возвращавшимися жителями.

Вот каковы были почти все действия флибустьеров: дерзкое нападение в лодках на большие корабли, почти всегдашний успех; высадки, победы над гарнизонами и охранными войсками, осада и взятие крепостей, грабежи и жестокости всякого рода; редко при битвах на суше и на море подвергались они совершенному поражению, а еще реже были уничтожаемы целые отряды их, как случилось с Олонэ и его товарищами».

Томас Пейн (Thomas Paine)

(1632–1715), Англия

Этот английский буканьер пиратствовал в Карибском море в 1680–1683 годах. Начав свой путь с пиратского разбоя, он в итоге получил прощение и в дальнейшем даже, случалось, охотился на корсаров, а дни свои завершил в покое и почитании.

Матушка Томаса Пейна вышла вторым браком за губернатора острова, на котором они жили. Видимо, атмосфера в новой семье была не слишком благоприятной, а может, все дело было в том, что мальчик стремился как можно раньше стать мужчиной. Как бы то ни было, но в возрасте 15 лет он ушел в море простым матросом. Ему повезло плавать с такими грандами

пиратского мира, как Франсуа л’Олонэ и сэр Генри Морган. Это был потрясающий опыт, который весьма пригодился Пейну в дальнейшем, когда он сам стал корсаром.

А произошло это, по мнению большинства историков пиратства, в 1678 году в результате его участия в рейде графа Жана д’Эстре, флот которого был застигнут штормом у Лас-Авез. Благодаря тому, что у Пейна был небольшой и удачно сделанный шестипушечный шлюп, позволявший ему добиваться невероятной маневренности, он оказался в выгодном положении. Пейн, тем не менее, самоотверженно бросился спасать тонущих буканьеров – в сущности, это было его первое боевое крещение. Своим поступком он завоевал к себе уважение и приобрел соответствующую репутацию. Летом того же года он совместно с де Граммоном отправился на разграбление Маракайбо. Июнь получился результативным. Однако корабль нуждался в починке, и Пейн вернулся и высадился на Лас-Авез, чтобы привести свое судно в порядок. В это время к острову подошел крупный голландский корабль. Заметив пиратов, голландцы, застав их врасплох, начали обстреливать. В этот миг для Томаса Пейна все могло закончиться навсегда. Но он явно родился в сорочке! Из-за шквального пушечного огня берег заволокло дымом; и тут к острову пристало… еще одно голландское судно! Это был скромный шлюп. Пираты под прикрытием еще не рассеявшегося дыма захватили шлюп и умудрились сбежать, бросив свое так и не отремонтированное судно на берегу.

В дальнейшем Томас Пейн присоединился к опытным корсарам – капитану Райту и Йэну Виллемсу – и они стали вместе охотиться в Карибском море. Из их наиболее впечатляющих демаршей стоит упомянуть захват в 1680 году Рио-де-ла-Хача. Кроме того, заслуживал внимания и успешный рейд Пейна к Гондурасу, принесший ему неплохие трофеи. В мае 1680 года Томас Пейн вновь вышел в море уже с де Граммоном, как прежде. Они решили возобновить свое сотрудничество. В июне 1680 года они захватили портовый город на побережье Гондураса – Ла-Гуайру; примечательная деталь: корабли де Граммона и Томаса Пейна специально приняли на себя атаку подоспевших сил возмездия в лице испанской эскадры, позволив тем самым спокойно уплыть прочим пиратским кораблям, на которых находилась практически вся добыча. После справедливого раздела награбленного Томас Пейн отправился на Тортугу.

Значительные средства позволили Пейну обзавестись новым кораблем. Ему теперь не было нужды ютиться на крохотном шлюпе. Его выбор пал на более крупное судно, вооруженное десятью пушками. Общая численность команды достигала порядка 100 человек. В июне 1681 года он на своем новом корабле примкнул к пиратской эскадре, целью которой были острова Сан-Биас. Рейд, тем не менее, не удался, поскольку эскадру разметало штормом. Вновь, уже второй раз в жизни стихия становилась непреодолимым препятствием на пути Пейна. Судно Пейна отнесло к Бока дель Торо, где он был вынужден заняться его ремонтом, чему, кстати, весьма препятствовали набеги туземцев.

На исходе 1682 года Томас Пейн, похоже, решил образумиться. Ему уже стукнуло пятьдесят. Он чувствовал, что стареет и не может уже, как прежде, зарабатывать на жизнь морским разбоем. Он отправился на Ямайку и повинился перед губернатором. Тот проявил к нему снисхождение, выбив из Пейна твердое обещание впредь не пиратствовать. Но уже в марте 1683 года, поддавшись искушению, он совместно с четырьмя другими корсарами напал с моря на колонию Сан-Августин во Флориде. Жители колонии оказались закаленными в боях молодцами, и на испуг их взять не удалось. Чтобы заполучить хоть какую-то добычу, пиратской эскадре пришлось сновать вдоль побережья, грабя небольшие селения. В конце концов Пейн вернулся в Нью-Провиденс, столицу Род-Айленда. А тамошнему губернатору уже легли на стол официальные бумаги с требованием арестовать Пейна за то, что он нарушил условия, на которых ему было даровано прощение. Однако Уильям Коддингтон, губернатор Род-Айленда, был крепким орешком и не любил получать приказы от сторонних официальных лиц, не говоря уж о том, чтобы их выполнять. Он не стал брать Пейна под стражу, оставив его на свободе и позволив начать новую жизнь.

Впоследствии Пейн перебрался в Джемстаун, где окончательно и обосновался, вдобавок женившись в 1687 году на дочери верховного судьи города. Он стал примерным гражданином; единственным облачком, что слегка омрачило его репутацию, стало обнаружение у него части имущества знаменитого корсара Уильяма Кидда. Впрочем, в итоге все обошлось. Он был взят на службу в милицию и способствовал сохранению порядка в регионе.

Впрочем, однажды ему удалось тряхнуть стариной. Правда, теперь все было иначе. Не за ним охотились власти, а он сам был уполномочен преследовать. Случилось это уже в 1706 году. Объектом преследования Томаса Пейна явился французский корсар, которого он и настиг, доказав тем самым свою лояльность.

Скончался Томас Пейн в 1715 году на острове Конаникут, где и был похоронен на принадлежавшей ему земле.

Пьер ле Пикар (Pierre le Picard)

(1624–1679), Франция

Это был французский буканьер, отличившийся в совместных акциях с такими маститыми корсарами, как сэр Генри Морган и Франсуа л’Олонэ. Кроме того, Пьер ле Пикар («Пикардиец») стал одним из первых пиратов, кто с равным успехом проявил себя в рейдах как на Карибах, так и на Тихом океане.

Жан Рогожинский, авторитетный историк пиратства, полагает, что

Le Picard – это не фамилия, а, скорее, прозвище, которое указывает на то, что родиной этого человека является Пикардия. Никаких упоминаний о нем до того, как он, имея под началом небольшую бригантину с командой в 40 человек, был принят в 1667 году корсаром Франсуа л’Олонэ в свою эскадру, не встречается. Впрочем, известно, что до встречи с л’Олонэ он принял в 1666 году участие в пиратском рейде в Маракайбо (ле Пикар наверняка даже не догадывался, какую роль впоследствии сыграет в его судьбе знание тамошних окрестностей, полученное им на практике!).

Эскадра пиратов двинулась в направлении портовых городов Пуэрто-Кабальос и Сан-Педро. Это были поистине вожделенные цели, но, как это ни странно, экспедиция оказалась крайне неудачной. Ряд пиратских капитанов, и среди них Пьер ле Пикар, испытав крайнее разочарование в своем именитом вожаке, предпочли его немедленно оставить и попытать счастья самостоятельно. Согласно Эксквемелину, пираты «…отправились на Тортугу, чтобы шарить в ее водах». Пьер ле Пикар «…пошел вдоль побережья материка, добрался до Коста-Рики, вошел в воды Верагуа; там он высадился на берег и отправился в городок Верагуа. Он разграбил его, несмотря на жестокое сопротивление испанцев».

Вместе с Пьером ле Пикаром действовал другой пират – Муаз Вакелин, также ранее участвовавший в рейде корсара л’Олонэ. «Пираты захватили часть горожан в плен и доставили их на корабль, но добыча досталась им небогатая: население в тех местах бедное и занято на рудниках. Там есть несколько золотых приисков, на которых трудятся рабы; они вытаскивают землю и промывают ее в реке. На целую гору земли приходится несколько золотых песчинок величиной с горошину, иногда, правда, встречаются золотинки покрупнее, но чаще они совсем мелкие. Пираты захватили не то семь, не то восемь фунтов золота.

После этого они решили, что лучше всего отправиться в город Нату, на побережье Южного моря (т. е. Тихого океана. –

Авт .); там есть чем поживиться: ведь в городе живут хозяева тех рабов, которые трудятся в Верагуа. Однако они все же побоялись пойти туда – уж больно много испанцев жило в Нате».

Да, это, безусловно, было мудрым решением, поскольку Муаз Вакелин решил атаковать Нату самостоятельно и в итоге лишился корабля.

А Пьер ле Пикар вернулся к себе на Тортугу. Сведений о том, выходил ли он в море на протяжении нескольких следующих лет, не имеется. По всей видимости, выходил – на то он и был пиратом; по крайней мере судно он поменять удосужился. Однако серьезной добычи ему заполучить явно не удалось. А в 1669 году сам Генри Морган, которому поведали о том, что Пикар в 1666 году был в Маракайбо и хорошо знаком с теми местами, предложил пирату стать его проводником в специально снаряженной для этого экспедиции. Правда, некоторые источники утверждают, что это именно Пьер ле Пикар надоумил Моргана двинуться к Маракайбо, суля золотые горы и выразив горячее желание участвовать в этом путешествии в качестве проводника. Более того, Морган после недавней и на редкость неудачной атаки баснословно богатого порта Картахены как раз утратил некоторую долю популярности и терял своих союзников, угрюмо созерцая, как тает его эскадра. Соответственно он не мог не возблагодарить судьбу за то, что она в лице Пьера ле Пикара предоставляет ему блестящую возможность вернуть свое отчасти пошатнувшееся величие!

Пикар присоединился к Генри Моргану в Панаме, откуда уже проследовал на своем новом корабле «Святой Пьер» с 10 пушками на борту. Рейд оказался более чем удачен; проводник оказался на высоте! Оба города были разграблены. Но это еще не все. Непонятно почему, но пираты, которых изрядная добыча отнюдь не привела в хорошее расположение духа, задались целью переловить чуть ли не все население этих городов, подвергнув затем несчастных чудовищным пыткам и издевательствам. Они так долго пытали их и мучили, что уже успела подоспеть мини-эскадра испанцев из трех военных фрегатов с намерением покончить с пиратами. Однако пираты не позволили застать себя врасплох. Один из их кораблей, начиненный порохом, пошел на таран одного из фрегатов. В итоге оба корабля взорвались. Другой фрегат был пиратами сожжен, а третье судно они взяли вместо того, что было пожертвовано в самом начале. Им даже удалось дополнительно заполучить с этих фрегатов около 20 000 песо серебром. Общая сумма награбленного составила порядка 125 000 песо; каждый из пиратов (а уж Пьер ле Пикар – точно!) получил внушительную долю добычи.

В дальнейшем Пикар ничем себя особенно не проявил; большинство историков полагают, что он скончался на Ямайке в 1679 году. Тем не менее сам сэр Генри Морган, к тому времени уже ставший губернатором Ямайки, отмечает в своих воспоминаниях, что Пьер ле Пикар был жив в 1682 году, причем вполне сохранил свою активность, бороздя воды в районе Порт-Ройяла в ожидании английских и испанских торговых кораблей.

Шевалье дю Плесси (Chevalier du Plessis)

(16?? – 1668), Франция

Шевалье дю Плесси был приватиром, то есть он имел особую лицензию, позволявшую ему безнаказанно нападать на испанские корабли. Он осуществлял рейды с переменным успехом, однако по-настоящему большой добычи ему заполучить не удалось. В 1668 году он принял в свою команду Муаза Вакелина, который сразу же стал его правой рукой. Произошло

это далеко не случайно: Вакелин поведал дю Плесси о том, что был сподвижником легендарного пирата Франсуа л’Олонэ, а потом охотился сообща с Пьером ле Пикаром, также маститым корсаром, служившим проводником самого Генри Моргана в Маракайбо. Они двинулись к побережью Коста-Рики, где сначала взяли приступом город Верагуа, а потом попытались захватить еще один – Ната, но там им не повезло. Вакелин же, лишившись своего корабля, был вынужден искать работу. Так вот он и попал на борт к дю Плесси. Когда на исходе того же года дю Плесси скончался, Вакелин принял командование его кораблем и продолжал пиратствовать.

Франсуа Гронье (Francois Grogniet)

(? – 1687), Франция

Это был французский буканьер, которого принято считать едва ли не самым большим неудачником среди всех пиратов.

Ну, это, пожалуй, некоторое преувеличение, хотя доля истины в подобном утверждении присутствует. Однако Франсуа Гранье довелось участвовать в рейдах совместно с такими признанными пиратами, как Эдвард Дэвис, Джордж Хаут и Пьер ле Пикар. Действовал в Карибском море, а также в Тихом океане. Некоторые страницы его жизни стали нам известны благодаря любезности небезызвестного Равено де Люссана, пирата, находившего время среди рейдов для изложения на бумаге особо примечательных подробностей содеянного им и его дружками-головорезами. В случае с Гронье это было куда как просто, поскольку они плавали на одном корабле.

К моменту своей встречи с Эдвардом Дэвисом Гронье имел под своим началом 280 человек; преимущественно это были французы и англичане. Ближайшим сподвижником Гронье был капитан Лескуер. У Жемчужных островов произошла их встреча с Эдвардом Дэвисом. Тому стало известно, что в скором времени поблизости должна проследовать флотилия кораблей, следующих из Перу и груженных золотом и драгоценностями. Дэвис предложил Гронье партнерство, и тот согласился. Как пишет Ф. Архенгольц: «…в марте 1685 года, вследствие вышеописанного плана, флотилия флибустьеров, состоявшая из десяти кораблей с 1100 человеками экипажа, явилась в Южном океане. Флотилию составляли два фрегата, один тридцатишести-, другой шестнадцатипушечный, пять меньших военных судов без пушек и три баркаса. Девятью из них командовали англичане и только одним француз, все они были отняты у испанцев. К ним присоединилось еще несколько других отрядов флибустьеров, между ними отряд капитана Гронье, который совершил удачно долгий и опасный путь на пирогах и лодках. Всей флотилией командовал англичанин Эдвард Дэвис.

Недалеко от перуанских берегов флибустьеры взяли испанский корабль и узнали от пленных, что перуанский вице-король приказал всем купеческим кораблям не выходить в море, обещая им, что в скором времени прибудет военная эскадра, которая изгонит пиратов из Южного океана. Между тем флибустьеры прибыли уже к Панаме, где надежда на помощь была очень слаба, а, напротив, царствовал величайший ужас при вести о вторичном появлении неумолимых врагов. Пираты крейсировали на небольшом расстоянии от города, потому что по причине мелководья не могли приблизиться к нему. Вскоре, однако, они бросили якорь у острова Тарога, ожидая появления испанского флота, без уничтожения которого не могли иметь успеха.

Наконец после четырехнедельного ожидания, седьмого июня 1685 года, флибустьеры

завидели испанскую эскадру, назначенную для их уничтожения. Она состояла из семи больших военных кораблей, в числе которых были два линейных и один семидесятипушечный, они шли прямо на суда пиратов. Флибустьеры ни минуты не сомневались в победе и радовались случаю, который на долгое время оставит им неоспоримое владычество на этих морях. Впрочем, битва не кончилась к их выгоде, потому что ветер был им противен, море беспокойно, и они не знали отмелей и берегов. Кроме того, силы были слишком неравны.

Самое сражение было одним из отчаяннейших предприятий, отмеченных в летописях флибустьеров, и при великом неравенстве никак не могло иметь счастливого конца. Поэтому они пришли в весьма опасное положение, из которого могло спасти их только самое отчаянное мужество. Один корабль их был окружен испанцами. Другие, менее стесненные, могли бы удалиться, но они решились единодушно лучше погибнуть до последнего, чем оставить неприятелю хоть малейшую лодку. И в самом деле, намерение это удалось сверх всякого чаяния, так что эта почетная битва, хотя неудачная, стоила победы, они потеряли только барку, большей частью наполненную пленными, которая до того была пронизана испанскими ядрами, что угрожала немедленной гибелью, почему экипаж оставил ее. Освобожденные этим случаем пленные, которым не было неизвестно отчаянное положение их на готовой потонуть барке, поспешили броситься в объятия земляков своих, но испанский адмирал, который не знал этого обстоятельства и не подозревал, что там находились пленные, но видел, как барка была оставлена флибустьерами, принял ее за брандер и поспешно велел обратить на нее весь огонь. Через несколько минут барка и все пленные исчезли в морской пучине».

Да, картина, нарисованная Архенгольцем, способна поразить любое воображение. Однако он почему-то избегает упоминания о том, что Гронье, будучи одним из предводителей, казалось, должен был собственной отвагой побуждать подчиненных ему людей на подвиги. Однако он, быстро оценив все шансы, почел за благо вообще уклониться от сражения! Такое поведение среди пиратов было не в чести. И если команда Гронье и не слишком негодовала на своего капитана, то ожидать подобной снисходительности от английской фракции пиратов явно не приходилось. Тем более что для назревающего конфликта имелся и еще один немаловажный повод.

Как далее повествует Ф. Архенгольц: «…морское волнение, продолжавшееся и после битвы, скоро рассеяло суда флибустьеров, и они не сошлись все вместе. О некоторых из них более не слыхали, о судьбе же других, особенно о тех, которые, как будет описано ниже, с 330 человеками достигли острова Сан-Хуан-де-Куэбло, остались следующие сведения.

Еще до общего рассеяния кораблей между флибустьерами оказались признаки несогласия, которое нередко укоренялось между ними и здесь особенно было для них гибельно. Неудачная битва с испанцами подала первый повод к раздору, и – что особенно странно – причиной его была религия. Англичане, которыми обладал в те времена дух пиэтизма (ханжества), заставлявший их ужасаться зрелища католических обрядов, подвергали в испанских церквах поруганию распятия и образа, разбивали их в куски, стреляли в них из пистолетов и смеялись над своими товарищами, французами, которые в ужасе крестились при виде этого безбожия». А тут еще подлил масла в огонь знаменитый английский корсар Уильям Дампьер, который во всеуслышание объявил, что Гронье – подлый трус. В рядах пиратской братии поднялось волнение, и капитанам стоило изрядных трудов кое-как утихомирить разошедшуюся толпу. После того, что произошло на острове, было ясно одно: разделения эскадры не избежать. И, как пишет Ф. Архенгольц: «…все французы, рассеянные на разных судах, числом сто тридцать, отделились от англичан, двести же других, находившихся на корабле капитана Гронье, остались близ них, недалеко от Панамы».

Эскадра Дэвиса незамедлительно покинула остров, оставив Гронье и всех, кто пожелал к нему примкнуть (среди последних, как ни странно, были и англичане). Теперь Гронье

располагал тремя кораблями, общий экипаж которых составлял 340 человек. Естественно, и сам Гронье не собирался долго рассиживаться, тем более что к их услугам был богатый регион, суливший немалую добычу. Как рассказывает Ф. Архенгольц: «…сто тридцать отделившихся французов сделались основою толпы самых отчаянных искателей приключений, они производили теперь грабежи на свой собственный счет на море и на суше, забирали все попадавшиеся им корабли, высаживались везде, где предвидели добычу, и брали выкуп с городов, которых жители были слишком слабы или трусливы, чтобы сопротивляться им. Между прочим, взяли они приступом города Леон и Эспарсо и сожгли город Реалейо (Никарагуа). Здесь вовсе не привыкли видеть неприятелей, и потому жители дрожали при виде всякого вооруженного человека. Поэтому не нужно было даже страшного имени флибустьеров, чтобы произвести всеобщее бегство. Суеверные поступки испанцев еще увеличили бедствия страны. Если флибустьеры являлись вторично в какой-нибудь город, то духовенство торжественно предавало анафеме город, и жители оставляли его, не похоронив даже убитых при обороне.

Одна барка, на которой находились англичане, была отброшена в Куэбло, экипаж ее решился соединиться с французами, которые как господствующая партия согласились на это тем охотнее, что незначительность числа их заставляла опасаться неудачи. Усилившись таким образом, они умножили и распространили свои нападения, которые, впрочем, большей частью производились каждой нацией отдельно».

24 ноября 1685 года испанцы прибегли к неожиданной уловке. Ф. Архенгольц свидетельствует: «…испанцы придумали хитрость, чтобы избавиться от этих ужасных гостей. Они отправили к флибустьерам с офицером письмо от генерального викария провинции Коста-Рика, в котором уведомляли последних, что в Европе Испания заключила мир со всеми народами, и поэтому должно надеяться, что и флибустьеры не будут продолжать более войны, а подумают о возвращении восвояси. Если им угодно совершить это возвращение, то им будет оказано всевозможное пособие, и их, как друзей испанцев, перевезут в Европу на королевских талионах. Но флибустьеры скоро догадались, что тут скрывается измена, и наотрез отвергли предложение». Как видите, пираты были не такими уж и простаками. Поняв, что их пытались взять хитростью, они еще более ожесточились: «…город Никоя, взятый также флибустьерами, но не сумевший заплатить выкупа, был сожжен. Но при этом французские грабители поступили особенным образом. Превосходя в числе англичан, они могли соблюсти свои религиозные предрассудки. Поэтому во время пожара они наблюдали за сохранностью церквей и даже организовали сбор пожертвований в частных домах, которые потом относили в церкви. Город Чириквита (Панама) и другие, не желавшие подвергнуться одинаковой участи с Никоею, давали выкупы». Надо добавить, что с целью пущего убеждения пираты вначале казнили нескольких представителей местного населения, словно намекая этим на то, какая именно участь ожидает жителей в том случае, если они вздумают мешкать с выкупом. В этих местах народ большей частью прозябал, поэтому выкупы предлагались преимущественно в виде продуктов питания.

Характеризуя действия Гронье и его людей в этой своеобразной ситуации, Ф. Архенгольц обращает внимание на ряд любопытных деталей: «…англичане и французы все еще действовали отдельно, причем первые, будучи сильнее, делали лучшие успехи в грабежах и морских разбоях. Притом толпы англичан были смешаны, тогда как французские состояли из одних французов, но как число их все более и более уменьшалось, то они скоро были принуждены принимать в свои отряды и англичан. Отчаянное мужество и бесчеловечие господствовали во всех отрядах в равной степени».

«Панама была, так сказать, средоточием, куда ездили они часто, чтобы в окрестностях ее добывать жизненные припасы и брать встречавшиеся корабли, причем часто происходили битвы на суше и на море, – пишет далее Ф. Архенгольц. – Скоро капитан Гронье соединился с этими флибустьерами, отделясь с 60 французами от первой флотилии. Подкрепленные этим отрядом, флибустьеры пошли на Пуэбло-Вьего, большое местечко, где испанцы

окопались в церкви, перед нею выстроили в боевом порядке сто пятьдесят всадников. Но эти защитники не дождались даже приближения неприятеля: едва завидев пиратов, все они разбежались, оставив им множество съестных припасов, в которых очень нуждались флибустьеры. Но по истреблении этих припасов возобновился прежний недостаток, потому что испанцы скрывали все жизненные потребности. Это принудило флибустьеров возвратиться в Сан-Хуан-де-Куэбло, где море обещало добычу или хоть другую помощь, ибо там оставалась часть отряда. Там же находились и морские силы их, состоявшие из одного корабля, двух барок, четырех лодок и нескольких недостроенных еще пирог».

Однако их нескончаемые бесчинства не могли не заботить испанские власти. Устав мириться с грабежами и нападениями, испанцы направили карательную эскадру. А пираты, будучи на острове, «пребывали… в совершенном спокойствии, когда вдруг завидели пятнадцать кораблей, подъезжавших к пристани. Уверенные, что это испанские суда и что, следовательно, корабль их погиб, они поспешно перенесли с него все припасы и вещи на барки и разбили его на берегу, при этом приняли все меры, чтобы воспрепятствовать высадке, если бы испанцы покусились на нее. Но последние и не думали пускаться на это и удовольствовались осмотром разбитого корабля, выбрали из него железо в знак победы и сожгли остов, после чего немедленно уехали». Это, между прочим, был самый крупный корабль эскадры пиратов. Так что они понесли существенный ущерб.

А далее мнения историков разделяются. Жан Рогожинский утверждает, что пираты соорудили компактные и надежные плоты, на которых двинулись на веслах в северном направлении. Через какое-то время они повстречали корсара Чарлза Свэна, с которым объединились и впоследствии совместно брали штурмом Гранаду. Если же верить Ф. Архенгольцу, дело обстояло вот как: «Флибустьеры собрали свою небольшую флотилию в Кайдейраском заливе и намеревались посоветоваться о важной экспедиции, когда завидели корабль, за которым тотчас учинили погоню. Приблизясь к нему, они с удивлением узнали в нем один из кораблей Дэвисовой эскадры, на котором находились английские флибустьеры, – встреча, угрожавшая недобрыми последствиями. Начальник его, Тюслэй, гордым обращением с французами подал первый повод к вредному для всех разделению отряда. Поэтому теперь его и весь экипаж взяли в плен. На корабле находилось сто двадцать англичан, которые, застигнутые врасплох, не могли выгодно защищаться против превосходных сил, корабль был объявлен добрым призом.

Тюслэй и англичане были чрезвычайно поражены, французы же, которые действовали вовсе не серьезно и притом нисколько не желали на краю света иметь между собой новых врагов, после пятичасовой шутки, в продолжение которой бранили пленных за их небратские поступки, положили конец ужасу их: дали всем им свободу и возвратили корабль со всем на нем находившимся. Освобожденные англичане решились соединиться навсегда со старыми друзьями».

Любопытный момент, не правда ли?

Подобная консолидация сил позволяла рассчитывать на многое. Во всяком случае, теперь уже можно было попробовать сразиться за крупный приз. Ф. Архенгольц подтверждает это: «Усилившись так значительно, флибустьеры решились предпринять важную экспедицию. Они хотели напасть на город Гренаду, и семнадцатого апреля 1687 года триста сорок пять человек отправились в путь к этому городу, где давно уже ждали их, поэтому удалили все драгоценности и, кроме того, приготовились к отпору. Флибустьеры узнали от одного пленного, что все жители вооружились, окопали себя высокими и крепкими стенами, снабженными двадцатью пушками, и имели для подкрепления шесть эскадронов кавалерии.

Гренада была в то время большим городом с красивыми домами, прекрасными монастырями и великолепными церквами и принадлежал к числу богатейших городов Америки. Он находился на берегу озера Никарагуа, в двадцати французских милях от Южного океана.

Перед городом было множество обширных сахарных заводов. Посреди его находилась цитадель, крепкая четырехугольная крепостца, способная задержать целую армию. Но все это нисколько не затруднило флибустьеров. В несколько часов овладели они городом, лишившись только двенадцати человек. Но они не нашли здесь ничего, кроме немногих бесполезных для них товаров: все прочее было увезено или скрыто.

Никогда еще не случалось флибустьерам брать большой город и не находить в нем никакой добычи. Оставшиеся товары и вещи не имели для них никакой цены. Между тем теперь представлялся им прекрасный случай с удобством и безопасностью оставить твердую землю Америки, потому что озеро сообщалось с Северным океаном, но они не успели еще награбить никакой значительной добычи, и мысль возвратиться с пустыми руками после стольких опасностей и приключений была им несноснее смерти. Итак, решившись выжидать лучшей удачи, оставили они Гренаду, не взяв с собой ничего, кроме одной пушки, которая пригодилась им как нельзя лучше: едва только вышли они в поле, как на них напали 2500 человек, которые, однако, при первом выстреле из пушки разбежались. Другой отряд, из города Леона, в 500 человек был прогнан так же легко. На другой день, проходя пустыней и не имея, при сильном солнечном зное, ни капли воды, они должны были бросить пушку, потому что волы не могли тащить ее далее. Везде, куда бы ни являлись они, не было съестных припасов, потому что индейцы, по повелению правительства, уничтожили все съестное, которого не могли скрыть заблаговременно.

Жители местечка Джинандейо пригласили к себе флибустьеров, конечно, в насмешку, потому что тут испанцы, в числе 200 человек, окопались в ущелье. Но это не препятствовало приступу, гарнизон бежал без сопротивления, и победители вступили в город и сожгли его в наказание за насмешку».

В самом начале повествования о Гронье и его пиратах было указано, что за ним закрепилась репутация самого неудачливого буканьера. По тем фактам, что были приведены выше, вы могли убедиться в некоторой справедливости данного утверждения. Что и говорить, пиратам явно не везло! Ф. Архенгольц, анализируя эти случаи, приходит вот к какому выводу: «Чрезвычайно странным и даже загадочным кажется то, как могли флибустьеры в прекраснейших и плодороднейших провинциях терпеть нужду и голод, но причина этого заключалась в их маленьких, дурных судах, в которых они не могли пускаться в открытое море, а должны были держаться у берегов, следовательно, всегда в виду испанцев. Последним поэтому было очень легко наблюдать за всеми их движениями и иметь время до прибытия их обезопасить все драгоценности и съестные припасы. Пираты нигде не могли застать города, местечка или селения врасплох, что было бы легко, если бы они имели большие корабли: зная о близости врагов и потеряв уже не одно судно, испанцы прекратили все береговые сообщения между Перу и Чили, на море не показывался ни один корабль, ни одно судно, посредством которых поддерживалась и процветала торговля. Вместо того открыли они более дорогой, но безопасный торговый путь и поддерживали его в продолжение всего времени, которое провели в этих странах флибустьеры». Видите, как все просто объясняется! Если бы Гронье был в состоянии проанализировать происходящее, вполне возможно, что он изыскал бы способ изменить принципы своей стратегии, что, безусловно, очень скоро бы сказалось на результатах пиратских рейдов!

Однако как бы то ни было, но отряд пиратов все равно представлял собой немалую силу, с которой испанцы не могли не считаться. И все бы, возможно, сложилось удачно, если бы пираты были едины в своих стремлениях. Ф. Архенгольц указывает, что «…большой отряд пиратов… наконец снова достигнул морского берега, где находились другие, все они начали советоваться о дальнейших действиях. Одни предлагали крейсировать на широтах Панамы, пока испанцы, успокоенные их удалением, снова откроют мореплавание. Другие оспаривали это мнение, опасаясь продолжительной дурной погоды, часто бывающей в это время года, и хотели ехать на запад, перезимовать на каком-нибудь острове и ждать лучшей погоды. Всякий оставался при своем мнении и потому решили – разделиться. В отряде находилось

шесть тяжелораненых и четверо изувеченных. Для обеспечения их положения употребили все общественные деньги, накопленные в последнее время. Первым шестерым дали по шестьсот, а другим четверым по тысяче пиастров, потом разделили все братски, без спора: барки, лодки, снаряды, съестные припасы. Число французов, которые намеревались идти к Панаме, доходило до 150, к ним присоединились также 125 англичан из отряда Тюслэя, которому поручили главное начальство, другой, слабейший отряд, состоявший из 148 французов, желал иметь начальником капитана Гронье, но он не хотел оставить многочисленнейшего отряда. 13 мая 1686 года последовало формальное расставание».

Гронье организовал лагерь на берегу Фонсекского залива (Гватемала). Его шайка не сидела без дела, постоянно предпринимая более или менее серьезные вылазки и налеты, не слишком, правда, удачные: добыча была скудна. Впрочем, однажды им все-таки повезло. Гронье решил напасть на рудник неподалеку от Тегусигальпы. Там пиратам досталось около 450 фунтов золота! Тем не менее эта удача уже едва ли могла вдохновить большинство пиратов на дальнейшее пребывание в этих местах. Они предпочли расстаться с Гронье и двинулись в Мексику. В итоге Гронье лишился примерно 100 человек! Такие потери не могли не отразиться на результате боевых операций. Однако Гронье по-прежнему верил в свою звезду. А тут еще произошло событие, которое буквально вдохнуло в самого Гронье и его людей жизнь!

А случилось следующее.

Стоял январь 1687 года. Чувствуя, что пора уже менять дислокацию, Гронье приказал команде разместиться на трех каноэ (напомним, что при нем еще оставлось порядка 50 человек) и двигаться в путь. Они проплыли совсем недолго, как были встречены эскадрой пиратских кораблей под руководством Пьера ле Пикара и Джона Хоута. Как оказалось в дальнейшем, многие в команде Пикара неплохо знали Гронье и его возможности, а потому они воззвали к своим предводителям, прося их назначить Гронье капитаном, поскольку именно под его началом им более всего хотелось бы ходить. На сходке это предложение было рассмотрено и удовлетворено. Так у Гронье вновь был свой корабль. На повестке, образно говоря, стоял еще один, весьма серьезный вопрос: а куда двигаться дальше? Центральная Америка на поверку оказалась совсем не такой, какой ее представляли себе ранее пираты. Отсутствие реальной добычи, постоянные проблемы с продовольствием заставляли подумать о том, чтобы двинуться на юг. Именно такое решение и было принято на сходке.

У Ф. Архенгольца имеется описание этого рейда: «…ближайшая экспедиция пиратов была направлена на богатый перуанский город Квеаквилла на реке того же имени. Этот город, находящийся в десяти милях от моря, для избежания потопления весь был выстроен на сваях. Его называют также Гуаякиль. Здесь бросились на них 700 испанцев, но немедленно были разбиты и прогнаны. Они спаслись в трех фортах, защищавших город: но все три, один за другим, были взяты после одиннадцатичасовой битвы, несмотря на то что в них находилось до 5000 солдат. Флибустьеры не отдохнули, пока не овладели фортами и всем городом. Губернатор и старшие офицеры, храбро защищавшиеся, были переранены и вместе с 700 жителями взяты в плен. Войска, искавшие спасения в бегстве, были преследуемы англичанами, между тем как французы, желая показать ревность свою к вере, собрались в церковь на молитву. Однако завоевание это нанесло флибустьерам весьма чувствительную потерю. Они лишились значительного числа людей и, между прочим, капитана Гронье».

Дождаться, наконец, заветного момента в своей жизни, когда его люди взяли приступом один из богатейших городов побережья, но при этом, будучи сраженным несколькими пулями, умирать от ран – право же, горькая участь! Но такова уж была судьба Франсуа Гронье…

Барон Жан де Пуанти (baron Jean de Pointis)

(1635–1707), Франция

Этого французского аристократа, несмотря на его титулы и звания, нельзя не причислить к пиратам! Он с самого начала противостояния Франции – с одной стороны, и Англии с Голландией – с другой, активно пиратствовал на своих кораблях в Карибском море. Будучи блестящим стратегом, барон прекрасно понимал, что французский флот практически не имеет шансов в открытом сражении с английскими эскадрами. Но это, тем не менее, открывало прекрасные возможности для стремительных пиратских рейдов, целью которых были стратегически важные для англичан регионы.

Венцом карьеры де Пуанти стала, конечно же, осада Картахены – знаменитого портового города на побережье Колумбии. Этот демарш был предпринят королем Франции Луи XIV в ответ на пиратские эскапады легендарного сэра Фрэнсиса Дрейка. Урон, причиненный английским пиратом, оказался столь значителен, что французы теперь жаждали реального отмщения. И в этом плане захват богатейшей Картахены был в некотором роде призван восстановить баланс.

Идея организовать экспедицию с целью захвата Картахены принадлежала самому де Пуанти, который легко убедил короля в несомненной успешности этого предприятия. Де Пуанти был назначен адмиралом французской эскадры. Под его началом, помимо исходных десяти кораблей, включая три королевских фрегата, чуть погодя оказались еще и семь кораблей, принадлежавших буканьерам. Характерно, что они большей частью были захвачены у англичан. Поскольку, примкнув к де Пуанти, буканьеры (всего их, кстати, собралось около шестисот пятидесяти душ!) вознамерились не прекращать своей активности, к моменту прибытия в гавань Картахены число кораблей эскадры уже доходило до тридцати! Общая же численность экипажа составила шесть с половиной тысяч человек. Противостоять подобной силе было практически нереально.

Ф. Архенгольц сообщает, что, как только со стен города завидели приближавшиеся корабли и поняли, что это пираты, внутри поднялось смятение. Впрочем, способность трезво рассуждать утратили далеко не все: «…тотчас по появлении французской эскадры все богатые женщины уехали со своими драгоценностями. Вместе с ними отправили на 40 миль внутрь земли 120 мулов, нагруженных деньгами».

Официально осада Картахены началась 13 апреля 1689 года.

Именно Жан де Пуанти дал приказ начать массированный пушечный обстрел города. Защитники Картахены, объятые ужасом, сопротивлялись из последних сил, но 6 мая были вынуждены сложить оружие. Город стал принадлежать французам на следующие 8 лет. Начался полный беспредел: «Победители предавались ужаснейшим излишествам, и, хотя большую часть их составляли королевские солдаты, руководимые королевскими же офицерами, однако они ни в чем не уступали флибустьерам. Капитуляция была нарушена, церкви осквернены, священные сосуды похищены, монахи преданы пытке, девиц раздевали донага и растлевали, причем множество больных в госпиталях под предлогом прекратить их страдания предали голодной смерти.

Сначала французы имели намерение основаться здесь и производить весьма выгодную торговлю, но вдруг между ними открылась убийственная эпидемия, которая похитила столько солдат и моряков, что скоро начали опасаться недостатка в матросах для обратного пути. Это бедствие принудило Пуанти к поспешнейшему отъезду, который состоялся месяц спустя

после взятия города, но перед отъездом взорвали форты, разрушили все торговые и фабричные заведения и потопили суда».

В награду за активную поддержку де Пуанти перед началом осады посулил буканьерам изрядную долю трофеев. Однако адмирал-аристократ отнюдь не был склонен держать данное им слово. Собрав в городе ценностей и наличных на 20 000 000 ливров, он стремительно двинулся обратно во Францию, даже не подумав поделиться с буканьерами. Ф. Архенгольц приводит цифры добычи еще большие: «…в городе нашли еще много благородных металлов в слитках и в монете, драгоценные камни и легко переносимые товары, добыча необъятная, оцененная в 40 000 000 ливров, не считая похищенного главнейшими французскими офицерами, из которых каждый, кроме законной части добычи, приобрел еще 200 000 пиастров вышесказанным образом. К добыче не причислили, между прочим, множество предметов, как то: несколько сот пушек, из которых восемьдесят шесть лучших перевезли на корабли». Отсюда разочарование, которое должен был родить в сердцах буканьеров поступок де Пуанти, неминуемо становилось еще более горьким.

Характерно, что решение де Пуанти не было спонтанным, а явно имело под собой хорошо продуманный план. Это подтверждает и Ф. Архенгольц: «Пуанти сам подал пример к подлому поступку с этими хорошо пригодившимися людьми. Под предлогом, будто на выручку города идет подкрепление, он удалил их, чтобы удобнее распорядиться добычей, и, когда они возвратились, не видав никакого неприятеля, французы начали жаловаться, что нашли дома пустыми, и даже не пускали флибустьеров в город. Тут-то у них открылись глаза. Они хотели напасть на королевское войско и силой проникнуть в город, но Пуанти предупредил эту сцену, приказав немедленно впустить их, а чтобы еще больше успокоить флибустьеров, назначил любимого ими начальника, губернатора Сан-Доминго Дюкасса, комендантом Картахены. В этом качестве Дюкасс стал требовать отчета в награбленных деньгах, но это не входило в расчеты Пуанти. Следствием отказа был спор, причем Дюкасс отказался от места коменданта и потребовал немедленно отпустить с ним всех флибустьеров, поселенцев и негров с Сан-Доминго, объявляя, что в противном случае Пуанти ответит за весь ущерб, могущий произойти для колонии от дальнейшего задержания ее защитников. Испуганный этой угрозой и притом радуясь, что отделается от тягостных ему людей, Пуанти согласился на отъезд их, причем желал оставить при себе только четвертую часть флибустьеров и некоторое число негров, надеясь легче справиться с ними.

Дюкасс с горестью видел, что число подчиненных его уменьшается с каждым днем. Они умирали не только от болезней, но и от совершенного недостатка в помощи больным и раненым и даже от голода. Здоровые питались кониной, собачьим и кошачьим мясом. Однако, несмотря на все эти бедствия, Дюкасс и флибустьеры показывали большое спокойствие, потому что добыча не была еще разделена. Наконец ее уложили в ящики и хотели перевезти на корабли. Тогда поднялся громкий ропот между пиратами, которые решились, по-видимому, силой воспротивиться этому. Только убеждения Дюкасса заставили их согласиться на перевозку, но зато они отказались решительно участвовать до раздела добычи в срытии крепости. Пуанти продолжал лицемерить, пока все не было перевезено на корабли, и тогда добычу разделили по его приказанию, причем флибустьерам досталась такая же часть, как и простым матросам. Вместо нескольких миллионов, следовавших им по уговору, они получили только 40 000 пиастров. Этот обман, соединенный с ненасытной жаждою к золоту, привел флибустьеров в бешенство, они вспомнили свою прежнюю славу, прежнюю независимость, с презрением отвергли предлагаемую часть добычи и решились напасть на отдельно плававший корабль главного начальника Пуанти. Все просьбы и убеждения Дюкасса были на этот раз тщетны, и предприятие верно исполнилось бы удачно, если бы один из флибустьеров не воскликнул: „Что за охота, братцы, связываться с этой собакой, ведь он не увозит ничего нашего. Наша часть осталась в Картахене, и там надо взять ее!“

Предложение это было принято с восторгом. Всеобщая досада уступила место величайшему

веселью, все корабли флибустьеров немедленно поворотили назад, и пираты, презирая чуму и голод, от которых едва-едва избавились, поплыли к Картахене».

Приведенный в отчаяние этим намерением Дюкасс, находившийся на королевском фрегате, обратился к Пуанти, прося его принять немедленно нужные меры к отвращению пиратов от их намерения. Но Пуанти заболел в этот самый день и передал начальство генералу де Леви, который отвечал, что не побежит за разбойниками, которых надо повесить всех без исключения. Итак, Дюкассу оставалось только прибегнуть к последнему средству: сделать флибустьерам письменное увещание и приказать отказаться от их намерения. В приказе этом, между прочим, говорил он, что «они оскорбляют величайшего в свете государя, который не виноват в бесчестном поступке одного из своих офицеров, что он сам представит жалобу их королю и им будет оказано полное удовлетворение, но что они должны оставить мысль свою возвратиться в Картахену. Если же, несмотря на все это, будут непослушны, то возведут его, невинного, любящего их начальника, на эшафот. Но флибустьеры были слишком взбешены, чтобы склониться на его убеждения, и потому продолжали плыть к Картахене, где появление их произвело величайший ужас между несчастными жителями, которые не успели еще опомниться. Страх наполнил сердца их при мысли, что флибустьеры теперь одни и ничто уже не может обуздать их. Нечего было и думать о сопротивлении, и потому флибустьеры вступили в город без всякого препятствия, заперли всех мужчин в соборную церковь и отправили к ним депутатов, которые говорили следующее: „Мы очень хорошо знаем, что вы считаете нас людьми без веры и чести, существами более сходными с дьяволами, нежели с людьми. Это доказывали вы многими оскорбительными примерами во время нашего пребывания у вас. Теперь явились мы с оружием в руках и имеем полную власть отомстить вам, если захотим, – вы же не можете не ждать жесточайшей мести. Однако же мы намерены вывести вас из заблуждения и доказать, что гнусные качества, которые вы нам приписываете, принадлежат не нам, а единственно тому генералу, под начальством которого мы сражались с вами. Этот вероломный обманул нас, хотя только нашей храбрости обязан взятием вашего города, он, однако, отказался разделить с нами плоды этого завоевания. Это принудило нас посетить вас вторично. Жалеем вас, да делать нечего. Впрочем, мы льстим себя надеждой, что вы будете довольны нашей умеренностью и правдивостью. Обещаем вам оставить город ваш без малейшего насилия или беспорядка, как скоро заплатите нам пять миллионов. Больше не хотим требовать. Если же вы не примете такого умеренного требования – то ожидайте всевозможного несчастья, которое в таком случае должны приписать единственно себе и генералу Пуанти, которого имя дозволяем покрыть всевозможными позорными названиями и проклятиями“. Жители Картахены знали очень хорошо, что с такими людьми оставался один ответ: немедленно уплатить требуемую сумму. Для этого один монах взошел тут же на амвон и заклинал своих слушателей отдавать в такой крайности все оставшиеся у них драгоценности. Но люди скорее отказываются от надежды спасти жизнь свою, чем от своих сокровищ. Это оказалось и здесь, когда после окончания увещания приступили к сбору: он далеко не достигал требуемой суммы. Его вручили флибустьерам, причем уверяли их, что это все, что осталось им после первого грабежа. Но флибустьеры и слушать не хотели этого, верные своей угрозе, они приступили к новому грабежу, обыскивали самые потаенные углы, даже могилы не были изъяты от их алчности, но нашли очень мало. Пытали значительнейших жителей, чтобы узнать, где скрыты их сокровища, но и это ужасное средство не имело успеха. Флибустьеры не хотели так же уехать без добычи и потому употребили следующую хитрость. Они привели в собор двух знатнейших жителей и грозили им смертью, так как те не открывали ничего, их увели при общих воплях испанцев на место казни и там заперли в скрытном месте. Между тем послышался залп из ружей, и флибустьеры объявили, что две первые жертвы упорства пали. Потом стали подводить других значительнейших жителей, угрожая им той же участью. Эта мера пиратов была сообщена всем пленникам и имела желаемый успех. В тот же самый день собрали с лишком миллион испанских талеров. Теперь сами флибустьеры, убедившись, что это последнее, отказались от всех дальнейших притеснений, пробыли еще три дня в городе, потом сели на суда, взяв с собой сто двадцать невольниц-негритянок, и уехали со своей

добычей, из которой на каждого пирата приходилось золотом и драгоценностями с лишком по три тысячи пиастров.

Жители Картахены до отъезда флибустьеров были еще свидетелями акта правосудия пиратов. Двое из них преступили приказание не делать никаких бесчинств и изнасиловали несколько девушек. Родственники последних осмелились пожаловаться, основываясь на формальном обещании флибустьеров удержаться от всяких неприязненных поступков. Жалоба была принята, преступников схватили, привели на военный суд, наскоро образовавшийся из пиратов, который присудил их быть расстрелянными, что, несмотря на ходатайство самих обиженных, было немедленно исполнено на глазах всех жителей».

После того как пираты поняли, что с города больше ничего достойного взять не удастся, они решили погрузить добычу и выйти в море, опасаясь, что могут подойти королевские суда, с которыми им будет сложно совладать. Опасались они не зря, адмирал Невелл и часть его эскадры были уже на подходе (лучшие свои суда английский стратег бросил вдогонку де Пуанти, даже не подозревая, на что он их обрекает). Согласно Ф. Архенгольцу: «…флот флибустьеров состоял из девяти судов, едва выйдя из Картахены он наткнулся на английскую военную эскадру. В этой крайности каждый помышлял только о своем спасении, не думая о других. Самые большие два корабля, на которых находилось более миллиона пиастров, были взяты англичанами после упорного сопротивления. Один загорелся и был выброшен на берег Сан-Доминго, но люди и деньги спасены, четвертый был выброшен на берег только что разграбленной Картахены, весь экипаж попался в руки испанцев, которые, однако, пощадили жизнь флибустьеров и употребили их только на починку попорченных укреплений. Остальные пять кораблей благополучно достигли Сан-Доминго».

А де Пуанти, циничный адмирал-пират, направляясь к родным французским берегам, счастливо избег встречи с мощной эскадрой английского адмирала Невелла, собиравшегося разом с ним покончить и вернуть все ценности. Опытнейший Невелл, тотчас же обнаружив свою оплошность, часть кораблей направил к Картахене, а сам преследовал эскадру де Пуанти на протяжении трех дней, сумев в итоге захватить лишь один корабль. Но, как говорится, уж если не везет, так не везет! Корабль оказался передвижным госпиталем, перевозившим заболевших желтой лихорадкой французских моряков. Жуткая зараза немедленно распространилась среди экипажей английских и голландских судов флотилии Нэвелла. Итог эпидемии был ужасен: у англичан умерли 1300 матросов, 6 капитанов и сам адмирал Невелл! А голландцы практически полностью погибли, кроме одного-единственного капитана.

Надо заметить, что на кораблях эскадры де Пуанти жертвами желтой лихорадки оказалось несколько сотен человек, но сам он был жив-живехонек! Адмирал триумфально возвратился в Париж и весьма щедро поделился с королем конфискованными в Картахене трофеями. В связи с этим Ф. Архенгольц сообщает любопытные подробности: «Французское правительство сильно вознегодовало за случившееся в Картахене, однако в отношении к разделу добычи объявило себя на стороне флибустьеров и колонистов и приказало выдать им 1 400 000 ливров, что, однако, никогда не было исполнено.

Людовик XIV находился тогда в суеверном периоде своей жизни, когда совесть мучила его не за кровавые войны, возбужденные его честолюбием, не за казни и заключение невинных, а за мелкие упущения в исполнении правил веры. Поэтому он с ужасом взирал на церковную утварь, привезенную французами из Картахены, тем более что это святотатство совершили его подданные. Он повелел отделить от добычи всю церковную утварь, снарядить нарочно корабль и отвезти ее назад в Картахену».

Что же касается де Пуанти, то оставшегося от 20 000 000 (или даже 40 000 000!) ливров ему с лихвой хватило на то, чтобы сделаться одним из богатейших французов того времени!

Томас Паунд (Thomas Pound)

(16?? – 1703), Англия

Карьера этого пирата оказалась сравнительно короткой. На борту небольшого шлюпа, вышедшего 8 августа 1689 года из Бостона (Массачусетс), помимо самого Паунда, находились еще шесть пассажиров. Когда судно бросило якорь у острова Лоуэлла, на борт поднялось пятеро незнакомцев. Перекинувшись с ними словами, Паунд договорился захватить судно и заняться пиратством. Корабль они захватили, но, поскольку решение было спонтанным, непродуманным, первая же встреча с предполагаемой жертвой оказалась отчасти трагикомической. Паунду и его сообщникам встретился рыболовецкий корабль с немалым грузом макрели на борту. Отобрав макрель, Паунд, то ли испугавшись, то ли устыдившись, решил… заплатить рыбакам! Несмотря на то что от щедрот своих он уделил им всего лишь какую-то мелочь, рыбаки были изумлены.

Паунд же двинулся к побережью Мэйна, где смог пополнить свою команду профессионалами. Ими стали солдаты, дезертировавшие ночью из местного гарнизона. Когда Паунд изложил им свой проект насчет пиратства, он встретил с их стороны горячее одобрение. Воодушевленный столь могучей поддержкой, Паунд отважился на истинно пиратские деяния, атаковав вначале двигавшийся с мыса Код шлюп «Добрый ход», а вслед за ним еще и бригантину «Мерримак».

Паунду невероятно везло, и немного погодя он захватил еще несколько кораблей. О его действиях стало известно губернатору, отправившему по следу пиратов хорошо вооруженный шлюп «Мэри». Пираты были обнаружены в уютной бухте Тарпаулин, славившейся своими дивными песчаными берегами.

Появление губернаторского шлюпа застало пиратов врасплох, но сдаваться они не пожелали. По крайней мере сначала. Однако завязавшаяся баталия немедленно продемонстрировала пиратам, что одно дело – атаковать беззащитные торговые суда, другое же – сражаться с настоящим военным судном. Пираты очень скоро сдались; в ходе сражения сам Паунд получил несколько тяжелых ранений.

Пленников сразу же доставили в Бостон.

13 января 1690 года суд нашел Паунда виновным в пиратских действиях. Однако решение суда оказалось на редкость гуманным: его взяли да и помиловали. Возможно, причиной столь мягкого решения стало то, что Паунд ограничивался тем, что лишь захватывал грузы, не творя при этом насилия над пассажирами. Тем не менее ему было предписано следовать в Англию. Там через некоторое время он был назначен капитаном торгового корабля, каковым успешно командовал вплоть до самой своей кончины в 1703 году. И более никаких пиратских эпизодов с его участием историками не было отмечено.

Бартоломео Португальский (Bartolomeo Portugues)

(1630?—16??), Португалия

Этот пират был исключительно нетерпим к людям и жесток, а также на редкость неудачлив. Он пытался нападать на корабли в Карибском море. Его редкие триумфы сменялись

сокрушительными поражениями. Это в известном смысле и предопределило всю его судьбу. Историк пиратства, да и сам пират – Александр Эксквемелин, повествуя о Бартоломью Португальце, сообщает: «О страшной жестокости этого пирата у испанцев знали все. Однако его походы не принесли ему почти никакой выгоды. Я видел, как он умирал в такой нужде, какую редко встретишь на свете».

Судя по всему, у Бартоломео Португальского (или Бартоломью Португальца, как его чаще звали) появилась возможность заняться буканьерством начиная с 1655 года – то есть после того, как Ямайка была завоевана англичанами. Наиболее яркие моменты, характерные для начала пиратской карьеры Бартоломью Португальца, стали известны нам благодаря замечательному повествованию Эксквемелина. Он отмечает, что, когда Бартоломью Португалец покинул Ямайку «…на его барке было четыре орудия и тридцать человек команды». Совсем неплохо для начала!

Бартоломью Португалец

Бартоломью Португалец направил свой барк к побережью Кубы. От пиратов, с которыми ему приходилось сталкиваться в ямайских тавернах, он неоднократно слыхал о том, как богаты тамошние воды кораблями, чьи трюмы просто трещат от всяческих ценностей. Ему также было известно, что, высаживаясь на берег, пираты практически не встречали сопротивления со стороны местного населения, безропотно позволявшего обирать себя до последней нитки. В надежде на легкую и серьезную добычу Бартоломью Португалец уже мечтал, как вернется на Ямайку настоящим богачом. Тем не менее быстро добиться желаемого ему не удалось. Он терроризировал побережье, добившись того, что жители вздрагивали от одного лишь упоминания его имени. Впрочем, особых ценностей Бартоломью Португальцу не перепало. Отличаясь упорством и веря в свою удачу, он предпринял еще одну экспедицию, твердо рассчитывая захватить множество торговых кораблей. Однако его очередной вояж оказался, мягко говоря, отнюдь не безоблачным.

Но давайте обратимся к сочинению Эксквемелина: «Дойдя до острова Куба, он близ залива Коррьентес повстречал корабль, шедший из Маракайбо и Картахены в Испанию через Гавану. На этом корабле было двадцать пушек и семьдесят солдат, а также пассажиры, матросы и разные путешественники. Пираты после недолгого совещания решили напасть на корабль. Они бросились в атаку очень смело, но испанцы выдержали их натиск. Пираты повторили атаку и захватили корабль, потеряв всего человек десять убитыми и четырех ранеными. Весь корабль попал в распоряжение пятнадцати пиратов, испанцев же живых и раненых осталось человек сорок». Казалось бы, результат морской баталии оказался в итоге благоприятен для Бартоломью Португальца и его команды. Но этому пирату явно недоставало одного важного умения: добившись триумфа, он был не в состоянии его сохранить!

Так получилось и на этот раз.

«Ветер был не попутный для возвращения на Ямайку, и пираты, испытывая недостаток в воде, решили идти к мысу Сан-Антонио (на западном берегу Кубы). Не дойдя до мыса Сан-Антонио, они неожиданно натолкнулись на три корабля, которые шли из Новой Испании в Гавану. Корабли изготовились к бою, и затем испанцы захватили пиратское судно и взяли разбойников в плен. Но пиратов больше всего сокрушало, что они потеряли богатую добычу: ведь на корабле было сто двадцать тысяч фунтов какао и семь тысяч реалов в звонкой монете».

Оказавшись пленниками испанцев, пираты не питали иллюзий по поводу своего будущего: доставка в Испанию (или же в ближайший испанский порт), стремительный суд и виселица. Именно такой конец и был им уготован. Однако, как оказалось впоследствии, этой истории было суждено завершиться иначе.

«Через два дня после всех событий разразился жестокий шторм, и всю флотилию разметало в разные стороны. Флагман, на котором находились пленные пираты, прибыл в Кампече. На корабль тотчас же поднялись купцы, чтобы выразить благодарность капитану. Они узнали пирата, сеявшего ужас на всем побережье своими убийствами и пожарами. На другой день на борт корабля поднялся судья и попросил капитана отдать ему пирата. Капитан не отказался. Но ни у кого не хватило смелости отправить предводителя пиратов в город. Испанцы боялись, что он убежит, как уже не раз случалось, и оставили его на борту, чтобы на следующий же день соорудить на берегу виселицу и повесить его».

Бартоломью Португалец, на свое счастье, неплохо владел испанским языком. Это позволило ему узнать о готовящейся участи. Стремясь любым путем избежать гибели, он «…взял два сосуда из-под вина и крепко заткнул их пробкой. Ночью же, когда все заснули, кроме часового, стоявшего рядом и следившего за каждым его движением, он попытался проскользнуть мимо, но это ему не удалось. Тогда он бросился на часового и перерезал ему горло, причем часовой даже не успел издать ни звука. Пират бросился с кувшинами в воду и выбрался на сушу. Затем он спрятался в лесу и провел там три дня. Уже на другой день солдаты с утра высадились на берег, чтобы изловить пирата. Но хитрец следил за ними издали. Когда солдаты вернулись в город, он отправился вдоль берега в местечко Эль-Гольфо-де-Тристе (расположенное примерно в тридцати милях от города Кампече)». Это путешествие было под силу лишь очень самоотверженному человеку с железной волей. Шутка ли, Бартоломью Португальцу пришлось пересечь около 120 миль по пустыне. Как повествует далее Эксквемелин: «…добирался он туда целых четырнадцать дней. Это был очень трудный путь, пират страдал от голода и жажды – ведь по проторенной дороге идти ему было нельзя, там его могли схватить испанцы. Четыре дня ему пришлось отсиживаться на деревьях, не спускаясь на землю. Деревья эти весьма необычны: они растут на берегу, и корни у них тянутся словно ветки, так что по ним можно перебежать с дерева на дерево, хотя сделать это довольно трудно. Все четыре дня у него не было ни крохи еды, правда, в сосудах была вода. Он обманывал голод, вылавливая мелких рыбок, которые на вкус подобны улиткам. По пути ему пришлось пересечь большую реку, а плавал он очень плохо. Но коли человек попадет в большую беду, то на ум ему приходит такое, до чего никогда бы он не додумался в обычное время. Пират нашел на берегу старую доску, прибитую волнами. В ней осталось несколько гвоздей. Он выбил гвозди камнем и заточил их так, что они стали острыми и хорошо резали. С их помощью он нарезал лыко, связал несколько древесных стволов и сбил таким образом плот, на котором и переправился через реку… Так он добрался до Тристе, где встретил пиратский корабль с Ямайки».

Это была команда буканьеров; они все были с Ямайки, оказавшись его земляками. Ввиду этого Бартоломью Португальцу удалось с ними быстро поладить. Эксквемелин подтверждает это: «…поведав команде свои приключения, он попросил дать ему каноэ и двадцать человек, дабы вернуть свой корабль, который стоял в Кампече. Пираты исполнили его желание, и восемь дней спустя темной ночью он подошел к городу и бесшумно взобрался на борт. На палубе думали, что на этом каноэ кто-то решил доставить на корабль разные припасы, и, разумеется, жестоко просчитались. Пират захватил корабль, и его люди быстро снялись с якоря и подняли паруса. На борту оказалось еще много товаров, однако деньги уже унесли».

Что касается добычи, то, согласно современным историкам, Бартоломью прихватил именно золото, выказав пренебрежение к прочим товарам, хотя, скорее всего, не мог не догадываться об их ценности. Видимо, он рассудил, что перенос всего груза может занять много времени, а ему явно не терпелось побыстрее скрыться. Вот он и приказал ограничиться лишь золотыми слитками.

Подобный триумф может оказать расслабляющее действие на психику любого человека. Так, собственно, произошло и с Бартоломью Португальцем. Он «…теперь возомнил, что фортуна и впредь будет сопутствовать ему. Но как раз тогда, когда он решил, что все беды миновали, злая судьба подстерегла его снова. Взяв курс на Ямайку, он недалеко от острова Пинос, лежащего к югу от Кубы, в пору, когда подул южный ветер, налетел на рифы Хардинес. Проклиная все на свете, он был вынужден вместе со всей командой покинуть корабль и вернуться на Ямайку на каноэ. Там он оставался недолго и вскоре снова собрался за добычей, но счастье и на сей раз ему изменило».

Дальнейшие попытки Бартоломью Португальца заполучить важные трофеи на море оказались безрезультатными. Практически никаких упоминаний о нем после той достопамятной экспедиции, насыщенной головокружительными приключениями, больше не встречается.

Лоуренс Принц (Lawrence Prince)

(16?? – 16??), Голландия

Лоуренс Принц был уроженцем Амстердама. Этот голландский пират действовал в Карибском море. Его судьба довольно-таки примечательна. Помимо удачных пиратских рейдов, ему выпала честь быть сподвижником великого буканьера Генри Моргана. Причем он превзошел своего грандиозного партнера, сумев, в отличие от него, не только избежать тюрьмы, но и заполучить от правительства чин лейтенанта. Успешно подвизаясь на королевской службе, он обогатился не в пример значительнее, чем когда был пиратом. В итоге, уволившись со службы, он смог позволить себе приобрести целую плантацию и жил затем припеваючи.

Матийс Куарс (Mathijs Quars)

(16?? – 16??), Голландия

Это голландский корсар, находившийся в середине XVII столетия на службе Вест-Индской компании. Из наиболее примечательных его трофеев как пирата в особенности заслуживает упоминания тот, что достался ему в августе 1656 года. Матийс Куарс настиг богатый португальский корабль, который носил забавное имя: «Бразильский Фрегат». Корабль не только оказался огромным по сравнению с суденышком, но и доставлял ценный груз. Когда пираты во главе с Матийсом Куарсом взяли судно потругальцев на абордаж, они обнаружили в трюме 200 чернокожих рабов и груду слоновьих бивней общим весом свыше 10 тонн!!! Кроме того, на борту в качестве пассажиров находилось много знатных португальских сановников. Реализовав эту невероятную добычу, Матийс Куарс разом решил свои финансовые проблемы. Рабов он доставил в голландскую колонию Эссекуэбо, продав с невероятной выгодой. Груз слоновой кости был им также удачно пристроен, а за пассажиров пираты затребовали внушительный выкуп.

В дальнейшем никаких сведений о Матийсе Куарсе не появлялось.

Филипп Рас (Philip Ras)

(16?? – 16??), Голландия

Еще один голландский корсар, наиболее ярко проявивший себя во время так называемой Первой Английской войны (1652–1654). Когда Англия стала выяснять свои отношения с Голландской республикой, Филипп Рас, командуя кораблем «Жара» взял на абордаж целый ряд английских кораблей, тем самым невольно оказав поддержку своей отчизне. Видимо, в этом пирате пробудилась (по крайней мере, на какое-то время!) гражданская совесть. После завершения войны Филипп Рас пришел с повинной и получил каперское свидетельство, позволявшее ему захватывать корабли тех стран, что враждуют с Голландией. С этой целью голландское правительство предоставило ему новое судно – фрегат «Тхолен». Филипп Рас осуществлял рейды в качестве капитана «Тхолена» в 1655–1656 годах.

Ричард Соукинс (Richard Sawkins)

(16?? – 22 мая 1680), Англия

Ричард Соукинс (в ином написании – Соукинс) был английским буканьером и охотился за своими трофеями в Карибском море. Наиболее активно и ярко он заявил о себе в 1679–1680 годах.

В 1679 году Соукинс заключил достаточно важный для себя союз с опытным флибустьером Джоном Коксоном и еще двумя пиратскими капитанами. Эта боевая четверка договорилась о совместном рейде к Гондурасу. У подобных союзов, в принципе, всегда есть сильные и слабые стороны. К сильным сторонам, в частности, может быть отнесено то, что эскадра из 4 судов представляет собой гораздо более серьезную силу, нежели пиратский бриг, дерзающий в одиночку атаковать торговые караваны. Что касается слабых сторон, то тут, в первую очередь, идет речь о необходимости дальнейшего дележа добычи на куда большее количество пиратских душ. Поэтому, сговариваясь о совместных действиях, корсары всегда уповали на изрядный улов, в противном случае их демарш явно был бы лишен смысла.

Четверке явно повезло. Пираты не только смогли ограбить целый ряд кораблей в Гондурасском заливе, но даже неоднократно высаживались на побережье, чиня повсеместный урон жителям и их имуществу. Все усилия губернатора Ямайки прекратить этот возмутительный произвол оказались безрезультатными. А Соукинс и Коксон обнаглели в своей безнаказанности до того, что свозили всю добычу на Коста-Рику и открыто пытались ее реализовать, стремясь добиться максимальной выгоды! В итоге более чем изрядная часть захваченного ими была благополучно сбыта. Пираты решили немного отдохнуть после «трудов праведных». Впрочем, к Соукинсу это уж никак не относилось. Он уже вовсю мечтал о новых завоеваниях.

Ф. Архенгольц в своем знаменитом повествовании «История морских разбойников Средиземного моря и океана» описывает наиболее драматические события, отражающие последний год жизни этого стойкого и бесстрашного корсара. В то время 16-тонное судно Соукинса курсировало у побережья Коста-Рики. Именно там произошла его встреча с известным пиратом Бартоломью Шарпом, с которым они вознамерились на дерзкое деяние: захватить, наверное, два самых богатейших городах в Карибском море – Санта-Марию и Панаму. В этом нападении был готов принять участие и Джон Коксон.

Всего каких-то 10 лет тому назад Панама приняла на себя удар эскадры легендарного пирата Генри Моргана. Ф. Архенгольц пишет: «Прошло десять лет со времени сожжения Панамы Морганом. Но это несчастье было во многих отношениях даже благодетельно для жителей, обширная торговля которых вскоре вознаградила понесенные потери. Город выстроили снова, но четырьмя милями далее к западу. Здесь местоположение было удобнее, гавань лучше и больше пресной воды, потому что город был возобновлен при устье реки Рио-Гранде, впадающей в Южный океан и весьма важной для судоходства. Новый город был выстроен в обширнейших размерах и лучше укреплен. Вместо прежних деревянных домов почти все были теперь каменные и большей частью в несколько этажей. Постройка 8 церквей также далеко подвинулась вперед и замедлялась только обширностью плана. Город простирался в длину на полторы, в ширину на одну английскую милю. Между тем много бедных людей жили еще в развалинах старого города, в котором уцелела и соборная церковь».

Как можно убедиться, пираты не зря стремились к Панаме, за много миль носом чуя верную добычу! Впрочем, прежде чем они добрались до Панамы, им пришлось хорошенько хлебнуть всяческих невзгод и лишений: «Бедствия флибустьеров на этом походе были велики. По целым дням они не имели пищи и воды, то проливные дожди, то бури тревожили пиратов, не имевших возможности укрыться от них. Лодки их, в 20 футов длины и 1 1/2 фута ширины, то были уносимы в море, то опрокидываемы волнами, так что флибустьеры лишались своего имущества и с трудом спасались от смерти. Сборным местом флотилии, которой начальствовал Соукинс, был остров Чепильо в семи морских милях от Панамы, куда наконец прибыли все лодки и два испанские гребные судна, взятые на дороге. Между тем флибустьеры упустили корабль, плывший в Панаму. Все усилия догнать его были тщетны, и потому можно было ожидать, что в городе знают о прибытии пиратов. Вследствие этого они отказались от всякой надежды, основывавшейся, при их малочисленности и дурном вооружении, на безумной дерзости. Они надеялись, между прочим, на беспорядок, неизбежный при постройке города, не зная, что она большей частью кончена. При этом им не приходило в голову, что испанцы, верно, приняли какие-нибудь меры к сильной защите своего нового города в случае нападения, особенно со стороны флибустьеров. Теперь они увидели, что если не хотят добровольно своей гибели, то не могут и помыслить не только о грабеже, но даже о высадке. Итак, они решились ограничиться взятием всех испанских кораблей и таким образом сделаться обладателями моря, и этот план был уже весьма смел в сравнении со значительной морской силой испанцев. Вследствие этого плана, они проездили всю ночь под страшным дождем и при солнечном восходе очутились в виду Панамы».

Что и говорить, положение у пиратов было незавидное. Ситуация, в которой они оказались, требовала нестандартного решения. Как бы то ни было, но, подобравшись к панамской гавани, пираты обнаружили, что у островка «…Перико, в 2 милях от города, стояло пять больших и три меньших корабля, назначенные именно для отпора пиратам. Три меньшие были готовы вступить под паруса и находились под командой Иацинта де Барагона, обер-адмирала Южного океана. Он присутствовал здесь лично на корабле с экипажем из 86 бискайцев, считавшихся лучшими моряками испанской монархии. Все они были волонтеры и пылали желанием показать свое мужество. Вторым кораблем с экипажем из 77 негров командовал дон Франциско де Перальта, а третьим, с 65 мулатами, дон Диэго де Карабахаль. Все три начальника прославились необыкновенной храбростью и получили от правительства строжайшее повеление не щадить ни одного флибустьера».

Испанцы были настороже, а потому появление потрепанной флотилии пиратских судов не застало их врасплох. Наоборот, они жаждали схватки! Иными словами, сражение было неминуемо. Причем пиратам приходилось играть на чужом поле и по чужим правилам. Как пишет Ф. Архенгольц: «…Испанские корабли тотчас двинулись вперед на лодки, разрозненно плывшие недалеко от них. Только пять лодок и одно гребное судно держались вместе. Весь экипаж шести утлых лодок состоял из 68 человек, истомленных ночными трудами и

бессонницей. Но тут для них не было выбора. Корабль с экипажем мулатским первый приступил к действию и старался потопить подъезжавшие лодки. Но ни один выстрел не был удачен в этом отношении, хотя тотчас были ранены пять флибустьеров. Между тем подплывал адмиральский корабль. Борьба была чрезвычайно неравна; однако же необыкновенное искусство флибустьеров в стрельбе и смелость их заменяли все. Пули их в минуту превратили палубу испанского корабля в бойню. Особенное внимание обратили они на адмиральский корабль, рассчитывая весьма основательно, что судьба его решит все дело. Кто бы ни становился на нем к рулю, через минуту падал мертвым. Корабль с мулатами старался подойти на помощь адмиральскому, но лодки бросились между ними, и, хотя сильный ветер мешал абордажу, пули флибустьеров вознаграждали этот недостаток. Они скоро так очистили палубу, что едва осталось довольно людей для управления кораблем. Дон Диэго поспешил оставить место битвы. Тогда лодки окружили адмиральский корабль и возобновили бой. Флибустьеры несколько раз увещевали бискайцев сдаться, обещая даровать им жизнь, но последние не хотели ничего слышать. Две трети экипажа были убиты, а остальные все почти ранены. Наконец пали адмирал и главный кормчий. Тогда остальные попросили пощады. Флибустьеры взошли на корабль и перенесли на него всех раненых своих. Корабль с неграми все еще держался. Дон Франциско де Перальта отражал все нападения капитана Соукинса, который трижды покушался на абордаж. Теперь подошли к нему на помощь еще две лодки и со всех сторон открыли убийственный огонь. Недолго спустя взорвало бочонок с порохом и взрывом побросало много негров в море и сожгло других. Несмотря на это, Перальта все еще продолжал бой, но после взрыва еще нескольких пороховых бочонков на палубе произошло сильное смятение и беспорядок, которым воспользовались флибустьеры. Через несколько минут и этот корабль был во власти их. Сами флибустьеры были поражены страшным зрелищем. Кровь ручьями текла по палубе. Из целого экипажа не осталось ни одного, кто бы не был опасно ранен или обожжен. Черная кожа негров составляла сильный контраст со множеством белых мест на теле их, на которых порох вырвал куски мяса и обнажил кости. На адмиральском корабле из 86 человек осталось в живых 25 человек, и из них 17 были опасно ранены».

Пираты, плававшие под началом Соукинса и Бартоломью Шарпа, были далеко не новичками в своем деле. За их плечами было много захваченных кораблей и кровавых схваток. Однако в подобной баталии им прежде участвовать не приходилось: «Битва продолжалась почти девять часов и в отношении к числу сражавшихся была самой кровопролитной, когда-либо данной флибустьерами. Из 68 человек у них оказалось 18 убитыми и 22 ранеными, так что уцелели только 28 человек. Между убитыми находился и капитан Гаррис, кентский уроженец, о котором чрезвычайно сожалели пираты. Пуля пробила обе ноги его и повредила кости, несмотря на то, он с окровавленными ногами влез на неприятельский корабль».

Среди всех пиратов, задействованных в этом жестоком сражении, Соукинс особенно выделялся своим бесстрашием и необузданным нравом. Он скорее походил на зверя рыкающего, нежели на человека. Подобное поведение еще более способствовало укреплению его авторитета среди пиратов.

Однако хотя битва миновала, но мешкать было нельзя. Пока испанцы не пришли в себя, следовало срочно перехватить инициативу. Соукинс дал клич, и вслед за ним все «…флибустьеры поехали к острову Перико, где без сопротивления овладели пятью большими кораблями, которых экипаж перебрался перед битвой на меньшие. Самый большой, „La Santissima Trinidad“ („Святейшая Троица“), застали горящим. Испанцы зажгли его и пробили дно. Флибустьерам удалось, однако, погасить огонь и закрыть отверстие, после чего перенесли на него всех раненых. Корабль этот, в 400 тонн, был нагружен вином, кожей и мылом, другой – железом, третий – одним сахаром, четвертый – мукой, пятый не имел никакого груза».

Что ж, по всему выходит, что морские разбойники не зря терпели лишения в морском походе и не напрасно проявляли чудеса героизма в недавней баталии. И хотя трофеи пока что не

особенно поражали воображение, но «…флибустьеры удовольствовались этой добычей и не предприняли ничего против Панамы, где кроме жителей находилось 1400 человек гарнизона. Несмотря, однако, на незначительность своих сил, они, может быть, покусились бы на высадку, если бы не произошла между ними ссора. В битве, как мы сказали выше, участвовали только 68 человек, прочие лодки и другое гребное судно прибыли слишком поздно. Это запаздывание приписали остававшемуся позади капитану Коксону (приятелю и партнеру Соукинса по рейдам у Гондураса. –

Авт .) и обвинили его в трусости. Коксон отделился от отряда и уговорил 70 флибустьеров последовать его примеру. Они взяли меньший испанский корабль и одно гребное судно и поехали к реке Санта-Мария. Начальником флибустьеров остался Соукинс».

Что и говорить, старшинства Соукинс удостоился по праву. Понимая, что наибольшим авторитетом пользуется лишь инициативный и решительный предводитель, он, согласно Ф. Архенгольцу, после 10-дневной рекогносцировки неподалеку от Панамы отдал приказ следовать «…на соседний остров Тарогу, откуда видны были все корабли, шедшие в Панаму. Из этого города начали приезжать на Тарогу купцы, которые продавали флибустьерам все необходимое и купили у них товары со взятых кораблей и всех негров по 200 пиастров за каждого. Вместе с ними прибыло посольство от губернатора Панамы. Оно спрашивало, кто они и зачем прибыли. Соукинс отвечал, что они англичане и приехали для оказания помощи королю дарьенскому. Что они могут совершить – испанцы уже видели, а из уничтожения всех военных кораблей горстью флибустьеров могут вывести заключение о будущем. Если желают прекращения неприязненных действий, то испанцы должны обязаться не притеснять больше индейцев и предоставить им полную свободу, далее, заплатить контрибуцию: каждому солдату 500 и каждому офицеру 1000 пиастров. Если не согласятся на эти условия, то они останутся и постараются причинить сколь возможно больше вреда.

Посреди этих неистовств достойна упоминания одна черта учтивости. Соукинс узнал от купцов, что прежний епископ в Санта-Марте, бывший 4 года назад его пленником, теперь занимает то же место в Панаме. Он очень уважал этого прелата и в доказательство своего уважения послал ему в подарок две головы сахара. Епископ принял их и отблагодарил золотым перстнем. Но вместе с тем прибыло второе послание губернатора следующего содержания: „Так как они англичане, то ему желательно знать, кто поручил им предпринять экспедицию и кому он должен пожаловаться за огромный вред, причиненный испанским владениям?“ Ответ Соукинса был короткий и энергичный: „Если не все флибустьеры собрались, как скоро совершится их соединение, мы приедем в Панаму и дадим ясный и вразумительный ответ жерлами наших пушек“.

Несколько кораблей, беспечно плывших в Южном океане, где обыкновенно все было спокойно, попали в руки флибустьеров, между прочим, один, на котором находились 50 пороховых бочек, 2000 бочонков с вином и 51 000 пиастров, жалованье панамского гарнизона. Они узнали от пленных, что дней через 10 или 12 явится другой корабль из Лимы с 100 000 пиастров. Как ни велика и верна была эта добыча и как ни были убеждены флибустьеры, что вынудят вскоре у Панамы порядочную сумму, но недостаток в свежих съестных припасах сделал их глухими к представлениям начальников. Соукинс был принужден покинуть Тарогу и ехать на остров Отоку, где нашли птиц, свиней и другие свежие припасы. На этом переезде потонули две лодки с 22 человеками. Вскоре потом флотилия стала на якорь у острова Каибоа, славящегося жемчужной ловлей».

И вот тут беспредельная отвага Соукинса сыграла с ним скверную шутку. Вместо того чтобы после небольшого отдыха, в котором отчаянно нуждались корабли его флотилии, двинуться совместно на завоевание новых целей, он отобрал 60 самых верных и надежных бойцов среди пиратской братии и отважился вместе с ними напасть на город Пуэбло-Нуэво. Однако вышло так, что жителям городка каким-то образом стало известно о том, что приближаются пираты. Все население как один человек ринулось на защиту своего достояния. Пираты,

однако, хоть и не были готовы к горячей встрече, но никоим образом не смутились (сказывалась школа Соукинса!) и даже не подумали уклоняться от схватки, что, откровенно говоря, было бы на редкость мудрым решением. В пылу сражения Соукинс был смертельно ранен и тут же испустил дух…

Льюис Скот (Lewis Scot)

(16?? – 16??), Англия

Льюис Скот, прозванный

Льюисом Шотландцем , был британским пиратом, заявившим о себе в середине XVII столетия. Он успешно действовал на Карибском море. Тем не менее упоминания о нем практически отсутствуют. Впрочем, его явно знал Эксквемелин, отметивший в своей книге «Пираты Америки» следующее: «Со временем испанцы убедились, что на море от пиратов нет никакого спасения, и стали плавать значительно реже. Но и это им не помогало. Не встречая кораблей, пираты стали собираться компаниями и грабить прибрежные города и поселения. Первым таким пиратом, занявшимся сухопутным разбоем, был Льюис Шотландец. Он напал на Кампече, разграбил его и сжег дотла».

Судя по всему, размер добычи, взятой им в качестве выкупа с целого города, оказался настолько велик, что в скором времени он предпочел отказаться от тревожной и опасной жизни корсара и осесть на Тортуге, ведя спокойную и богатую жизнь, пользуясь уважением бывших коллег по ремеслу.

Бартоломью Шарп (Bartholomew Sharp)

(1650?—1690?), Англия

Бартоломью Шарп был известным английским буканьером, прославившимся своими рейдами в Карибском море и Тихом океане.

Поначалу он в 1679 году под руководством Джона Коксона двинулся к берегам Гондураса. Официально считалось, что они будут заниматься сбором сандалового дерева, но главной целью этого вояжа было пиратство. Среди их наиболее знаменитых операций оказался захват Портобелло, атакованного пиратами как с суши, так и с моря (при этом с целью обмануть бдительность защитников города были использованы каноэ). Пиратам досталось около ‡ 18 000, хотя многие из них сложили тогда голову.

Очередным испытанием Шарпа на прочность стало участие в экспедиции 1680–1682 годов, целью которой было разграбление Тихоокеанского побережья Южной Америки. В ней приняло участие немало видных корсаров (Рингроуз, Дампьер, Уофер и проч.), поэтому Бартоломью Шарп отчасти находился в их тени. Однако все не могли не убедиться в том, что он отважный пират и дельный моряк, а также что он имеет все шансы стать отличным капитаном.

Именно в 1680 году произошла его встреча с Ричардом Соукинсом, с которым они

подружились, решив охотиться сообща. Когда Джон Коксон был уличен в трусости, капитаном эскадры стал Соукинс, которого все обожали за необузданный нрав и бесстрашие. Шарп и Соукинс эффектно бились с испанцами в районе Панамы, а потом Соукинс, оставив эскадру, в одиночку напал на порт Пабло-Нуэво и в этой битве сложил голову (

см. подробнее в статье, посвященной Ричарду Соукинсу).

После трагической гибели Ричарда Соукинса среди пиратов наметился раскол.

В какой-то степени это было на руку Бартоломью Шарпу. Как пишет Ф. Архенгольц: «…смерть этого всеми любимого начальника заставила другую толпу флибустьеров отделиться от главного отряда, избравшего новым начальником капитана Шарпа. Последний созвал немедленно весь отряд на главном корабле и спросил, что намерены делать: вернуться ли или остаться в Южном океане для выполнения первоначального плана. В последнем случае он предполагал воротиться позже через Магелланов пролив, объехав таким образом всю Южную Америку. К этому он присовокупил уверение, что каждый привезет домой добычу в 1000 фунтов стерлингов. Большинство флибустьеров хотело немедленно возвратиться домой, но это возвращение не могло совершиться иначе как сухим путем, через землю диких народов и в весьма неприятное время года: время дождей. Несмотря на это, 63 человека, забыв торжественный обет свой не разлучаться более, решились на этот поход. Богато снабженные съестными припасами, они уехали в конце мая 1680 года».

Бартоломью Шарп на своем 400-тонном флагмане «Троица» и оставшийся с ним пиратский капитан Джон Кокс, управлявший 100-тонным «Майским цветком», имея команду общим числом в 150 человек, двинулись 4 августа 1680 года в южном направлении.

Согласно Ф. Архенгольцу: «…Шарп со своими флибустьерами поехал на двух кораблях к необитаемому острову Горгоны, где велел починить повреждения в главном корабле, потом поплыли мимо острова Дель-Галло, Земли Сантьяго, Сан-Маттео, мысов Сан-Франциско и Пассао, далее мимо Мантаской гавани и Серебряного острова. Имя это дал последнему острову знаменитый английский мореплаватель (а еще и знатный пират! –

Авт .) Дрейк, который разделил здесь между своим экипажем добычу, взятую у испанцев, причем не считали серебряных слитков, а мерили их анкерами. Испанцы тамошние еще в конце XVII столетия с удивлением говорили об этой английской экспедиции, результат которой преувеличило еще предание: они уверяли, что корабль Дрейка, несмотря на свою величину, не мог поднять огромной массы серебра и что капитан выбросил значительное количество его за борт.

План Шарпа заключался в следующем: под руководством старого негра, знакомого с прибрежьем, ехать в город Арику, складочное место всего золота из Потози, Чукизака и других рудников. Невдалеке увидели город Гуаякиль, очень богатый, состоявший из 500 домов и составлявший порт большого города Квито. Здесь они взяли несколько испанских кораблей, выбрали из них все, что имело для них ценность, и потом отпустили ехать куда угодно, только дворяне и флотские офицеры должны были ехать с флибустьерами, впрочем, с ними обращались хорошо. Погода испортилась, начал сказываться недостаток в пресной воде, поднялись бури, отдалявшие корабли от земли, и когда они, несмотря на это, подъезжали к берегу, то не могли сойти на него по причине крутизны и бурунов. К этому присоединялось и то, что вся страна была предуведомлена об их приезде, и флибустьеры должны были опасаться, что если и не разобьются о скалы, то замочат порох. Наконец недостаток в воде усилился до того, что в день приходилось по две чайные чашки на человека. Флибустьеры начали роптать и едва повиновались. Они находились тогда только в шести милях от Арики, куда, однако, никак не могли высадиться, поэтому бросили они якорь в заливе Гило, взяли приступом и разграбили город того же имени. Углубиться в страну сочли они опасным, потому что все соседние горы были заняты испанцами, пришедшими из

внутренности земли и ежедневно усиливавшимися в числе.

Флибустьеры, не намереваясь драться здесь, поспешили налиться водой, собрали множество сахара, масла, плодов и овощей, сели ночью на корабли и уехали. Потом высадились у Сергепы, города, имевшего 8 церквей и 4 монастыря, – но не имели удачи. Предуведомленные вовремя жители большей частью скрылись со всем своим имуществом и пиратам не оказали никакого сопротивления. Все, что осталось, сделалось добычей флибустьеров. Опасаясь сожжения города, испанцы прислали переговорщика, который предложил флибустьерам выкуп, что немало обрадовало последних, не надеявшихся уже ни на какую дальнейшую прибыль. Сошлись на 95 000 пиастрах, но медлили уплатой. Испанцы, проникнутые недавно проявившимся в них мужеством, надеялись отделаться от уплаты выкупа и только заботились о проволочке времени, они открыли в реке Серене шлюз, чтобы утопить флибустьеров. Попытка не удалась. За то флибустьеры, не медля более, зажгли город. Между тем они и не подозревали, что были близки к гибели с другой стороны. Испанцы решились сжечь корабль пиратов. Ночью один из них подплыл на вздутой лошадиной шкуре к кораблю, поместил в щели и у руля серы и других горючих веществ и зажег их. Корабль скоро наполнился дымом, руль уже горел, когда флибустьеры, оставшиеся на корабле, наконец открыли причину пожара и удачно потушили огонь. Случай этот был очень выгоден для испанских пленников: опасаясь, чтобы они, чего доброго, не последовали примеру своего земляка и, может быть, с большим успехом, флибустьеры освободили всех их.

Флибустьеры поплыли оттуда к острову Хуан-Фернандес».

Высадка состоялась 4 января 1681 года. Бартоломью Шарп не случайно выбрал этот остров для стоянки. Ему хорошо было известно, что на Хуан-Фернандесе можно будет без особых помех произвести ремонт «Троицы». У пиратов оставался теперь лишь один корабль, поскольку от поврежденного во время пожара «Майского цветка» им пришлось отказаться. В этом был, однако, и свой плюс: ремонт обещал занять куда меньше времени.

Пока шли ремонтные работы, пираты на досуге развлекались игрой в карты и кости. Бартоломью Шарп был великолепным игроком; он с несколькими партнерами сумел обчистить практически всю команду. И это трагикомическое происшествие, как повествует Ф. Архенгольц, явилось поводом для того, чтобы «…вспыхнуло давно уже скрываемое неудовольствие пиратов. Они отказались от повиновения своему предводителю, Шарпу, и выбрали другого». Новым капитаном стал Джон Уотлинг. Он сплотил вокруг себя оставшихся без единого пенни пиратов и воззвал к ним, предлагая двинуться за добычей к Тихому океану и обещая, что их карманы очень скоро наполнятся звонкой монетой. Пираты единодушно одобрили выбор вновь избранного капитана. Что касается Бартоломью Шарпа, он невозмутимо наблюдал за происходящими событиями, видимо, желая узнать, чем же завершится этот неожиданный «бунт на корабле».

Очень скоро возникли неприятности. Их источником была серьезная чилийская эскадра, охотившаяся за пиратами. Пытаясь избежать поимки, Джон Уотлинг вел корабль Шарпа на север. 10 февраля 1681 года они вновь оказались неподалеку от порта Арика на побережье Чили. Если ранее пираты не осмелились напасть на город, то теперь все было иначе. Они так жаждали богатой добычи, что были готовы практически на все. Ф. Архенгольц сообщает, что на тот момент в «…городе этом находился гарнизон из 900 человек, к которому прибавили недавно еще 400 человек из Лимы. 300 человек защищали форт. Уотлинг оставил часть своего отряда на судах и с 92 человеками пошел к городу. Испанцы бросились к ним навстречу; произошла кровопролитная битва, которая кончилась как и всегда: флибустьеры ворвались в город, несмотря на свою малочисленность, и атаковали форт, но встретили сильный отпор. Между тем разбитые испанцы собрались снова, толпой бросились в город и напали на флибустьеров с тыла, что принудило их оставить осаду форта и начать новую битву в самом городе. Но число противников возрастало с каждой минутой, и они дрались с величайшей яростью, пират падал за пиратом, вскоре были убиты и новый предводитель их

Уотлинг, и несколько корабельных чиновников, иные попались в плен». Известный историк пиратства Жан Рогожинский приводит в своей энциклопедии фрагмент испанского письменного отчета об этом происшествии: «…пираты с храбростью и свирепостью львов дрались безрассудно, с неестественным презрением к любому риску, и воспринимали смерть с облегчением».

Однако ситуация складывалась явно не в их пользу.

Ф. Архенгольц замечает далее: «Казалось, испанцы пылали только местью к жестоким врагам своей нации. Бой сделался слишком неравен, чтобы продолжаться с выгодой для пиратов, и потому они попросили Шарпа, принявшего опять начальство над ними, отступить. Это было тем нужнее, что флибустьеры умирали от жажды, притом не ели целый день и были совершенно обессилены. Шарп, не знавший опасности и возмущенный мыслью оставить в плену несколько товарищей, долго не соглашался. Не добыча, не воинская слава, не честь побуждали его к этому, но братская верность и обязательства общества, исполнению которых, однако, на этот раз природа положила препоны. Оставшиеся в живых пираты должны были подумать об отступлении. Наконец выступили из города, причем с величайшими усилиями пробивали себе путь, с потерей 28 человек – частью убитыми, частью пленными, кроме 18 опасно раненных, которых унесли с собой. Чувствительнейшей потерей были три корабельных хирурга, которые напились до того, что их никак не могли увести с собой.

Испанцы преследовали отступающего неприятеля за город, но здесь флибустьеры построились и приняли такое грозное положение, что отняли у противников всякую охоту возобновить битву. Ночью пираты сели на суда и уплыли, направляя путь свой к Никойской губе».

Но удивительное дело! Еще совсем недавно пираты не сложили свои головы единственно потому, что Бартоломью Шарп вновь принял на себя бразды правления. Казалось бы, в благодарность за содеянное капитаном, перед которым они и так были уже виновны, насильно сместив его (это притом, что корабль принадлежал Шарпу!), пираты должны были гореть желанием заслужить его прощение, проявляя себя в самом лучшем виде. Однако 26 апреля 1681 года пират по имени Джон Кук, ставший очередным негласным главарем, призвал команду не слушать приказов Шарпа, а высадиться на берег («Троица» как раз бросила якорь у побережья Эквадора), попытавшись посуху добраться до Панамского перешейка. Бартоломью Шарп им не препятствовал. После ухода недовольных (их оказалось около 50 человек) он приказал поднять якорь и двигаться на юг. По пути пираты захватывали прибрежные селения и небольшие города, нападая также на небольшие суда, которых, впрочем, им встретилось совсем немного.

К тому времени пираты провели в Тихом океане свыше года, особой радости по этому повода не испытывая. Но 20 июля 1681 года произошло значительное событие. Пираты «…взяли испанский корабль „Сан-Педро“, шедший в Панаму, на котором, кроме многих товаров, находилось 37 000 пиастров, и не долго спустя другой „Санта-Розария“, на котором хотя и не было столько наличных денег, но зато он был нагружен еще богаче первого. Между прочим, на нем нашли 600 бочонков вина и водки. Экипаж его, состоявший из 40 человек, сначала защищался, но флибустьеры употребили свою страшную методу: целить в начальников, убили кормчего – прочие сдались тотчас. Им дали свободу и от них узнали, что отправившиеся сухим путем флибустьеры всюду принуждены были пробивать себе путь оружием и что перуанский вице-король велел отрубить голову адмиралу Понсу за то, что не отыскал и не уничтожил флибустьеров во время их пребывания на Горгоне». Один из очевидцев происходящего впоследствии вспоминал, что добычей пиратов, захвативших «Санта-Розарию», явилась молодая жена капитана, «самая красивая женщина из всех, что когда-либо встречались в южных морях». Казалось, что участь бедняжки окажется горькой и чудовищной… Но произошло неслыханное. Пираты, узрев красавицу, остолбенели и

смешались. На них словно снизошло озарение. Все-таки как же прав был Федор Михайлович Достоевский, возвещая, что Красота спасет мир! Грубые и заскорузлые души пиратов пред ликом прекрасного словно преобразились. Им не хотелось уже проливать кровь и насиловать. Они даже вернули капитану около 700 серебряных слитков! Случай просто неслыханный… Правда, один из очевидцев не без ехидства утверждает, что пираты просто-напросто приняли серебро за олово, а потому и решили не захватывать с собой напрасный груз, почти ничего, на их взгляд, не стоивший. В энциклопедии Жана Рогожинского упоминается, что один из пиратов вознамерился отлить из такого слитка новые пули, и, когда выяснилось, что это серебро, он мигом стал богаче на 75 фунтов! Впрочем, Бартоломью Шарп, предоставив своим людям возможность пожирать красавицу благоговейными взорами, решил приглядеть за капитаном, и не зря! Лукавый испанец, украдкой подобравшись к борту, уже собирался выбросить в море пакет, заключавший в себе подробные планы практически всех портов на побережье! Шарп вовремя его остановил, став обладателем бесценного – в глазах любого корсара – сокровища. Впрочем, пока что толком воспользоваться этими планами не было никакой возможности. После захвата двух кораблей подряд тревожные вести о пиратах облетели все прибрежные селения. Как справедливо замечает Ф. Архенгольц: «…нечего было и думать о значительной добыче при высадках, потому что везде были настороже, поэтому единодушно решили оставить всякую попытку на них и проехать через Магелланов пролив или в Англию, или на английские вест-индские острова.

Проезд этот был несчастлив. Флибустьеры боролись со страшными бурями, не могли отыскать пролива и были отброшены в неизвестные моря у Южного полюса, где ежеминутно угрожала им гибель на подводных рифах и отмелях. В таком опасном положении они утешались своей добычей. Для препровождения времени делили какую-нибудь часть ее; сначала принялись делить чеканенное и нечеканенное золото и серебро, потом драгоценные и не грузные вещи, дележ прочей добычи отложили до удобнейшего случая. При этих первых дележах на долю каждого пришлось по 554 пиастра, к которым вскоре прибавилось еще по 24. У них оставалась одна свинья, которую они сберегали несколько месяцев для праздника Рождества Христова 1681 года. Скука заставляла их играть, следствием чего было то, что многие пираты в короткое время лишились всех плодов своих трудов и опасностей».

Вследствие штормов Бартоломью Шарп не сумел обнаружить Магелланов пролив и первым из англичан миновал мыс Горн. 7 февраля 1682 года «Троица» уже бросила якорь у Барбадоса. Пока продолжалось путешествие Шарпа, в мире кое-что изменилось. К несчастью для него, законодательные меры в отношении пиратов серьезно ужесточились. Ступить на берег Барбадоса они уже не могли, поскольку мигом угодили бы в тюрьму, а оттуда на виселицу. В этой ситуации было решено поделить до конца всю остававшуюся добычу и, разбившись на отряды, попытаться незаметно рассеяться по окрестностям. Сам же Бартоломью Шарп предпочел вернуться в Англию.

Он ступил на берег туманного Альбиона 26 марта 1682 года. На свою беду, в числе прочих трофеев при нем находился 16-летний чилиец, которого Шарп намеревался вышколить до примерного слуги. У юноши был длинный язык; улучив момент, он нашептал на ушко испанскому послу свою историю. Тот поднял скандал, требуя принять суровые меры. Бартоломью Шарп и трое его верных соратников предстали перед судом. Рассмотрев все обстоятельства этого дела, Адмиралтейский суд признал пиратов… невиновными!!! Подоплека судебного решения была проста: Шарп поведал суду, что располагает подробнейшими картами всех испанских портов. Англия находилась в перманентном состоянии войны с Испанией. Имея на руках эти планы, англичане заведомо были в выигрыше. В благодарность за освобождение, Бартоломью Шарп заказал картографу сделать копии всех карт, причем распорядился, чтобы они были роскошно украшены – он намеревался вручить их английскому королю Карлу II.

Немного отдохнув на берегу, Шарп предпринял несколько не слишком удачных пиратских рейдов, в частности, он прямо на Темзе захватил французский корабль. Между тем ему было

предложено перспективное место капитана на одном из королевских военных фрегатов, но Шарп, согласившись вначале, потом просто покинул судно, вышедшее в море уже без него. Его явно снедала тоска, и в итоге он решил вернуться на Карибы.

Он оказался там уже в феврале 1684 года. Затем произошло нечто неожиданное. Пообщавшись с островным губернатором, Шарп согласился начать охоту как на суше, так и на море. Целей было две: пираты и индейцы! Однако ни до тех, ни до других руки у него так и не дошли, зато Шарп удачно охотился на испанские корабли, продавая пленников в рабство. Власти были с ним в доле. Когда его случайно арестовывали, а это произошло дважды (в 1686 и 1688 гг.), суд неизменно выносил оправдательный приговор. Бартоломью Шарп очень хотел сделаться губернатором, но сумел удостоиться лишь чести быть назначенным командором островка Ангилья. Этот клочок суши часто навещали пираты для ремонта своих кораблей и дележа добычи. Последнее упоминание о Бартоломью Шарпе относится к 1688 году. Обстоятельства его кончины неведомы.

Жак Тавернье (Jacques Tavernier)

(ок. 1625–1673), Франция

Жак Тавернье, которого также знали под именем Ле Лайоннэ, пиратствовал в Карибском море в середине XVII столетия. Начал он свою карьеру в статусе приватира, приплыв с эскадрой в Мексиканский залив, но впоследствии сделался буканьером – этому его решению в известной мере способствовало начало военного противостояния между Францией и Испанией. Тавернье был опытным моряком, а потому его охотно включали в состав своих команд многие именитые корсары. Ему выпала удача плавать с Лоренсом ван Граафом, Мишелем де Граммоном, Пьером ле Пикаром, Жаком Нау и даже с самим Генри Морганом! Вместе с тем до статуса капитана он дошел не скоро. Некоторые современные историки пиратства видят основную причину в том, что хотя море и было для него родной стихией, но сам он по натуре был достаточно темным и необразованным субъектом, не умея ни читать, ни писать. Ходить под чьим-то руководством у него получалось отлично, а вот руководить самому – увы…

Тем не менее в 1664 году он уже командовал 12-пушечной «Жемчужиной». Именно на борту этого судна он успешно разорял побережья Венесуэлы, Панамы, Кубы и Мексики. Неплохо себя зарекомендовав, он получил возможность участвовать в захвате Маракайбо (1666), Портобелло (1667), а также и Панамы (1671). Панамским рейдом командовал знаменитый Генри Морган, у которого было чему поучиться любому пирату! Несколько позднее Тавернье блестяще удалась атака на испанские корабли, застигнутые им в Гондурасском заливе.

Через несколько лет, в 1673 году, он столкнулся в море неподалеку от Гаваны с двумя испанскими военными фрегатами. Ряд удачных попаданий из пиратских пушек вывел из строя один из фрегатов, который, будучи охвачен пламенем, спешно ретировался к направлении берега. Второй корабль испанцев продолжал сражение. Пираты, стремясь заполучить ценный трофей в сохранности, задумали пойти на абордаж. Это было тактическим просчетом с их стороны. Внезапный шквал спутал напрочь все канаты и абордажные цепи; теперь пираты не смогли бы отцепить свое судно от атакованного ими корабля даже если бы пожелали. Оставалось лишь одно: сражаться до победного конца. Однако то обстоятельство, что они лишились возможности уйти по своей воле, подействовало на пиратов нелучшим образом, и схватка постепенно начинала уже складываться не в их пользу. А тут, в довершение всего, был тяжело ранен сам Тавернье. Когда их капитан выбыл из строя, пираты запаниковали, и испанцам в итоге удалось их всех пленить. Пиратов доставили на берег. Над Тавернье, хотя он был почти что при смерти,

учинили суровый суд и приговорили к смертной казни. Приговор незамедлительно был приведен в исполнение.

Николас ван Хоорн (Nicholas van Hoorn)

(ок. 1635 – 24 июня 1683), Голландия

Этот голландский буканьер охотился за добычей в Атлантике, захаживая также и на Карибы. Наиболее активными в его пиратской карьере были 1681–1683 годы. Ф. Архенгольц, искушенный знаток пиратских судеб, пишет о нем так: «Ван Хоорн был сперва простой матрос, искусный в управлении рулем. В должности рулевого он нажил несколько сот пиастров. С этими деньгами он отправился во Францию, выхлопотал себе каперское свидетельство и вооружил небольшое судно, которое, чтобы лучше устранить все подозрения, величиною, формою и внутренним устройством совершенно походило на рыбачью барку. На нем находилось не более двадцати пяти человек. Не имея пушек, бедные патентованные пираты надеялись только на абордажи. Франция вела в то время войну с Голландией. Голландец, превратившись во флибустьера, нисколько не совестился нападать на своих земляков. Он скоро сделал несколько призов, которые продал в Остенде, и на вырученные деньги купил военный корабль. Счастье продолжало благоприятствовать ему, и он скоро собрал небольшой разбойничий флот. Этот успех позволил ему до того возгордиться, что, за исключением французских, он стал нападать на корабли всех наций, принуждая их к безусловной сдаче. Наконец Ван Хоорн не стал щадить и французов. Французское правительство, осыпаемое со всех сторон жалобами, приказало преследовать и поймать его и отправило военный корабль, который действительно скоро отыскал Ван Хоорна. Пират, догадываясь о намерении идущего на него корабля, всячески старался уйти, но военный корабль нагнал его. Пускаться в битву было очень опасно; потому он счел за лучшее как-нибудь поладить с командиром корабля, приказал собрать паруса и добровольно отправился на корабль к нему. Командир объявил ему, что имеет приказание отвезти его во Францию. Ван Хоорн изъявил чрезвычайное удивление и старался доказать, как беспристрастно и согласно с выгодами Франции поступал он во всех случаях. Капитан не мог удовольствоваться этими извинениями, имея точные предписания, он приказал поворотить корабль. Приведенный в отчаяние, Ван Хоорн быстро подошел к капитану и сказал: „Вы поступаете очень неосторожно и рискуете многим. Неужели вы думаете, что люди мои будут спокойно смотреть, как меня увозят в глазах их? Все они люди отборные, испытанные, не боятся смерти, а лейтенант мой самый решительный человек в свете. Ведь еще не решено, на чьей стороне останется победа. Поэтому, если вы твердо решились исполнить данное вам предписание, советую приготовиться немедленно к отчаянной битве“.

Эти решительные слова и высокое мнение, какое имели о мужестве и решимости пиратов, подействовали на командира военного корабля и заставили его опасаться, что неудача в битве покроет стыдом французский флаг, даже самая битва может иметь неожиданную развязку, поэтому он отпустил Ван Хоорна. Последний был убежден, что двор не одобрит этой излишней мнительности капитана, и потому решился отправиться на берега испанской Америки, не желая дожидаться в европейских морях новых приказаний схватить его, которые, вероятно, исполнились бы с большей решительностью».

Это было на редкость правильное решение. Самое же удивительное, что Николас ван Хоорн даже не подозревал, какие трофеи, образно говоря, уже практически готовы прийти к нему прямо в руки! Ф. Архенгольц сообщает по этому поводу следующее: «Он поехал в Пуэрто-Рико, откуда должны были скоро отправиться в Европу испанские галеоны. Хотя время и было военное, но испанцы не столько опасались французских и голландских военных

кораблей, сколько каперов их, и потому хлопотали о приискании надежного эскорта. Ван Хоорн, имя которого было известно всем морякам, при громе барабанов и цимбал въехал в гавань, объявил о своих новых отношениях к Франции, собрал еще несколько отдельно крейсировавших кораблей своих и предложил галеонам свои услуги. Испанцы имели неосторожность принять их. Флотилия скоро вышла в открытое море, Ван Хоорн сопровождал ее довольно далеко, выжидая удобного случая для исполнения задуманного уже в Европе плана. Наконец он овладел двумя богатейшими галеонами и рассеял остальные. Этот приз неимоверно обогатил его. Будучи чрезвычайно щедр, он царски наградил самых смелых товарищей своих, между тем как во время сражения собственноручно убивал тех, которые показывали хоть малейший признак страха. Эта дикость в битве и щедрость за успешное действие в ней соединялись с особенным кокетством. Находясь на твердой земле, он одевался чрезвычайно роскошно, носил на шее огромную нитку крупных восточных жемчужин, а на пальце перстень с неоцененным рубином».

Как видите, ничто человеческое не было ему чуждо! Однако между тем Николас ван Хоорн не мог не отдавать себе отчета в том, что за сравнительно короткий промежуток времени умудрился восстановить против себя практически всех: англичан, французов, голландцев, испанцев. И ведь заметьте: речь идет, по сути, об основных морских державах мира. В итоге он был обречен: для него автоматически закрывались все моря и океаны. Конечно же, он вполне мог какое-то время плавать на свой страх и риск, но продлилось бы это совсем недолго. Ван Хоорн, понимая это, принял единственно верное решение: он пошел на сговор с флибустьерами. Причем не с простыми пиратами, без особого опыта и умения, не говоря уж об удаче. Как пишет Ф. Архенгольц, он «…соединился с двумя из умнейших предводителей флибустьеров де Граммоном и Лораном (Лоренсом) де Граафом (первый был родом француз, второй – голландец) и вместе с ними решился ограбить Веракрус. Так как эти три мужа особенно прославились между флибустьерами, то не мешает познакомиться с ними ближе, для чего представим здесь некоторые черты из их жизни и характера.

Де Граммон был французский дворянин из Парижа. В 1678 году отправился он с отрядом в 700 человек в Маракайбо и овладел этим городом. Потом он бросил свои корабли, пошел во внутренность земли, переправился через быстрый поток, разбил сопротивлявшихся ему испанцев и взял город Торилья. Но и здесь, как и в Маракайбо, жители имели время спастись со всем своим имуществом. Добыча, состоявшая в товарах и других громоздких вещах, не приносила флибустьерам совершенно никакой пользы, притом пора было подумать об отступлении. Поэтому Граммон возвратился на остров Тортугу с весьма незначительной добычей, при всем том он потерял в этом неудачном походе только 20 человек из 700. В следующем году Граммон предпринял экспедицию на берег Куманы с отрядом в сто восемьдесят человек, штурмовал Пуэрто-Кавалло, взял два форта, срыл укрепления их до основания и заклепал все пушки. Все окрестные жители взялись за оружие, чтобы прогнать эту горсть флибустьеров, и даже 2000 человек шли к городу и укреплениям. На Граммона, находившегося в городе с сорока семью человеками, напали триста испанцев; пора было думать об успешном отступлении. Граммон послал прочим флибустьерам приказание немедленно оставить форты и садиться на корабли, между тем как сам, беспрерывно сражаясь, причем был два раза опасно ранен в шею, прикрывал садившихся на корабли. Флибустьеры сражались с таким остервенением, что лишили испанцев всякого присутствия духа, и они должны были наконец быть спокойными зрителями того, как Граммон со своим отрядом и 150 пленными, между которыми находился и губернатор города, спокойно сел на корабли. При весьма незначительной добыче, приобретенной в этой экспедиции, флибустьеры рассчитывали на выкуп пленных. Но счастье не благоприятствовало им по-прежнему. Граммон, ужасно страдая от раны и находясь в большой опасности, стоял на Гоавском рейде, когда буря бросила корабли его на берег и разбила их. Между ними находился главный корабль его о 52 пушках, на котором было все его имущество. Наконец Граммон выздоровел, но совершенно обнищал, почему и просил принять его как простого флибустьера в отряд, отправлявшийся в экспедицию, целью которой был город Веракрус,

чего Ван Хоорн, однако, не допустил».

Еще бы он это допустил! Ван Хоорн был достаточно мудр, чтобы понимать: если он окажет уважение столь именитому и заслуженному флибустьеру, то пираты не смогут не оценить этого. Так, в сущности, и вышло. Что же до второго компаньона, Лоренса де Граафа, то ему тоже было чем похвастаться. Ф. Архенгольц уведомляет нас, что он «…не менее двух первых (т. е. Ван Хоорна и Мишеля Граммона. –

Авт .) был предприимчив и мужествен. Он был превосходный артиллерист, долго служил в испанских войсках, даже крейсировал против флибустьеров и не раз брал пленных из среды их, пока сам не попал к ним в руки. Флибустьеры, испытав на себе мужество его, предложили ему вступить в их братство, на что он и согласился, несколько раз участвовал в походах Ван Хоорна и скоро сделался ужасом и бичом испанцев. Раз как-то наткнулся он совершенно неожиданно со своим хорошо вооруженным, но маленьким кораблем на два испанских шестидесятипушечных линейных корабля, отправленных именно против него. Партия была слишком неравна, и потому он всячески старался уйти от них. Однако, видя, что усилия его бесполезны, увещевал своих людей защищаться до крайности. В краткой речи он изобразил ужасное положение, в какое приведет их плен, который кончится постыдной смертью в ужаснейших мучениях. Эта речь произвела ожидаемое действие: она возбудила во всех флибустьерах отчаянную решимость.

Для поддержания этого расположения Лоран подозвал одного из самых решительных пиратов, приказал ему взять горящий фитиль, стать в двух шагах от пороховой камеры и ждать там от него знака к взорванию корабля, когда всякая надежда будет потеряна. Потом он сделал все нужные распоряжения, главной целью которых был меткий и хорошо рассчитанный мушкетный огонь, и вскричал: „Мы должны пройти между неприятельскими кораблями!“ И Лоран прошел действительно, хотя ядра испанцев сильно повредили корабль его, но зато искусные в стрельбе флибустьеры десятками убивали толпившихся на неприятельских шканцах испанцев.

Лоран, раненный ядром в бедро, продолжал, однако же, командовать и особенно воспользовался своим искусством в меткой пальбе из пушек: сам наводил их и наконец сбил главную мачту на адмиральском корабле, что произвело смущение. Лоран воспользовался им и избегнул верной гибели.

Вскоре потом отправились из Картахены еще три корабля против того же отряда флибустьеров, на двух из них было по тридцати шести пушек и по 400 человек; на третьем было 6 пушек и 90 человек. Между тем с Лораном соединилось несколько других судов: при виде их испанская флотилия, надеявшаяся победы только от превосходства в силах, стала думать о том, как бы отретироваться с честью. Но флибустьеры не дали им времени на это и немедленно напали на них. После восьмичасовой битвы испанские корабли были взяты. Эта неудача до того поразила испанцев, что они совершенно упали духом и надолго отказались от надежды победить и уничтожить своих противников».

Да, что и говорить, в мае 1683 года эти люди встретились далеко не случайно. Их сердца не знали страха, а души устремлялись к неведомому. Прибавьте сюда богатый мореходный опыт наряду с блестящими пиратскими навыками, и станет очевидно, что судьба незадачливых обитателей города Веракрус в скором времени должна была коренным образом перемениться! У них еще имелся некий призрачный шанс, чтобы спастись, но, увы: им даже не было ведомо, какие мрачные тучи стягиваются над их головами…

Однако возникает закономерный вопрос: а почему выбор трех корсаров пал именно на Веракрус? Ведь это же была настоящая неприступная твердыня. Неоднократно цитируемый нами Ф. Архенгольц, дивясь дерзости пиратов, осмелившихся замахнуться на столь желанный, сколь недосягаемый трофей, приводит в своей замечательной книге

обстоятельную характеристику этого города: «В самом деле трудности этого предприятия казались непреодолимыми. В городе находился трехтысячный гарнизон из лучших испанских войск, тогда еще славившихся своей храбростью и беспрерывными победами в Старом Свете, кроме того, в соседней крепости Сен-Жан-дю-Люк, защищавшей с одной стороны берег, а с другой – город, находилось 800 человек с 60 пушками, а в течение суток из окрестностей могло собраться сюда еще до 16 000 вооруженных людей».

Да, трудно представить себе, как стали бы действовать пираты, не будь среди них Мишеля Граммона. Тот «…во всех подробностях изучивший местность и обстоятельства и преимущественно настаивавший на этом предприятии, объявил, что богатые испанцы всячески постараются выиграть время, чтобы исполнить намерение, укоренившееся во всех колониях их: при нападении неприятеля не рассчитывать, велика ли опасность, и выжидать первого успеха защитников, но тотчас увозить или зарывать свои богатства и самим скрываться в соседних лесах. Несмотря, однако же, на все это, Граммон считал успех возможным, если будет действовать с необходимым благоразумием, твердо, быстро и сохранив тайну. Советовать флибустьерам последнее было лишнее: строгое молчание о предприятиях было священным законом их; так как испанцы и их приверженцы тщательно выведывали о каждом движении пиратов, то везде надобно было ожидать измены, следовательно, от строгого соблюдения этого закона зависели жизнь, успех и добыча.

Созвав все отряды, Граммон объявил им план свой, но только поверхностно, в общих чертах, скрывая подробности. Хотя Лоран и Ван Хоорн были совершенно согласны с Граммоном, однако большая часть флибустьеров не одобряла предприятия, в котором видели одни непреоборимые затруднения».

Однако на то ведь корсары и действовали втроем, чтобы предвидеть возможные осложнения и знать, как их проще и лучше всего разрешить. Пришла очередь появиться на авансцене самому Ван Хоорну. Он был уверен, что на простых пиратов более всего подействуют простые и очевидные факты того, что огромная добыча не только рядом, но и может быть сравнительно легко захвачена. С этой целью Ван Хоорн, которого активно поддержали его партнеры, приказал «…привести двух пленных испанцев, которые уверяли, что на днях ожидают в Веракрусе два богато нагруженные корабля из Гоавы. Это известие произвело ожидаемое действие: все единодушно решились немедленно распустить паруса. Оказалось 1200 флибустьеров, согласных на предприятие. Все флибустьеры, приблизясь к Веракрусу, должны были сесть на два корабля, кроме немногих матросов, которым поручили управлять остальными судами, долженствовавшими остаться в открытом море и явиться только после окончания предприятия. Флибустьеры надеялись таким образом скрыть свои силы и заставить испанцев поверить, что это те два корабля, которые ожидали из Гоавы».

Поистине интрига в духе Макиавелли! План пиратов блестяще удался!

Ф. Архенгольц свидетельствует: «…все жители Веракруса были обмануты: старые и малые бросились к гавани, радуясь, что давно ожидаемые и наконец едущие корабли прекратят недостаток в какао – главной потребности испанцев.

Радость жителей увеличилась еще, когда они увидели испанский флаг, поднятый флибустьерами, но, когда заметили, что корабли, несмотря на попутный ветер, остаются в некотором отдалении, многими овладело подозрение, которое сообщили губернатору дону Людовику де-Кордова. Но губернатор и слышать не хотел об этом и утверждал упорно, что это точно те корабли, о которых он извещен, и что они совершенно сходны с доставленным ему описанием. Такой же ответ получил комендант крепости Св. Ионна, Улуа, советовавший Кордове быть осторожным. Наступила ночь, и все отправились по домам, успокоенные уверенностью того, кому более всех надлежало заботиться о безопасности вверенного ему города.

Флибустьеры как нельзя лучше воспользовались этой беспечностью. Едва наступила ночь, задние корабли их, которых не видали из города, соединились с двумя первыми, и пираты около полуночи высадились у старого города Веракрус, который находился в двух милях от нового того же имени. Часовые на берегу были захвачены врасплох и перерезаны; несколько невольников, встретившихся пиратам, взяты в проводники, за что обещали им свободу. Ведомые ими, флибустьеры перед рассветом подошли к воротам города. Беспечные жители не помышляли ни о какой опасности, когда вдруг враги ворвались в город и перерезали всех сопротивлявшихся. Лоран повел отборный отряд к крепости, защищавшей город с твердой земли, и скоро овладел ею. Здесь нашли двенадцать пушек, из которых Лоран велел сделать несколько выстрелов по городу, чтобы уведомить товарищей об удаче. Испанские солдаты, пробужденные необыкновенным шумом, все еще не трогались с места. В этот день праздновали день знаменитого святого, и они полагали, что некоторые из знатнейших жителей вздумали начать празднество раньше назначенного времени. Даже смешанные крики друзей и врагов почитали они радостными кликами, и, словом, защитники города узнали последние, что он находится уже в руках флибустьеров.

Наконец солдаты взялись за оружие и изо всех сил стали кричать, что „las ladrones“ (воры, разбойники) в городе (когда все уже знали об этом). До сих пор флибустьеры еще щадили кое-кого, но, приведенные в ярость новым сопротивлением, убивали всех, кого могли только настигнуть. В короткое время все солдаты были перебиты, ранены или рассеяны, а знатнейшие жители взяты в плен. Надежда на безопасность, которой убаюкал их комендант, препятствовала им воспользоваться обычаем жителей испанской Америки – искать спасения в поспешном бегстве. Наконец убийства прекратились, и тревога умолкла. Пленных, далеко превосходивших числом победителей, заперли в соборную церковь, у дверей ее поставили бочонки с порохом и часовых с горящими фитилями, чтобы при малейшем покушении на бегство взорвать церковь со всеми находившимися внутри нее.

Таким образом, флибустьеры в несколько часов и с весьма незначительной потерей овладели одним из прекраснейших и богатейших городов в Америке. Двадцать четыре часа употребили на грабеж и переноску всех драгоценностей на корабли. Добыча состояла из золота и серебра в монете, из драгоценных камней, кошенили и прочего – всего на 6 миллионов испанских талеров. Эти сокровища, впрочем, не могли войти ни в какое сравнение с тем, что флибустьеры могли бы собрать в богатом городе, если бы имели более времени. Но его-то и недоставало им: они опасались, и не без причины, что в скором времени все войска, расположенные в окрестностях, соберутся вместе и явятся на выручку города. Поэтому они были вынуждены прекратить грабеж, но утешались надеждою, что возвратятся со временем и с лихвою вознаградят себя за невольную умеренность».

Что касается последней фразы (о надежде вернуться и довершить начатое), то нужно отметить любопытную особенность, присущую тогдашним пиратам: они всерьез полагали, что все имущество, находящееся в ведении испанцев, на самом деле… принадлежит им! История сохранила множество подобных набегов на города, когда пираты, не успев почему-либо разграбить город вчистую, возвращались через некоторое время обратно с жестким требованием «заплатить проценты». Невероятно, но все так и было!

Кстати, данный случай тоже не стал исключением: «…ограбив город, флибустьеры думали только о том, как бы выкупом за пленных увеличить свою добычу. Для этого отправили в церковь испанского монаха, который объявил несчастным жителям в коротких словах волю победителей. Он сказал, что флибустьеры даруют им жизнь и свободу, если они внесут выкуп. При этом он заклинал их исполнить требование это как можно скорее, чтобы выйти из своего ужасного положения.

Увещание было успешно. Пленники тотчас приступили к сбору, и так как большая часть жителей при бегстве взяла с собой деньги и другие драгоценности, то в полчаса собрали до 200 000 испанских талеров, которые и вручили флибустьерам, но эта сумма показалась

пиратам недостаточной. Скупость их боролась со страхом за безопасность, которая действительно была не слишком велика. Они узнали, что вице-король Новой Испании приближается к городу со значительным войском. Но счастье и тут не оставило их. Епископ Веракруса, во время нашествия флибустьеров посещавший другие подведомственные ему паствы, услышав о несчастье, постигшем Веракрус, и опасаясь исполнения угрозы пиратов испепелить город и истребить всех жителей, поспешно собрал миллион пиастров и отправил к флибустьерам. Несмотря и на эту новую дань, пленные должны были пробыть еще несколько часов в заключении. Их освободили только тогда, когда флибустьеры оставили город, что случилось при наступлении ночи.

Пираты взяли с собой всех пленников обоего пола, также всех мулатов и свободных слуг, числом до тысячи пятисот человек, за которых требовали еще миллион пиастров. И эту сумму обещал им епископ. Деньги были действительно собраны, но уже поздно, пираты не осмеливались ждать их долее. Кроме того, что сухопутные войска быстро приближались к городу, флибустьеры узнали, что новоиспанский флот приближается с моря. Они действительно встретили его при выходе из гавани. Нагрузив уже свои корабли драгоценностями и зная, что на этом флоте найдут только товары, которые мало ценили по трудности сбыта, они не решились вступить в бой – и оба флота прошли друг мимо друга».

Ну уж если это не считать везением, то что же тогда?!

Только все, увы, преходяще в подлунном мире, как справедливо утверждают поэты и философы. Пираты еще не успели как следует насладиться своим невероятным триумфом, как вдруг обнаружилось, что, спеша захватить как можно больше добычи, корсары совсем упустили из виду необходимость пополнения запасов пресной воды. Причем, если бы еще речь шла об удовлетворении нужд только самого экипажа, это было бы еще полбеды. Но не забывайте, пожалуйста, о том, что пиратами было захвачено свыше полутора тысяч (!) рабов, которых они намеревались выгодно продать. В итоге этими несчастными пришлось пожертвовать, в противном случае воды уж точно не хватило бы на всех. За время путешествия три четверти рабов испустили дух.

А тут еще начались серьезные конфликты среди пиратских главарей. Нехватка воды и необходимость распределения рабов в равных частях по всем кораблям стало лишь первой каплей. Ситуация предельно обострилась, когда дело дошло до распределения добычи. Да, подчас люди просто не в силах выдержать бремя благополучия. Какоето мгновение назад верные друзья и надежные партнеры «…два предводителя, Ван Хоорн и Лоран, поссорились при дележе пленных и в двух милях от Веракруса вышли на дуэль. Ван Хоорн был опасно ранен и умер несколько дней спустя на корабле от небрежного присмотра».

Это, пожалуй, просто невозможно себе представить: корабли пиратской эскадры не отошли от берега еще и на пару миль, а от триумвирата уже не осталось и следа. Умирая от гангрены в жутких страданиях, Ван Хоорн завещал свое судно Мишелю де Граммону. Тело корсара было предано земле неподалеку от Веракруса, в провинции Юкатан.

Золотая эра корсаров (1690–1730)

Энн Бонни (Anne Bonney, Anne Cormac)

(c. 1697–1782?), Ирландия

Когда в 1720 году был захвачен корабль пирата Джека Рэкхема, на его борту были обнаружены две женщины – Энн Бонни и Мэри Рид. Суд счел их жертвами поначалу, но потом свидетели начали давать показания. Выяснилось, что они обе были невероятно распутны, их чудовищной ругани мог бы позавидовать любой сквернослов. Когда пираты готовились взять чье-то судно на абордаж, Энн Бонни и Мэри Рид переодевались в мужскую одежду и хватали по пистолету. После обнародования этих фактов вердикт суда изменился, и обеих пираток приговорили к повешению. Однако обе бестии завопили, что они беременны; они кричали: «Мой господин, за нас просят наши чрева!» Суд проявил понимание, казнь была отложена. Пираток заключили под стражу. Оттуда им удалось бежать. Впрочем, по другим источникам следует, что спаслась лишь Энн Бонни, о которой после этого не было никаких сведений.

Это факты.

Вместе с тем на протяжении нескольких столетий вплоть до наших дней куда более популярными оказались истории жизни этих пираток в подаче Даниэля Дефо. Несмотря на то что в этих историях фактически справедливы лишь имена героинь, но подчас случается, что вымысел привлекает куда больше фактов. Чтобы не томить читателей, мы приводим ниже историю Энн Бонни – так, как она представилась творцу «Робинзона Крузо» и «Полковника Джека». Хотя Дефо сотворил нравоучительную новеллу, которая впоследствии послужила ему при создании романа.

Энн Бонни

«Красотка Энн родилась в городке близ Корка, в Ирландском королевстве, отец ее был адвокатом, однако Энн не была одним из признанных его отпрысков, что явно противоречит старой пословице, гласящей, что у ублюдков везения больше. Отец ее был женат, и жена его, разродившись, после того заболела, и, дабы она могла поправить здоровье, ей присоветовали переехать в места, где воздух лучше. Место, ею выбранное, отстояло на несколько миль от ее жилища, и там жила мать ее мужа. Здесь она пребывала какое-то время, а муж оставался дома, дабы вести свои дела. Служанка, которую она оставила присматривать за домом и обслуживать семью, будучи красивою молодою женщиной, принимала ухаживания молодого человека из того же города, некоего Тэннера. Сей Тэннер обычно пользовался случаем, когда семьи не бывало дома, дабы являться продолжать свои ухаживания. И как-то, будучи со служанкою, когда та занята была по хозяйству, он, не имея страха Божьего перед глазами, улучил момент и, лишь только она повернулась спиною, утащил к себе в карман три серебряные ложки. Служанка скоро хватилась ложек, и, зная, что с тех пор, как они виделись в последний раз, в комнату более никто не заходил, она обвинила его в сей пропаже. Он же весьма упорно отрицал свою вину, отчего она пришла в негодование и пригрозила, что пойдет за констеблем, дабы тот отвел его к мировому судье. Угроза испугала его до безумия, ибо он хорошо знал, что не выдержит обыска; по сей причине вознамерился он ее утихомирить, посоветовав проверить выдвижные ящики и прочие места, дескать, может быть, она найдет пропажу. В это время он прокрадывается в другую комнату, где горничная обычно спала, и кладет ложки меж простыней, а после тайно уходит заднею дверью, заключив, что она обнаружит их, когда пойдет спать, и тогда на следующий день он сможет притвориться, будто сделал это, только чтобы напугать ее, и дело можно будет обернуть в шутку.

Она же, лишь только хватилась его, прекратила свои поиски, рассудив, что он унес их с

собою, и направилась прямо к констеблю, дабы тот его арестовал. Молодого человека известили, что его искал констебль, но он придал тому мало значения, не сомневаясь, что на следующий день все образуется. Минуло три или четыре дня, и ему все еще говорили, что констебль ищет его, и это заставило его скрываться. Не уразумев в происходящем смысла, он вообразил, ни более ни менее, что горничная вознамерилась присвоить ложки к своей выгоде, а кражу приписать ему.

В сие время случилось так, что хозяйка, совершенно оправившись от недавнего своего недомогания, возвратилась домой вместе со свекровью. И первое, что услышала, была новость о пропаже ложек, и каким образом сие произошло. Служанка сообщила ей и то, что молодой человек убежал. Тот же, получив известие о прибытии хозяйки и рассудив, что никак не сможет более там появиться в прежнем своем качестве, покуда дело не уладится, а женщина она по характеру добрая, решил идти прямо к ней и рассказать всю историю, с тою лишь разницей, что он якобы сделал это в шутку.

Хозяйка вряд ли тому поверила, однако пошла прямо в комнату горничной и, отвернув одеяла на кровати, к своему великому удивлению, нашла там эти три ложки; после чего присоветовала молодому человеку идти домой и заниматься своими делами, ибо он может более не беспокоиться об этом.

Хозяйка не могла представить, что бы все то могло означать: она никогда не замечала за горничною мелких краж, и потому у нее не умещалось в голове, что та в самом деле намеревалась украсть ложки; заключив из всего в целом, что со времени той пропажи горничной не было в своей кровати, она тут же возревновала, заподозрив, что горничная во время ее отсутствия занимала ее место подле мужа, и сие было причиною того, почему ложки не были найдены раньше.

Она тут же воскресила в памяти несколько благосклонных деяний, которые ее муж свершал для горничной, деяний, кои в то время прошли незамеченными, но теперь в ее голове поселилась сия мучительница, ревность, которая множила доказательства их близости; другим обстоятельством, усугубившим все остальное, было то, что муж ее знал, что она должна была в тот день прибыть домой, и не входил с ней в сношения четыре месяца до последних родов, и все же воспользовался случаем уехать в то утро из города под каким-то незначительным предлогом. Все эти факты, взятые вместе, утвердили ее в ее ревности.

Поскольку женщины редко прощают оскорбления такого рода, она замыслила выместить зло на горничной. Для этого она оставляет ложки там, где нашла, и приказывает горничной постелить чистые простыни на кровать, сказав ей, что намерена сама здесь спать этой ночью, потому что ее свекровь будет спать на ее кровати, и что она (горничная) должна ночевать в другой части дома; горничная, готовя постель, была удивлена, завидев ложки, но у нее были весьма веские причины, по которым ей не подобало говорить, где она их нашла, посему она забирает их и кладет к себе в сундук, намереваясь оставить затем в каком-нибудь месте, где бы их можно было случайно найти.

Хозяйка, дабы все выглядело так, как будто делалось без умысла, ложится этою ночью в постель горничной, едва ли воображая, какое приключение из того выйдет. После того как она какое-то время провела в постели, думая о том, что произошло, ибо ревность не давала ей заснуть, она услышала, как кто-то входит в комнату; вначале она подумала, что это воры, и была так испугана, что не осмеливалась даже вскрикнуть; но когда она услышала слова: „Мэри, ты не спишь?“ – то поняла, что это голос ее мужа. Тут страх ее прошел, но она не стала отвечать, ибо он узнал бы ее с первого слова, и решила притвориться спящей – а там будь что будет.

Муж лег в постель и в ту ночь разыграл неутомимого любовника; и удовольствие жене портило лишь то соображение, что все это предназначалось не для нее; однако она

покорилась и сносила это как подобает христианке. Перед рассветом она выскользнула из кровати, оставив его спящим, пошла к свекрови и рассказала той, что произошло, не в силах забыть, как он обращался с нею, принимая за горничную; муж тоже украдкою вышел, полагая, что негоже ему быть застигнутым в этой комнате. Тем временем хозяйка, горя желанием отомстить горничной и не принимая во внимание, что обязана той развлечением прошедшей ночи и что одна добрая услуга должна бы стоить другой, послала за констеблем и обвинила ее в краже ложек. Сундук горничной взломали и нашли ложки, после чего она была отведена к мировому судье и приговорена оным к заключению в тюрьму.

Муж прослонялся до двенадцати часов дня и затем пришел домой, делая вид, будто только что вернулся в город. Лишь только он услышал, что случилось с горничной, как разъярился на жену; сие еще подлило масла в огонь, мать воспротивилась сыну и приняла сторону жены, и наконец ссора разгорелась с такою силою, что мать и жена, взявши лошадей, тут же вернулись в дом матери, а муж с женою никогда после того не спали вместе.

Горничная провела в тюрьме около полугода, все это время дожидаясь приговора; но, прежде чем произошло разбирательство, обнаружилось, что она носит ребенка; и, когда суд состоялся, она была освобождена по желанию свидетельницы: сердце жены смягчилось, и поскольку она сама не верила, что горничная виновна в какой-либо краже, кроме кражи любви, то не выступила против нее. Вскоре после своего оправдания та разрешилась дочерью.

Но что больше всего встревожило мужа, так это то, что жена его, как оказалось, тоже носит ребенка, и он, считая очевидным, что не имел близости с нею со времени ее последних родов, в свою очередь возревновал и ныне оправдывал тем свое обращение с нею, делая вид, что давно подозревал ее, а то, что она тяжела, и есть доказательство; она разрешилась двойней, мальчиком и девочкой.

Мать заболела и послала за сыном, дабы примирить его с женою, но он не хотел о том и слышать; посему она составила завещание, передав все свое имение через доверенных лиц в пользу жены и двух новорожденных, и через несколько дней умерла.

Это был для него скверный оборот, ибо он сильнейшим образом зависел от матери; однако жена была к нему добрее, нежели он заслуживал, ибо выплачивала ему ежегодное содержание из полученного наследства, хотя они и продолжали жить раздельно; так продолжалось лет пять. В это время, питая большую привязанность к девочке, которую имел от горничной, он надумал взять ее к себе жить; но так как весь город знал о его дочке, то, дабы получше скрыть дело и от горожан, и от жены, он нарядил ее в бриджи, будто мальчика, и выдавал за сына некоего родственника, коего он задумал воспитать и сделать своим клерком.

Жена прознала, что в его доме появился малыш, коего он очень любит, но так как не знала ни единого родственника мужа, который бы имел такого сына, то поручила своему другу получше разузнать обо всем; тот, поговорив с ребенком, выведал, что это девочка, и раскрыл, что ее мать – та служанка-горничная и что муж все еще поддерживает с нею связь.

Получив таковые сведения, жена, не желая, чтобы деньги ее детей шли на содержание ублюдка, прекратила выплату. Муж, взъярившись, в отместку берет горничную в свой дом и живет с нею в открытую, к великому возмущению соседей; однако вскоре он обнаружил дурные последствия сего поступка, ибо стал понемногу терять практику, и, осознав, что долее не сможет здесь жить, задумался об отъезде. И, обратив свое имущество в чистые деньги, едет в Корк, а оттуда со своею горничной и дочерью отплывает в Каролину.

Первое время он продолжал в той провинции адвокатскую практику, но затем увлекся торговлей, в коей преуспел гораздо больше, ибо заработал на ней достаточно, чтобы купить

обширную плантацию. Его горничная, которую он выдал за жену, внезапно умерла, после чего хозяйство стала вести подросшая дочь – наша Красотка Энн.

Она была горячего и смелого нрава, отчего, когда она предстала пред судом, про нее рассказывали вещи, представлявшие ее в весьма невыгодном свете, – например, что однажды она в приступе ярости убила ножом англичанку-служанку, которая прибирала в доме ее отца; но по мере изучения вопроса я нашел, что сия история безосновательна. Определенно известно, что она была так сильна и вспыльчива, что однажды, когда некий юноша захотел с ней переспать против ее воли, она так его избила, что он надолго слег в постель.

Пока она жила с отцом, то считалась богатою наследницей, отчего можно было думать, что отец рассчитывает на хорошую партию для нее; однако же она расстроила сии планы, ибо без его согласия вышла замуж за молодого человека, который был моряком и не имел ни гроша за душою, чем разгневала отца до такой степени, что он выставил ее за дверь; после чего молодой человек, взявший ее замуж, разочарованный в своих ожиданиях, сел с женою на корабль, идущий на остров Провиденс, надеясь поступить там на службу.

Там она свела знакомство с пиратом Рэкхемом, который, ухаживая за нею, вскорости нашел средства отвлечь ее чувства от мужа, так что она согласилась бежать от него и уйти с Рэкхемом в море, одевшись в мужское платье. Выполнив сие намерение и пробыв на его судне какое-то время, она понесла, когда же полнота ее стала заметна, Рэкхем высадил ее на остров Куба и там препоручил ее своим друзьям, каковые заботились о ней, пока не приспела пора рожать. Когда она оправилась и снова встала, он послал за нею, дабы составить ему компанию.

Когда вышел королевский указ о помиловании пиратов, он воспользовался им и сдался; позднее, будучи послан на приватирский промысел, он возвратился к своему старому ремеслу, о чем мы уже упоминали в истории Мэри Рид. Во всех предприятиях Красотка Энн составляла ему компанию, и, когда им предстояло какое-нибудь пиратское дело, не было никого, кто поспевал бы впереди нее или был более отважен, а особенно когда их захватили; она и Мэри Рид и с ними еще один, как упоминалось ранее, были единственными, кто отважился защищать палубу.

Ее отец водил знакомство с весьма многими джентльменами, плантаторами с Ямайки, кои имели с ним дело, и пользовался среди оных хорошей репутацией; и некоторые из тех, которые бывали у него в Каролине, вспомнили, что видели ее в его доме; по каковой причине отнеслись к ней благожелательно, но то, что она бросила мужа, было безобразным поступком и отвращало от нее. В день, когда казнили Рэкхема, ему в качестве особой милости разрешили увидеться с нею; но все, что она нашла сказать ему в поддержку и утешение, – что ей очень жаль видеть его здесь, но, если б он дрался, как подобает мужчине, ему бы не пришлось быть повешенным, как собаке.

Она пребывала в тюрьме, пока не настало время родов, а после того приговор раз от разу откладывали; но что сталось с нею дальше, мы не можем сказать; знаем лишь, что она не была казнена».

Николас Браун (Nicholas Brown)

(16?? – 1726), Англия

Николас Браун – английский пират, орудовавший на побережье Ямайки в начале XVIII

столетия. Он славно пиратствовал, но в итоге все равно был схвачен. Испросив королевского помилования, он преступил условия договора и вновь вернулся к старым занятиям. Его разбойничьи действия наносили такой урон, что правительство приказало специально послать военный корабль для его поимки. Капитаном корабля был… друг юности Николаса Брауна, некий Джон Драдж. Браун высадился на остров, где намеревался спрятать в пещерах свои сокровища. Драдж, легко установивший место стоянки Брауна, терпеливо выжидал у берега, видимо, намереваясь захватить того обманом. Однако Браун не купился, и началась схватка. По сути, до рукопашной дело не дошло. Корабль Драджа был гораздо лучше вооружен, а потому нанес колоссальный ущерб судну пиратов. Во время этой перестрелки Николас Браун был тяжело ранен и вскоре скончался от большой потери крови. Пиратам оставалось лишь сдаться. Их дальнейшая участь осталась неизвестной. Зато очевидцы утверждают, что Драдж приказал принести ему тело погибшего Брауна и приказал отрубить ему голову. Друг юности Николаса Брауна намеревался представить его мертвую голову в качестве доказательства того, что он действительно заслужил правительственную награду.

Дирк Чиверс (Dirk Chivers)

(16?? – 17??), Голландия

Дирку Чиверсу выпало пиратствовать в Индийском океане и Красном море. Это был умелый моряк, отличавшийся жестоким нравом. Однажды, чтобы не слышать сетований плененного им капитана судна, он приказал зашить ему рот грубыми нитками для починки парусов.

Начинал он как капер под руководством Джозефа Фаррелла. Их корабль назывался «Портсмутское приключение» и однажды принял участие в совместном рейде с самим Генри Эвери, известным корсаром. Они сообща захватили два французских купеческих корабля, но позднее угодили в жестокий шторм у Коморских островов. «Приключение» пошло ко дну, но бывший неподалеку Эвери спас уцелевших. Случайно или намеренно, но Дирк Чиверс остался на островке Мэйотта. Был июнь 1795 года.

Ближе к Рождеству на остров зашел 28-пушечный корабль «Резолюция», принадлежавший Роберту Гловеру. Чиверс был принят им в команду. «Резолюция» держала направление к Красному морю. В душе Чиверса проснулось страстное желание начать самостоятельную пиратскую карьеру. Не выдержав и трех месяцев, он подговорил 24 человек поднять бунт и захватить корабль. В итоге корабль перестал принадлежать Роберту Гловеру, а новым капитаном избрали Дирка Чиверса. Он переименовал судно, назвав его «Соледадо». Захватив и ограбив несколько богатых торговых кораблей, Дирк Чиверс уже в следующем году встретился с капером Джоном Хоаром. Возникло партнерство с далеко идущими планами. Им удалось сделать своими трофеями два ост-индских купеческих судна. Запрошенный у компании выкуп показался ей чрезмерным, и она отвергла предложение пиратов. В отместку те сожгли оба судна.

В ноябре 1696 года Чиверс и Хоар захватили еще четыре богатых индийских корабля, доставив их в гавань Калькутты, где губернатору было предложено выкупить их за ‡ 10 000. Понятное дело, груз они отнюдь не намеревались возвращать. Речь шла только о кораблях. Возможно, в другое время губернатор пошел бы на попятную. Однако не в этот раз, когда у него была готова к выходу боевая эскадра. Пиратам пришлось бросить все четыре ранее плененных судна, чтобы уплыть восвояси.

Они отправились на остров Святой Марии, чтобы залечить свои раны. Хоар там принял решение завершить их партнерство; на его взгляд, все вышло не совсем так, как он предполагал. Поэтому он оставил Чиверса, вновь отплыв к Красному морю.

А Чиверс, приведя корабль в порядок, продолжил действовать самостоятельно. Его очередным трофеем стал «Сэджвик», капитан которого согласился отдать все запасы рома со своего корабля, лишь бы его пощадили. А потом для Чиверса настало время нового партнерства. Он начал охоту совместно с Робертом Каллифордом и Натаниэлем Нортом. Пиратам удалось захватить «Великого Мохаммеда» с огромной добычей. Видимо, на сей раз Чиверс заключил союз под счастливой звездой. Пиратам досталось ценностей на сумму ‡ 150 000. Это был действительно потрясающий трофей! Чиверсу так понравился «Великий Мохаммед», что он, переименовав его в «Новый Соледадо», избрал его флагманом. К осени 1699 года пираты вернулись на остров Святой Марии для ремонта и отдыха. А в сентябре к острову пристали четыре военных британских корабля. Альтернативы у пиратов не было: или кончать с пиратской карьерой, испросив королевское помилование, или же идти прямиком на виселицу. Чиверс был помилован и смиренно вернулся домой, в Нидерланды, на борту купеческого судна «Вайн».

Крис Кондент (Chris Condent)

(16?? – 1770), Англия

Крис Кондент (Конден, Конгдон, Уильям Кондон) – в молодости британский пират на Карибах и на Тихом океане, отличавшийся неукротимым и свирепым нравом; впоследствии ему удалось получить прощение за все свои преступления, и он перебрался в Бретань (Франция), сделавшись преуспевающим купцом.

Он был очень жесток по отношению к своей команде. Очевидцы утверждают, что, еще когда он был вторым помощником на корабле, некий индеец, посчитав, что с ним поступают несправедливо, пригрозил поджечь судно. Кондент застрелил его, приказав команде разорвать его тело на куски. Канониру было поручено разрезать грудь индейца и извлечь сердце, которое он должен сварить и съесть! Несмотря на подобные зверства, команда не роптала, подчиняясь ему во всем, хотя он еще не был капитаном.

Впрочем, он стал им очень скоро.

Корабль, на котором служил Кондент, вышел из Нью-Провиденс, получив от Вудза Робертса каперское свидетельство, поэтому капитан мог остановить любое, например, французское судно и ограбить его. Когда был захвачен первый же купеческий корабль, Кондент с частью команды перебрался на него, заявив, что отныне намерен пиратствовать в этих водах. Очень скоро он добыл свои первые трофеи: португальский шлюп с вином, флотилию небольших шлюпов и даже один голландский военный фрегат! Великолепный старт, надо признаться…

«Веселый Роджер» Криса Кондента

Фрегат был назван Кондентом «Огненным драконом» и стал его флагманом. Эскадра двинулась к берегам Бразилии, где захватила множество мелких судов. Кондент, несмотря на успех, по-прежнему отличался зверскими и кровожадными выходками. Так, он с наслаждением издевался над португальскими пленниками, отрезая им носы и уши и объясняя это местью за якобы неоправданно жестокое отношение властей Португалии к

некоему корсару, заключенному не так давно в тюрьму.

Зная, какая добыча достается пиратам, промышляющим в Индийском океане, Кондент повел свою эскадру к Мадагаскару. По пути состоялась его встреча со знаменитым корсаром Джоном Хэлси. Охота за судами у побережья Индии оказалась весьма плодотворной, однако свой главный трофей Кондент заполучил осенью 1720 года, когда взял на абордаж богатейшее арабское судно, причем стоимость захваченного составила ‡ 150 000! Понятное дело, что Ост-Индская компания, которая являлась владельцем судна, заявила Англии претензии по поводу потери столь ценного груза.

Кондент, которому стало об этом известно, действовал молниеносно. На островке Сен-Мари у Мадагаскара он поделил всю добычу; каждому члену команды досталось не менее ‡ 2000! Изрядную часть награбленного Кондент оставил себе и отправился на Реюньон, дабы испросить королевского помилования. Ему все удалось в полной мере, причем настолько, что он даже женился на сестре губернатора. Обратив добытые ценности в наличные, он перебрался во Францию, всецело посвятив себя купеческому делу. Половина его команды, что тоже была помилована, осталась на острове Реюньон, а прочие разбрелись неведомо куда.

Роберт Каллифорд (Robert Culliford)

(1666—17??), Англия

Роберт Каллифорд – британский пират, активно действовавший в Карибском море, в Индийском океане, на Красном и Южно-Китайском морях. Его пиратская карьера продолжалась свыше восьми лет (1690–1698).

Пиратская карьера Каллифорда началась невероятно: он был среди тех, кто в феврале 1690 года сумели воспользоваться тем, что знаменитый корсар Уильям Кидд сошел ненадолго на берег, и украли у него «Блаженного Уильяма» – принадлежавший ему корабль! Каллифорд действовал сообща с такими будущими звездами, как Сэмюэль Бёрджесс и Уильям Мэй. Всем им предстояло стать легендами.

Поначалу Каллифорд и Кидд были приятелями, вместе служа помощниками на каперском судне. Потом, когда у Кидда появился свой корабль, Каллифорд стал работать на него. Продлилось это всего год, а потом «Блаженный Уильям» стал кораблем Уильяма Мэя. Каллифорд стал его квартирмейстером. Они стали пиратствовать на Карибах. Нападая на корабли и разоряя береговые селения, они неплохо обогатились, а для продажи добычи вернулись в Нью-Йорк. Потом было еще несколько рейдов на север, где жертвой пиратов стали два франко-канадских городка. Был и еще один трофей – фрегат «Эсперанца». Мэй принял решение передать его своему квартирмейстеру. Именно так Роберт Каллифорд стал капитаном. Для своего первого корабля он выбрал странное название: «Домашний фрегат». Впрочем, это не помешало ему проявить себя. Однако потом произошло неприятное событие для пиратов. Добычи было много, и они собрались переправить ее на двух шлюпах для продажи в Нью-Йорке. В пути на шлюпы напали два французских капера, присвоив добычу пиратов себе. Пришлось возвращаться назад с пустыми руками.

Побыв некоторое время на суше, Каллифорд и Мэй на корабле «Якоб» вновь вышли в море. Двинулись они к Мадагаскару. Каллифорд из капитана стал опять квартирмейстером, даже не подозревая, что ему готовит этот вояж. Охота у западного побережья Индии не принесла

плодов. Принято считать, что оттуда Мэй и Каллифорд вернулись в Нью-Йорк. Однако есть источники, согласно которым Каллифорд отделился и на одном из захваченных кораблей вместе со своей командой терроризировал местное население у Мангрола (Индия). Те собрались сообща и пленили пиратов. Каллифорд на целых 4 года угодил за решетку в местную тюрьму в Гуджаранти, а компанию ему составили 17 его людей. В 1696 году им удалось сбежать и чудом добраться до Бомбея. Там они поступили матросами на борт корабля Ост-Индской компании «Йосия». Когда он добрался до Мадраса, Каллифорд со своими молодцами устроили переворот и, сделав корабль своим, вновь вернулись к занятиям пиратством. Они поплыли в сторону Бенгальского залива. Но несколько позднее, у Никобарских островов, команда, которой вдруг капитан оказался не по нраву, взбунтовалась и низложила его, высадив на остров. Там Каллифорд вел жизнь Робинзона Крузо, пока не был спасен корсаром Робертом Стаутом, командовавшим кораблем «Мока».

Не минуло и года, как в 1697 году Стаута убили во время одной из схваток. Каллифорд стал новым капитаном. Он направился к Мадагаскару, желая взять реванш, и это ему удалось! Ему и его экипажу удалось захватить немало добычи и кораблей. Для ремонта и раздела добычи он решил остановиться на острове Святой Марии.

Там произошла его встреча с Уильямом Киддом. Прежний капитан Каллифорда довольно-таки благосклонно отнесся к своему бывшему матросу. Они неплохо провели время, и Кидд даже позволил примкнуть к команде Каллифорда чуть ли не сотне пиратов, которыми руководил.

В июне 1698 года Каллифорд с пополнившейся командой отплыл с острова. В пути у него произошла еще одна интересная встреча. На сей раз с Дирком Чиверсом. Пообщавшись, пираты договорились действовать сообща. Представляя собой грозную силу, они дерзнули напасть и захватить «Великого Мохаммеда» – грандиозное судно с ценностями на сумму ‡ 150 000 на борту. Потом, возвращаясь на остров Святой Марии, ими был захвачен еще один корабль.

На Святой Марии они позволили себе расслабиться, и в это время к острову подошли сразу же четыре британских военных корабля – это был результат недавнего сенсационного рейда пиратов. Противостоять их мощи было бессмысленно. Пираты сдались, моля о королевском помиловании. Каллифорд был доставлен в тюрьму на Маршалси 1 августа 1700 года. Когда суду предоставили опись присвоенного пиратами имущества с «Великого Мохаммеда», помилование, уже практически подписанное, было отменено. Суд счел, что Роберт Каллифорд заслуживает виселицы. Казалось, ему пришел конец.

Но тут фортуна вновь одарила его своей благосклонностью. Он понадобился в качестве… свидетеля на процессе против Сэмюэля Бёрджесса! Взвесив все «за» и «против», Каллифорд решил дать показания; он понимал, что Бёрджесс все равно обречен, а вот если он будет против того свидетельствовать, то не исключено, что ему смягчат наказание, сохранив жизнь. Его тактическое решение полностью себя оправдало, хотя поступил он низко. Ему не только сохранили жизнь, а даже приняли на службу в качестве лейтенанта военно-морского флота.

После этого никаких упоминаний о нем не было обнаружено.

Джон Эванс (John Evans)

(16?? – 1723), Англия

Джон Эванс – пират родом из Уэльса. Его карьера длилась весьма недолго. Началась и

завершилась она на Карибах. Финал был внезапным и неожиданным. Его безвременный уход, вполне возможно, воспрепятствовал появлению еще одной яркой звезды среди мятежного племени морских корсаров.

Стал он пиратом очень просто, ради забавы стащив с приятелями лодку. Однако, оказавшись обладателями судна, пусть даже столь скромного, Эванс и его друзья захотели попробовать себя в качестве пиратов.

И у них все прекрасно получилось!

Причем только у Эванса был реальный морской опыт, поскольку он служил помощником на нескольких ямайских кораблях. Это автоматически делало его капитаном. Выйдя из Порт-Ройяла, они решили обогнуть остров, оказавшись таким образом у северной оконечности Ямайки, где собирались для начала совершить налет на прибрежные селения. Там они наткнулись на стоящий на якоре небольшой испанский шлюп и тут же атаковали его. В результате им досталось по ‡ 50 и, кроме того, у них теперь было настоящее судно! Эванс решил назвать его «Разведчик». В дальнейшем они смогли захватить один голландский корабль с ценным грузом и еще несколько судов. Характерно, что Эванс стремился создать целую эскадру, а потому убеждал членов экипажа захваченных ими кораблей переходить на сторону пиратов.

Убедившись через некоторое время, что необходимо очистить днище от водорослей, Эванс направился к Большим Кайманам для остановки и ремонта. Во время следования туда у него возникали неоднократные конфликты с человеком, которого он сам назначил боцманом. Дело дошло до того, что Эванс предложил тому дуэль: на шпагах или на пистолетах. Когда корабль бросил якорь, Эванс напомнил боцману, но тот, видимо страшась, от дуэли отказывался. Эванс в гневе ударил его палкой. Боцман, разъярившись, выхватил пистолет и послал Эвансу пулю в голову, сразив его наповал. Испугавшись содеянного, он попытался спастись бегством, но был немедленно растерзан командой.

Оставшись без своего предводителя, пираты были в смятении. В итоге они решили покончить с пиратской деятельностью и, разделив добычу с пяти захваченных ранее кораблей, которая, кстати, составила около ‡ 9 000, вернулись по домам.

Генри Эвери (Henry Every Avery)

(1653 – с. 1728), Англия

Этот британский пират, добившийся немалой известности, возможно, и не сумел заполучить большой добычи посредством морского разбоя, но он, подобно лишь единицам, сумел достойно завершить свою карьеру и, если так можно выразиться, «уйти в отставку» с миром, будучи не калекой, избежав тюрьмы и, главное, сохранив все им заработанное!

Эвери родился в Плимуте. Он начал служить на море с ранней юности. Однако истории о знаменитых корсарах и об их заманчивых трофеях наверняка еще с детства кружили ему голову. Он сменил несколько судов и по-прежнему мечтал стать пиратом. Так вышло, что он оказался на борту военного судна, которое наряду с несколькими другими, подобными ему, имело особый статус, пожалованный правительством Испании: капитан судна мог атаковать

суда французских контрабандистов, присваивая себе любой груз, какой только мог быть обнаружен на борту. Поскольку Эвери был моряком от Бога, он сумел быстро выдвинуться и стал занимать должность помощника капитана. Вскоре (в 1694 году) ему подвернулся случай порвать с прежней жизнью и начать новую, а именно – жизнь морского корсара. Тогда его судно стояло на якоре в гавани Ла-Коруньи, портового города на северо-западе Испании.

Самый первый пиратский демарш Эвери, позволивший ему осуществить заветную мечту, блестяще описан Даниэлем Дефо в его «Всеобщей истории пиратов»: «На одном из тех кораблей, который я буду называть „Дьюк“ (в действительности судно называлось „Чарльз II“. –

Авт .) и капитаном коего был коммандер Гибсон, Эвери служил первым помощником. Поскольку был он человеком не столько храбрым, сколько хитрым и коварным, то постепенно вошел в доверие к нескольким самым отчаянным матросам с другого корабля, а также того, на борту коего он сам находился. Он выведал их намерения, прежде чем открыть им свои, и, удостоверившись, что они вполне пригодны для осуществления его плана, предложил им, наконец, бежать на одном из кораблей, увлекши их рассказами о том, какие богатства должны ожидать их на берегах Индии. И лишь только он это сказал, как легко заручился их поддержкой, и решено было привести в исполнение сей план в десять часов вечера следующего дня. Должно сказать, что капитан корабля был страстным любителем пунша и потому проводил большую часть времени на берегу, в кабачках. Однако в тот день он не сошел на берег как обычно, что, тем не менее, не помешало его пристрастию.

Генри Эвери, сопровождаемый черным рабом

Он принял свою обычную дозу спиртного на борту и улегся спать еще до того часа, на который было назначено предприятие. Те моряки, которые не были вовлечены в заговор, тоже разбрелись по гамакам, так что на палубе не оставалось никого, кроме заговорщиков, которые фактически составляли большинство команды. В условленное время появился голландский баркас, который Эвери приветствовал, как было положено. В ответ матросы с баркаса спросили: „На борту ли ваш пьянчуга-боцман?“ Это был пароль, заранее между ними оговоренный, и Эвери отвечал на то утвердительно. Баркас встал борт о борт с кораблем, и шестнадцать крепких парней присоединились к заговорщикам».

Убедившись в том, что все прошло гладко, как и было задумано, Эвери приказал поднять якорь и спокойно, не привлекая лишнего внимания, покинуть бухту. Тут нужно еще заметить, что Эвери решился на осуществление своего плана, несмотря на то что в гавани находилось сразу же несколько кораблей с хорошим вооружением. Тем не менее, едва лишь рассвело, происшедшее обнаружилось. Власти порта обратились к капитану великолепного голландского фрегата о 40 пушках, стоявшего на рейде, взять на себя бремя преследования и вернуть негодяев обратно. Голландец решительно отказался, сославшись на свое нежелание вмешиваться во внутренние конфликты чужой державы. Его категорический отказ был, конечно же, на руку Эвери и его людям. Кстати, последним еще предстояло объясниться с капитаном, когда он, наконец, продерет глаза. Предоставим же вновь слово Даниэлю Дефо: «Тем временем то ли от качки, то ли от шума при работе с такелажем проснулся капитан и позвонил в колокольчик. Эвери с двумя сообщниками вошел в каюту, где полусонный и немного испуганный капитан спросил их:

– Что здесь происходит?

– Ничего, – хладнокровно отвечал Эвери.

– Что с кораблем, почему такая качка? Какая погода? – спросил капитан, который подумал, что разыгрался шторм, и корабль сорвало с якоря.

– Нет-нет, – отвечал Эвери, – мы вышли в море. Ветер попутный, и погода стоит отличная.

– В море? – воскликнул капитан. – Не может быть!

– Идемте, – сказал Эвери, – и ничего не бойтесь. Накиньте одежду, а я открою вам наш секрет. Знайте же, что теперь я капитан корабля, а это моя каюта, так что вам лучше покинуть ее. Я направляюсь к Мадагаскару, где хочу попытать счастья, и все эти молодцы присоединились ко мне.

Капитан постепенно пришел в себя и начал понимать, что происходит. Однако он по-прежнему был очень напуган. Заметив сие, Эвери сказал, что ему нечего бояться и что если он захочет присоединиться к ним, то они с радостью его примут. Со временем, если он бросит пить и будет справляться со своими обязанностями, его, возможно, сделают лейтенантом. Если же он того не захочет, то на воду уже спущена шлюпка, которая готова доставить его на берег.

Капитан был рад это услышать и принял второе предложение, после чего созвали всю команду, чтобы узнать, кто хочет сойти на берег вместе с капитаном, а кто желает попытать удачи с остальными. Нашлось всего пять-шесть человек, не пожелавших участвовать в этой затее. В ту же минуту их и капитана посадили в шлюпку, предоставив им добираться до берега своими силами.

Заговорщики продолжали свой путь к Мадагаскару».

Вот так, без единой капли крови, просто и изящно! Мало кто из пиратов мог похвалиться столь безукоризненным дебютом. А он действительно состоялся, и теперь все мосты уже были сожжены. В сущности, курс на Мадагаскар был выбран далеко не случайно: именно там находилась грандиозная опорная база пиратов всех рангов и национальностей.

Практически сразу же Эвери переименовал свой корабль, назвав его «Каприз». Вооружение «Каприза» составляло 46 пушек – невероятная мощь для того времени. При этом фрегат Эвери отличался отменной быстроходностью. Позднее, когда «Каприз» обогнул мыс Доброй Надежды, Эвери решил очистить днище корабля от водорослей. Эффект превзошел все его ожидания: на тот момент в Индийском океане, пожалуй, не было более быстрого судна. И обретенное преимущество пираты использовали в полной мере, настигая и грабя практически любые корабли.

Впрочем, они и до этого не терялись. Так, у островов Зеленого Мыса Эвери вчистую ограбил три британских шлюпа, а затем, достигнув острова Сан-Томе, потопил два голландских брига. Перед тем как бросить якорь у Мадагаскара, Эвери миновал Коморские острова. На одном из них, Иоаганне, его ожидал забавный сюрприз. Они обнаружили еще один корабль. Как оказалось, это был французский пиратский фрегат с трюмами, заполненными богатой добычей. Тягаться с Эвери было неразумно, и все устроилось полюбовно: всю добычу перенесли на «Каприз», а французам предложили присоединиться, что те и сделали с превеликим удовольствием. Любопытно, но у Даниэля Дефо приводится совсем иная версия происшедшего: «…когда они прибыли к северо-восточной оконечности острова, то обнаружили там два шлюпа, стоявшие на якоре. Завидев корабль, на шлюпах перерубили канаты и устремились к берегу; все люди высадились на сушу и скрылись в лесу. Шлюпы эти были угнаны в Вест-Индии, и, завидев корабль Эвери, матросы решили, что сей фрегат послан за ними в погоню, а, поскольку у них не было сил противостоять ему, им ничего не оставалось, как спасаться бегством.

Поразмыслив, где бы они могли скрываться, Эвери послал на берег несколько человек, дабы

те сказали им, что пришли с миром, и что они могут присоединиться к команде фрегата ради общей безопасности. Матросы со шлюпов были хорошо вооружены; они укрылись в лесу и выставили часовых, которые наблюдали, как с корабля высаживаются люди. Однако увидели всего двух или трех человек, к тому ж безоружных, которые вовсе не собирались с ними сражаться, а лишь кричали, что пришли с миром и что готовы отвезти их на корабль, где можно будет объясниться. Сначала матросы подумали, что это хитрая уловка, но, когда посланцы сказали, что сам капитан и столько членов команды, сколько они сами разрешат, готовы встретиться с ними на берегу без оружия, они поверили в искренность их намерений и вскоре пришли к взаимному согласию. Несколько человек с корабля отправились на берег, а несколько матросов со шлюпов поплыли на корабль.

Последние обрадовались своим новым напарникам, поскольку их суда были небольшими, и они не могли атаковать вооруженный корабль, так что до сих пор они не смогли захватить сколько-нибудь значительной добычи. Но сейчас они были полны надежд ввязаться в большую игру. Эвери также был рад пополнению, которым мог усилить свою команду, и, хотя доля добычи, приходившейся на каждого, теперь должна была уменьшиться, все же он решил, что для достижения цели все средства хороши, а сам он не позволит себя обделить.

Посовещавшись, что делать далее, они решили пуститься в плавание на галере и двух шлюпах и сразу принялись за работу, дабы вывести шлюпы за полосу прибоя, что вскоре и было исполнено».

За исключением описки Дефо, случайно спутавшего фрегат с галерой, его описание выглядит весьма достоверным. Что же действительно произошло на острове, мы, наверное, так и не узнаем. Однако фактически подтверждено, что, когда «Каприз» достиг Красного моря, численность экипажа составляла порядка 170 человек! В Красном море «Каприз» встретился с целой флотилией пиратских кораблей; ни один из них, однако, не мог соперничать с его «Капризом». Пиратские капитаны оказались людьми, имеющими серьезную репутацию среди грабителей морей: Томас Тью, Уильям Уонт, Джозеф Фарелл, Томас Уэйк, Уильям Мэй. Поистине, что не имя, то – легенда! Однако этот чересчур уж звездный состав явно мешал консолидации пиратов, отчего результаты их рейдов были не слишком впечатляющи. Появление Эвери было для них более чем желанно: пообщавшись с ним, капитаны были покорены его умом и обаянием; кроме того, он выказал себя опытным мореходом.

Генри Эвери. На заднем плане – его фрегат «Каприз», ведущий атаку

А уж если добавить сюда еще превосходные характеристики его фрегата, то становилось очевидно: лучшей кандидатуры на должность адмирала пиратской эскадры и не придумаешь! Эвери был изрядно польщен предложением капитанов возглавить их и принял его с радостью. Итак, еще не минуло даже года с начала его деятельности на поприще пиратства, а он уже был адмиралом! Чудеса, да и только!

От капитанов Эвери узнал, что они отнюдь не случайно оказались в этом месте, поскольку их стоянка находилась практически на линии торговых путей из Индии в Мекку. Со дня на день должен был показаться караван индийских судов с грузом драгоценностей, золота и серебра.

За радостью дружеского общения пираты даже не заметили, что значительная часть торговой флотилии уже миновала их ночью. Однако двум кораблям повезло, увы, гораздо меньше. Скромный шлюп «Фатех-Мохаммед» был взят пиратами на абордаж практически мгновенно, а вот с другим судном, куда более крупным, «Гангсвэй», им пришлось повозиться. Развернулась настоящая морская баталия. Сражение продолжалось несколько часов; жертвы с той и другой стороны оказались весьма серьезными. У Даниэля Дефо приводится описание

этого сражения: «Когда они (т. е. пираты. –

Авт .) открыли огонь, дабы остановить сей корабль, на нем подняли флаг Великого Могола (владыка большей части Индии. –

Авт .) и, казалось, приготовились к обороне. Эвери же только обстреливал корабль с дальней дистанции, и некоторые его матросы начали понимать, что их капитан отнюдь не такой герой, каким поначалу казался. Однако в это время в дело вступили шлюпы. Один из них подошел к кораблю с носа, другой с кормы, они атаковали его и взяли на абордаж, после чего корабль тут же спустил флаг и сдался. То было одно из личных судов Великого Могола, и на борту его находилось несколько высших придворных чинов, а среди них, как говорили, одна из дочерей Могола, которая совершала паломничество в Мекку. Магометане полагают, что каждый из них обязан раз в жизни посетить сие место, и отправляются туда с богатыми дарами, которые возлагают к гробнице Магомета. Известно, что жители Востока путешествуют с необычайной помпезностью, прихватывают с собою всех своих рабов и служителей, роскошные одежды и драгоценности, нагружают свои корабли золотом и серебром, а сверх того везут огромные суммы денег, дабы оплачивать расходы в путешествии по суше. Вот почему добыча, попавшая в руки пиратам на том призе, не поддавалась исчислению».

Пираты были людьми не искушенными в дворцовых церемониях, да и нравом мягким не отличались, а потому вели себя с пленниками довольно-таки бесцеремонно. Причем это еще слабо сказано! Все женщины были зверски изнасилованы, а моряки и простые пассажиры подверглись пыткам. Для некоторых мучения оказались настолько нестерпимыми, что они с отчаяния прыгали в воду.

А добыча пиратам и впрямь досталась огромная! Согласно описи Ост-Индской компании, которой принадлежали оба судна, общая сумма убытков составила просто астрономическую величину ‡ 325 000 (по другим источникам – ‡ 500 000, а то и все ‡ 625 000)! Впрочем, при распределении ее на всех пиратов эскадры Эвери, доля каждого оказалась не столь уж и большой. Хотя по некоторым данным при дележе на острове Реюньон простые пираты получили около ‡ 1000 на душу – если так, то им было просто грех жаловаться.

Однако о такой добыче следовало хорошенько позаботиться!

И тут Эвери вновь продемонстрировал свою дерзкую сметливость, лишний раз показав, насколько было ему на руку то, что пираты избрали адмиралом именно его! Согласно Дефо, дело происходило следующим образом: «После того как они легли на означенный курс (к Мадагаскару. –

Авт .), Эвери послал к каждому из шлюпов по шлюпке, дабы пригласить к себе на борт их капитанов, с коими он желал держать совет. Когда же они явились, объявил им, что ради общего блага собирается предложить им нечто, должное оградить их от разного рода неожиданностей. По его мнению, лучшим способом распорядиться сокровищами было бы спрятать их на берегу в потайном месте, ибо все опасались, что их плавание может окончиться неудачей. Он также предупредил их, что их может разъединить плохая погода, и, если шторм разбросает шлюпы по океану и один из них встретится с военным кораблем, он может быть захвачен или потоплен, и в таком случае часть сокровищ, находящаяся у него на борту, будет потеряна для оставшихся, не говоря уже об обычных опасностях, подстерегающих на море. Что касается корабля Эвери, то он достаточно силен, чтобы достойно встретить любое судно, которое можно встретить в этих водах; если же ему повстречается столь сильный корабль, что он не сможет его захватить, ему нечего опасаться самому быть захваченным, ибо его судно весьма маневренно и быстроходно, в отличие от шлюпов. Потому он предложил им перевезти сокровища на борт своего фрегата и опечатать каждый сундук тремя печатями. И каждый из капитанов будет хранить одну из них до момента, когда они встретятся, если им по какой-то причине и придется на время расстаться.

Сие предложение показалось всем столь разумным, что его с готовностью приняли, рассудив, что, если что-нибудь произойдет с одним из шлюпов, другой может избежать опасности, и потому ради общего блага нужно последовать совету. Сокровища погрузили на борт к Эвери, и сундуки опечатали. В этот и следующий дни корабли флотилии держались вместе, погода стояла прекрасная, а тем временем Эвери тайком собрал своих матросов и сказал им, что теперь у них достаточно денег, чтобы устроить свою судьбу, и ничто не мешает им отправиться в какую-нибудь страну, где их никто не знает, и жить в достатке до конца своих дней. Матросы поняли, что он имел в виду, и вскоре решили провести своих недавних напарников – команды шлюпов. Не думаю, что кто-нибудь из них испытывал столь сильные угрызения совести, чтобы попытаться удержать остальных от такого предательства. Словом, они воспользовались темнотой, изменили курс и к утру пропали из виду».

Блестяще, не так ли?! Видит Бог, Эвери не удалось в итоге войти в «золотую двадцатку» пиратов, но он, несомненно, был этого достоин!

Обманув доверившихся ему капитанов, Эвери взял курс на Карибы, а конечной целью являлся порт Нассау на Багамах. Кстати, на борту «Каприза» помимо всех ценностей находились еще индийские наложницы и 90 чернокожих рабов! Эвери сделал остановку на острове Сан-Томе, там, где когда-то он так весело отправил на дно два голландских судна. Новый свой визит Эвери также сделал особенным, чудовищно обсчитав португальских купцов при закупке продовольствия. Имея возможность купить несколько раз весь остров, экс-адмирал пиратов предпочел расплатиться фиктивными чеками!

«Веселый Роджер» Генри Эвери

Достигнув Нассау, Эвери, судя по всему, уже вынашивал мысли о том, чтобы где-нибудь тихо осесть на дно. Острых ощущений ему хватило свыше головы, а богатства его могло достать на несколько жизней! Эвери испросил аудиенцию у губернатора Багам Николаса Тротта, обсудив с ним возможности сдачи и прощения. Как ни странно, но договориться ему с Троттом не удалось. Хотя тот и организовал им торжественную встречу, выставив чуть ли не героями (предварительно ему было уплачено ‡ 2000, а, кроме того, он стал новым хозяином «Каприза», правда, сильно потрепанного штормами). Тротт, которого подозревали в мошенничестве и взятках, ожидал скорого увольнения и уже не обладал достаточными полномочиями для того, чтобы обеспечить Эвери полное прощение всех его преступных деяний. Не увенчался успехом и схожий маневр, предпринятый Эвери на Ямайке. Ситуация становилась напряженной. У части пиратов, опасавшихся в любой момент быть схваченными, лишенными своих сбережений и отправленными на виселицу, родилось желание оставить Эвери и двинуться к побережью Северной Америки, где было несравненно спокойнее. Сам же Эвери, с которым, между прочим, осталось большинство команды, вознамерился вернуться в Англию на шлюпе «Исаак». Этот шлюп благополучно достиг Ирландии. Вскоре после высадки все 24 члена его команды были схвачены, однако самого Эвери среди них не оказалось, как не оказалось на борту «Исаака» и наложниц, которых, видимо, извели по пути. Когда было устроено дознание, выяснилось, что Эвери предварительно пообщался с большинством команды, всякий раз называя иное место в качестве предполагаемого убежища. Было очевидно, что он заметал следы, делая это столь же искусно, как и все остальное. Следы его так и не обнаружились.

Вместе с тем Даниэль Дефо утверждает, что «…Некоторое время Эвери жил в Ирландии, однако все не решался продавать бриллианты, ибо первый же вопрос о том, как они к нему попали, мог бы привести к его разоблачению. Поразмыслив, как поступить, он решил, что в Бристоле ему удастся найти людей, которым он мог бы довериться, для чего, как он

рассудил, следует отправиться в Англию; так он и поступил и, прибыв в Девоншир, отправил письмо одному своему приятелю с просьбою встретиться с ним в городке Биддифорд. Тот, в свою очередь, связался со своими друзьями и посоветовался с ними, каким образом лучше сбыть бриллианты. Они же решили, что безопаснее всего передать их купцам, чье богатство и влияние оградят их от вопросов, каким путем они к ним попали. И тот приятель сказал ему, что близко знаком кое с кем из людей, которые могли бы оказать таковую услугу, и если Эвери пообещает ему хорошие комиссионные, то он честно устроит это дело. Эвери понравилось сие предложение, ибо он не видел другого способа уладить свои дела, поскольку не мог сам встречаться с купцами. Таким образом, приятель его отправился в Бристоль и объяснил купцам суть дела. Те же, в свою очередь, отправились в Биддифорд, где встретились с Эвери, и после заверений в честности и чистоте их намерений он передал им свои сокровища, состоявшие из бриллиантов и нескольких золотых сосудов. После того они дали ему немного денег на текущие расходы и на том распрощались.

Эвери изменил имя и остался жить в Биддифорде, стараясь не выделяться, дабы не привлекать к себе внимания. Он дал знать о своем местопребывании одному или двум родственникам, которые приезжали его навестить. Через некоторое время он потратил данную ему толику денег, однако от купцов ничего не было слышно. Он забросал их письмами, и после многих настойчивых напоминаний они выслали ему небольшую сумму денег, которая, однако, не могла даже покрыть его расходы. В общем, те деньги, которые они время от времени высылали, были столь ничтожны, что их ему не хватало даже на хлеб, да и ту малость не удавалось выбить без великих хлопот и назойливых напоминаний, вследствие чего, измученный таковым существованием, он тайно отправился в Бристоль, чтобы лично переговорить с купцами; но вместо денег он получил ошеломляющий отказ, ибо, когда он попросил их рассчитаться с ним, они быстро заткнули ему рот, пригрозив разоблачением. Воистину, купцы сии были такими же пиратами на суше, каким он сам был на море!

Испугался ли Эвери этих угроз или заподозрил, что кто-нибудь в Бристоле может узнать его, нам неведомо. Однако он немедля направился в Ирландию и уже оттуда весьма настойчиво требовал с купцов своих денег. Однако требования сии остались без ответа, и постепенно он опустился до нищеты. Доведенный до крайности, он решился вернуться и бросить купцам вызов – а там будь что будет. Он сел на торговое судно, на коем добрался до Плимута, а оттуда пешком направился в Биддифорд; но через несколько дней по прибытии заболел и умер. Денег, что при нем оказались, не хватило даже на гроб».

Такая вот причудливая версия!

Однако, как справедливо замечают авторитетные историки пиратства, хотя в своей книге Дефо и утверждает, что отвергал досужие пересуды, стремясь излагать лишь истинные факты, однако никакого фактического подтверждения своей версии относительно земного финала Генри Эвери он так и не приводит. Судя по всему, это несомненный домысел автора!

Капитан Уильям Кидд (Captain William Kidd)

(1645–1701), Шотландия

Уильям Кидд родился в Шотландии, в небольшом домишке, построенном неподалеку от доков. По сути, он уже с младенчества просыпался под крики чаек и шум волн. Когда такое выпадает человеку, он почти наверняка в дальнейшем свяжет свою жизнь с морем. Так вышло и с Уильямом Киддом. Прибавьте еще к этому отца-капитана, который скончался, когда его сыну едва минуло пять…

Уильям Кидд (гравюра Говарда Пайла)

Бытует мнение, что Уильям Кидд – один из самых невезучих пиратов, хотя и один из самых почитаемых. Оспаривать его славу нелепо, все и так очевидно. А вот насчет невезения можно и поспорить.

Первый же корабль, на котором он плавал, затонул неподалеку от побережья Гаити, но Кидд спасся! Потом ему удалось завязать знакомство с капитаном Жаном Фантеном, благодаря которому Кидд оказался на Карибах. В 1689 году Кидд, будучи в его англо-французской команде, брал штурмом испанскую колонию на острове Сан-Кристофер.

А в ночь с 28 на 29 июля на борту стоявшего на якоре у берега 16-пушечного фрегата, только что отнятого у испанцев и оставленного капитаном Фантеном себе, происходит нечто странное: 8 англичан нападают на 12 французов и, одержав верх в поножовщине, уходят на фрегате в море. Среди них – Уильям Кидд. Его избирают капитаном, и он дает своему кораблю имя «Блаженный Уильям».

Капитан Кидд предает земле Библию

В 1690 году его помощник Роберт Каллифорд устраивает Кидду тот же сюрприз, что сам Кидд учинил капитану, и у «Блаженного Уильяма» появляется новый хозяин.

Оставшись без корабля, Кидд предпочел осесть в Нью-Йорке, где женился и даже завел изрядное хозяйство, нимало не сокрушаясь о том, что даже толком не попользовался своим каперским свидетельством. Правда, на излишек капиталов он приобрел корабль «Антигуа», так, на всякий случай.

Этот случай не мог не представиться!

Проходит пять лет, и Кидд получает предложение вновь выйти в море. Но не просто так, а чтобы изловить знаменитого пирата Томаса Тью. У Кидда теперь есть новый фрегат – «Отважный», с 34 пушками и возможностью вместить до 150 членов экипажа. Он должен охотиться на французов за 20 % от всей добычи. Половина уходила владельцам судна, остальное – экипажу. Если Кидд добывает ценностей и трофеев на ‡ 100 000, фрегат становится его собственностью.

Однако шло время, а добыча не шла в руки. Команда потребовала от Кидда наплевать на свидетельство капера и атаковать первое же судно. На первый раз все утряслось, но, когда «Отважный» повстречал голландский корабль, команда вновь потребовала от капитана дать им сигнал к атаке. Кидд не мог поступить так, поскольку Голландия была союзником Англии. Особо ретивых моряков, включая канонира, Кидд собственноручно пристрелил. Через несколько месяцев им попался французский бриг «Рупарель». Корабль был захвачен и доставлен на Мадагаскар. Несмотря на то что груз с него удалось реализовать, и все получили справедливые доли, недовольные Киддом моряки перешли на «Рупарель», собираясь охотиться самостоятельно. А Кидд продолжал каперствовать на «Отважном». Видимо, команда предпочитала чистое пиратство. Каперство ее явно не устраивало. Кидд то и дело должен был сглаживать конфликты. Повод для разрыва назрел, когда «Отважному» встретился капитан Каллифорд, некогда укравший у него «Блаженного Уильяма». Большая

часть команды Кидда перешла к нему, впрочем, несколько его офицеров, наоборот, предпочли плавать с Киддом. Внезапно в 1699 году Кидду становится известно, что британская корона объявила его пиратом. Уповая на свой каперский патент и заступничество Господа, Кидд сдается. На суде о каперском патенте даже не вспомнили; так что Кидд проходил по делу как пират. Вдобавок ему припомнили убийство членов команды и осудили по всем статьям. Произошло это 9 мая 1701 года, а 23 мая его уже казнили. Тело Кидда поместили в клетку и на 23 года вывесили над Темзой.

Капитан Кидд на виселице

Еще при жизни о Кидде ходили легенды, будто он захватил сотни судов и спрятал огромные сокровища на одном из островов в океане. В действительности его послужной список скромен. Пара кораблей, не более. Но люди верили и продолжают верить в клад капитана Кидда. Он фигурирует в книгах, кинофильмах и проч. В действительности же доля добычи от нескольких захваченных им кораблей частично перешла семье, а частично – владельцам «Отважного».

Мэри Рид (Mary Read)

(ок. 1685–1721), Англия

Парадокс заключается в следующем: единственное, что нам реально известно о Мэри Рид, так это то, что в 1720 году она на пару со своей подругой Энн Бонни пиратствовала в Карибском море. Когда королевские корабли захватили судно пирата Джэка Рэкхема, на борту были обнаружены и эти две женщины.

Поначалу суд отнесся к ним достаточно благосклонно, даровав им помилование. Тем не менее, когда принялись заслушивать свидетельские показания, выяснилось, что дамочки своей свирепостью и кровожадностью играючи затмевали мужчин! Суд тотчас изменил свой вердикт, приговорив и Мэри Рид наряду с Энн Бонни к повешению.

Обе пиратки воззвали к суду, уверяя, что беременны, и прося о снисхождении. Казнь отложили. Но потом, согласно одним источникам, Энн Бонни удалось бежать, а Мэри Рид, после разрешения от бремени, все-таки угодила на виселицу. Однако другие источники утверждают, что сбежать удалось обеим.

Все, что вы сейчас прочитали, относится к области фактов. Однако даже сейчас куда более востребованной является совсем иная версия судеб – как Мэри Рид, так и Энн Бонни. Дело в том, что Даниэль Дефо в своей «Истории пиратов» представил свое видение проблемы. И его история оказалась настолько популярной, что, по сути, затмевает саму истину. Ниже мы специально приводим ее, но просьба помнить: все, кроме имени героини, это чистый вымысел Даниэля Дефо!

А пока читайте и наслаждайтесь!

«Мэри Рид родилась в Англии, мать ее молоденькой девушкой вышла замуж за человека, который имел отношение к морю и, уйдя в плавание вскоре после женитьбы, оставил ее

тяжелой, и она разрешилась мальчиком.

Мэри Рид. Старинная гравюра

Что до супруга, потерпел ли он крушение или умер в пути, Мэри Рид не могла сказать; однако он более не вернулся, и все же мать, бывшая совсем молодою и ветреною, столкнулась со случайностью, каковые часто приключаются с женщинами молодыми и не слишком осмотрительными; а именно с тем, что она скоро вновь оказалась с ребенком – без мужа, который был бы ему отцом, но, как или от кого, никто, кроме нее, не мог сказать, ибо она пользовалась довольно хорошею репутацией среди соседей. Обнаружив, что бремя ее растет, она, дабы скрыть свой позор, устраивает формальный уход от родных мужа, объявив тем, что отправляется жить к своим друзьям в деревню. В соответствии с сим планом она уехала и увезла с собою маленького сына, коему в то время было меньше года. Вскоре после отъезда сын умер, но Провидение, в возмещение того, соблаговолило дать ей дочь, которою она благополучно разрешилась в своем убежище; это и была наша Мэри Рид.

Здесь мать жила три или четыре года, пока те деньги, что у нее были, почти все не вышли. Тогда она задумалась о возвращении в Лондон, а принимая во внимание, что мать ее мужа была довольно зажиточной, она не сомневалась, что смогла бы уговорить ту обеспечивать ребенка, если бы только можно было выдать его за того, который был прежде, но превращение девочки в мальчика казалось трудным делом, а обмануть искушенную старую женщину в таком вопросе было почти невозможно. Однако она рискнула одеть дочь как мальчика, привезла ее в город и представила свекрови как сына своего мужа. Старуха хотела было взять его к себе на воспитание, но мать сделала вид, что если она расстанется с ним, то сие разобьет ее сердце. Потому между ними было решено, что ребенок будет жить с матерью, а мнимая бабушка станет выплачивать по кроне в неделю на его содержание.

Таким образом мать достигла своей цели и воспитывала свою дочь, как мальчика, а когда та в определенном смысле выросла, сочла, что ее надлежит посвятить в тайну ее рождения, дабы побудить скрывать свой истинный пол. Случилось так, что бабушка умерла, по каковой причине поддержка, исходившая с той стороны, прекратилась, и они все более и более стеснены были в обстоятельствах. В связи с чем она принуждена была отдать дочь в услужение некоей французской даме в качестве пажа, и в то время ей было от роду тринадцать лет. Здесь она не прожила долго, ибо, выросши дерзкой и сильной и имея склонность к бродяжничеству, самочинно поступила на военный корабль, где прослужила какое-то время, затем покинула и его, перешла к фландрийцам и вступила кадетом в пехотный полк. И во время всех боевых действий вела себя с превеликою храбростью, но все же не могла получить офицерского чина, ибо почти все они покупались и продавались. Посему она оставила службу в пехоте и перешла в кавалерийский полк, где так хорошо проявила себя в нескольких схватках, что снискала уважение всех своих офицеров. Но поскольку ее сотоварищ, фламандец, по случайности оказался красивым парнем, то она в него влюбилась и с того времени стала несколько пренебрегать своим долгом, так что, кажется, Марсу и Венере невозможно служить одновременно. Оружие ее и экипировка, кои всегда содержались в наилучшем порядке, были теперь в полном небрежении; правда, если товарища ее назначали в разъезд, она обычно шла туда без приказания и часто ввергала себя в опасности там, где дело ее не касалось, лишь бы быть рядом с ним. Остальные кавалеристы, подозревая тайную причину, побуждавшую ее к таковому поведению, вообразили, что она сошла с ума, а сам ее товарищ не мог объяснить сей странной перемены в ней, но любовь изобретательна, и, поскольку они спали в одной палатке и постоянно были вместе, она нашла способ дать ему обнаружить ее истинный пол, не подавая виду, что сие было проделано намеренно.

Он же был весьма удивлен тем, что обнаружил, и сие доставило ему немалое удовольствие, ибо он считал само собою разумеющимся, что ему должно иметь любовницу для себя одного, что в военном походе есть вещь необычная, поскольку здесь редко встретишь одну из тех самых полковых леди, и это в равной мере верно и для кавалерии, и для пехоты; итак, он не думал ни о чем, кроме как об удовлетворении своей страсти без особых церемоний. И тут обнаружилось, что он здорово ошибся, ибо она оказалась очень сдержанной и скромной и отвергла все его притязания, и в то же время была столь любезною и вкрадчивою в обхождении, что совершенно переменила его намерения, так что, удалясь от мысли сделать ее своею любовницей, он теперь добивался ее в жены.

Сие было величайшим желанием ее сердца; короче говоря, они обменялись обещаниями, и, когда кампания закончилась и полк отправился на зимние квартиры, они купили для нее женские одеяния на такую сумму, какую только могли набрать совокупно, и в открытую поженились.

Россказни о двух кавалеристах, вступающих друг с дружкою в брак, наделали много шума, так что некоторых офицеров любопытство побудило принять участие в церемонии, и они сговорились меж собою, что каждый из них сделает невесте небольшой подарок для обзаведения домашним хозяйством, из уважения к тому, что она была их товарищем-солдатом. Будучи таким образом обеспечены, они, как оказалось, возымели желание оставить службу и обосноваться в миру; невероятная история их любви и брака снискала им столь великое расположение, что они легко получили отставку и тут же открыли харчевню, или кофейню, где подавались дежурные блюда; она имела вывеску „Три подковы“ и была подле замка Бреда, где их дело вскорости пошло на лад, ибо очень многие офицеры стали обедать у них постоянно.

Но счастье их продолжалось недолго, ибо муж скоро умер, а, поскольку подписан был Рисвикский мир, офицеры более не посещали Бреду, как то было раньше; так что вдова, имея скудную торговлю или вовсе оной не имея, принуждена была закрыть свое заведение, а поскольку ее сбережения мало-помалу совсем истощились, она вновь облачается в мужское платье и, приехав в Голландию, нанимается там в пехотный полк, расквартированный в одном из приграничных городов. Здесь она долго не осталась, а, так как в мирное время продвижение по службе едва ли было возможно, решилась искать счастья другим путем; и, уволившись из полка, села на судно, направлявшееся в Вест-Индию.

Случилось так, что этот корабль захвачен был английскими пиратами, а поскольку Мэри Рид была единственною на борту английской подданной, они оставили ее себе, судно же, разграбив, отпустили. После того они занимались сим ремеслом еще какое-то время, пока не вышел королевский указ, который оглашен был во всех уголках Вест-Индии, о помиловании тех пиратов, кои добровольно сдадутся к определенному дню, там объявленному. Команда Мэри Рид воспользовалась тем указом и, сдавшись, спокойно жила на берегу; но, ощутивши стесненность в средствах и прослышав, что капитан Вудс Роджерс, губернатор острова Провиденс, снаряжает нескольких приватиров в поход против испанцев, она и еще несколько других сели на корабль и отправились на тот остров, в надежде прожить за счет приватирства, ибо решили обрести удачу не одним путем, так другим.

Не успели сии приватиры снарядиться, как на некоторых те матросы, кои ранее были помилованы, взбунтовались против командиров и обратились к старому своему ремеслу. В их числе была и Мэри Рид. Правда, она часто заявляла, что всегда питала отвращение к пиратской жизни, и вела таковую лишь по принуждению и на сей раз, и прежде, намереваясь оставить ее, как только представится удобный случай. Однако некоторые из тех, кто свидетельствовал против нее на суде, а то были люди, взятые силою и плававшие вместе с нею, показали под присягой, что в бою не бывало никого решительнее ее и Красотки Энн – шла ли речь о готовности пойти на абордаж или об ином рискованном деянии; а особенно в том бою, когда их атаковали и захватили, ибо, когда корабли оказались в тесном соседстве,

никто не остался оборонять палубу, кроме Мэри Рид, Красотки Энн и еще одного. После чего она, Мэри Рид, призвала тех, кто был под палубою, выходить и драться, как подобает мужчинам, и, обнаружив, что они даже не пошевелились, разрядила свое оружие в трюм, в самую толпу, одного убив, а иных ранив.

Сию часть свидетельств против себя она отрицала; но, верны они или нет, несомненно то, что она не искала славы храбреца и, более того, оставалась замечательно скромною, в соответствии со своими понятиями о добродетели. Ее истинный пол едва ли заподозрен был хоть одним человеком на борту, пока Красотка Энн, которая отнюдь не была столь сдержанною в том, что касалось целомудрия, не прониклась к ней особою симпатией; короче говоря, Красотка Энн приняла ее за пригожего юношу и по каким-то причинам, ей лучше известным, первой открыла свой истинный пол Мэри Рид. Мэри Рид, зная, с чем ей придется столкнуться и чувствуя явную свою несостоятельность в этом отношении, принуждена была подвести ее к пониманию истины и, к великому разочарованию Красотки Энн, дала ей понять, что и она тоже женщина; их сближение, однако, так встревожило капитана Рэкхема, бывшего любовником и кавалером Красотки Энн, что в нем поднялась бешеная ревность, почему он заявил Красотке Энн, что перережет глотку ее новому любовнику, а потому, дабы успокоить его, она посвятила в тайну и его.

Капитан Рэкхем (поскольку он был связан обещанием) хранил дело в тайне от всей команды корабля, однако же, несмотря на всю хитрость и сдержанность Мэри, любовь отыскала ее и в мужском обличье, не позволив забыть про свой истинный пол. В том походе они захватили множество судов, кои принадлежали Ямайке и другим краям Вест-Индии, направлявшихся в Англию или из Англии; и если им попадался какой-нибудь искусный мастер или иной человек, который мог бы так или иначе принести многую пользу их команде, то, когда он не изъявлял желания присоединиться к ним по своей воле, у них в обычае было удержать его силою. Среди таковых искусников был юноша, весьма привлекательный и обходительный, или, во всяком случае, бывший таковым в глазах Мэри Рид, которая настолько сражена была его внешностью и обращением, что не могла обрести покоя ни днем ни ночью. Но поскольку нет ничего изобретательнее любви, то для нее, уже искушенной в сих уловках, не составило большого труда изыскать способ обнаружить перед ним свой истинный пол. Вначале она обрела его доверие, высказываясь против пиратской жизни, к коей он питал совершенное отвращение, так что они стали сотрапезниками и близкими приятелями. Когда же она убедилась, что он питает к ней искреннюю мужскую дружбу, то позволила ему свершить открытие, неосторожно явив его взору свои белоснежные груди.

У юноши, который был из плоти и крови, зрелище сие возбудило такое любопытство и желание, что он не переставал изводить ее расспросами, покуда она не призналась, кто она.

Теперь начинается сцена любви.

Пока она скрывалась под вымышленною личиною, он питал к ней приязнь и почтение, теперь же они превратились в обожание и желание; ее страсть была не менее сильна, и она выразила ее, возможно, одним из самых великодушных деяний, какие когда-либо внушала любовь. Случилось так, что тот юноша поссорился с одним из пиратов, а поскольку их корабль стоял тогда на якоре близ некоего острова, они решили сойти на берег и сразиться, согласно обычаю пиратов. Мэри Рид была до крайности обеспокоена и встревожена судьбою своего возлюбленного. Ей не хотелось бы, чтобы он не принял вызов, ибо не вынесла бы мысли, что его заклеймят как труса; с другой же стороны, она страшилась исхода события, предчувствуя, что тот задира окажется для него слишком силен. Когда любовь поселяется в груди того, кто обладает даже проблесками великодушия, она побуждает сердце к самым благородным поступкам; оказавшись пред лицом сей дилеммы, она доказала, что печется более о его жизни, нежели о собственной, ибо решила сама поссориться с тем задирою и, пригласив его на берег, назначила время на два часа раньше того, когда он должен был встретиться с ее возлюбленным, и в указанный час билась с ним на саблях и пистолях и

убила на месте.

Правда, ей случалось биться и раньше, когда ее задевал кто-нибудь из этих парней, но теперь причиной всему был ее возлюбленный, и она была как бы препоною меж ним и Смертью, словно не могла без него жить. Если б до той поры он не обращал на нее внимания, поступок сей навсегда привязал бы его к ней. Но в этом случае не было нужды привязывать или обязывать, ибо его склонность к ней была достаточно сильна. В общем, они дали друг другу обеты, что, по словам Мэри Рид, по совести нужно считать столь же истинным браком, как тот, что свершает священник в церкви. И тем объясняется большой живот, коим она отговаривалась, дабы спасти свою жизнь.

Она объявила, что никогда не совершала адюльтера, или прелюбодеяния, ни с одним из мужчин, и вверила себя справедливости суда, пред коим она предстала, дабы тот распознал природу их преступлений; ибо ее супруг, как она его называла, и еще несколько человек были оправданы. И будучи спрошена, кто он таков, она не пожелала ответить, но сказала, что он честнейший человек и не имел склонности к подобным деяниям, и что оба они решили при первой возможности покинуть пиратов и начать зарабатывать на жизнь честным трудом.

Без сомнения, многие сочувствовали ей, однако суд не мог не признать ее виновной, ибо между прочим один из свидетельствовавших против нее показал, что, будучи захвачен Рэкхемом и удерживаем какое-то время на борту его корабля, он случайно вступил в разговор с Мэри Рид, которую он, приняв за молодого человека, спросил: что за удовольствие она находит в таких предприятиях, где жизнь ее непрестанно под угрозою огня или меча; и более того, она может быть уверена, что умрет позорною смертью, если будет взята живьем? <…> Она же отвечала, что не считает повешение тяжким испытанием, ибо, если бы не виселица, любой трус мог бы податься в пираты, и море так засорилось бы сими паразитами, что храбрецам пришлось бы голодать. <…> Что, если бы пиратам был предоставлен выбор, они сами бы не приняли наказания меньшего, чем смерть, страх пред которой заставляет некоторых трусливых негодяев быть честнее. Что многие из тех, кто ныне обманывает вдов и сирот и притесняет несчастных соседей, не имеющих денег, чтобы добиться справедливости, разбойничали бы тогда на море, и океан был бы забит мошенниками, как и суша, и ни единый торговец не отважился бы высунуть туда нос; так что торговля в малое время стала бы нестоящим занятием.

Поскольку установлено было, что она носит под сердцем ребенка, ее казнь, как уже отмечалось, была отложена, и, возможно, она бы получила помилование, но вскоре после суда ею овладела сильная лихорадка, от коей она умерла в тюрьме».

Пиратство. Годы заката (1730–1850)

Конходжи Ангрия (Kanhoji Angre) (?—1729), Сумбхаджи Ангрия (Sumbhajee Angre) (17?? – 1743), Туладжи Ангрия (Toolajee Angre) (17?? – 17??),

Индия Это пиратская династия негров-мусульман.

Умело оценивая политическую ситуацию в Индии и стравливая местные княжества друг с другом, Ангрия доминировали на западном побережье Индии. Время их влияния 1704–1756. Поговаривали, что корсары Ангрия обладали добычей еще большей, нежели карибские

пираты. Только в 1750-е годы ими было захвачено 12 серьезных британских кораблей.

Конходжи Ангрия в образе Бхагавати

Сумбхаджи Ангрия разрабатывает план нападения

А в 1756 году военные силы Британии уничтожили 65 пиратских кораблей династии Ангрия. Кроме того, англичанам удалось отыскать сокровища на сумму ‡ 130 000.

Цзинь Ши (Ching Shih) (1785–1844), Китай

За Цзинь Ши заслуженно закрепилась слава одной из самых удачливых пираток. На апогее своей пиратской карьеры она управляла 2000 кораблей с общей численностью экипажа в 70 000 человек.

Она была проституткой, когда повстречала своего будущего мужа. Его звали Чжэн И, и был он известным пиратом. В 1801 году они решили пожениться. Детей она иметь не могла; супруги решили взять приемного сына. Когда тот подрос, он стал любовником собственного приемного отца, когда же Чжэн И в 1807 году погиб во время шторма, юноша стал обмениваться горячими любовными ласками с приемной матушкой. Впоследствии они даже поженились.

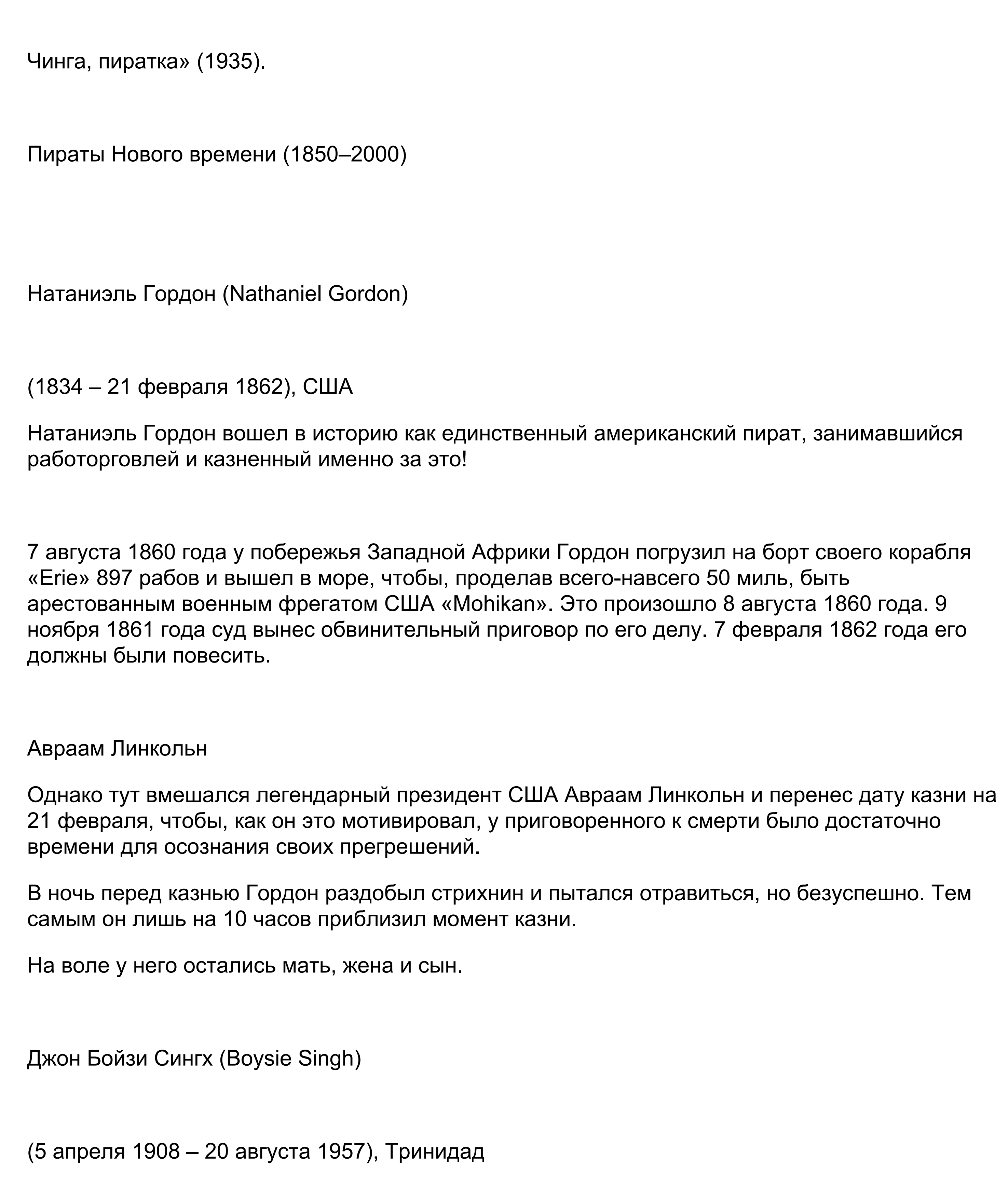
По смерти супруга Цзинь Ши отошло 400 лодок. Она решила сохранить бизнес покойного супруга и стала его вести совместно со своим бывшим пасынком, а теперь – новым мужем. Цзинь Ши развернулась настолько широко, что для ее поимки император отрядил целый флот. Однако пиратку не удалось поймать. Более того, лично командуя операциями, она нанесла императорской эскадре целый ряд сокрушительных поражений, наглядно доказав, что ее флот куда многочисленнее и куда искуснее, нежели флот императора.

Цзинь Ши в бою

Впоследствии ее раздел добычи пришелся не по душе некоторым капитанам, которые ее предали. Понимая, что ее могущество постепенно начинает сходить на нет, Цзинь Ши немедленно примирилась с императором (ему было явно невдомек, чем же вызвана подобная перемена отношения). За то, что она замораживала пиратский проект, ее супругу предоставили изрядный административный пост, а ей самой позволили вести игорный бизнес. У Цзинь Ши были игорные салоны и дома свиданий. Дела шли прекрасно, и она процветала.

Скончалась Цзинь Ши в 1844 году в возрасте 60 лет.

Очарованный ее образом и судьбой, сам Хорхе Луис Борхес посвятил ей рассказ «Вдова

Чинга, пиратка» (1935).

Пираты Нового времени (1850–2000)

Натаниэль Гордон (Nathaniel Gordon)

(1834 – 21 февраля 1862), США

Натаниэль Гордон вошел в историю как единственный американский пират, занимавшийся работорговлей и казненный именно за это!

7 августа 1860 года у побережья Западной Африки Гордон погрузил на борт своего корабля «Erie» 897 рабов и вышел в море, чтобы, проделав всего-навсего 50 миль, быть арестованным военным фрегатом США «Mohikan». Это произошло 8 августа 1860 года. 9 ноября 1861 года суд вынес обвинительный приговор по его делу. 7 февраля 1862 года его должны были повесить.

Авраам Линкольн

Однако тут вмешался легендарный президент США Авраам Линкольн и перенес дату казни на 21 февраля, чтобы, как он это мотивировал, у приговоренного к смерти было достаточно времени для осознания своих прегрешений.

В ночь перед казнью Гордон раздобыл стрихнин и пытался отравиться, но безуспешно. Тем самым он лишь на 10 часов приблизил момент казни.

На воле у него остались мать, жена и сын.

Джон Бойзи Сингх (Boysie Singh)

(5 апреля 1908 – 20 августа 1957), Тринидад

Джон Бойзи Сингх, которого знали под кличками «Раджа», «Бойзи», «Мистер Сми», но чаще всего именовали Бойзи Сингх, родился в Вудброке, Луиз-стрит, 17 (Порт-оф-Спейн, Тринидад). Отца Бойзи Сингха звали Бахрангх Сингх, он был рецидивистом и обычно скрывался от правосудия. На его совести лежало убийство, по крайней мере, одного высокопоставленного чиновника. Так что, с одной стороны, семейные гены, а с другой стороны, то обстоятельство, что детство Сингха прошло на улицах, и он еще сызмальства начал овладевать низменными навыками и умениями, в итоге способствовали появлению еще одного преступника.

Чем только Бойзи Сингх не занимался: воровство, подлоги, грабежи, хищения, шантаж,

отравления – всего не перечислить. Естественно, он не мог не угодить за решетку. Он находился в заключении с 1940 по 1941 год.

Когда Бойзи освободился из заключения, он решил целиком посвятить себя игорному бизнесу. Он частенько говорил, что «…не сдох со скуки в тюряге благодаря умению играть в карты». Поначалу лишь плутуя за игорными столами, он постепенно обрел вес и стал одним из авторитетных гангстеров. Начало Второй мировой войны привело к тому, что в Тринидаде высадились части американской регулярной армии. Не желая конфликтовать с военными, Сингх решил перебраться подальше, в Порт-оф-Спейн, где на Куин-стрит открыл собственное казино. После ухода американцев Бойзи Сингх активно занялся рэкетом. С целью оказания давления на незадачливых должников он пускал в ход все: взрывал их автомобили, пытал и избивал, мог, не раздумывая, поджечь дом.

Однако, когда ему стукнуло сорок, Бойзи Сингх решил сменить сферу влияния или, точнее, расширить ее. Возможно, ему просто стало недоставать адреналина в сосудах?

Лучшим способом для того, чтобы привнести в жизнь некоторое разнообразие, было пиратство. Согласно свидетельствам историков и очевидцев, Бойзи Сингх быстро организовал пиратскую шайку (ему это было сделать совсем не сложно, учитывая профиль его занятий) и вышел в море на специально приобретенном быстроходном корабле с мощными моторами, выгодно отличавшемся от кораблей средневековых пиратов, ходивших под парусами. С 1947 по 1956 год банда Бойзи Сингха буквально терроризировала водное пространство между Тринидадом и Венесуэлой. Крупные транспорты не слишком привлекали Бойзи Сингха, видимо, в силу особенностей его характера: он всегда обожал измываться над беззащитными людьми. Так и на этот раз: Бойзи Сингх решил нападать на рыболовецкие лодки; улов он забирал для дальнейшей перепродажи, а самих рыбаков отправлял на тот свет. Кроме того, с рыболовецких судов пираты забирали запасы спиртного и снимали моторы, которые продавали потом на венесуэльских рынках. Захваченные лодки – для сокрытия следов – пираты топили. Помимо рыбаков, Сингх не брезговал помыкать и контрабандистами, которых он тоже не жалел.

Общее число жертв, по некоторым источникам, составило свыше 400 человек, но известный историк Феликс Фритч, предпринявший собственное расследование, обнародовал устрашающую статистику, приведя конкретные факты, что речь идет о 5000 жертв! Даже если это и преувеличение, все равно можно считать его массовым убийцей. Характерно, что, когда его спрашивали, скольких он отправил на тот свет, Сингх обычно закатывался хриплым смехом, говоря, что не в силах всех упомнить – так много их было… Говорят, что на судне он возил с собой дохлого осла. Когда очередная лодка была разграблена, а ее хозяева жестоко умерщвлены, Сингх разрубал тушу осла на части и кидал в воду, привлекая множество акул. Дождавшись, когда их соберется побольше, Сингх приказывал своим людям сбросить мертвые тела за борт и затем с наслаждением наблюдал за тем, как тупые хищницы разрывают на клочья невинную человеческую плоть…

Естественно, благодаря столь кипучей деятельности Бойзи Сингх не мог не привлечь внимания правозащитных органов. Его дважды арестовывали по обвинению в убийствах, но оба раза ему удавалось уйти от наказания. Свидетели бесследно исчезали, обвинения распадались сами собой – обычная гангстерская тактика.

Бойзи Сингх любил играть на публику: он частенько среди дня расхаживал по главным улицам города, облачась в роскошный костюм и предаваясь веселью на глазах у стражей порядка и обычных людей. А уже под ночь его судно выходило на промысел, и на следующий день в доме очередного погибшего рыбака раздавались стенания оплакивавших его родных и друзей…

Любопытно, что было немало людей, которые восхищались Бойзи Сингхом и считали его

своим героем, желая во всем на него равняться; другие же пугали им своих детей. А сам Бойзи Сингх, привыкнув к безнаказанности, убивал и убивал. Последней же жертвой гангстера-пирата стала… его собственная невеста! Она была танцовщицей; ее тело бесследно исчезло и так никогда и не было обнаружено. В анналах правосудия этот случай значится под кодовым названием: «Дело о пропавшем трупе».

На сей раз, однако, все улики были против него. Фемида сказала свое слово, и Бойзи Сингх был единогласно приговорен к повешению. На его похоронах собралась огромная толпа народа. Впоследствии многие всерьез утверждали, что его осудили «безвинно» или, во всяком случае, за то преступление, которого он на самом деле не совершал!

Мадам Вонг (1907?—1970-е), Китай

Мадам Вонг – скорее пиратская легенда, нежели реально существовавший персонаж. Впрочем, теоретически вполне можно допустить сам факт существования некой королевы пиратов, которая предпочитает вести тайную жизнь, никогда не появляясь на людях. Мадам Вонг даже удостоилась целого фильма (ее образ на экране воплотила Ирина Мирошниченко); снятый в 1986 году, фильм стал хитом кинопроката, поскольку его пришли посмотреть свыше 30 млн зрителей.

Если обратиться к уловному «портфолио» королевы пиратов, то можно узнать, что настоящее ее имя – Шан. Не исключено, что ее образ лепился под влиянием знаменитой пиратки Цзинь Ши (мадам Ши), которая прославилась в XVIII–XIX веках.

Родилась Шан в 1920 году и с детства обожала азартные игры. Именно в игорном зале она и познакомилась со своим будущим супругом. Это был гангстер и извращенец по имени Вонг Кунгкит. Ходили слухи, что он работает на самого Чан Кай-ши. Он торговал наркотиками, детьми, а также активно занимался пиратством на реке Янцзы и в Южно-Китайском море. Сама мадам Вонг по-прежнему вела игорный бизнес.

Супруги процветали.

Но в 1947 году последовала очень странная смерть ее мужа. Его заместители навестили мадам Вонг и поведали о тайном пиратском бизнесе, которым тот занимался. Она должна была решить, кто из них теперь возглавит дело. Убив обоих, она стала вести его сама.

Оказалось, что теперь ей принадлежат 150 джонок – целый флот!

Она решила, что атаке будут подвергаться только те корабли, на которых действительно есть большие ценности. Каждый морской трофей приносил мадам Вонг от $ 500 000 и выше. Потом она вообще стала облагать корабли данью. Капитану поступало письмо, в котором была указана сумма, уплатив которую, он мог относительно безбоязненно выходить в море. Тот, кто отказывался платить, становился жертвой нападения. На пике своей карьеры мадам Вонг контролировала территорию, схожую по размерам с европейской страной.

Полиция прилагала все усилия, чтобы ее схватить, но у полицейских не было даже ее фотографии. За голову мадам Вонг назначили существенную награду. Но это совсем не помогло в ее поимке.

Впоследствии объем ее операций вырос до такой степени, что ею стал активно интересоваться Интерпол. Жива она сегодня или нет – доподлинно никому не известно.

Пираты Новейшего времени (2001)

Сегодня к услугам тех, кто хочет быть в курсе происходящего, все мыслимые источники информации, включая Интернет. Поэтому ни для кого не секрет, что пираты – отнюдь не пережиток прошлого, они существуют и сегодня. На момент завершения этой книги (а речь идет о середине октября 2009 года) была обнародована красноречивая статистика: с 1 января по 30 сентября текущего года зафиксировано 306 инцидентов, связанных с нападением пиратов. Характерно, что, если сравнить эти данные с показателями прошлого года, мы обнаружим, что с 1 января по 31 декабря 2008 года было совершено 293 пиратских нападения! Если за весь минувший год пиратами был захвачен 631 человек, то на октябрь 2009 года заложниками пиратов стали уже 639 человек. А впереди еще месяца два с половиной – еще много чего может произойти… Таким образом, у нас налицо тревожная тенденция: мировое пиратство явно интенсифицируется! Впрочем, возможно, не все так уж и безотрадно. По данным агентства «Рейтер», за летний период 2009 года сомалийские пираты, которые являются чемпионами по количеству попаданий в мировые таблоиды, были несколько скромнее: 43 случая захватов по сравнению с 57 за тот же период 2008 года. Хотя, если придерживаться объективности, не исключено, что всему виной нестабильные погодные условия. Кроме того, директор IBM Поттенгал Мукундан (Pottengal Mukundan) в интервью агентству «Рейтер» высказал опасение, что регистрируется лишь 35 % всех случаев, тогда как информация о прочих вообще не поступает. Мукундан также заметил, что причину выхода пиратов в море следует искать на суше, а именно – в Сомали. Все беды во многом проистекают из-за неэффективности местного правосудия. Так что здесь есть над чем задуматься…

Продолжая разговор о пиратах Новейшего времени, следует отметить, что пора громких имен, однако, осталась далеко позади. Нет выдающихся персоналий; в наши дни все сводится к регулярным вылазкам более или менее значительных банд пиратов, которые нередко выполняют чей-то заказ. Подчас же пиратским акциям даже присуща откровенная политическая окраска.

Поменялась и дислокация: если в прежние века с пиратами, как правило, связывали Карибский регион, в XXI столетии пираты действуют в Восточной и Юго-Восточной Азии, в районе Бразилии, в прибрежных водах Западной, а главное – Северо-Восточной Африки, где, собственно, и располагается полуостров Сомали – пожалуй, главная цитадель пиратов современности.

Именно о них мы и намерены рассказать подробнее.

Сомалийские пираты

Государство Сомали, находящееся в состоянии потенциальной гражданской войны, расположено на побережье Северо-Восточной Африки. В настоящий момент на территории Сомали существуют как минимум три государственных образования; некоторые делятся еще на всяческие автономии и государства. Если сказать, что это край анархии, – большого преувеличения, право же, не будет. В известной мере сам феномен сомалийского пиратства существует в силу отсутствия единого государственного управления. Государственная власть в лице диктатора Мохаммеда Сиада Баре была свергнута в результате переворота в 1991 году. После этого наступил, образно говоря, период безвременья.

Первые известия о пиратских нападениях были зафиксированы в 1995–1996 годах, что совпало с завершением американского присутствия в регионе. В дальнейшем, однако, действия пиратов не имели ярко выраженной массовой направленности. Однако с наступлением XXI века ситуация переменилась; пираты стали действовать организованно. Они располагают быстроходными катерами, умеют пользоваться автоматическим оружием, Интернет, и gps для них – явно не пустой звук! Каждый год принимаются все более жесткие меры по пресечению пиратской деятельности, но сами пираты (а более всего те, кто их финансирует) тоже не дремлют: с ними становится все труднее совладать. По сути, из локальной проблемы Сомали тамошние пираты стали заботой для всего мира. Ниже мы приводим хронологический перечень наиболее заметных рейдов сомалийских пиратов, имевших место в нынешнем веке:

2003, 4 марта, – две моторные лодки с пиратами напали на танкер «Монерон», шедший под российским флагом. Танкер направлялся из Саудовской Аравии в Кению. На требование пиратов остановиться капитан танкера ответил отказом. Те в отместку принялись обстреливать судно из автоматов и даже гранатометов. Преследование продолжалось в общей сложности около часа.

2005, 5 ноября, – пиратами был атакован роскошный океанский круизный лайнер «Seaborn Spirit». Нападение произошло всего в 130 км от побережья Сомали. На борту лайнера была лишь акустичекая пушка (эти устройства обычно используются для разгона демонстрантов). Испускаемый пушкой звук достигает 150 децибелов, что при длительном воздействии может не только разрушить слуховой аппарат человека, но и серьезно повлиять на внутренние органы. И хотя даже с подобной пушкой команде лайнера было непросто тягаться с пиратами, налетевшими на двух современных катерах и обстреливавшими корабль из автоматов и гранатометов, но ее применение оглушило пиратов и на какое-то время внесло в их ряды смятение. Этого промедления было довольно для того, чтобы капитан приказал изменить направление и направил лайнер в открытое море. Преследовать лайнер и дальше пираты уже не посмели.

В этом же году официальное правительство Сомали заключило двухгодичный контракт с США, согласно которому боевые корабли военно-морского флота США должны были нести вахту в регионе с целью пресечения пиратской активности. Необходимость заключения подобного контракта была продиктована тем, что на протяжении всего 2005 года было зафиксировано 37 отдельных случаев нападения пиратов на торговые и пассажирские корабли.

2006, январь, – военный корабль США захватывает судно, оказавшееся пиратским. Это первый официальный арест пиратов; ранее им всегда удавалось остаться безнаказанными.

2006, 19 марта, – эта дата уже вошла в историю как день первого морского сражения, происшедшего в XXI веке. В 5 часов 40 минут утра (по местному времени) в 25 милях от берега Сомали два военных американских корабля дали бой пиратам! Со стороны США участвовали: ракетный крейсер «Cape St.-George» и эсминец «Gonsales». Им противостоял один корабль пиратов. Американские корабли совершали рейд и повстречали подозрительное судно, по виду рыболовецкое, сопровождаемое парой больших лодок. Было очевидно, что необходима проверка. Американцы уведомили команду судна, что спускают лодку со своими людьми для того, чтобы произвести осмотр на борту. После этого с подозрительного судна последовал целый шквал огня, на который американские корабли ответили интенсивным пулеметным огнем. Противостоять американской военной мощи пираты не смогли и почли за благо сдаться. Потери пиратов: 1 человек убит и еще 5 ранено. В итоге 12 человек (включая раненых) были арестованы. Поскольку в результате обстрела судно пиратов занялось огнем, обыскать его как следует не удалось, но вполне довольно было и тех единиц автоматического оружия наряду с гранатометами, что были обнаружены при поверхностном досмотре.

2007, февраль, – сухогруз «Розен» среднего водоизмещения с экипажем из 12 человек, зафрахтованный Всемирной продовольственной программой (ВПП) ООН, был захвачен сомалийскими пиратами.

«Розен» непосредственно перед этим доставил в несколько портов на севере Сомали 1,8 тысячи тонн продовольствия и других товаров, предназначенных для лагерей беженцев. После завершения своей миссии «Розен» возвращался в Момбасу. Согласно официальным источникам, никакого груза на борту «Розена» не было.

По факту захвата сухогруза было начато расследование, в результате которого в Сомали были задержаны четыре человека, подозреваемые в причастности к захвату сухогруза «Розен».

9 апреля «Розен» был возвращен пиратами.

2007, март, – захват пиратами индийского торгового судна со всем экипажем. За судно и людей пираты потребовали значительный выкуп.

9 апреля индийское судно было освобождено.

2007, апрель, – пресс-служба ООН обнародовала официальное заявление, в котором утверждалось, что деятельность пиратов ставит под удар практически все гуманитарные программы, задействованные для стабилизации региона Сомали.

2007, 17 октября, – пираты сначала неожиданно обстреляли, а затем захватили сухогруз, шедший под флагом Коморских островов.

2007, вторая половина октября, – зафиксировано сразу же пять попыток пиратов захватить торговые корабли; ни одна из них не увенчалась успехом.

2007, 25 октября, – пиратами захвачен японский танкер, перевозивший химикаты. Несмотря на внезапность нападения, с танкера все-таки успели передать сигнал SOS, однако по причине того, что нападение произошло поздно вечером в воскресенье, иностранные патрульные суда, незамедлительно направившиеся к месту происшествия, так и не могли настичь пиратов.

2008, 1 февраля, – на выходе из Аденского залива в Аравийское море пираты захватывают датский буксир «Свитцер Корсаков» с командой из шести человек. Судно направлялось по маршруту Санкт-Петербург – Сингапур – Сахалин для работы на шельфовом проекте «Сахалин-2». Экипаж буксира был интернациональным: 4 россиянина, ирландец и англичанин.

За буксир и экипаж пиратами был тотчас же запрошен выкуп в $ 700 000. Пираты отогнали буксир в направлении Могадишо и поставили его на якорь примерно в 40 км от побережья Сомали. 11 февраля один из пиратских кораблей, перевозивший продовольствие для похитителей буксира, был замечен и обстрелян кораблем ВМФ США, но безрезультатно. Пираты смогли уйти.

Помощник главкома ВМФ России капитан первого ранга Игорь Дыгало выступает с заявлением, признавая правильность курса военного руководства РФ и главного штаба ВМФ на возобновление присутствия российских боевых кораблей во всех регионах Мирового океана, особенно в районах интенсивного рыболовства и судоходства.

Датская компания, являющаяся владельцем буксира, официально обращается к России повременить с подобными заявлениями, поскольку они могут крайне негативно отразиться на ходе переговоров с пиратами о выдаче судна и экипажа.

Продолжительные переговоры завершились тем, что деньги для выкупа были собраны в полном объеме и переправлены пиратам на отдельном корабле. 18 марта 2008 года буксир и его экипаж были пиратами освобождены.

2008, 4 апреля, – захват пиратами шедшей с Сейшельских островов французской прогулочной яхты «Ле Понан» с 32 пассажирами на борту. Яхта была отбуксирована пиратами к побережью Сомали в районе Пунтленда. Учитывая высокий статус находившихся на борту пассажиров, Франция прибегла к эксктренным мерам, направив в Сомали элитный отряд службы GIGN, ориентированной на борьбу с террористами.

Операция была произведена блестяще, все 32 заложника были благополучно освобождены. Остатки пиратской банды (около 6 человек), каким-то чудом сумевшие сбежать в ходе освобождения заложников, были вскоре арестованы на побережье.

2008, 20 апреля, – очередным трофеем пиратов становится испанский рыболовный траулер «Плайя де Бакио» с 26 членами экипажа. Захват произошел примерно в 400 км от побережья Сомали. Пираты вначале обстреляли судно из гранатометов, вселив в рыбаков ужас и сломив их волю к сопротивлению. После такой «артиллерийской подготовки» они очень легко взяли траулер на абордаж.

2008, 28 мая, – немецкий сухогруз «Lehmann Timber» с интернациональным экипажем из 15 человек (1 русский, 4 украинцев, 1 эстонец, 9 бирманцев) захвачен пиратами в Аденском заливе. Шайка пиратов состояла из 9 человек. Пираты запросили за судно и экипаж астрономическую сумму в $ 3 000 000. Компания «Грейпеджес», являвшаяся собственником сухогруза, первоначально рассчитывала ограничить выкуп суммой в $ 200 000. Пираты не собирались уступать, и в результате процесс переговоров затянулся на долгие 42 дня, в течение которых экипаж судна томился в плену у пиратов. В конце концов те, начав терять терпение, пригрозили начать отстрел заложников, обещая ежедневно убивать по 2 моряка. Это заставило «Грейпеджес» увеличить сумму выкупа.

Компании и пиратам удалось поладить на сумме в $ 750 000.

8 июля 2008 года судно и экипаж были освобождены.

2008, 20 июля, – балкер (судно по типу сухогруза) «Stella Maris» японской офшорной компании «TURTLE MARINE SHIPPING SECOND» с экипажем из 21 филиппинца был захвачен пиратами. Судно водоизмещением в 52,454 тонны и длиной в 190 м было построено в 2007 году. Захват произошел в море неподалеку от Калулы, район Пунтленда (север Сомали). При этом один из нападавших был убит.

Балкер три недели шел из Таунсвилля, имея на борту 40-тонный груз свинца и цинка, добытого в местных шахтах. За груз, экипаж и судно пираты потребовали значительный выкуп. Дожидаясь денег, они свезли экипаж на берег и держали под вооруженной охраной.

В связи с этим инцидентом развернулась антипиратская кампания в прессе, при этом была обнародована информация о том, что с 1 января по 30 июня 2008 года сомалийские пираты совершили 114 удачных нападений на суда! Глава малазийского морского бюро по контролю над действиями пиратов Ноэль Чунг заявил, что непосредственно перед нападением на «Stella Maris» те же самые пираты неудачно атаковали танкер с химикатами (15 июля) и грузовой корабль (18 июля). Он также заметил, что патрули, в основном, фиксируют внимание на восточной части побережья Сомали, тогда как самое пристальное внимание должно быль уделено именно северным областям, где находятся основные пиратские базы.

27 сентября выкуп пиратам был заплачен. Судно и груз вернулось к владельцу, экипаж был также освобожден.

2008, 5 августа, – захват нигерийского судна «Yenagoa Ocean» с 10 членами экипажа. Вспоминая о пережитом, капитан судна Грэхем Эгбеги признался, что на протяжении 10 месяцев, пока готовился выкуп, они подвергались в лагере пиратов издевательствам и унижениям, ежедневно находясь между жизнью и смертью.

2008, 12 августа, – захвачено таиландское судно «Thor Star», перевозившее лес. 28 человек экипажа стали заложниками пиратов.

Судно, груз и экипаж возвращены пиратами 16 октября 2008 года после получения выкупа.

2008, 19 августа , – пиратами атакован и захвачен малайзийский танкер-химовоз «Bunga Melati Dua» с грузом пальмового масла и 20 членами экипажа.

29 сентября 2008 года за них был уплачен выкуп.

2008, 21 августа , – иранский балкер «Iran Deyanat» с 29 членами интернационального экипажа и грузом химического и стрелкового оружия стал очередной жертвой сомалийских пиратов.

Выкуп, точная сумма которого так и не была разглашена, был уплачен 10 октября 2008 года.

В этот же день пираты заполучили и японский танкер-химовоз «Irene» с экипажем из 19 человек (включая двух граждан России).

Выкуп за него был получен пиратами 8 октября 2008 года.

Им также достался и немецкий корабль «BBC Trinidad» с экипажем из 13 человек, среди которых 3 были россиянами. За возврат судна и экипажа владелец был вынужден уплатить $ 1,4 миллиона. Вернув себе 11 сентября 2008 года судно и команду, он обратился к мировому сообществу с требованием немедленного военного вторжения в Сомали с целью уничтожения основного оплота пиратов.

2008, 29 августа, – атакован и захвачен малайзийский танкер-химовоз «Bunga Melati 5» с экипажем из 41 человека и грузом порядка 20 тонн.

Выкуп составил $ 2 000 000.

28 сентября 2008 года судно, груз и люди были освобождены.

2008, 3 сентября, – захвачен египетский сухогруз «Al Mansourah» с 25 членами экипажа.

27 сентября выкуп был выплачен, и пираты возвратили судно, груз и экипаж.

2008, 4 сентября , – пираты атаковали и захватили 16-метровую французскую яхту представительского класса «Carre d’as IV» с тремя яхтсменами на борту. Правительство Франции, учитывая статус яхтсменов, вновь прибегла к услугам элитного спецназа из службы GIGN, ориентированной на борьбу с террористами. В результе уже 16 сентября заложники были освобождены, при этом 1 пират был убит на месте, а еще шестеро арестованы.

Авторская ремарка. Обратите внимание: многие заранее пасуют перед пиратами, даже не веря в то, что им можно противостоять. А уж от сумм выкупов, которые приходится выплачивать, голова просто идет кругом! Однако на примере французских спецназовцев из GIGN можно убедиться в том, что на самом деле пираты совершенно не держат настоящего боя. Когда за дело берутся профессионалы, пираты пасуют. Также отметьте, как мало времени было затрачено на организацию самой операции: менее двух недель. Не хочется, конечно же, все сильно упрощать, но невольно напрашивается мысль, что, если бы объединить силы спецназа США, Франции, России и Германии (при условии тщательной

разработки операции), после высадки их десанта от змеиного гнезда пиратов в Сомали не осталось бы и следа. Как говорится, дело за малым…

2008, 10 сентября, – в лапы пиратов попадает корейский балкер «Bright Ruby» с экипажем в 21 человек.

Чуть больше чем через месяц, 16 октября 2008 года судно и экипаж были освобождены.

2008, 15 сентября, – индийский танкер-химовоз «Stolt Valor» с 22 членами экипажа, из которых 1 человек – россиянин, двигаясь в 38 милях от побережья Йемена, стал заложником сомалийских пиратов. Захват состоялся при свете дня, а именно – в 13.16 по местному времени. Переговоры с пиратами продолжались около двух месяцев. В итоге им выплатили сумму в $ 1,1 миллиона. 16 ноября 2008 года судно и экипаж были освобождены.

2008, 17 сентября, – греческий балкер «MV Centauri», в трюмах которого находилось свыше 17 тонн соли, державший курс на Кению и имевший на борту 26 человек команды (экипаж состоял исключительно из филиппинцев), был захвачен пиратами прямо у побережья Сомали. Непросто понять, что заставило филиппинцев двигаться таким путем, ведь они не могли не знать, что в этих водах активно действуют пираты.

27 ноября 2008 года, после выплаты выкупа, судно было освобождено. Команда также смогла вернуться домой; моряки чувствовали себя удовлетворительно.

2008, 18 сентября, – гонконгский сухогруз «Great Creation», направлявшийся из Туниса в Индию с экипажем в 25 человек, был взят на абордаж сомалийскими пиратами.

19 ноября 2008 года судно и экипаж были возвращены, но о точной сумме выкупа так и не удалось узнать.

2008, 21 сентября, – этот день оказался печальным для команды греческого сухогруза «MT Capt Stefanos», перевозившего уголь.

После выплаты 8 ноября 2008 года выкупа само судно и 19 членов команды были освобождены.

2008, 25 сентября, – о том, что произошло в этот день, наверное, хорошо помнят как в России, так и на Украине. Сомалийским пиратам удалось захватить украинский сухогруз «Фаина», направлявшийся в Момбасу (Кения). Можно себе представить изумление захватчиков, когда они обнаружили в трюме опасный груз: 33 танка Т-72, зенитные установки, гранатометы. Из 21 члена команды трое были россиянами, включая капитана судна Владимира Рудольфовича Колобкова. Когда пираты осознали, какой груз им достался, их радости не было предела. Это отразилось и на сумме требуемого выкупа: она варьировалась в разное время от первоначальных 35 до 3,2 миллиона долларов! В первые же дни не стало капитана, В. Р. Колобкова, сердце которого не выдержало издевательств и пыток. Переговоры очень затянулись, морякам пришлось пройти через жесточайшие муки и избиения: так пираты вымещали на них разочарование от долгого ожидания выкупа. В конце концов стороны договорились о сумме выкупа. И вот, 5 февраля 2009 года, с вертолета на палубу захваченного судна был сброшен мешок с деньгами – $ 3,2 миллиона, поступившие от израильского гражданина, оказавшегося владельцем судна. Однако напрасно заложники надеялись, что их беды остались позади. Как только пираты получили деньги, начался дележ. Он продолжался в течение 14–16 часов. К «Фаине» потянулись корабли других пиратов, которые, услышав о самом крупном в истории выкупе, сочли, что тоже имеют право на долю. Главарю пиратов подобное развитие ситуации не сильно пришлось по душе. Держа по автомату в каждой руке, он уселся на мешок, заявив, что благотворительность не в его характере. Претенденты на долю добычи крайне негативно отнеслись к его заявлению, и тут же началась перестрелка. Средства массовой информации поспешили оповестить весь мир о

том, что на «Фаине», похоже, начался отстрел заложников. К счастью, во время перестрелки никто из заложников не пострадал. После завершения процедуры дележа пираты стали группами покидать судно. К вечеру того же дня заложники наконец-то были освобождены.

2008, 27 сентября, – сомалийские пираты осуществили захват греческого танкера «Genius» с 19 членами экипажа, румынами.

Выкуп был получен пиратами уже 21 октября 2008 года. Судно и команда освобождены.

2008, 9 октября, – пираты захватили сомалийский сухогруз «Wail» с 11 членами экипажа, когда это судно доставляло груз цемента из сомалийского порта Боссасо в Оман. С учетом того, что «Wail» принял сомалийский груз, власти сочли необходимым вмешаться – в кои-то веки! 14 октября служба безопасности Путленда атаковала пиратов. Двое из них были застрелены, а еще десятерых взяли в плен. При этом среди нападавших были легко ранены только двое военных. Заложники не пострадали, разве что их судно нуждалось в небольшом ремонте.

Комментируя происшедшее, агентство «Рейтер» отметило, что с начала 2008 года сомалийским пиратам за 30 захваченным ими кораблей было выплачено свыше $ 30 000 000! Подобная статистика, надо согласиться, не могла не смазать эффект от удачно проведенной операции сомалийских спецслужб.

2008, 15 октября – корейский танкер «MT African Sanderling» с 21 членом экипажа (сплошь филиппинцы) на время обрел новых владельцев, которыми оказались сомалийские пираты. 13 января 2009 года судно и экипаж были освобождены за $ 2 000 000.

2008, 21 октября, – этот день предоставил службе безопасности Сомали еще один шанс отличиться. Сомалийские пираты хоть и стремятся получить большой выкуп, но, в сущности, не брезгуют никакой добычей. На этот раз они напали и захватили корейское

доу (традиционное судно с низким бортом) с грузом сахара, зная, что более нескольких десятков тысяч долларов выкупа им за нее никогда не выручить. На борту было 11 членов экипажа. Буквально через несколько часов пираты были атакованы силами безопасности. Завязалась перестрелка. 4 пирата были убиты, оставшиеся 4 человека сдались. Заложники не пострадали.

Важная деталь: сахар предназначался Сомали.

2008, 7 ноября, – в этот день настала очередь столкнуться с пиратами для датского судна «Cec Future» с неизвестным грузом. Из 13 членов экипажа 11 были россиянами. 15 января 2009 года судно и люди были освобождены за $ 2 000 000.

2008, 10 ноября, – индийское судно «MT Stolt Strength» с грузом ортофосфорной кислоты и 23 членами экипажа досталось пиратам. 21 апреля судно и команда были освобождены. Сумма выкупа не разглашалась.

2008, 12 ноября, – этот день должен был наверняка запомниться пиратам! Они дерзнули атаковать датское судно «Powerful». Захват должен был произойти в одном из их излюбленных мест – в Аденском заливе. На беду пиратов, рядом оказались фрегат ВМС Великобритании «Cumberland» и российский сторожевой корабль «Неустрашимый». Они действовали при поддержке двух вертолетов (русского Ка-27 и британского «Linx»). Пираты принимались дважды (!) атаковать, но в итоге трое из них погибли, а остальные восемь сами попали в плен. Судно не пострадало. Любопытно, что англичане впоследствии категорически отрицали факт проведения совместной операции!

Однако в тот же самый день неподалеку от побережья Йемена пиратам досталось турецкое

судно «The Karagol» с 14 членами экипажа. На борту судна находилось около 4500 тонн химикатов. Оно направлялось в Бомбей. 13 января 2009 года судно и команду освободили. Сумма выкупа не разглашалась.

2008, 13 ноября, – российский контейнеровоз «Капитан Маслов» был внезапно обстрелян из гранатометов и автоматов. Несмотря на большой груз на борту, россиянам удалось уйти от преследования пиратского катера.

2008, 14 ноября, – китайское рыболовецкое судно «TIANYU 8» с экипажем в 24 человека во время ловли рыбы у побережья Кении было захвачено пиратами. 8 февраля 2009 года судно было освобождено. Команда не пострадала. Сумма выкупа не разглашалась.

2008, 15 ноября, – урожайный денек для сомалийских пиратов! Им досталось сразу же два корабля. Первый, «Chemstar Venus», японский танкер-химовоз с экипажем из 23 человек, был взят пиратами на абордаж в 155 км от Аденского залива. 12 февраля 2009 года корабль и команду освободили. Сумма выкупа не разглашалась.

Другим трофеем пиратов оказался 330-метровый танкер Саудовской Аравии «Sirius Star», ходивший под либерийским флагом и перевозивший сырую нефть на сумму $ 100 000 000. Пиратам, требовавшим $ 25 000 000, в итоге пришлось согласиться на $ 15 000 000. Судно было освобождено 11 января 2009 года. После дележа выкупа начали происходить довольно-таки странные вещи. Так, одного пирата, принимавшего выкуп, выловили позднее из воды с $ 153 000 наличных, а еще пятеро с $ 3 000 000 также утонули на своем катере, причем четыре тела обнаружить не удалось.

2008, 16 ноября, – российским сторожевым кораблем «Неустрашимый» была предотвращена попытка пиратов атаковать судно Саудовской Аравии «Рабих». Пиратам пришлось спасаться бегством.

2008, 18 ноября, – этот день принес сомалийским пиратам как радости, так и огорчения. Поджидая добычу в своем любимом Аденском заливе, пираты захватили иранское судно «Delight», шедшее под гонконгским флагом. На борту было свыше 36 000 тонн пшеницы. Экипаж составлял 25 человек. 10 января корабль и команда были освобождены. Сумма выкупа не разглашалась.

Другим трофеем оказался рыболовецкий траулер «Ekawat Nava 5» с 16 членами экипажа на борту, ходивший под флагом Таиланда. В этот рейс «FV Ekawat Nava 5» доставлял груз рыболовецкого оборудования из Омана в Йемен. В ходе взятия на абордаж судно было уничтожено случайным попаданием. Один член команды спасся, еще один был обнаружен погибшим. Судьба остальных неизвестна.

А еще в тот же день при попытке атаковать индийский фрегат «Tabar» в результате ответного огня было уничтожено пиратское судно сомалийцев.

2008, 19 ноября, – йеменское судно, впоследствии фигурировавшее в рапортах под четырьмя различными названиями («Адина», «Амани», «Арена», «Эрина»). Экипаж состоял из 7 моряков. На борту находился серьезный груз: 570 тонн стали. За судно с грузом и командой был потребован выкуп в $ 2 000 000. Однако неожиданно вмешались государственные структуры Сомали. Они заявили, что, в силу дипломатических отношений с Йеменом, не слишком-то вежливо требовать выкуп за их корабль. Более того, они были готовы штурмовать пиратский корабль, если те откажутся пойти навстречу. Однако пираты послушались и… от выкупа отказались! 3 декабря 2008 года судно и команда были освобождены.

2008, 28 ноября, – либерийский танкер-химовоз с 27 членами команды и грузом пальмового масла достался пиратам. 24 января 2009 года корабль и команда были освобождены. Сумма

выкупа не разглашалась.

Примечательно, что на судне помимо экипажа находились три спецагента. Владелец нанял их, чтобы обеспечить безопасную доставку груза. Когда пираты стали нападать, спецагенты принялись отстреливаться. Это так разъярило пиратов, что когда они ворвались на палубу, то были готовы растерзать спецагентов живьем. Те, поняв, что у них нет шансов, дружно сиганули за борт, намереваясь уйти вплавь. Пираты, еще не отойдя, кинулись к штурвалу, чтобы изменить курс судна и настичь агентов. Плохо бы им пришлось, не случись неожиданно в этом районе французского вертолета, с которого заметили пловцов и решили их спасти.

2008, 28 ноября, – печальный день для пиратов! В этот день они могли завладеть круизным немецким суперлайнером «Астор», на котором 600 туристов, принадлежащих к сливкам общества, вольготно перемещались из Шармэль-Шейха в Дубаи. Оказавшийся неподалеку фрегат ВМС ФРГ «Мекленбург – Передняя Померания», мгновенно оценив ситуацию, пришел на помощь лайнеру, обратив пиратов в позорное бегство.

2008, 30 ноября, – еще один элитный круизный лайнер «Nautica», на сей раз – собственность США и Маршалловых островов, счастливо избег страшной участи оказаться в плену у пиратов, несмотря на то что пираты на двух катерах сделали по лайнеру 8 выстрелов из гранатомета. Никто из 654 пассажиров не пострадал. Остается надеяться, что в следующий раз капитан лайнера будет прокладывать таким образом курс своего корабля, чтобы он не пролегал вблизи от Аденского залива, поскольку место это всегда кишмя кишит сомалийскими пиратами.

2008, 3 декабря, – еще одна неудача пиратов с круизным лайнером! «Athena», которой владели Португалия и Кипр, была атакована одновременно 29 пиратскими лодками! Применение акустической пушки вновь оказалось весьма действенным, оглушив пиратов и дав возможность лайнеру уйти.

2008, 13 декабря, – эфиопский грузовоз «MV Gibe» уже был в процессе захвата шайкой из 23 пиратов, но вовремя подошедший индийский военный корабль «Mysore» захватил пиратов в плен.

2008, 16 декабря, – малайзийский буксир с баржей был захвачен пиратами и 1 августа 2009 освобожден после выкупа, сумма которого не разглашалась.

В тот же день их добычей стал 100-метровый турецкий грузовоз, который был освобожден 2 февраля 2009 года после выкупа.

2008, 17 декабря, – «MV Zhenhua 4», китайский грузовоз с экипажем из 30 человек в течение 4 часов отражал атаки 9 вооруженных до зубов сомалийских пиратов. Этого времени хватило для подхода малайзийского военного корабля «Sri Indera Sakti» с вертолетом поддержки, перехватившего сигнал бедствия. Команда использовала все, что попадало под руку, вплоть до бутылок с пивом. Кто-то догадался соорудить несколько бутылей с коктейлем Молотова. В итоге пиратам едва удалось спастись бегством.

Эти поучительным эпизодом завершился 2008 год. Прошло от силы две недели, и пиратские налеты сомалийцев продолжились. 2009 год вступал в свои права… Число пиратских трофеев росло и… продолжает расти!

2009, 1 января, – египетский грузовоз «Голубая звезда» с командой из 28 человек и с 6 тоннами удобрений на борту. Освобожден 5 марта 2009 года за $ 1 000 000.

В этот же день, однако, провалилась атака пиратов на панамский сухогруз «S Venus». Лишь приближение французского фрегата воспрепятствовало трагедии.

2009, 2 января , – благодаря активной поддержке двух военных кораблей и вертолетов индийский танкер «Abul Kalam Azad» не достался пиратам.

Греческий сухогруз «Kriti Episkopi» с 29 членами команды и грузом масла тоже еле избег печальной участи. Экипаж отбивался от пиратов, включив пожарные шланги.

Не достался пиратам и голландский сухогруз «Samanyolu», с борта которого на судно пиратов пальнули из огнемета, предав его огню.

Однако в тот же день был захвачен панамский нефтяной танкер с 8 членами экипажа. 26 апреля 2009 года он был освобожден. Сумма выкупа не разглашалась.

2009, 7 января , – кенийское рыболовное судно «Victoria IV» было похищено пиратами в 18 км от границы Кении и Сомали; оно пропало бесследно. Судьба 7 членов команды неизвестна.

2009, 14 января, – либерийско-голландский контейнеровоз избег пиратского плена благодаря поддержке российского военного корабля.

2009, 29 января, – багамско-германский нефтяной танкер «Longchamp» с экипажем в 13 человек захвачен пиратами. 28 марта 2009 года освобожден без выкупа.

2009, 22 февраля , – греческий сухогруз «Saldanha» с 22 членами экипажа и грузом угля попал к пиратам. Освобожден 25 апреля 2009 года. Сумма выкупа не разглашалась.

2009, 16 марта , – вьетнамский сухогруз «Diamond Falcon» был атакован пиратами на двух небольших лодках, но спасся при участии турецкого военного корабля «Giresun» и датского линкора «Absalon» и задействовании вертолетов.

Иранскому рыболовному судну «Safari» в этот день повезло меньше. Его судьба по сей день неизвестна. В последний раз его видели вблизи района Пунтленд (Сомали).

2009, 19 марта, – греческий сухогруз «Titan» с грузом стали и 24 членами команды был захвачен в Аденском заливе. 16 апреля 2009 года корабль и команда были освобождены. Сумма выкупа не разглашалась.

Там же, в Аденском заливе, в этот день был атакован турецкий грузовоз. Поблизости оказался турецкий перехватчик «Giresun» и при поддержке вертолета пресек атаку пиратов на корню.

2009, 21 марта, – неизвестно кому принадлежащий сухогруз «Rafiquei» с 16 членами экипажа (индийцами) и грузом риса, масла и пшеницы был захвачен пиратами. В тот же день судно было без выкупа освобождено. У экипажа отняли мобильные телефоны, а также слили все горючее.

2009, 22 марта , – японский сухогруз «Jasmine Ace» с 18 членами экипажа и грузом автомобилей на борту был атакован в Аденском заливе пиратами. Капитан судна оказался виртуозом: он уводил свое судно от пиратов зигзагом, несмотря на непрерывный обстрел из автоматов. В итоге ему удалось оторваться от пиратских катеров.

2009, 25 марта , – греческий танкер «Nipayia» с грузом химикалий на борту и под командованием российского капитана в 450 милях от побережья Сомали подвергся атаке пиратов. 9 мая корабль и экипаж были освобождены без выкупа.

В тот же день пропала сейшельская яхта с 2 членами экипажа. 21 июня яхтсмены были освобождены, а само судно было сожжено и утоплено пиратами у побережья Сомали. Причиной этого стал неполный выкуп – вместо затребованного $ 1 000 000, пиратам досталось только $ 450 000.

Два корабля невыясненной принадлежности «Explorer III» и «Ocean Explorer» подверглись преследованию пиратов, пытавшихся их догнать на двух маленьких лодках. Более мощные корабли не позволили им это сделать, оставив их далеко за кормой.

Избег пиратского плена и еще один корабль (тоже невыясненной принадлежности), «Gennaro Aurilia»; заметив приближавшееся к нему подозрительное рыболовное судно, с корабля передали SOS и перешли на максимальный ход. Судно вскоре перестало их преследовать.

2009, 26 марта, – норвежский танкер «Bow Asir» с командой из 23 человек стал заложником пиратов. 10 апреля 2009 года судно было освобождено. Сумма выкупа не разглашалась.

2009, 30 марта , – немецкий танкер «Spessart» подвергся обстрелу со стороны пиратов. Однако на танкере была хорошо вооруженная охрана, которая повела прицельный огонь по пиратам. Это оказалось неожиданностью для них. А тут подоспел и военный фрегат «Rheinland Pfalz». Пиратам пришлось уйти.

2009, 4 апреля , – немецкий грузовой корабль «Hansa Stavanger» с 25 членами экипажа и грузом контейнеров на борту захвачен пиратами. В августе 2009 года корабль и команда были освобождены за $ 2 000 000.

А вот сингапурскому танкеру-химовозу «Pacific Opal» повезло: он был атакован тремя пиратскими лодками, но его спасло приближение военных кораблей.

Израильский сухогруз «Africa Star» с 25 членами экипажа и грузом контейнеров тоже отделался легким испугом. Команда находчиво провела вдоль борта провода, пустив по ним ток. В результате девяти пиратам, напавшим на корабль, так и не удалось взобраться на борт.

В тот же день французская яхта с 5 пассажирами (включая 3-летнего ребенка) угодила к пиратам. Французские военные силы, не мешкая, приступили к спасательной операции. Все произошло 10 апреля. Пираты отказались отдать пленников добром. Военные пошли на приступ. В результате один из пассажиров погиб, но четверо остальных (в том числе и ребенок) были спасены. Трое пиратов погибли, остальные четверо были арестованы.

2009, 5 апреля, – йеменский тральщик был захвачен пиратами. Судьба его неизвестна.

2009, 6 апреля, – британский грузовой корабль «Malaspina Castle», плававший под панамским флагом, взят на абордаж пиратами и захвачен. Груз – железо; экипаж – 24 человека. Освобожден 9 мая 2009 года.

Тайваньское рыболовецкое судно «Win Far 161» с 29 членами экипажа на борту было также захвачено. Судьба его осталась неизвестной.

2009, 8 апреля , – датское грузовое судно «Maersk Alabama» было захвачено в 400 милях к востоку от Магадишо. Однако в тот же день команда вновь вернула контроль над судном.

2009, 10 апреля , – канадский фрегат «Winnipeg» спугнул лодку пиратов, вознамерившуюся было захватить гражданский корабль невыясненной принадлежности.

2009, 11 апреля , – итальянский тральщик «Buccaneer» с 16 членами экипажа на борту и прицепленными пустыми баржами был захвачен. Освобожден пиратами 9 августа 2009 года.

В тот же день был атакован панамский сухогруз. Команда удачно прибегла к пожарным шлангам. Граната, заброшенная прямо в каюту капитана не взорвалась. В итоге атака пиратов сорвалась.

2009, 13 апреля , – грузовое мальтийское судно водоизмещением 64 000 тонн «Panamax

Anna» было атаковано лодкой с 6 пиратами в 177 км от Босассо (район Пунтленда), однако сумело уйти.

2009, 14 апреля, – греческий сухогруз «Irene» с 22 членами экипажа и неизвестным грузом захвачен пиратами, которые уложились до подхода канадского военного фрегата «Winnipeg». 14 сентября 2009 года судно и экипаж были освобождены за $ 2 000 000.

Тем же днем пиратам удалось захватить две рыболовецких лодки. В августе, однако, тем удалось затеять бунт и перебить пиратов, вернув тем самым себе свободу (13 августа 2009 г.).

Также был захвачен ливанский сухогруз «Sea Horse». Корабль и команда освобождены 20 апреля 2009 года за $ 100 000.

Не удалась атака пиратов в этот день на американский грузовой корабль «Liberty Sun» с 20 членами экипажа и грузом американских пищевых добавок на борту. Судну нанесены повреждения.

2009, 15 апреля, – либерийский сухогруз «Safmarine Asia» счастливо избег пленения благодаря деятельному вмешательству французского фрегата «Nivose» и поддержке вертолета. Фрегат не только отогнал пиратов, но преследовал их до базы, захватив 11 пиратов и их базовое судно с запасом топлива.

2009, 16 апреля , – датское грузовое судно «Puma» избегло пиратского плена, поскольку на его призывы о помощи откликнулся корейский перехватчик «Munmu the Great». Обидчиком грузовоза явилась лодка с шестью сомалийскими пиратами. Датчанин уходил зигзагами, стремясь сбросить преследователей, а тут подоспел боевой вертолет с корейского перехватчика. Пираты, чья лодка занялась огнем, спаслись бегством.

2009, 18 апреля , – датский танкер «Handytankers Magic» был атакован лодкой с 7 пиратами. Благодаря вмешательству голландского фрегата «De Zeven Provincien» атака сорвалась. Фрегат продолжил преследование пиратской лодки, которая привела его к базовому судну. Оно оказалось похищенным ранее с 20 рыбаками на борту. Пираты сдались без боя, но вскоре были отпущены, поскольку капитан фрегата счел, что, задержав их, нарушил закон. Впоследствии командование военно-морских сил признало, что капитан освободил пиратов совершенно напрасно, и законодательная база нуждается в пересмотре.

Пираты так же неудачно атаковали в этот день норвежский танкер «Front Ardenne»; помощь пришла со стороны британского судна «Wave Knight». В дальнейшем к месту нападения прибыли другие военные корабли, которые преследовали пиратов до Боссао. Пираты были взяты в плен, разоружены, но потом отпущены.

2009, 20 апреля, – мальтийский сухогруз «Atlantica» в 50 км от побережья Йемена избег пиратского плена благодаря искусному маневрированию.

В тот же день пираты обстреляли панамский сухогруз «New Legend Honor», шедший под китайским флагом. Канадский и британский фрегат своим вмешательством устранили угрозу.

2009, 25 апреля , – вновь сорвалась атака пиратов на очередной круизный лайнер. Речь идет о панамском лайнере «Melody». Он шел под флагом Италии, имея 1000 пассажиров на борту. Команда лайнера использовала против пиратов пожарные шланги и личное оружие (пистолеты). Инцидент произошел в 325 км от Сейшельских островов.

2009, 26 апреля , – еще один лайнер, на сей раз – турецкий, «Ariva», избег захвата пиратов. Атака пиратов продолжалась 15 минут, после чего внезапно прекратилась.

В тот же день пираты захватили пустой нефтяной танкер неизвестной принадлежности и отогнали его к побережью Йемена (стояли в 10 милях от берега). Практически сразу же они были атакованы регулярными военными силами Йемена с применением вертолетов. При этом 7 пиратов попали в плен, а 3 погибли. На следующий день были пленены еще 4 пирата. В ходе возврата танкера его экипаж отделался легкими ранениями.

2009, 3 мая, – французский военный фрегат «Nivose», искусно маневрируя, создал у пиратов впечатление, что перед ними – торговое судно. Когда пираты приблизились для атаки, было поздно. Фрегат их обстрелял, вдобавок с воздуха они были атакованы вертолетами. 11 пиратов были захвачены.

2009, 17 мая, – панамское торговое судно «Dubai Princess», шедшее под флагом Объединенных Арабских Эмиратов, было атаковано, но прибытие на их зов о помощи двух военных фрегатов и вертолета заставили пиратов отказаться от продолжения атаки.

2009, 12 июня, – сухогруз «Charelle», шедший под германским флагом, был захвачен наряду с экипажем из 9 человек. Судьба их неизвестна. Нападение произошло в 60 милях от Омана. Так далеко прежде сомалийские пираты не рисковали забираться.

2009, 8 июля , – турецкий сухогруз «Horizon-1» с 23 членами экипажа и грузом серы на борту был захвачен пиратами. Освобожден 5 октября 2009 года за $ 2 750 000.

2009, 24 сентября, – сомалийский (!) сухогруз был атакован неподалеку от бухты Могадишо. Капитан судна при этом был убит, несколько членов команды ранено. Полицейские силы Сомали немедленно прореагировали, и корабль был освобожден.

2009, 7 октября , – французский танкер «Somme» класса «Durance» (т. е. и танкер, и военный корабль) с грузом топлива и 169 членами экипажа был сочтен пиратами за торговое судно и атакован. Обнаружив, что это военный корабль (они даже не подозревали, что имеют дело с флагманом военно-морского флота Франции!), пираты предпочли спастись бегством. Они бежали на двух лодках. Танкер продолжил преследование одной из них. Через час, поняв, что им не уйти, пираты сдались. Прибывшие дополнительно фрегаты отправились на поиск второго пиратского судна.

2009, 19 октября, – китайский угольщик «De Xin Hai» с 25 членами экипажа и грузом угля на борту был захвачен в 700 милях к югу от Сомали. Эта точка ознаменовала собой самую дальнюю границу, которой достигали сомалийские пираты. Судьба его неизвестна.

2009, 22 октября, – панамский сухогруз «Al-Khalig», шедший из Новороссийска в Момбаса (Кения) с 26 членами экипажа и грузом пшеницы на борту, был атакован пиратами и захвачен. Судьба его неизвестна. Он стал добычей пиратов примерно в 330 милях от Сейшельских островов. Пираты атаковали на двух лодках. Их было, по крайней мере, 6 человек.

Эта красноречивая хроника позволяет сделать определенные выводы.

Если сравнивать данные по 2008 и 2009 годам, то легко заметить, что, благодаря принятым мерам и активизации международных военных патрулей, пиратам гораздо в меньшей степени сопутствовала удача. В 2009 году их атаки в несколько раз чаще завершались неудачей. Обращает на себя внимание и самоотверженность экипажей отдельных судов, которые вели себя отнюдь не как овцы, обреченные на заклание, а отважно сопротивлялись, в итоге добившись отступления пиратов.

Чтобы обезопасить сомалийский регион и превратить тамошних пиратов в миф, ведущим

морским державам необходимо сплотиться, увеличить количество патрулей и их вооружение. Кроме того, при пресечении атаки пиратов необходимо преследовать отступающих разбойников до конца, поскольку можно открыть местоположение их базы, где могут томиться ранее захваченные пленники. Следуя подобной стратегии, можно будет в скором времени добиться того, что судоходство в Индийском океане вновь станет безопасным!

Примечания

1

Важно отметить различия в хронологии, изложении и интерпретации деталей встречи Черной Бороды и Стида Бонне, отмечающиеся в разных источниках. Выше мы приводим в тексте наиболее распространенную версию. Согласно же другим свидетельствам, встреча пиратов произошла не в марте 1718 года, а годом раньше – летом 1717-го. Состоялась она в Нассау, на Багамах, куда Бонне прибыл, чтобы привести в порядок «Месть» и подлечить рану, полученную им перед этим во время схватки с испанским военным судном. Причем поначалу Черная Борода и Бонне решили действовать сообща, причем именно Бонне настоял на том, чтобы на время восстановления его в качестве капитана заменил на судне человек, назначенный Черной Бородой. Это оказался Робертс. Под руководством капитана Робертса «Месть» захватила ямайский шлюп «Приключение». Дэвид Хэрриот, его капитан, примкнул к пиратам, став впоследствии не только штурманом, но и близким другом Бонне. Примерно на протяжении полугода «Месть» совершала пиратские рейды в составе эскадры Черной Бороды. Очевидец рассказывает, что ему случалось заставать Бонне на палубе в одной ночной рубашке, который двигался шатаясь и стеная от боли, доставляемой полученной раной. Когда Бонне окончательно поправился, он сам стал командовать «Местью». Конфликт капитанов возымел место в декабре 1717 года. Его причиной стало досадное стечение обстоятельств. Случилось так, что, когда Бонне повел атаку на 400-тонный фрегат «Протестант Цезарь», им было принято несколько не самых удачных тактических решений, вследствие которых фрегату удалось благополучно уйти. Команда Бонне взбунтовалась и почти полностью его покинула, предпочитая сражаться под руководством непобедимого Эдварда Тича. Тот же, выслушав их, согласился принять командование. А Бонне оказался на палубе собственного судна в качестве гостя! Далее же, когда Тич летом 1718 года высадился в Бате (порт Северной Каролины) и обратился к губернатору за прощением, Бонне воспользовался этим шансом и сумел заполучить свое судно обратно, пообещав губернатору стать самым лучшим капером.